

ОБЪЕДИНЕННЫЕ
АРХИВЫ

801-84
12149-6

ПИСЬМА ПОБЕДОНОСЦЕВА К АЛЕКСАНДРУ III

С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПИСЕМ
К В. КН. СЕРГЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ И НИКОЛАЮ II

ТОМ II

12149-645



2007087576

Мосгублит № 4974.

„Мосполиграф“, 16-я типография, Трехпрудный, 9.

2.000 экз.

ПИСЬМА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА
1883 г.—1894 г.



1883 г.

1.

Редакция манифеста, присланная от вашего императорского величества, не показалась мне удовлетворительною. Она списана (как изволите усмотреть из прилагаемой книги) с подобного же манифеста 17 апреля 1856 года, и это довольно неудобно. Мне кажется, для приличия следует разнообразить редакцию. Притом нынешняя редакция, с некоторыми изменениями, представляется мне слабее прежней. Я предпочел составить новую, которую и представляю на благоусмотрение вашего величества.

В ту пору можно было указать на Парижский мир, как на явный признак того, что „возвращено России прежнее спокойствие“, то-есть вернулось мирное состояние после бедственной войны. Теперь нельзя указать на такой признак, и потому мне весьма не нравится фраза: „Ныне, когда всеблагий промысл возвращает России прежнее спокойствие“ (как будто оно было во внутреннем состоянии в последние годы минувшего царствования).

Я думаю, что гораздо приличнее вовсе не упоминать об этом, а прямо перейти к мысли о том, что настало уже время и пр. А перед этим сказано вообще—об успокоении возмущенного народного чувства. Точно также и формулу молитвы я признал нужным изменить. Вначале поставлена у меня фраза: „во время смуты“. Еслиб это слово смута показалось слишком резким,—его можно выпустить, оставив только слова: „в минуту страшного потрясения“.

Константин Победоносцев.

14 января 1883.

Еще одно примечание. В конце у меня поставлено: попечение о благе народа, а не народов, как сказано было в прежней и в печатной редакции. И в 1856 году это слово: народов—казалось странным. Замечали, что австрийский император может говорить о своих народах, а у нас народ один и власть единая.

2.

С сердечною благодарностью возвращаю вашему величеству письма В. А. Жуковского. Поистине это была простая, чистая и ясная душа,—и вся она сказывается в письме от 30 августа 1843 года.

Когда читаешь это письмо, невольно обращаешься мыслию к той эпохе, когда оно было писано—40 лет тому назад. Это было самое ясное и блестящее время царствования императора Николая. Многие вокруг поэта было просто и ясно; просты и ясны казались и те задачи жизни, которые с тех пор усложнились и запутались невообразимо. Есть времена, когда дорога впереди стелется широкою стезею, и видно куда идти. Есть другие времена, когда впереди туман, вокруг болота. То время и нынешнее—какая разница,—точно весь мир вокруг нас переменялся. Невольно приходит мысль: эта простая душа, эта ясная мысль—как выразилась бы у Жуковского, если бы он писал не в 1843 году, а хоть двадцать лет спустя?

И богу не угодно было, чтоб он дожил до того времени, когда его державный воспитанник стал императором и вступил в дело. Кажется, для покойного государя и для всей России было бы неоценимым благом присутствие—только присутствие—человека с такою душою, с прямым и ясным взглядом русского человека на дела и на людей. С Жуковским,—и может быть с ним только одним,—покойный государь в состоянии был бы говорить прямо, без малейшей тени, и принял бы слово от него с полным доверием. Жуковский ясным чутьем своим понял бы все, что было фальшивого во многих мерах, которые представлялись государю в эпоху реформ, и указал бы прямо на опасность, грозившую

тем основным началам правления, которые он так просто и ясно излагал в письме своем. И когда вспомнишь, какие люди в ту пору—в середине 60-х годов—решали судьбу этих реформ, пожалеешь, человеческим рассуждением, что Жуковского не было. Но видно так богу было угодно, чтоб не было ни его, ни ему подобных.

Константин Победоносцев.

1 февраля 1883.

3.

Снова осмеливаюсь явиться просителем к вашему императорскому величеству—выпрашивать пособие доброму делу.

Вы изволите припомнить, как несколько лет тому назад я докладывал вам о Сергее Рачинском, почтенном человеке, который, оставив профессорство в Московском университете, уехал на житье в свое имение, в самой отдаленной лесной глуши Бельского уезда Смоленской губернии, и живет там безвыездно вот уже более 14 лет, работая с утра до ночи для пользы народной. Он вдохнул совсем новую жизнь в целое поколение крестьян, сидевших во тьме кромешной, стал поистине благодетелем целой местности, основал и ведет, с помощью 4 священников, 5 народных школ, которые представляют теперь образец для всей земли. Это человек замечательный. Все, что у него есть, и все средства своего имения он отдает до копейки на это дело, ограничив свои потребности до последней степени. Между тем дело разрастается у него под руками, и он уже вынужден сокращать его за недостатком средств.

Кроме школ он устроил у себя специальную больницу для сифилиса, который, как известно, составляет у нас в иных местностях язву населения по деревням, передаваясь наследственно от одного поколения другому. Эта больница чрезвычайно полезна; но, к сожалению, и она должна закрыться.

„Увы!—писал мне Рачинский в декабре прошлого года,—эта затея слишком дорогая, чтоб я мог надеяться получить

откуда-либо средства на ее дальнейшую поддержку. Ее годовой бюджет—600 рублей (фельдшер—300, содержание больных—200, прислуга, медикаменты, освещение—около 100 руб. Отопление дает брат). Но мало того,—временное помещение никуда негодно; нужна постройка, которая обойдется рублей в 1.500. В больнице 4 кровати, занятые постоянно, лечилось в течение 9 месяцев у меня 21 человек; дома—около 90. Дело несомненно полезное,—сифилис, кроме случаев исключительных, излечим наверное (фельдшер отличный, шесть раз в год приезжает врач). Но это дело я не могу продолжать иначе, как в долг. Это безумие, на которое я решился—и теперь сам не знаю, как быть“.

А на-днях он пишет: „Тяжкое, но необходимое дело—привести в порядок мой бюджет... Закрытие больницы последует в мае (зимою рука не поднимается—так много больных)“.

Простите, ваше величество, что утруждаю вас чтением всего вышеписанного. Мысль моя такова: покуда жив еще человек, умеющий вести такое доброе для народа дело и полагающий в него свою душу,—стоит поддержать его. Вы мне позволили просить, и я решаюсь на сей раз. Не благоволите ли, для поддержания этой больницы, пожаловать 2.000 рублей, из коих 1.500 пойдет на строение, а 500 на содержание в течение года? Этот дар вашего величества ободрит и оживит радостью всех трудящихся в этом деле.

Долгом почитаю прибавить, что сам Рачинский и в мысли не имеет чего-либо просить, ожидать или надеяться от щедрот вашего величества.

Константин Победоносцев.

9 февраля 1883.

4.

Простите, ваше императорское величество, что я осмеливаюсь еще раз беспокоить вас письмом по тому же делу. И теперь, как в тот раз, имею в виду одну только цель—благо вашего императорского величества и достоинство власти в трудное время. Продолжаю почитать это дело делом

великой важности, именно в виду коронации и существующего народного настроения.

Сейчас я виделся с графом Толстым, которому вы изволили отослать письмо мое. Я узнал, что по делу о театрах граф Воронцов представлял вашему величеству доклад, получивший утверждение.

Графу Воронцову я не усомнился бы сказать, что ему не следовало поступать так, не посоветовавшись в столь важном деле с другими лицами, кроме чинов театрального управления. Оказывается, что, желая заручиться согласием другого министерства, он имел три месяца тому назад по этому же предмету объяснение с гр. Толстым и получил от гр. Толстого такой ответ, что нельзя разрешить русские оперные спектакли в пост, так как это противно объявленному уже высочайшему повелению 1881 года.

Не взирая на то, гр. Воронцов решился войти с докладом к вашему величеству непосредственно.

Смысл высочайшего повеления ясен, и нынешнее разрешение составляет отмену его. Так оно и будет принято в народе. Можно объяснять сколько угодно, что опера есть соединение живых картин с музыкой. Это может быть понятно петербургскому обществу, но в России не поймут этого, но очень хорошо помнят, что в прежнее время, до высочайшего повеления, испрошенного гр. Адлербергом, никакие оперы не разрешались к представлению. На основании той же логики ничто не мешает разрешить и балет: тут нет даже разговора, а о танцах прямо не сказано в тексте закона.

Графу Толстому приходило на мысль, — не следует ли теперь поместить в „Правительств. Вестнике“ заметку с объяснением, что опера есть будто бы не драматическое представление, а соединение живой картины с музыкой. Но я отклонил его от этой мысли: такое объявление от лица правительства никого не успокоило бы, а только усилило бы тяжкое впечатление.

Ваше величество! я уже в последний [раз] беспокою вас этими строками по настоящему делу. Но долг моего звания и моей сердечной заботы велит мне сказать еще раз: впе-

чатление будет тяжкое. Оно было бы менее тяжело, если бы разрешение последовало после, через год или через несколько лет. Но теперь... теперь люди в первое время откажутся верить. Притом коронация готовится в Москве, а из Москвы вышло главное ходатайство о закрытии театров в пост, и в Москве разрешение спектаклей отозвалось всего чувствительнее. Необходимо побережь народное чувство в религиозном его элементе именно теперь, когда оно так настроено перед коронацией. Так жених бережет перед браком стыдливое чувство невесты...

Немало найдется людей, которые будут говорить, что это пустые капризы со стороны синода, что это поповский фанатизм, и т. под. Синод ничего и не знает о настоящем случае, и дело не в нем, а в народном чувстве, которое ни за что не поймет, как могут быть спектакли в те дни, когда ежедневно в церкви читается: „Господи, владыко живота моего“... Не поймут также простые люди, как могло вдруг измениться царское слово, встреченное всем народом с такою радостью в дни траура и плача.

Смею уверить ваше величество, что в этом деле нисколько не участвует мое самолюбие. Хотя высочайшее повеление 1881 года было не прошено мною, и гр. Воронцову, не послушавшему совета министра внутренних дел, не угодно было посовещаться со мною,—это нисколько не обижает меня лично. Я вступаюсь в это дело потому, что чувствую глубоко всю важность настоящей минуты для целого царствования, всю трудность настоящей эпохи и всю тяготу бремени, возложенного божьим промыслом на вас. Мне больно, что другие этого не чувствуют, но я не в силах уклониться и сказать: не мое дело.

Распоряжение о разрешении оперных спектаклей есть внутреннее, домашнее, по императорским театрам. Оно не было нигде объявлено. Повидимому, было бы незатруднительно и отменить его, пока есть еще время. Если бы и последовал от того убыток для театральной кассы, он не стоит того смущения, которое поднимется от приведения распоряжения в действие. Все это зависит исключительно от воли

вашего императорского величества. Ваше сердце в воле божией, и да пошлет вам бог на мысль правое решение.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

21 февраля 1883.

5.

На днях видел я старика Добрянского, который приезжал сюда на несколько дней из Германии, тайком, чтобы не проведдали о поездке его в Россию агенты австрийского правительства. Он рассказывает немало ужасного и поучительного.

Чудовищный процесс по обвинению в государственной измене, возбужденный против Добрянского, Наумовича и других, лучших и доблестнейших людей русской народности, привел в изумление здравомыслящих людей в целой Европе. От лица правительства поднято было, без малейших оснований, обвинение в преступлении, влекущем за собою смертную казнь, на русских людей, только за то, что они хотели оставаться русскими и удержать при себе свою церковь! Этих людей заперли в тюрьму на 7 месяцев, томили и подвергали позору и оскорблениям на суде. Суд не признал за ними уголовной вины. Все с удивлением спрашивали: как должно быть безумно правительство, которое допускает такие незаконные преследования, напрасно раздражая ими целую народность?

Но вот что весьма поучительно, и особенно для нас, русских. Австрийское правительство само было опечалено этим процессом и понимало все его незаконие, но было бессильно предотвратить его и видело себя в необходимости подчиниться партии, возбудившей этот процесс. Роль недостойная правительства; но австрийское правительство нудило себя на эту ложь, потому, что оно утверждает на конституции.

В разноплеменном составе государства, австрийское правительство вынуждено считаться с представителями той

партии, которая в данную минуту имеет силу в парламенте. Министры, состоя в зависимости не от единой воли монарха, а от игры партий в парламенте, для того чтоб сохранить свое положение и удержаться на местах своих, входят в сделку с господствующими партиями и принуждены исполнять их волю, вопреки истинным интересам государства. И так выходит, что государством правят эти партии; в их духе и по их указаниям назначаются местные администраторы, при содействии коих производится фальшивая игра в выборы, которые суть не что иное, как ложь, и так фальшивыми представителями народа поддерживается фальшивое парламентское большинство и фальшивое направление целого правительства.

Нельзя себе представить, сколько проистекает отсюда лжи и беззакония, и какое распространяется хищение и взысканничество. Члены парламента, имея министров в своем распоряжении, торгуют и местами, и казенными сделками и подрядами. Это явление—обычное, более или менее всюду где водворилось парламентское правительство. Недавно в *Revue de deux Mondes* (1 Fevr.) была прекрасно написанная статья: *La République en 1883*, где изображено, до чего дошла эта парламентская продажность и эта ложь выборов во Франции. Об Австрии говорил мне Добрянский, близко знающий там и людей и партии: „У вас в России ныне то и дело слышно о растратах и хищениях. Но все эти ваши явления, как они ни развратны, бледнеют перед тем что происходит у нас в Австрии, и обратилось уже в систему, благодаря парламентскому правлению“.

Теперь вся парламентская сила—в руках у мадьяр и у поляков. Мадьяры—полные хозяева у себя и дают без пощады и без совести всякую иную народность, а система выборов так хитро ими же и поляками устроена, что никакая другая славянская народность не может иметь в палате сильного голоса. Поляки устроились так, что в польских провинциях, даже там где, как в Галиции, народ весь чисто русский, вся администрация и всякая власть в руках у поляков.

Когда суд отделен от государства (на наше горе успели сделать это и у нас в России),—и суд становится орудием господствующей партии или известных политических тенденций. Поляки, в неразрывном союзе с католическою церковью, с ксендзами и иезуитами, предприняли задавить и ополячить и окотоличить русское племя. Располагая силою в парламенте, они задумали целый ряд законов к подавлению русской народности: изменение календаря, замену русского алфавита латинским, изгнание русского языка из русской школы, замену русского духовенства латинским, передачу иезуитам русских монастырей и духовных школ; дошло до того, что полиция снимает русские шестиконечные кресты с церквей и заменяет их латинскими. В последние годы завязалась ожесточенная борьба русского народа и духовенства—с латино-польскою властью и пропагандой. Народ без вождей теряется, и вот, поляки задумали задавить процессом главных вождей—Добрянского и Наумовича. У поляков в руках и прокуратура—страшное орудие политической тенденции, и суд. Они возбуждали обвинение, засадили обвиненных в тюрьму—правительство из Вены принуждено было смотреть сложа руки на все это беззаконие. Следствие не раскрыло ничего кроме самых обыкновенных и ничтожных фактов, которые обвинительный акт построил—в доказательство государственной измены. Довольно сказать, что одним из доказательств измены приведено было мое мнимое (никогда его не было) ходатайство о принятии будто бы дочери Добрянского на воспитание в петербургский институт и выписка мною самой невинной галицкой газеты через посредство одного из обвиняемых. Казалось смешною всякая мысль о возможности обвинительного приговора; но поляки решили, и когда дело дошло до суда, прокурор—поляк отвел всех русских присяжных,—остались одни поляки с примесью жидов. Обвинение было—несомненное.

И вот что значит суд в конституционном государстве! За несколько дней до приговора жена Добрянского пришла сказать ему, что нет иного средства к оправданию, как подкуп присяжных. А у Добрянского никаких средств уже не

было. Значительное его имение в Венгрии совсем разорено и бесплодно, потому что венгерские власти запретили кому бы то ни было входить в сделки и в хозяйственные операции по его имению. С трудом жена его успела занять 20.000 гульденов, и на эти деньги были подкуплены 6 присяжных. Вот благодаря чему единственно состоялся оправдательный приговор!

Вот—плоды конституционного правления! Ныне оно уже дискредитировано всюду, но всюду ложь эта въелась, и народы не в силах от нее освободиться и идут навстречу роковой судьбе своей. Особливо для юных славянских государств—это первая и самая ужасная язва, разъедающая ложью и раздором весь состав общества, посеяющая разлад и взаимное непонимание и отчуждение между народом и правительством. Доказательства налицо—в Румынии, в Сербии, в несчастной Болгарии, которой, к стыду нашему, мы своими руками привили эту язву,—и конституцию, и суд, отделенный от государственной власти!

Как же безумны, как же ослеплены были те quasi-государственные русские люди, которые задумали обновить будто бы Россию и вывести правительство из смуты и крамолы посредством учреждения какой-то палаты представителей! Как были легкомысленны те, которые готовы были уступить им и принять сочиненный рецепт, как лекарство от болезни, состоявшей в раслаблении власти. Кровь стынет в жилах у русского человека при одной мысли о том, что произошло бы от осуществления проекта графа Лорис-Меликова и друзей его. Последующая фантазия гр. Игнатьева была еще нелепее, хотя под прикрытием благовидной формы земского собора. Что случилось бы, какая вышла бы смута, когда бы собрались в Москве для обсуждения неведомо чего расписанные им представители народов и инородцев империи, объемлющей вселенную, наполненной пустынями, империи, в коей иной приход Якутской области (1.100 верст длиной) или уезд сибирский может вместить пространство целой Франции. Кому была бы от этого радость и победа, так это полякам, которые, несомненно, стоят, скрытые, в цен-

тре всякого так называемого конституционного движения в России. Тут было бы для них вольное поле деятельности; вольная игра—и гибель России.

Простите, ваше величество, что утруждаю вас чтением этого длинного писания. Это—самая страшная опасность, которую я предвижу, для моего отечества и для вашего величества лично. Доколе жив, не оставляю этой веры, не перестану твердить то же самое и предупреждать об опасности. Болит моя душа, когда вижу и слышу, что люди, власть имущие, но, видно, не имущие русского разума и русского сердца, шепчутся еще о конституции. Пусть они иногда подозрительно на меня озираются, как на заведомого противника этой роковой фантазии. Я жив еще и не затворяю уст своих; но когда придется мне умирать, я умру с утешением, если умру с уверенностью, что ваше величество стоите твердо на страже истины и не опустите того знамени единой власти, в котором единственный залог правды для России. Вот где правда, а там—ложь, чужая, роковая ложь для судеб России.

Константин Победоносцев.

Петербург. 11 марта 1883.

6.

На прошлой неделе управляющий морским министерством объявил мне, что он по поводу вопроса о субсидии обществу Добровольного флота представлял вашему императорскому величеству доклад о дальнейшей судьбе этого учреждения (состоящего, впрочем, в ведении минист. финансов), что он предлагал для сего самый, по мнению его, „простой и рациональный“ способ — приписать суда Добровольного флота к флоту государственному и назначить их для целей сообщения с Востоком, и что ваше величество изволили одобрить эту мысль.

Весьма сожалею, что И. А. Шестаков, прежде представления своего доклада вашему величеству о том, быть или не быть Добровольному флоту, не объяснился об этом важ-

ном предмете со мною, как председателем общества Добровольного флота. Правда, предложенный им способ решения—весьма прост: уничтожить Добровольный флот; правда, это решение, исходя свыше, без всякого участия моего или общества, снимает с нас нравственную ответственность за его последствия, а меня лично освобождает от тяжкого бремени, которое я несу вот уже слишком пять лет единственно по чувству долга перед вашим величеством и Россией. Но, вместе с тем, несомненно будет, что самое дело, коему служит Добровольный флот, с передачей его в морское министерство, погибнет.

Но едва ли возможно будет такое простое решение вопроса о Добровольном флоте. Я представил И. А. Шестакову такие соображения, о коих он не подумал ранее, и перед которыми теперь сам должен был несколько смутиться. Добровольный флот приписан к обществу, которое состоит в значительной части из лиц жертвовавших, и действует по уставу, рассмотренному в комитете министров и высочайше утвержденному 9 мая 1879 года. Здесь, в § 50, предвиден случай, когда само правление возбудит вопрос о закрытии общества. Тогда надлежит созвать общее собрание и постановление его представить на утверждение августейшему покровителю общества. Такого вопроса общество еще не возбудило и не имело поводов возбуждать. Возбужден был вопрос о пособии обществу от государства, так как оно служит нуждам государства и не может долее держаться своими средствами. В этом ходатайстве нет ничего чрезвычайного, ибо известно, что ни в одном государстве линии дальнего плавания не могут окупаться без больших субсидий от правительства, которое считает необходимым приносить эту жертву для поддержания сообщений: во Франции одно общество „Messageries“ получает от казны до 15 миллионов помильной платы. Общество Добровольного флота делало до сих пор свое дело, не имея от казны никакого пособия, и хотя не имело прибылей или несло некоторый убыток, но этот результат справедливо признать блестящим, если вспомним, что Общество пароходства и торговли в пер-

вые годы своего существования, получая от казны субсидии до 2 миллионов рублей в год, имело ежегодно громадный дефицит—от 25⁰/₀ до 50⁰/₀ всего годового расхода. Еслиб не погибла в прошлом году „Москва“, общество Добровольного флота могло бы в том году иметь и значительную прибыль. Стало быть, не было и нет основания упрекнуть общество в том, что оно, не умея само вести дел своих, по этой причине хочет существовать на счет казны и тратить казенные деньги. Напротив, то неоспоримо для всякого непредубежденного, что общество принесло до сих пор казне громадную материальную пользу и большую экономию для казенного расхода на транспорты всякого рода. Нравственное же значение установившегося сообщения было всего важнее.

Итак, было бы весьма неудобно для верховной власти прямо объявить, что общество уничтожается и все его имущество передается морскому министерству. Необходимо было бы выставить причину сему, а другой причины нет, кроме желания самого морского министерства. Само общество ничем не показало, что оно неспособно служить той цели, для коей было учреждено, исключительно на частные средства, пожертвованные для государственной цели.

Управляющий морским министерством, поспешив своим докладом, создал положение ложное и для общества, и, смею думать, для своего министерства. На сих днях должно было слушаться в Госуд. Совете дело по представлению министра финансов о поимовой плате обществу. Иван Алексеевич не скрывал своего намерения противодействовать этому назначению. И теперь—что же он сделал? Наше дело расстроил, а своего не устроил. Расстроил потому, что вследствие его доклада еще с прошлой среды разнеслась по Петербургу молва, будто бы государь приказал передать суда Д. Ф. в морское министерство. Эта молва появилась в газетах и разнесена по России. Очевидно, в Государственном Совете, уже вследствие нетвердости нашего существования, нам не дадут поимовой платы. Не дадут ее и морскому

министерству, ибо не от него шло представление, и оно не выработало еще своего плана и учреждения, по коему будет управлять Добровольным флотом. Очевидно, мы должны будем созывать общее собрание и возбуждать вопрос о ликвидации учреждения, в то время, как наши пароходы, все зафрахтованные полным грузом, ушли на Дальний Восток, с тягостным сознанием, что они обречены на что-то неизвестное.

Кто же выиграет от этого? Смею сказать, что выиграет только мелкое самолюбие петербургское да личные расчеты Общества пароходства в Одессе.

Давно уже смотрю я с прискорбием на кампанию, которая ведется против Добровольного флота. Увы! Главным ее центром служит попрежнему, или хуже прежнего, канцелярия морского министерства. К несчастью, со вступлением в управление И. А. Шестакова подчиненные его сразу успели поставить его в неблагоприятное отношение к Добров. флоту. Действуя на его достоинство начальника, внушили ему мысль, что Добров. флот есть враждебный ему лагерь и что в морском министерстве не может быть полного порядка подчиненности, пока существует Добровольный флот. Указывали ему на пример Посьета, в дела коего мешается военное министерство с комиссией гр. Баранова, и предупреждали, что его ожидает такая же участь. Шестаков пришел в такое состояние, что не может без раздражения слышать о Добровольном флоте. Я пробовал выводить его из этого заблуждения, но все это не имело никакого успеха: от него же я не слышал ни одного резонного указания на пороки и недостатки Добровольного флота. Положение мое становилось несравненно затруднительнее, чем было при прежнем управлении морским министерством. Тогда я мог докладывать о положении дела свободно государю, наследнику цесаревичу, теперь перед вашим величеством язык мой был связан, ибо все, что я стал бы говорить, могло бы получить вид какого-то нареkania на самостоятельное министерство, облеченное доверием вашего величества.

С другой стороны, в Одессе недоброжелатели наши воспользовались обстоятельствами, чтобы вредить нам. Но

вый генерал-губернатор ничего не знал о Добров. флоте Н. М. Чихачев, человек умный, тотчас же вошел к нему в доверие и расположил его не в пользу нашу. В деле перевозки переселенцев он успел повредить нашему делу, изменив условия соглашения, в которое мы вошли уже с м-вом внутренних дел. Теперь и они радуются, распространяя весть о передаче в морское министерство судов Добровольного флота. По истинной правде доложу вашему величеству, что все это дело и поучительно, и очень прискорбно для меня. Что за печальная наша судьба, что повсюду дело общественное может устраиваться, а у нас расстраивается. Едва что устроилось доброе, люди, сограждане, вместо того, чтобы помогать делу, принимаются разорять его—из-за чего?—большую частью из мелкого самолюбия!

Что бы ни говорили о Добровольном флоте, сколько бы ни находили ошибок в его управлении, все-таки он завел и поставил дело первой важности для государства,—дело сообщения с отдаленными окраинами, забытыми, заснувшими. Мы служили и служим службу для всех министерств и управлений: еще на-днях военное м-во вошло с нами в сношение о периодической перевозке больших заготовлений. О Сахалине стали говорить, стали узнавать его значение лишь посредством Добровольного флота. Перевозка войск, провианта, военных снарядов—все это впервые сделано нашими судами. Перевозка ссыльно-каторжных, нами организованная, была опытом, имеющим историческое значение: казенным способом никогда не удалось бы ее устроить. Мы не гнались за барышами и не накладывали цен; многое и многих, ради пользы государственной, мы перевозили бесплатно. Добровольный флот послужил орудием и не для одних перевозочных целей: он доставляет книги для школ на дальних окраинах; на дальнем Сахалине церкви снабжены через нас иконами, книгами, иконостасами, бедные дети—платьем и школьными принадлежностями.

И что же? Заметно ли в обществе сочувствие и содействие? Три года газеты преследовали нас заказными статьями, сплетнями и бранью; укоряли нас, что мы не за свое дело

беремся,—зачем мы не акционерная компания? Наконец, в виду очевидных результатов, утихла газетная брань. Поднялась другая,—в официальных сферах,—ни на чем не основанная. И вот целый год от управляющего морским министерством я слышу ту же речь, которая слышалась в самом начале учреждения: „Вы беретесь не за свое дело. Вы должны устроить акционерную компанию“. Печально, но становится уже очень тяжело бороться с равнодушием одних, с противодействием других, и притом власть имеющих. Сколько раз говорил я И. А. Шестакову: „Посмотрите, что вы делаете, и какая горькая русская судьба является в вас! Вы, русский человек, честный, желающий добра, и хотите своими руками разорить русское, патриотическое дело,—из-за чего? Подумайте: ни одного из ваших резонов я не понимаю!“

Третьего дня я провел с ним целый вечер, стараясь уверить его, что подозрение, которое он питает к Добровольному флоту, не имеет ни малейшего основания и происходит от того, что он, раз получив предубеждение, не хочет даже узнать, что такое Добровольный флот и в каких отношениях состоит к морскому министерству.

Из этого разговора я еще раз убедился, что все горячие возражения Шестакова против Добровольного флота основаны на недоразумении или предубеждении, со стороны внушенном.

Он говорит, что государственный флот деморализуется будто бы посредством Добровольного флота; что офицеры Добр. флота привыкают считать себя чем-то независимым от морского управления; что мы отбираем из флота лучших офицеров, привлекая их независимостью положения и материальными выгодами.

На это я отвечал ему, что если бы все эти недостатки и неудобства существовали, то устранение их зависит вполне от морского министерства для сего оно достаточно сильно.

„Мы не берем ваших офицеров, но просим отпустить их к нам на основании общего закона, по которому ваши офицеры служат на компанейских и торговых судах. Если вы не желаете отпустить их,—кто мешает вам отказать нам?“

Вы не отказываете, но показываете нерасположение тем, кто у нас служит. Кто препятствует вам предлагать нам своих кандидатов для замены?»

И. А. Шестаков оуждает наши суда: что это за крейсера? Но я доказал ему, что морское министерство до сих пор не имеет у себя лучших крейсеров. К сожалению, он не знает истории нашего дела. Между морским министерством и комитетом Добров. флота выработаны были точные правила о том, каковы должны быть наши суда, дабы соответствовать условиям крейсерства и носить орудия известного калибра. Первые наши пароходы приобретены по соглашению с морским министерством и чрез посредство его офицеров и агентов; из бюджета морского министерства отпускались суммы на устройство боевых креплений. Когда мы приступали к заказу „Ярославля“, чертежи его были разработаны при участии морского министерства, и дальнейшие заказы, если бы они были, не обошлись бы без того же. Но, к сожалению, все это было еще при Лесовском, а И. А. Шестаков, вступив позже, не знал об этом во всей точности.

Говорят еще: делом заправляют у нас лица некомпетентные. Но я напрасно прошу прямых указаний: в чем эти люди ошибаются, в чем выказался вред от их управления. Слава богу, при содействии их дело стало и идет, ошибок немало, но где же их нет, и разве свободны от них специалисты морского министерства? Я знаю, были адмиралы, которые желали бы взять в руки наше дело, но специалисты больших чинов до сих пор не по нашим средствам. Но я могу засвидетельствовать, что те люди, у коих в руках наше дело, отдают ему себя вполне. Вахтин, больной человек, не спит теперь ночей, снаряжая и отправляя суда в Одессе, а одесский наш агент, хотя он и простой лейтенант (что иные ставят в упрек нам), трудится, как простой рабочий. Никто этого не помнит, что без помощи этих людей и наших артельщиков министерство внутр. дел и тюремное ведомство два раза не могло бы собрать и отправить своего хлебного и провиантского груза. Казенными способами они не справились, и груз не поспел бы, если бы наши агенты не

пособили им в последнюю, так сказать, минуту, доставив притом казне не малую экономию...

Простите, ваше величество, за столь длинное писание, коим утомляю внимание ваше, но я считал своим долгом высказаться в этом деле, которое под покровительством вашим возникло и установилось. Поистине, его в самом начале задушили, еслиб не охраняло его ваше имя. К сожалению, и в великом князе Алексее Александровиче не встречал я никогда интереса и сочувствия этому делу: еслиб интерес был, он пожелал бы ближе узнать его.

И. А. Шестаков как будто и сам сознает теперь, что он поторопился. Он уже говорил мне: по крайней мере необходимо, чтобы общество Добров. флота состояло в ведении не министерства финансов, а морского. Этим думает он удовлетворить достоинство морского министерства, хотя в сущности и теперь имеет столько же прав, сколько и тогда имел бы. Но, к сожалению, шаг им уже сделан, и пущена в ход неблагоприятная для нас молва, что суда Добровольного флота передаются в морское министерство и приписываются к государственному флоту, в казенное управление.

Константин Победоносцев.

Петербург. 16 марта 1883.

7.

Сейчас получена мною от управляющего морским министерством официальная бумага с изъяснением, что „14 марта государь император высочайше повелеть соизволил: „Обществу Добровольного флота отныне состоять в ведомстве морского министерства. Управляющему министерством представить через комитет министров соображения о порядке и способе передачи судов и всех средств общества в морское ведомство, с тем, чтобы начатое сообщение с портом Восточного океана не прерывалось“.

Опасаясь, как бы И. А. Шестаков, праздуя свою победу над Добровольным флотом, не захотел немедленно опубликовать эту редакцию высочайшего повеления. Прямой

смысл его тот, что общество по высочайшей воле уничтожается, ибо когда суда и все средства его передаются в морское министерство, то какому затем обществу и состоять в морском министерстве? Общество и учреждено было ради пожертвованного имущества.

Итак, прямым и неперемнным последствием оглашения будет, что все члены как правления, так и общества немедленно выйдут из одного: удержать их нет никакого основания. Останется написать из правления в морское министерство последнюю бумагу: „Приходите и берите все, что у нас есть“.

Это очень удобно для нас, едва выносивших тяготу труда. Мы не покидали поля и работали. Нас прогоняют; уступаем место.

Но удобно ли это будет для правительства?

Удивляюсь слепоте или близорукости тех, кто решился представить вашему величеству доклад в вышепоказанном смысле.

Наш долг прежде всего охранять достоинство верховной власти, чтоб осуждали нас, а не ее осуждали бы. Долг наш потому, что в начале верховной власти источник и залог нравственной силы, порядка и закона: надобно, чтобы этот источник оставался неприкосновенным, несмотря ни на что, чтобы сохранялась вера в него. Придут смутные времена,—было бы у чего и в чем обновиться жизни и устроиться порядку; а если эта вера потрясется, то потрясется все. Мы все приходим и уходим, а начало верховной власти должно быть твердое и непрерывное. Итак, мы, если патриоты, должны ставить дело всегда так, чтобы, в дурной конец его, осуждение на нас падало.

Итак, если бы ваше величество изволили признать ненужным или вредным (как полагает морское министерство) существование общества Добр. флота, можно было бы уладить дело по соглашению с нами. Субсидии нам не дали бы. Пришлось бы в таком случае предложить общему собранию вопрос: что делать? Общество должно было бы прекратиться без средств—не по вине своей; но, наверное, в на-

роде стали бы нас обвинять,—вот-де взялись за дело и не могли сами держаться. Мнение людское склонно всегда осуждать того, на чьей стороне неудача.

Вместо того—что же устроил управляющий морским министерством? Односторонним докладом испросил высочайшее повеление: взять у общества, организованного высочайшею властью, имущество, народом пожертвованное и взеренное высочайшею властью этому обществу. Известие это, внезапное, неожиданное, облетит всю Россию. Общество немедленно распадется, сделки его и операции оборвутся. Смущенные члены общества и жертвователи с изумлением уже спрашивают: почему это и за что? Ко мне уже обращаются вопросы и недоумения. Все нынешние деятели общества уже парализованы и не знают, что думать; но иные думают: из-за чего же мы столько трудились и хлопотали? Я предвижу, что ко мне обращаться будут ото всюду вопросы: как это случилось? Я могу указать лишь на высочайшее повеление. Станут говорить: как же? разве вас не спросили? разве вы не давали своего отзыва? На этот вопрос у меня не будет ответа.

Смею, в дополнение к вчерашнему письму, представить все эти соображения на благоусмотрение вашего величества.

Константин Победоносцев.

Петербург. 17 марта 1883.

8.

В эти дни я провожу ночи в бессоннице от заботы о деле Добровольного флота. Вчера пробовал говорить с в. к. Алексеем Александровичем. При полнейшем его равнодушии к этому делу и при неведении его о Добровольном флоте, это ни к чему не привело.

Чем более думаю, тем более убеждаюсь, что интрига возбудила И. А. Шестакова к действию, совершенно необдуманному, при чем он не снесся не только со мною, но и с министерством финансов, тогда как для казны это решение имеет первостепенную важность. В воскресенье я объяснялся

с Шестаковым; однако, несмотря на то, он испросил у вашего величества в понедельник объявленное мне повеление там редактированное, что его исполнить невозможно. Не доверяя одному себе, я совещался с Кахановым, который еще более подкрепил мои сомнения.

Ваше императорское величество. Дело это чрезвычайно важно и грозит такими чудовищными последствиями, кои не были и в виду у вашего величества в минуту решения. Спеша сию минуту в важное заседание, не могу распространяться и буду писать завтра. Но и теперь спешу доложить вашему величеству: ради бога, прикажите отменить или остановить высочайшее повеление 14 марта, объявленное мне Шестаковым. Затем прикажите собрать у себя совещание, в коем надлежит быть министру финансов и мне. Я представлю такие доводы, пред коими и Шестаков отступить должен. Та цель, коей он желает, будет достигнута: ненавистный ему Добровольный флот перестанет существовать, но этого надобно достигать другим способом, который у меня давно был на уме. В настоящем же своем виде дело это, смею уверить ваше величество, представится в целой России столь странным и столь печальным, что возбудит общее смущение народного чувства.

Вашего величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 19 марта 1883.

9.

Сегодня утром я докладывал вашему величеству о крайних затруднениях, делающих невозможным исполнение в той редакции, которая дана высочайшему повелению 14 марта.

Шестаков, не предупредив меня и не справившись о положении дел наших, решился разрубить узел по своему суждению. Он имел в виду все крейсерскую службу и забыл, что деятельность наша коммерческая, а коммерческое дело, то-есть хозяйственную совокупность обязательств и требований, разрубить невозможно. Вся она держится на

кредите; без кредита невозможна коммерческая деятельность. Вот почему я просил его не оглашать состоявшееся распоряжение, если оно и невозвратно. Но еще в прошлое воскресенье он говорил мне, что окончательное решение еще не последовало. Мне казалось при конце разговора, что он готов довольствоваться переходом общества из м-ва финансов в морское. И вдруг в понедельник он вынес высочайшее повеление, где сказано, что имущество и все средства общества должны быть переданы морскому министерству. Одним этим словом в минуту убит весь наш коммерческий кредит, и всякая деятельность, на нем основанная, стала для нас невозможной.

Он не подумал, что делает и какую ставит неразрешимую задачу.

Еслиб он повел дело осмотрительно, то подумал бы, что наш отчетный год кончается и счета сводятся к 1 декабря, то-есть по возвращении судов с обратным грузом—с чайным, составляющим главную нашу прибыль. Напротив того, весною мы в долгах и только ждем прибыли от будущих операций. А он рассек нас весною, т.-е. в долгах; будущие операции сделаны для нас невозможными...

Мы были в полной надежде на получение помильной платы: все было готово, и представление внесено в Госуд. Совет. На покупку „Костромы“ денег у нас не было: министр финансов, имея в виду помильную плату и наши прибыли, дал нам в ссуду 500.000 р. Теперь не будет ни помильной платы, ни ожидаемых прибылей. Кто-то заплатит этот долг? Очевидно, казна, но от той же казны м-во морское потребует даже больше того, что предполагалось дать нам в виде помильной платы.

Мы должны французскому заводу около 100.000 франков.

Мы отправили 3 парохода и отправляем четвертый: по обычаю, снабдили их кредитивами на большую сумму, свыше 250.000. По кредитивам придется уплачивать, и полной суммы у нас нехватит, потому что мы рассчитывали главным образом на обратные рейсы с чаями. На нынешний год купцы сделали нам громадные заказы,—слишком на 11/т. тонн,—

одного фрахта мы считали около 450 т. р. Все это у нас отнял Шестаков, ибо теперь, когда огласится высочайшее повеление, кредит наш пропал, и купцы пошлют свои заказы в Ханькоу англичанам грузителям.

Мало того: теперь пароходы наши, вместо того, чтобы взять чай, вернутся пустые. Кто заплатит расходы обратного плавания? У нас средства обрезаны морским м-вом. Опять придется казне расплачиваться, ибо нельзя же бросить русские суда в океане.

Не говорю уже о срочных на несколько лет обязательствах, которые мы на себя приняли в разных ведомствах, по перевозке.

Вот причина, почему сегодня утром я осмелился еще раз беспокоить ваше величество усиленною просьбой остановить, если еще возможно, принятое решение, по крайней мере хоть для того, чтобы изменить вид его и редакцию. Еслиб в нем не было упомянуто о передаче имущества и средств общества морскому министерству, общество по крайней мере получило бы возможность хотя докончить свои операции,—дело упростилось бы к выгоде казны.

Опасаясь, что уже поздно, если Шестаков распорядился опубликовать решение. В таком случае ликвидация дел будет крайне затруднительна для всех. Общество организовано как частное; оно не есть ни казенное учреждение, ни правительственное место. Служба в нем есть вольная жертва каждого члена. Нельзя воспретить никому из членов правления оставить свою должность, ни инспектору, ни казначею. Морскому министерству придется назначить немедленно своих чинов для распоряжения делами. Что касается до меня, я решительно не в силах буду принять на себя весь труд ликвидации. Я нес на себе в последнее время труд почти нечеловеческий, и это было возможно только при нормальной деятельности общества и при ровном ходе операций. Теперь, будучи подавлен делами и заботами своего звания, и еще в виду предстоящей коронации, я не в состоянии вынести еще этот труд и эту тяжкую заботу. Нервы мои не выдержат, и я буду просить у вашего вели-

чества, как милости, дозволения сложить с себя звание председателя общества. И тут я не отказался бы принести в жертву труд свой и время, но чувствую, что не выдержу.

Простите, ваше величество, что еще и еще утруждаю вас посреди великого множества ваших забот. Но вы изволите сами видеть, как непросто решение этого дела, и не поставите мне в вину, что я с первого дня, когда дело Добровольного флота легло на меня неожиданно, приняв на себя тяготу его, теперь чувствую себя совсем подавленным тою задачей которая ныне, тоже неожиданно, пала на мои изнуренные плечи.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 19 марта 1883.

10.

Гродненской губернии в Волковысском уезде есть местечко Свислочь, издавна известное как один из центров польской культуры, бывшее некогда для всего Полесья тем, чем Вильна для Литвы. Прежде русское, место это совсем ополчено в XVIII столетии графом Тышкевичем, его владельцем. Оттого и теперь там жители, хотя большую частью православные, значительно ополчены и грамотность между ними польская.

В 1881 году назначен туда дельный священник Янушкевич, усердно принявшийся за дело возвращения местного населения к русской церковности и грамотности. Главным к тому средством он избрал учреждение школы для девочек, так как через женщину распространяется преимущественно культура, а теперь там почти ни одна женщина не читает по-русски.

После долгих хлопот ему удалось согласить приход к открытию школы и получить от учебного ведомства денежное пособие. В январе 1882 года училище открыто и туда ходит до 40 девочек. Священник весьма разумно при-

нялся за дело, и нужно поддержать его, что мы и стараемся по возможности делать.

Могущественным средством для поднятия этой школы и для привлечения к ней народа было бы проявление высочайшего к ней внимания.

Посему я осмеливаюсь просить ваше императорское величество, не благоугодно ли будет в знак внимания вашего и одобрения пожаловать Свислочской школе лично от вас икону божией матери. Этот дар произвел бы на месте самое благотворительное действие и других усердных людей возбудил бы к подражанию.

А если бы притом ваше величество изволили пожаловать рублей 200 денег на приобретение хороших русских книг для школьной и приходской библиотеки, это послужило бы вдвойне к оживлению доброго начинания.

Константин Победоносцев.

Петербург. 28 марта 1883.

11.

Не устаю просить у вашего императорского величества.

В настоящую минуту при св. синоде разрабатывается вопрос об устройстве церковно-приходских школ,—вопрос первостепенной важности для государства. Народ у нас пропадает, раскол и секты держатся от невежества: люди вырастают, не получая первых, самых основных, понятий о боге, о церкви, о заповедях. Этому невежеству не поможет ученье, криво устроенное, не приспособленное к жизни,—оно может еще более развратить простого человека, отрывая его от жизни и действительности.

Для блага народного необходимо, чтобы повсюду, поблизости от него и именно около приходской церкви, была первоначальная школа грамотности, в неразрывной связи с учением закона божия и церковного пения, облагораживающего всякую простую душу. Православный русский человек мечтает о том времени, когда вся Россия по приходам покроется сетью таких школ, когда каждый приход будет считать такую школу своею и заботиться об ней посредством

приходского попечительства и повсюду образуются при церк-
вах хоры церковного пения.

Ныне все разумные люди сознают, что именно такая школа, а не иная должна быть в России главным и всеобщим средством для начального народного обучения. В этом смысле наша комиссия получает заявления отовсюду, от самых дельных представителей земства, и от духовенства, которое заметно оживилось, прослышав, что его не оставляют в забвении, но полагаются на его деятельность. Без сельского священника обойтись невозможно и, кроме его, не за кого взяться в этом великом деле посреди пустынных пространств, в коих раскинуты наши приходы. Мы надеемся, что вскоре повсюду проявится епархиальное движение в этом смысле. Между тем первый опыт сделан в могилевской епархии новым, прибывшим туда, архиереем Виталием, который имел возможность перед отъездом туда ознакомиться здесь, в Петербурге, с нашими предположениями.

Обратившись к духовенству своей епархии, он устроил в Могилеве (или, правильнее сказать, восстановил древнее, существовавшее с 1602 года) Богоявленское братство именно с целью заводить по возможности при всех приходах народные школы и заботиться о поддержании их.

Это первое начинание необходимо ободрить; думаю, что достойно и праведно ободрить его высочайшим вниманием, которое, несомненно, вызовет подражание и в других местах.

Не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству дозволить выразить внимание ваше к этому учреждению каким-либо денежным даром, например, в 1.000 рублей.

Когда это станет известно, многие будут этим утешены, и найдутся, без сомнения, и другие благотворители.

Константин Победоносцев.

Петербург. 28 марта 1883.

Сегодня собирается комитет министров для обсуждения оснований всемилостивейшего манифеста по случаю коронации.

К манифесту требуется вступление; мне поручили составить его, и сегодня, вероятно, я предложу редакцию в комитет министров. Долгом почитаю представить ее на усмотрение вашего императорского величества.

Завтра, в среду, я предполагал быть в Гатчине и просить разрешения около 12 часов представиться вашему величеству, принести благодарность за высочайшую милость, мне дарованную.

Константин Победоносцев.

19 апреля 1883.

По изволению божью возложив на себя венец царственных предков с принятием святого миропомазания, мы всем сердцем благодарим бога, судившего совершиться сему заветному желанию нашему и всех верноподданных сынов России. Господь, вседержитель царей и царств, да благословит сей священный день и час, в который перед лицом его на месте, от древних лет освященном верой и молитвой всей земли русской, повторили мы великий обет царского звания! Да укрепит он всеильным своим духом державу нашего правления и да подаст нам мудрость и силу к умиротворению всего смятенного, к водворению порядка и правды в делах, к просвещению народа в истинах веры, к утверждению в каждом звании верности долгу и закону, к охранению предоставленных каждому прав и всеобщей безопасности, к возвеличению благоденствия и славы возлюбленного нашего отечества!

13.

Мне очень тяжело и больно; но я решаюсь обратиться к вашему императорскому величеству с личною горячею просьбой. Окажите мне милость, снимите с меня тяжкое бремя, которое невыносимо тяготит меня и грозит совсем расстроить мою жизнь.

Осмеливаюсь представить на милостивое воззрение вашего величества всеподданнейшее прошение тестя моего Энгельгардта по делу, о котором однажды, скрепя сердце, я уже докладывал вашему величеству.

Этой милости я прошу у вас не для него только, но для себя, потому что в настоящем случае с его судьбой моя судьба связана, и я признаю себя немалою причиной той беды, которая на него обрушилась.

И в этом случае я не смел бы просить, еслиб имел основание сомневаться в его недобросовестности и подозревать вину его. Но, зная его издавна и живя вместе, я имею полное убеждение, что он невинен в том деле, за которое предадут его суду, и служит только жертвою.

Проведя свою молодость в богатстве и роскоши в широкой помещичьей обстановке, он нажил себе совершенную беспечность характера и, не зная никакой письменной работы, привык подписывать бумаги не читая. Я виноват, что при таком характере определил его на такую должность, где ему предстояло подписывать ежедневно и в скорости массу документов, на которых разыгрываются самые мошеннические проделки экспедиторов и досмотрщиков таможи. Целая компания мошенников стала пользоваться им, как орудием, подсовывая ему, когда нужно было, к подписи бумаги, за содержание коих он должен был отвечать. Не раз уже и прежде случалось ему убеждаться в этом и, сознавая всю опасность своего положения, не раз приходил он упрасивать меня, чтоб я взял его из таможи; но я имел слабость уговаривать его остаться. В этом другая вина моя, ибо мне была известна беспечность его характера.

Когда открылся подлог в объявлениях, им подписанных, мошенники, участвовавшие в химической вытравке объявлений, придумали план свести обвинение на него, в том, поистине иезуитском расчете, что ему будет удобнее выпутаться из дела. К несчастью для него, он мой родственник; еслиб его имя не связано было с моим, его оставили бы в покое. Не будь этого обстоятельства, дело давно прекратилось бы, ибо казне не стоило вести его. Для таможенного ведомства суд мог отразиться только скандалом, обнаружив все беспорядки управления; убыток казенный, еслиб и можно было доказать, взыскать не с чего. Наконец, едва ли возможно обнаружить и настоящих виновников подлога в объявле-

нии. Но, к несчастью, во всех канцеляриях и у следователей имя Энгельгардта переплеталось с моим именем и участием. Каков бы ни был результат суда, не в этом главное дело. Главное бедствие—в судебной публичной процедуре с присяжными. Все мои недоброжелатели, которых так много, ждут этого суда, чтобы сделать мне зло из-за этого дела, — из-за меня будет страдать несчастный человек. Из-за меня будут на суде публично позорить его имя, да и мое не оставят в покое. Из-за меня присяжные, коих состав здесь, в Петербурге, самый пестрый и случайный, готовы будут на осуждение. Все газеты из-за меня подымут неистовый лай. Это будет истязание невинному ради меня. Будь он человек с твердым характером, он пошел бы на бой с ними. Но он и теперь совсем поник и одряхлел от обрушившейся на него беды, которой понять не умеет. Этого суда он не вынесет. Не вынесет его и жена моя, которая нежно любит отца своего. Вот почему этот суд грозит мне великим бедствием.

Вот почему я осмеливаюсь в последнюю минуту утруждать ваше величество чтением этой моей усердной просьбы. Время коронации—время милостей чрезвычайных—единственный случай к прекращению этого несчастного дела по высочайшей милости, административным порядком. Думаю, что и со стороны министерства финансов, которому дело это не может быть приятно, не будет неодолимого к тому препятствия. Кроме вас, у меня нет здесь другого прибежища в этой крайней нужде. Благоволите, всемилостивейший государь, принять всеподданнейшее прошение Энгельгардта и приказать министру юстиции представить вам доклад, и будьте моим избавителем от беды, которая угрожает мне!

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 29 апреля 1883.

14.

Всем сердцем радуюсь, что настал, наконец, ожидаемый день и въезд вашего величества в Кремль благополучно совер-

шился. Со слезами смотрели русские люди и молились горячо за вас. Теперь да благословит бог перейти остальные дни до священного коронования в тишине и уединении, в виду Москвы, в зелени цветущего Нескучного сада!

Вчерашнее письмо отослано мною кн. Мещерскому немедленно. Я обрадован был запискою вашего величества, ибо и сам желал просить разрешения явиться к вам еще прежде коронации. Буду ждать указаний дня и часа от вашего величества.

Константин Победоносцев.

10 мая 1883.

Дом синодальной типографии.

15.

Какой сегодня радостный день и вечер для Москвы! Все улицы наполнены ликующим народом, и всему народу кажется так просто и естественно, что въезд вашего величества совершился благополучно. Я не сомневался в этом, и в душе у меня не было сегодня ни малейшего тревожного чувства за безопасность вашего величества. В такой день можно быть спокойным, ибо около вас густою толпой весь народ—точно печь горящая, к которой не смеет подлететь ни одно насекомое. Можно было опасаться только излишества и неразумия в предосторожностях и запретительных распоряжениях. Вы видели многое на пути своем, но многого и не могли видеть. Вы не видели, какое действие произвел первый удар колокола на Иване Великом, как все в Москве, не исключая солдат, стоявших под ружьем, сняли шапки и перекрестились; вы не видели, сколько слез пролито на пути вашем и сколько было сердечных молитв, которые лились из простых душ. Душа нашего народа—великое сокровище и великая сила, которой не понимают, к сожалению, многие, хотя и добрые люди, ходящие в раззолоченных мундирах. Сегодня великая поэма народная совершилась: в воскресенье, бог даст, совершится другая, главная и высокая. Господь да хранит вас, всемилостивейший государь, в тишине уединения, пока народная душа готовится соеди-

ниться с вашею в великом акте венчания. На пути к высокому месту да не будет в душе вашей ни тени сомнения или опасения! Место, на коем вы станете,—свято; церковь осеняет вас со всеми ликами святых русских, со всею историей русского государства, и могучая волна народная поднимет вас и вынесет. Не могу удержаться, чтоб не написать еще эти строки вашему императорскому величеству,—да хранит вас господь!

Константин Победоносцев.

10 мая 1883, вечер.

16.

Не могу удержаться, чтобы не поздравить ваше императорское величество от всей русской души своей с нынешним днем. Поистине, это был не просто русский, а, можно сказать, вселенский праздник, ибо где во всей вселенной можно видеть такую славу, какую представлял сегодня Успенский собор и Кремль со всею его обстановкой и с этим морем ликующего, восторженного народа и с этим морем чудных звуков. Бог дал нам ясное небо и солнце, посреди дождей, и вся величественная, умилительная церковная церемония совершилась в таком порядке и с таким достоинством и величием. Поистине, этого дня никто не забудет, кто видел его. Мы стояли и плакали, и вашему величеству послал господь радость великую, в которой поистине душа ваша сливалась с народною душою. Господь да благословит этот день впереди всех прочих дней вашего царствования, и да пошлет вам в этот день и в памяти этого дня великую веру и великую силу душевную на все дни вашей жизни. У всех теперь точно великая поэма народной жизни совершилась в душе, это великое и высокое чувство!

Спешу сегодня же представить вашему величеству и государыне императрице телеграмму, полученную мною из Констанца от бедного П. А. Козлова. Ему хочется, чтобы голос его дошел до вас сегодня же. Он пишет: „Je vous supplie de mettre en ce jour solennel aux pieds de leurs maje-

stés les vœux ardents d'un coeur plein d'amour et de reconnaissance. Paul Kosloff¹⁾.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

15 мая 1883.

17.

Возвращая при сем всеподданнейшее прошение г-жи Жадовской, смею доложить, что, по мнению моему, просьба ее к вашему величеству никак не может быть удовлетворена.

Она пишет, что была замужем, но разведена, при чем вина (вероятно, прелюбодеяние) принята ею на себя; она обвинена и осуждена церковным судом на безбрачие. Стало быть, теперь, еслиб она захотела выйти замуж, новый брак ее не может быть повенчан.

Теперь, по словам ее, она вступила в связь, прижила ребенка и просит снять с нее запрет, наложенный решением синода, и дозволить ей вступить в брак.

Таких просьб поступает немало на имя вашего величества, и по всем этим просьбам объявляется согласно данному еще при покойном государе высочайшему повелению, что они не могут быть удовлетворены.

И действительно, если бы верховная власть взяла на себя снимать запреты, налагаемые церковным судом по закону церковному, от этого произошли бы крайние затруднения и немалый соблазн. Брак у нас—таинство, и совершается не иначе, как в церковной форме. Священник, по долгу звания, подчиняется в делах церковной дисциплины и обряда исключительно церковной власти. Итак, если церковная власть запрещает ему совершение брака, как незаконное, а власть гражданская предписывает совершить этот брак, то-есть совершить таинство там, где оно не допускается церковною властью, совесть священника ставится

¹⁾ Я умоляю вас в сей торжественный день повергнуть к стопам их величеств горячие пожелания моего сердца, исполненного любви и благодарности.

в положение невозможное. Вот почему и у нас верховная власть никогда не вмешивалась в дела сего рода. При покойном государе бывали злоупотребления его именем; однажды в Ялте исправник Зефиropуло, пользуясь своим положением, приказал именем государя священнику совершить незаконный брак, но покойный государь, когда я докладывал ему об этом деле, изволил сказать мне, что он никогда не давал подобных приказаний. Особливо при нынешней легкости вступления в брак и разлучения супругов такие высочайшие повеления могли бы послужить к усилению распущенности. Ныне люди, легкомысленно женившись, вскоре, при малейшем несогласии, думают о разводе и устраивают его так, что которая-нибудь из сторон берет на себя вину прелюбодеяния, в надежде, что потом можно будет попросить о снятии запрета на вступление в новый брак. Бывают случаи, что после нового брака супруги вскоре же задумывают новый развод. Итак, еслиб можно было иметь людям надежду на снятие церковного запрета посредством монаршей милости, от этого еще более пострадала бы строгость и прочность брачного союза.

Вот почему верховная власть всегда избегала прямых разрешений на совершение брака. Но в некоторых случаях покойный государь принимал просьбы о прекращении дел о незаконности брака, уже совершенного. Здесь нет прямого вмешательства в церковную юрисдикцию. Брак совершен священником, хотя и вопреки церковному запрещению; супруги живут вместе и прижили детей. Начинается дело о незаконности брака, большею частью по доносу. В таких случаях объявляется иногда высочайшее повеление: приостановить в консистории производство о незаконности брака. Таким образом брак остается фактически, как он был первоначально записан, то-есть в виде законного.

Такие высочайшие повеления объявлялись неоднократно и от имени вашего величества, по моему докладу. Вот единственное возможное средство в подобных случаях. Пусть и г-жа Жадовская ищет, как ей угодно, помимо участия верховной власти, способа обвенчаться; затем может и

невозникнуть вовсе вопрос о незаконности этого брака, а если возникнет, тогда уже может она обратиться к монаршему милосердию.

Долгом почитаю присовокупить, что дела этого рода, т.-е. брачные, равно как и дела об узаконении незаконных детей, всегда требуют особой осторожности, ибо здесь не все зависит от сознания невинности супругов или детей и от сострадания к несчастным и невинным. С вопросами этого рода часто связаны права законные третьих лиц,—родственников, других детей того же лица, наконец, честь другого, законного семейства, и нередко—неприкосновенность прав наследственных.

Еслиб вашему величеству угодно было согласиться с вышеизложенными соображениями и по этому делу, то не благоволите ли приказать объявить просительнице, как объявляется многим другим, что ее ходатайство о разрешении ей вступить в брак вопреки запрещению, наложенному св. синодом, не подлежит удовлетворению.

Константин Победоносцев.

23 мая 1883.

18.

Долгом почитаю доложить вашему императорскому величеству, что завтра, при вступлении вашем в храм спасителя, митрополит московский предполагает сказать краткую приветственную речь, а в конце обедни, когда митрополит выйдет с крестом, предполагается еще краткое приветствие от епископа харьковского Амвросия: оно займет, думаю, не более 3 минут, и будет сказано нескучно. Вся церемония освящения и затем литургия займет, полагаю, никак не более 3 часов времени.

Не знаю, считают ли себя приглашенными к торжеству иностранные принцы; но, кажется, существует по этому поводу некоторое недоумение. Я мог это заметить из слов Черногорского князя. Он конечно огорчится, если сочтет себя не в праве приехать на церемонию, ибо он причисляет себя к русским. Я заметил, что ему хотелось быть перед

коронацией на освящении знамени, к чему вообще не приглашались иностранные принцы и дипломаты.

Сегодня было начало праздника—торжественная все-нощная; все собрались в радостном, праздничном настроении. Тихим вечером, в виду всей Москвы, посреди зелени и множества народа, храм казался необыкновенно красив, и когда раздался первый звук колокола, у всех на душе стало весело и торжественно. Служба была прекрасная в новом храме, и песни рождества Христова переплетались с веселыми гимнами вознесения. Церковь вся была полна народом и вокруг народом обставлена. Очень хорошо было. Все теперь готовятся к завтрашнему всероссийскому торжеству, и как кстати этот праздник сливается со светлыми торжествами коронации.

Константин Победоносцев.

25 мая 1883.

19.

От всего сердца благодарю ваше императорское величество за все награды и милости. Все они мне дороги, но всего дороже милость, оказанная к моему ходатайству о деле тестя моего Энгельгардта. Поистине, вы сняли с души моей тяжкое бремя печали и заботы. За что и я, и жена моя благословляем имя ваше. А я смею притом уверить ваше величество по совести, что в настоящем случае вы спасли человека невинного от незаслуженного им тяжкого позора.

Вашего величества верноподданный

К. Победоносцев.

27 мая 1883.

20.

Долгом почитаю доложить вашему императорскому величеству о нижеследующем:

1. Мне известно, что здесь, в Историческом музее, основанном под покровительством вашим, с нетерпением ожидают, не угодно ли будет вам посетить его. Граф Уваров расположил для обозрения предметы древности, весьма

интересные и приведенные им в порядок. Знают все, до какой степени занято все время вашего императорского величества; но люди, посвятившие свой труд этому предмету, были бы огорчены, еслиб не довелось вам хотя на полчаса приехать посмотреть, что они сделали, и дать им ободрение на будущее время.

2. Сегодня я слышал, что ваше величество изволите переехать нынешним вечером в Петровский дворец и уже не вернетесь в Москву, но прямо поедете на Николаевскую дорогу, и притом не 29-го, как было объявлено в расписании, а завтра же, т.-е. 28-го числа вечером.

Народ, которому не объявлено об этом изменении, будет очень смущен и огорчен, когда узнает утром 29 числа, что царя нет уже в Москве.

Если к моей должности принадлежало попечение об этом предмете, мне казалось бы всего проще и всего лучше: вашему величеству, после всех празднеств, отдохнуть день или два в совершенном спокойствии, в виду Москвы, в Нескучном, и потом прямо оттуда по Калужской улице, через Кремль и Мясницкую ехать на станцию Николаевской дороги. Это было бы радостное и спокойное прощание с Москвою и народом.

Но я не смею настаивать на этом предмете, ибо лица, до коих он прямо относится, могут видеть особливые причины действовать так, а не иначе.

Во всяком случае однако осмеливаюсь доложить, что если вашему величеству благоугодно выехать сегодня из Москвы окончательно, то не изволите ли на пути в Петровский дворец остановиться у Иверской часовни и зайти туда. Это и для народа может послужить некоторым знаком прощания с Москвою.

Константин Победоносцев.

27 мая 1883.

Смею обратить внимание вашего императорского величества на прилагаемое письмо Рачинского. Это один из

бесчисленных воплей, раздающихся теперь повсюду, из всех концов России. Во время коронации особенно слышался этот всенародный зов к правительству об исцелении этой ужасной язвы, разъедающей народ,—об освобождении от кабака, перед всесильною властью коего бессилен народ, бесплодны и отдельные усилия лиц, вступающих в борьбу с кабаком и кабатчиками.

Рачинскому, живущему безвыездно в деревне, посреди народа, виднее чем кому-либо все это зло. Он успел сделать у себя многое, привлекая и детей, и отцов крестьян, и местное духовенство к союзу трезвости; но все эти усилия разбиваются о кабачную силу.

Кабак есть главный у нас источник преступлений и всякого разврата умственного и нравственного,—и действие его невообразимо ужасно в темной крестьянской и рабочей среде, где ничего нельзя противопоставить его влиянию, где жизнь пуста и господствуют одни материальные интересы насущного хлеба. Кабак высасывает из народа все здоровые соки и распространяет повсюду голое нищенство и болезнь. Необъятная Россия состоит из пустынь, но нет такой пустыни, нет глухого уголка, где бы не завелись во множестве кабаки и не играли бы первенствующей роли в народной жизни. И чем дальше, тем хуже. Уничтожение кабака есть решительно первая потребность, есть необходимая мера для спасения России. Борьба внешними мерами против нигилизма не будет иметь успеха, покуда стоит в нынешней силе кабак, и Рачинский говорит совершенно справедливо, что кабаки—главный проводник нигилистических теорий в народ, то-есть постепенное развращение той единственной здоровой среды, в коей хранятся жиздущие инстинкты и жиздительные начала народной и государственной жизни.

Это первая потребность. На ряду с нею другая. Чтобы спасти и поднять народ, необходимо дать ему школу, которая просвещала бы и воспитывала бы его в истинном духе, в простоте мысли, не отрывая его от той среды, где совершается жизнь его и деятельность. Об этом великом деле я не перестаю думать, в согласии с И. Д. Деляновым. В эту

минуту окончено уже составление положения о церковно-приходских школах. Но когда оно станет приводиться в действие, необходимо будет обратиться за помощью к госуд. казначейству. Бог знает, будет ли успех в этом ходатайстве, но деньги, сюда положенные, конечно, будут много плодотворнее тех миллионов, которые назначаются на многие ученые учреждения.

Нельзя достаточно оценить всю громадную важность этого предмета, и он достоин усиленного внимания вашего величества. Здесь, можно сказать, самые ключи будущего благосостояния России. Вот почему обращаюсь к вашему величеству с усерднейшею просьбой. Знаю, как дорого время ваше, но, если осуществится мысль о поездке вашей в Данию, благоволите взять с собою прилагаемую книжку (которая, если не ошибаюсь, была уже раз мною представлена) и прочтите ее. Я уверен, что, начав читать, вы не оторветесь от нее до конца,—так она живо написана, так дышет действительною истиной и касается такого важного для России предмета. Я велел напечатать ее в большом количестве и распространяю повсюду, для возбуждения людей к доброй деятельности.

Вот первые, главные народные потребности настоящей минуты. А наряду с ними другие, столь же существенные и которые тоже не ждут. В связи с кабаком—местное крестьянское управление или самоуправление до того расстроено, что повсюду иссякает правда. Власти, разумно действующей, нет, слабые не находят защиты от сильных, а силу захватили в свои руки местные капиталисты, то-есть деревенские кулаки-крестьяне и купцы, кабатчики и сельские чиновники, то-есть невежественные и развратные волостные писаря. Необходимо водворить здесь порядок, но боюсь, что едва ли водворят его проекты, сочиняемые в Кахановской комиссии.

Наконец, суд—такое великое и страшное дело—суд, первое орудие государственной власти, ложно поставленный учреждениями, ложно направленными,—суд в расстройстве и бессилии. Вместо упрощения он усложнился и скоро уже

станет недоступен никому, кроме богатых и искусных в казуистической формалистике.

Но уже пора мне и кончить. Прошу извинения за то, что утруждаю ваше величество; но дело так важно, что я не утерпел написать несколько слов по поводу письма Рачинского, которое вновь возбудило мысль мою и заботу.

Константин Победоносцев.

Ораниенбаум. 30 июля 1883.

22.

Примите, ваше императорское величество, мое сердечное поздравление с праздником вашим 30 августа, который вы встретите на сей раз на чужой земле, но в домашней тишине, а мы, бог даст, в этот день будем за вас молиться тоже на чужой земле, в австрийских владениях.

Приятно мне думать, что и час вашего отъезда из Петербурга, и час приезда вашего в Копенгаген нам довелось быть в церкви, на молитве. Я приехал в Москву 14 числа, накануне большого московского праздника успения, и стоял в начале вашего плавания в Успенском соборе, за торжественною всенощной, посреди великого множества народа, наполнявшего церковь. Я не был тут с самого дня коронации и вспоминал незабвенные часы утра 15 мая.

А час прибытия вашего в Данию совпал с другим церковным народным торжеством, коего мне довелось быть участником и свидетелем,—в Макарьевском монастыре. Подлинно, это было утро радостное и торжественное, в стенах обители, существующей 450 лет, разоренной и теперь вновь восстановленной, к утешению народа, который помнит это место и чтит его. Мы встали в 5 часов утра, потому что в этот час началось освящение одного храма, а в 8 часов освящение другого. Утро было ясное, и весело было смотреть, как с той стороны Волги, из Лыскова, тянулись толпы народа на лодках. Народу собралось и из ближних мест и издалека тысяч шесть или еще более—все крестьяне, с такими ясными, умными лицами. Обширная церковь вся

наполнилась, а около церкви стоял народ стеною. Так мы почти не выходили из церкви до 12 часов. Очень хорошо было, и этого дня я не забуду. Очень отраднo в такие часы стоять посреди народа и чувствовать, что составляешь одну душу с ним—в церкви.

В Нижнем-Новгороде пробыл я день под проливным дождем. Там невесело. Ярмарка очень плоха в нынешнем году; дела идут не только туго, но и совсем дурно. Платежи крайне неисправны, и каждый день приносит новые банкротства—большею частью мелких и не капитальных торговцев.

В Москве начались опять красные, жаркие дни. Завтра оставляю ее и еду через Варшаву в Зальцбург: жажду отдохнуть и отдаться впечатлениям природы, без гнетущей заботы о делах, без докладчиков, без посетителей и просителей. Дай бог вашему величеству красных дней, досуга, свободы и отдыха: как бы ни были велики наши бремена и заботы, они ничтожны в сравнении с вашими. Господь да сохранит вас во входах и выходах, и да возвратит благополучно.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Москва. 22 августа 1883.

23.

В предупреждение неверных слухов, которые могли бы дойти до вашего императорского величества, спешу доложить о том, что происходило сегодня в заседании комитета министров.

Докладывалось в присутствии великого кн. Михаила Николаевича дело, им первоначально возбужденное, об учреждении в Тифлисе правительством и на счет государствен. казначейства закрытого училища для женщин мусульманок. Дело это было внесено в комитет по высочайшему повелению, вследствие разногласия у И. Д. Делянова с кн. Дондуковым и великим князем.

Я принужден был по совести, согласно с Деляновым, возражать против предположенного учреждения. Самая за-

дача его, по мнению моему, поставлена неверно, и правительство поставило бы себя по этому учреждению в ложное положение, обязываясь на казенный счет воспитывать мусульманок в духе мусульманской религии и наблюдать за исполнением ими мусульманских обрядов. Уверяли, что некоторые из знатных мусульман в Тифлисе желают дать своим дочерям европейское образование; и еслиб они сами составили план и захотели устроить заведение на свой счет, с надзором только от правительства,—можно было бы только радоваться. Но когда само правительство русское берет на себя это дело и роль, так сказать, блюстителя за воспитанием в строго-мусульманском законе,—положение становится фальшивым. Русская начальница, по указаниям шейх-уль-ислама и муфтия, заседающих в попечительном совете, должна наблюдать, чтоб девиц учили догматам о многоженстве и о магометовом рае. Это положение невозможное. Вот что старался я доказать, и затем, согласно с министром финансов, утверждал, что странно на такое дело расходовать из казны 40 т. р., когда казна должна отказывать за неимением средств в удовлетворении самых существенных и неотложных нужд коренного русского населения, когда в 17 епархиях духовенство нищенствует и остается без жалованья, когда нет денег на школы грамотности для крестьян. Затем я указал, что на самом Кавказе есть вопиющие нужды, на которые нет денег. Грузины невежественны, духовенство живет в невежестве и нищенстве, и не на что обучать его. Я указал, что в Озургетах в духовном училище 700 грузинских детей живут, как звери в саклях без окон, ходят полунагие зимою и готовят уроки при свете костров, у коих греются: денег нет, чтоб устроить для них помещение. Я помянул, что прежде хоть общество распространения православия за Кавказом расходовало 63.000 руб. на пособие причтам; но теперь оно впало в несостоятельность и ничего не дает.

Тут прервал меня великий князь: мне в голову не пришло, что это общество, во время управления его расстроившее дела свои, составляет чувствительную струну его

Он встал с места и объявил Рейтерну, что не может оставаться, так как сказанное мною составляет критику на его администрацию.

Рейтерн стал успокаивать его, и он опять сел, а я изъяснил свое удивление, в чем его высочеству угодно было усмотреть критику его администрации, до коей я ни единым словом не касался, а хотел только показать, какие есть на Кавказе нужды, несравненно серьезнее и основательнее, чем учреждение мусульманского женского училища на счет государственный.

Дело кончилось благополучно. Почти все присутствовавшие в комитете выразили мнение в том смысле, что учреждение такого заведения на средства казны нежелательно; а если некоторые тифлиские мусульмане желают такого заведения, то подобно тому, как бывает при учреждении гимназий, само общество может собрать для сего средства; впоследствии же правительство может дать с своей стороны пособие такому учреждению.

Таким образом, дело кончилось благополучно и без разногласий; но о вышеприведенном эпизоде долгом почитаю доложить вашему императорскому величеству, так как он до меня касается и может дойти до сведения вашего в неточном виде.

Константин Победоносцев.

Петербург. 4 октября 1883.

24.

Примите, ваше императорское величество, сердечное мое поздравление на пороге нового 1884 года. Да будет над вами и надо всем домом вашим в наступающем году благословение божие и божия милость!

Вот в третий раз в течение вашего царствования приходится вам вступать в новый год и переносить через порог тяжкое бремя власти над целым миром вверенных вашему правлению в самую трудную для правления эпоху. Народ сердцем чувствует, как трудно вам, и молится за вас горячо всюду. Промысел божий, возложив на вас это бремя, указал

вам и судьбу, которая вся в руках божиих, соединенная неразрывно с судьбами народа, который держится в течение веков только верою в бога и надеждой на государя. Если может что ободрить и укрепить вас,—так это вера в промысел божий и в молитву народную.

Молю бога, да сохранит вам тихую радость в доме и в семье, и да пошлет вам счастье—находить людей разумных, верных, крепких мыслью и волей, горящих сердцем, твердых в слове, прямых и правых, а не двоедушных и своекорыстных слуг.

Боже, благослови наступающее новое лето для вас и для России!

Константин Победоносцев.

31 декабря 1883.

1884 г.

25.

Из письма вашего величества вижу, что вам желательно несколько оттенить нынешний ответ кн. Долгорукову.

И мне кажется, что есть к этому основание. В адресе кн. Долгорукова есть нота, которую желательно покрыть другою нотой. Тут сказано: вот-де недавно дворянство заявило свою готовность верно служить престолу. А вот сегодня я безмерно рад, что могу выразить подобное заявление от всех прочих сословий.

Тут звучит что-то неладно: как будто можно было опасаться, что прочие сословия питают какое-то иное чувство или не желают то же самое выразить. И вот, слава богу, тягота спадает—и другие выражают то же.

Вот неудобство—оттенять то или другое сословие в смысле какого-то преимущественного права на преданность престолу и отечеству. В этом все равны, но положение каждого сословия не одинаковое. Дворянство, действительно, имеет особую постановку, как сословие издревле служилое и потому имеющее особливую сословную честь. Вот почему, хотя ни от кого нельзя ожидать совершенства и безусловной добродетели, дворянство, по историческому своему положению, более чем всякое иное сословие, привыкло, с одной стороны, служить, а, с другой стороны, — начальствовать. Вот почему дворянин помещик всегда благонадежнее, нежели купец помещик и в народе будет иметь больше доверия, а о купце знают, что он прежде всего имеет в виду свой барыш в хозяйстве. Вот почему в настоящем нашем положении в высшей степени важно, чтобы дворяне земле-

владельцы стремились как можно более жить в своих имениях внутри России, а не скоплялись в столицах. В этом смысле дворянству принадлежит, действительно, передовая роль, но непременно в связи с тою обязанностью, которую наложила на него история. Но из этого никак не следует, что дворянство, сравнительно с другими сословиями, отличается особливим свойством преданности царю и отечеству. Примеров противоположных немало в каждом сословии, и мы видим, сколько было дворян изменников в смутную пору в России.

В этих мыслях изготовлен мною ответ кн. Долгорукову, который поспешаю представить на благоусмотрение вашего величества.

Константин Победоносцев.

26 февраля 1884, 6 ч. вечера.

26.

Простите, ваше императорское величество, что являюсь беспокоить вас. Но дело идет о таком важном интересе и о такой серьезной опасности для России, что я не могу удержаться. Благоволите прочесть прилагаемые заметки по несчастному делу об элеваторах, в коем мнение большинства превышает мое разумение. Или я совсем потерял разум, или решение большинства, если оно осуществится, будет пагубно для России и возбудит справедливый ропот в самых важных слоях населения,—ропот о том, что важнейшая отрасль нашей промышленности, хлебная торговля, продана в руки американцам. Вот почему дело это я считаю чрезвычайно важным и осмеливаюсь представить свои соображения на благоусмотрение вашего величества.

Журнал заседания вчера готов был и сегодня подписан.

Константин Победоносцев.

Петербург. 27 февраля 1884.

Несколько лиц, под видом учредителей, обратились к правительству с просьбой о разрешении учредить в Америке общество для устройства в России элеваторов, с правом

устраивать склады и принимать хлеб в залог под закладные листы, или варранты.

К сожалению, в числе сих просителей на первом месте русские имена: ген.-лейт. Дурново и кн. Демидов. За ними стоят настоящие заводчики дела: разорившийся герцог де-Морни и двое, называющие себя американцами, никому неизвестные факторы Мартин и Фишер. Очевидно, что у всех этих лиц, и всего менее у Дурново и Демидова (не умеющих управлять своим хозяйством), нет серьезной цели предпринять и вести дело элеваторов.

Цель у них явная: получив от правительства концессию, продать ее, конечно, за дорогую цену в Америке, где, без сомнения, найдутся на нее покупатели. Да и теперь, по всей вероятности, уже обещана им значительная цена.

Между тем осуществление этого плана, искусно придуманного и обещающего выгоду некоторым его изобретателям, грозит серьезною опасностью главнейшей народной промышленности и может впоследствии возбудить серьезные затруднения для русского правительства, поставив его в обязательные отношения к Северо-Американскому государству.

Одно уже удивительно и очень странно. До сих пор права и привелегии всякого рода предоставлялись только известному лицу или известному образовавшемуся обществу. В настоящем случае никакого общества еще нет, и нет в виду никакого устава этого общества. Оно только еще предполагается к учреждению и должно быть учреждено в Америке и состоять будет, по тамошнему закону, исключительно из американских граждан и управляться законами и интересами американскими. Стало быть, ныне идет речь о предоставлении прав чему-то неизвестному, еще не существующему. Теперь русское правительство, не видя устава, должно заранее наложить на себя обязательства относительно иностранного учреждения, имеющего действовать в России. И, стало быть, когда это учреждение образуется и издаст свой устав, русское правительство обязано будет подчиниться ему, что бы в нем ни было написано.

И все это для того, чтобы как можно скорее, теперь же утвердить план и предположения учредителей, которые сами по всей вероятности, никогда не будут членами общества, а если и будут, то не получают в нем голоса, так как они не американские граждане.

Кроме того, по мысли учредителей, предполагается предоставить будущему обществу право выдавать **варранты**, или **закладные листы** на хлеб, тогда как в нашем законе нет еще никакого постановления о **варрантах**.

Основанием к такому решению учредители выставляют удовлетворение существующей будто бы у нас настоятельной потребности в учреждении элеваторов и доказывают, что наша хлебная торговля от того оживится, и что ничто не помешает будто бы русским капиталистам устраивать свои элеваторы и входить в конкуренцию с американским обществом.

Что элеваторы для нас нужны, в этом никто не сомневается. Но что наш хлебный вывоз остановился, это зависит совсем не от отсутствия элеваторов, а от того, что хлебным рынком иностранным завладела Америка, удешевив при помощи своих капиталов и промышленности до последней степени и производство хлеба, и подвоз его, и фрахт. Очевидно, для нас обстоятельства нисколько не изменяется от того, что у нас устроены будут элеваторы, да притом еще теми же американцами. Что касается до конкуренции, то как она возможна будет русскому капиталисту противу американской компании, когда она раз уже утвердится на месте.

Впрочем, об одних элеваторах учредители не стали бы и хлопотать. Важно то, что они себе спрашивают вместе с элеваторами и под предлогом устройства элеваторов.

Они спрашивают себе право устраивать вместе с тем хлебные склады и принимать в них хлеб на хранение с выдачею так назыв. **варрантов**, или **закладных листов**. Здесь-то в этом пункте и кроется главная опасность.

Как скоро элеваторы и склады устроятся, в руках у компании будет страшная монополия, к которой волею-неволей должна будет пойти в кабалу вся русская хлебная торговля.

Очевидно, что американцы, ныне владеющие хлебным рынком в Европе и состоящие в прямых отношениях со всеми крупными агентами всех хлебных рынков, захватят в свои руки все,—и мимо этого пути сбыта хлеба через компанию все другие пути или заглохнут, или будут крайне затруднены. Средства для погрузки хлеба, а может быть, и для фрактования грузов все попадут в руки компании. Хлебные цены тоже будут исключительно в ее руках. Стало быть, кто привезет хлеб, тому некуда будет сбывать его, кроме компании. Мало того: если цена станет невыгодная, складывать хлеб останется возможным лишь в складах той же компании. Учредители позаботились заранее определить такие условия сроков и тарифа за хранение, что складчики попадутся в эту сеть, как в ловушку, и многие принуждены будут на срок или отдать сложенный хлеб компании за что придется, или оставлять его вовсе. Легко представить себе, в какие тиски попадет тогда наша хлебная торговля.

Мало того. Иностранная компания получает право приобретать земли и арендовать их в портах. Мы, кажется, достаточно уже испытали, какие последствия происходят от того, что иностранцы допущены у нас к свободному приобретению недвижимых имуществ. Масса иностранных имуществ в России—это великое зло, грозящее бедою и в международных сношениях. Отдельный иностранец всегда состоит у нас в привилегированном положении, ибо он состоит под двойною охраной—и под охраною русского закона, и, что главное, под охраною своего консула и посланника. Во сколько же раз эта привилегия будет сильнее относительно большой, многокапитальной и притом американской компании. Сколько предстоять будет затруднений и нашему правительству, особливо по отношению к правительству Соединенных Штатов, где, как всем известно, все ныне основано на денежном интересе и подкупе, где народные представители в конгрессе служат прежде всего представителями частных и торговых интересов, и где промышленные компании составляют едва ли не господствующую силу в государстве? Притом еще замечу, что ничем не ограничено право предполагаемой аме-

риканской компании для всех ее предприятий в России ввозить сюда и рабочих, всех своих агентов и деятелей из Америки: отсюда еще новое зло, коего последствия предвидеть невозможно.

Не буду входить в нравственную оценку тех из учредителей, кои носят русские имена и сами богатые люди. Бог им судья. Но как не подивиться, что в эту ловушку, расставленную учредителями под предлогом пользы для России, попались 38 голосов в составе Государственного Совета!

Меньшинство состоит из 8 голосов. В числе их 9-м был бы военный министр, но он случайно должен был выйти из собрания в то время, когда слушалось дело.

Но и большинство не согласно между собою. Оно тоже разбилось на 2 мнения по вопросу о привилегиях, коих испрашивают учредители.

Меньшинство полагает вовсе отклонить предложение учредителей, как несоответственное с важнейшими интересами русской промышленности. Во всяком случае, еслиб и допустить обсуждение сего дела, то никак не теперь, когда приходится судить, не имея всех данных и не видя ничего ясно. Речь о предоставлении каких-либо прав американской компании в деле, так тесно связанном с важнейшими интересами России, может быть во всяком случае не прежде, как тогда, когда образуется в Америке эта компания и представлен будет законно утвержденный устав ее.

27.

Я уже имел честь докладывать вашему императорскому величеству о возникшем с прошлого года движении эстов к православной церкви. Движение это до сих пор продолжается при усиливающемся противодействии местных папсторов и помещиков, составляющих администрацию. В виду этого противодействия и всякого рода нареканий на духовенство, я не переставал и не перестаю приглашать местного рижского епископа ко всевозможной осмотрительности

и благоразумию в этом деле. Не имею до сих пор причины пожаловаться на недостаток того и другого.

Между тем были у меня с объяснениями по этому делу ревельский супер-интендант Шульц и предводитель дворянства бар. Врангель. Я удостоверил того и другого, что отдельные присоединения происходят не внезапно, а с должною осмотрительностью, и что из этого дела всячески устраняются всякие сторонние побуждения; напротив того, внушается крестьянам, что они не должны рассчитывать ни на какие материальные льготы и преимущества.

Однако они продолжают волноваться и хлопотать здесь, чтобы всякое дальнейшее движение было остановлено мерами правительства, хотя я старался уверить их (в чем уверен сам), что чем спокойнее будут они относиться к этому движению, тем скорее оно успокоится.

Супер-интендант Шульц возбудил уже в министерстве внутренних дел формальное ходатайство о восстановлении состоявшегося в 1845 году и потом отмененного высочайшего повеления о том, чтобы между записью желающих присоединиться и действительным присоединениям соблюдался был шестимесячный срок.

По этому ходатайству министерство внутренних дел спрашивало моего отзыва.

Дабы разъяснить вполне это дело и вывести его на чистоту, а вместе с тем показать все вредные последствия, бывшие от этого срока, я поручал состоящему при мне дельному чиновнику д. ст. с. Крыжановскому изучить по рассеянным в архивах документам всю историю этого дела.

Окончив эту работу, он составил записку, весьма интересную и основанную на самых точных данных. Записка эта отпечатана в небольшом количестве исключительно для правительственных лиц.

Долгом почитаю представить ее на усмотрение вашего величества, на случай, когда вам благоугодно будет и потребуетя разъяснить себе это дело.

В конце записки, на стр. 65, изложены сведения о том, как совершалось присоединение в прошлом году. Отсюда

видно, что ни одно не происходило внезапно, но по испытании присоединявшихся и не ранее во всяком случае двух недель со времени заявления.

Константин Победоносцев.

Петербург. 3 марта 1884.

28.

Рассчитывая, что покуда длится путешествие, у вашего величества может быть более досуга, нежели в обыкновенное время, позволяю себе с последним курьером переслать прилагаемые три книжки харьковского журнала „Вера и Разум“ и обратить ваше внимание на помещенные здесь статьи проф. Надлера „О религиозном развитии императора Александра I“. Статьи хорошо написаны и очень интересны и поучительны. Они содержат в себе печальную повесть о роковых недоразумениях высшего правящего сословия, о народе и его потребностях, — недоразумениях, коими наполнена новая история России с XVIII столетия.

Судя по нашей погоде, думаю, что морская ваша прогулка должна была удасться вполне. Да хранит вас господь до благополучного возвращения!

Константин Победоносцев.

Ораниенбаум. 24 июня 1884.

29.

Письмо Пашкова имею честь возвратить при сем, на случай, если ваше величество пожелали бы оставить его в виде курьезного документа. Это нечто в роде одностороннего умопомешательства, которым отличаются, впрочем, все узкие сектанты. К сожалению, это безумие бывает заразительно. К сожалению, им страдают не только люди глупые или ограниченные, каковы Пашков и Корф, но подвергаются ему и умные, и люди с художественною натурой, как, например, граф Л. Толстой. У Толстого это явление еще поразительнее.

При множестве бумаг и записок, поступающих к вашему величеству, совестно представлять вам что-либо, кроме докладов. Но вот весьма любопытная и живо написанная записка нового херсонского епископа Никанора по поводу первого объезда его в епархии. Если ваше величество изволите читать губернские отчеты, то эта записка много интереснее и основательнее изображает религиозное состояние народа в Новороссии и действие, производимое в народе пришлым немецким элементом (усилившееся при Коцебу). Особенно вторая половина записки, о штунде и о причинах ее развития, заслуживает внимания¹⁾.

Константин Победоносцев.

Ораниенбаум. 26 июня 1884.

30.

Вот уже два дня, как мы, по милости вашего императорского величества, в Ливадии и наслаждаемся тишиной, прекрасною погодой и чудными видами. Но тень грусти лежит на прелестной Ливадии. Когда я хожу по аллеям, невольно вспоминаю об очарованных садах и замках, какие описаны в волшебных сказках. Посреди роскошной растительности, около ярких цветников, все молчит и все пусто; только немые часовые ходят, как маятник, возле дворцов. Это придает всему саду особенную грустную поэзию: живых людей не видно, но всюду носятся тени прошлого для меня, видавшего здесь суету, кипучую жизнь, толпу придворных и нарядных дам, отъезжавших на дальние прогулки. Место дивное, и больно оставлять его: хотелось бы, чтоб здесь зацвела новая жизнь на место угаснувшей прежней. Она воскреснет, когда вашему величеству угодно будет приехать сюда с семьей и с двором, тогда снимется очарование с Ливадии: перед балконом опять станут бегать и играть дети, как бывало на глазах моих—Павел Александрович, Сергей Александрович, Мария Александровна...

Но около Ливадии, по дороге, такое движение, какого я еще не видывал. Все населено здесь, экипажи ездят бес-

¹⁾ При подлиннике хранится письмо Пашкова.

престанно, и Ялта стала одним из прелестнейших приморских уголков в Европе. В нынешнем году наплыв такой посетителей, что нет места, и многим, приезжающим приходится проводить ночь на бульваре. Вчера, проезжая там, я был случайно свидетелем торжественной встречи князя Вл. Андр. Долгорукова. Возвращаясь с Кавказа, он приехал сюда в 3 колясках из Севастополя; его встречали городские власти в мундирах, со священником у часовни. Он в совершенном восторге от того, что всюду встречали его с таким же почетом.

Вчера же, проезжая из Орианды мимо домика вел. князя, я встретил адмирала Попова, который тут же остановил меня и повел к вел. князю. Он устроился здесь в 2 маленьких комнатах; в одной кабинет его и тут же спальня, в другой—столовая. Все стены увешаны видами перевезенными из Кронштадта и картинами; все это он показывал мне в подробности очень любезно, не касаясь в разговоре никаких других предметов. Большой дворец стоит обгорелый; только в середине, на месте ротонды, отделана большая столовая, которую обновили 9 сентября на 80 кувертов. В этот день он был обрадован и польщен тем, что явились из Севастополя все морские суда с поповками поздравлять его, и он после завтрака ездил на суда отдавать визит командирам и был очень весел.

Сегодня, накануне воздвиженья, я был у всенощной на верху, в новой церкви, которой не видал еще, и вернулся с приятным впечатлением. Церковь прекрасная, и служат очень старательно. Поют дети из школы, стоят и держат себя очень хорошо и смотрят очень весело. Видно, что их учат и что певчих готовят к службе старательно.

Простите, ваше величество, за эти подробности о Ливадии, но мне казалось, что они могут интересовать вас.

Я пробыл 2 часа в Севастополе и не узнал этого места. Впечатление самое отрадное. Видно, что в этом заброшенном городе и на этом чудном рейде закипает жизнь. Улицы замощены превосходно, проводится вода, садятся деревья, устраиваются скверы; нет уже прежней пыли, раз-

валины заметно уменьшились, строятся новые дома. Надо приписать это заботам нового, очень деятельного головы и сердечному участию адмирала Руднева, живого, подвижного старика, одного из старых севастопольцев. К счастью, и черноморское общество, кажется, переменяло свои виды и планы относительно Севастополя. Прежде оно давило его, а теперь само хлопочет поднимать его, и Н. М. Чихачев, к удивлению всех, дал городу в ссуду 70 т. рублей. Но особенно утешительно, что морское дело поднимается. Меня водили смотреть на строящиеся броненосцы „Синоп“ и „Чесму“; это громадная постройка, очень аккуратно производимая русскими руками и с помощью русских заводов,— вот что утешительно. Работа кипит и здесь, и на сухих доках,—это гигантское сооружение и очень интересное. Я уверен, что ваше величество порадовались бы, увидев все эти работы и это движение в любезном Севастополе. Здесь готовится большое торжество по случаю ожидаемой закладки броненосцев в присутствии в. к. Алексея Александровича. Настоящее положение работ изображено на двух только что снятых photographиях, которые позволяю себе переслать в особом конверте к вашему величеству.

Первое судно, которое я увидел на рейде, это—любезный „Ярославль“, красующийся возле неуклюжей поповки. Мне приятно было слышать от всех моряков решительные, одушевленные похвалы „Ярославлю“. Это, говорят они, единственное теперь военное судно у нас в Черном море. Вел. князь Константин был на нем и тоже решил хвалить его. Признаюсь, приятно было мне, что „Ярославль“, переименованный в „Память Меркурия“, слывет у всех моряков под старым своим именем, а новое название почти не слышно.

В Киеве я пробыл 5 дней и покинул его, признаюсь, не с отрадным впечатлением—суеты от непрестанных торжеств университетского юбилея. Торжества эти закончились накануне моего отъезда студенческим скандалом, без сомнения, известным вашему величеству. Толпа в 200 человек совершила буйство, которого не сумели ни предупредить, ни накрыть.

На другой день по приезде я был приглашен к вел. княгине Александре Петровне на большой обед для 12-ти архиереев, здесь собравшихся. Странно видеть вел. княгиню. Она лежит на кровати недвижимо, точно мертвец, все лицо у нее окутано, на подобие монахини, белым платком; и в таком виде ее переносят с кроватью из залы, где она обыкновенно лежит, в церковь и ставят насупротив алтаря; затем снимается с левой стороны перегородка, и в церковь пускается народ. Церковь небольшая, но устроена очень изящно, богослужение и пение доведено до художественного. За всем тем лицо у нее так свежо и розово, как никогда не бывало, глаза веселые и живые. „Доложите государю императору,—говорит она,—что я здесь живу, как в раю, и что нет ни одного из его верноподданных, кто более меня был бы благодарен его величеству; я живу его милостями! Своего у меня уже ничего не осталось“.

Очень любопытно и странно видеть её обстановку. При ней состоят двое маленьких детей, сироты безродные, взятые из приюта,—мальчик лет 6-ти и девочка. Теперь она взяла к ним англичанку. Одеты они,—как одевают детей помодному,—не то обезьянами, не то бабочками, и зовут ее бабушкой. Интересно было, как подводили к ней архиереев, и Егор Вас. Оболенский называл каждого. Она так и сияла восторгом. „Подумайте,—говорит мне,—когда я вижу одного архиерея, я не помню себя от радости, а тут их двенадцать“. К каждому из архиереев дети подходили под благословение, а когда подошел митрополит Платон, этим двум бабочкам велено было кувырнуться и упасть в ноги митрополиту.

За всенощной—новое зрелище. Мальчик, 6 лет, крошечный, со взбитыми волосами и довольно бессмысленным взглядом, снимает модный костюм и облачается в подрясник шелковый, синего цвета, с поясом; поверх его надевается стихарь белого глазета; он с важным видом носит свечу, держит книгу. А после службы, когда пили чай, прибегает в синем подряснике и кричит: „бабуська! бабуська!“

Но я оканчиваю, прося у вашего величества прощенья за многописание о делах невеликой важности. Стану теперь ждать я того утра и радости увидеть снова красоту неопишемую создания божия в чудной здешней природе. За эту радость приношу от всей души благодарность мою вашему величеству.

Константин Победоносцев.

Ливадия. 13 сентября 1884.

Сад содержится здесь в совершенном порядке, что не легко, и нельзя не похвалить садовника, который служит здесь 23 года. Говорят, что он уходит вследствие уменьшения ему жалованья.

31.

Вернувшись сегодня из Риги, имею честь представить вашему величеству рисунок церкви с описанием. Картина эта раздавалась всем присутствовавшим на большом обеде 28 октября. Все происходило очень торжественно, чинно и мирно. В празднествах участвовали и все представительные люди из немцев, все казались довольны, и не слышалось ни одной неприятной ноты. И немцы относились с одушевлением к старцу Платону, который всех растрогал обращением к своей прежней пастве и приветливым отношением к немцам. Можно сказать, что праздник этот удался вполне. Митрополит едет еще завтра в Якобштадт, где будет происходить в четверг освящение древней церкви, восстановленной и отделанной прибалтийским братством. Его ждут у входа и являются к нему толпы крестьян не только православных, но и лютеран, чтобы принять его благословение; а собор каждый день полон молящихся. Некоторые крестьяне пришли за 80 верст к освящению и еще остаются день за днем, чтобы еще раз побывать и помолиться в соборе.

В четверг я намерен приехать в Гатчину и утром попрошу позволения явиться к государыне императрице. Мне необходимо сказать ее величеству о баронессе Раден. Не могу опомниться от страшного известия о ее болезни, кото-

рую она скрывала от всех до самого дня операции. Операция была одна из самых трудных и ужасных, так что больной предстояло лечь как бы на смертную казнь, а перед тем целые два дня видеть страшные приготовления. Нельзя не изумляться необыкновенной твердости воли ее и характера. Перед этим днем она заперлась, провела всю ночь в молитве и утром еще ездила причащаться. Операция совершена удачно, но в этом возрасте нельзя поручиться за исход. Я глубоко потрясен, потому что она была мне другом с первой моей молодости.

Константин Победоносцев.

Петербург. 30 октября 1884.

32.

Вот уже третью неделю слушается в комитете министров дело о несовместимости с некоторыми должностями государственной службы участия в управлении делами акционерных обществ и службы в этих обществах.

Дело это представляется мне очень важным по своему нравственному значению и требующим большой осмотрительности в решении.

Не подлежит сомнению, что есть некоторые государственные звания и должности, с коими совсем несовместно участие в акционерных предприятиях. В последнее время случаи этого рода составляли обыкновенное явление. Члены Госуд. Совета, сенаторы, генерал-адъютанты и пр., состоя членами правления в банках, в железно-дорожных, страховых и т. п. обществах, в то же время принимали участие в суждении по делам государственной важности, касавшимся до этих самых предприятий, являлись по оным ходатаями в разных учреждениях и т. под. Смешение в этом деле личных интересов с государственными доходило до бесстыдства.

Двигательною силою в этом было желание обогатиться, нажать большие капиталы без большого труда. Нередко случалось, что люди, неспособные ни к какой практической деятельности, пользуясь только своим положением на службе

или при дворе, давали свое имя для участия в самых неправ-
тических и искусственно сформированных предприятиях,
для того только, чтобы осуществить своим влиянием и хода-
тайством, затем создать фиктивную ценность акций и при-
обрести себе большой капитал.

Этот соблазн подлежало прекратить непременно отно-
сительно больших людей и важных должностей государ-
ственных.

✓ Но, независимо от этих крайних случаев, в коих имелось
в виду обогащение, есть множество случаев совсем иного
рода, относящихся до средних и мелких должностей в
составе чиновничества. Здесь уже дело идет не об обогаще-
нии, а лишь о приобретении средств для домашнего быта
посредством внеслужебных занятий. При всеобщей дорого-
визне жизнь стала трудна повсюду для семейных чиновни-
ков. Многие из них, при государственной службе, искали
себе посторонних занятий и случаи к тому представлялись
в разнообразной деятельности по промышленным предприя-
тиям, по работе в конторах, агентствах, правлениях и т. под.
Отрезать всем этим людям пути к пополнению домашнего
их бюджета дополнительным частным трудом без ущерба
для службы было бы и несправедливо, и, вместе с тем, не
только не полезно, но и очень вредно для государствен-
ной службы. Невозможно забывать, что у нас всякий чело-
век, получивший где-нибудь образование, стремится к госу-
дарственной службе, число чиновников умножилось до край-
ности при образовании новых учреждений, и повсюду
ощущается крайний недостаток в способных чиновниках.
Наиболее способные и деятельные из них находятся именно
в средних и нижних чинах управлений и канцелярий. Без-
условное запрещение для них посторонних занятий заставило
бы именно способнейших вовсе оставить службу, и инте-
ресы службы от того пострадали бы. Кроме того, несомненно,
что для оставшихся на службе это запрещение непременно
послужит поводом, просить для себя дополнительных вознагра-
ждений, пособий, аренд и т. под., что, в общей массе,
падет значительным придатком расхода на госуд. казначей-

ство (и теперь уже некоторые директора департаментов заявляют, вследствие ожидаемого запрещения, необходимость просить об аренде).

Эти мысли я выражал в комитете министров при обсуждении дела. Цель нынешнего закона, конечно, не прекращение злоупотреблений. Напрасно было бы ожидать, что этот закон прекратит их. Главная причина злоупотреблений состоит в том, что не смотрят за делом те, кому смотреть следует. Очевидно, что когда начальник сам не понимает дела или невнимателен и равнодушен, то примет и поднимет все, что ему представляют докладчики и исполнительные лица. И члену высшего государственного учреждения, и чиновнику, в какой бы должности ни был, никакой закон не помешает действовать пристрастно. Хотя бы он официально и не носил на себе звания директора компании, он может все-таки из личного интереса, и еще тем удобнее под прикрытием, действовать в ее пользу.

Цель закона, по мнению моему, совсем иная: охранить достоинство государственной службы и чувство нравственного приличия, о коем все забыли с того времени, когда в 50-х годах возникло у нас движение акционерных компаний, поднялась биржевая горячка и пошли в ход акции. Перестали уже стыдиться; и лицо, состоящее в должности, большой или малой, считало уже как бы правом своим, никому не сказываясь, ни у кого не спрашиваясь, вступать в службу по компаниям, хлопотать по делам их privately и открыто, так что у иных на первом плане деятельности стала уже эта служба частному интересу, а служба государственная явилась как бы придатком и орудием для достижения личных целей. Вот это фальшивое понятие и следует уничтожить, напомнив всем забытую основную мысль о долге службы.

Итак, некоторые высшие должности и звания должны быть объявлены безусловно несовместимыми с учредительством и со службою в акционерных правлениях. Что касается до остальных, подчиненных должностей, то должно быть объявлено, что чиновник, состоящий в должности на

с службе и обязанный ей посвятить свою деятельность, не в праве принимать на себя другие должности и занятия в частных предприятиях, не заявив об этом своему начальству. Начальству предоставляется рассудить, возможно ли допустить это без ущерба для службы и без нарушения основных правил служебной честности,—и кроме начальства никто рассудить об этом не может. На то и поставлен начальник, а если он плох или сам не честен, то уже дальше и искать нечего.

В комитете министров согласились с основной мыслью этого рассуждения, но подробности редакции затянулись на три недели, за отсутствием некоторых министров (военного и морского) и за некоторыми недоразумениями. Сегодня, наконец, приняли окончательную редакцию.

Но в ней есть одна статья, из-за которой преимущественно я и решился обременять внимание вашего величества своим многописанием.

Предположено подвергнуть безусловному запрещению всех состоящих на действительной службе в военных и военно-медицинских чинах сухопутного и морского ведомства. Сюда входит, следовательно, вся армия, в больших и малых чинах, безразлично.

Признаюсь, что для меня очень сомнительна польза такого безусловного запрещения, а напротив того, я весьма опасаясь неблагоприятных от него последствий. Вредно и безнравственно, что здесь в столице есть генерал-адъютанты, флигель-адъютанты и пр., пользующиеся своим положением для устройства своей фортуны в разных акционерных и других предприятиях; но если подумать обо всей России и о целой армии,—какая беда для службы от того, что тот или другой поручик или майор состоит деятельным членом того или другого предприятия? Некоторые из них нуждаются и в техниках членах, кои встречаются в среде офицерской. Наконец, сколько есть бедных офицеров, которые, не имея возможности прожить жалованьем, питаются от этих занятий. Не справедливее ли было бы, выделив высшие чины и должности, вообще поставить эту деятельность в зависимости от усмотрения и согласия начальства.

Но тут дело идет еще и не об одной справедливости. Важно, по мнению моему, очень важно, то впечатление, которое произведено будет на всю армию внезапным принятием такой крутой меры.

Вашему величеству, конечно, не безызвестно, что теперь в военной среде слышится и без того глухой ропот на многие меры и распоряжения высшего военного управления по сокращению штатов и содержаний, по нововведениям относительно службы и производства и т. под. Говорят уже, что не стоит служить в военной службе, что офицерство стеснено и обрезано, что на полковую службу и в армии, и в гвардии уже не обращается внимания такого, как было прежде, и т. под. Не умею судить, насколько основательны эти жалобы, но то несомненно, что они слышатся отовсюду.

Несомненно, что этот ропот усилится с изданием нового закона, а мне кажется, что не следует пренебрегать этим особенно в нынешнее смутное время брожения умов.

Притом вот что важно. Говорят повсюду, что мысль обо всех этих ограничениях исходит от вашего величества. Не сомневаюсь, что от вас исходит верная и вполне справедливая мысль общая о необходимости поднять достоинство службы и служебных званий; но едва ли все подробности применения возможно признавать исходящими от вас лично. Между тем, мне известно, что, например, многие из членов комитета министров готовы были заявить свои сомнения относительно благовременности предполагаемого ограничения военных чинов; но их останавливала задняя мысль о том, что на это уже есть неперенная воля вашего величества, — и, кажется, таково мнение самого военного министра.

Смею думать, ваше величество, что весьма нежелательно было бы, с изданием нового закона, вводить ход тому мнению или слуху (а он наверное не безоснователен) что это безусловное ограничение армии исходит исключительно от вашего величества.

Думается мне поэтому: не благоразумнее ли было бы в настоящее время выделить из общего указа статью о военных и военно-медицинских чинах, и по этой статье

предоставить военному министру составить особо свои предположения. По специальности предмета соображения эти могли бы быть внесены на рассмотрение военного совета (имеющего свою законодательную постановку). Тогда, по крайней мере, было бы прямое об этом деле суждение военного совета, в связи с правилами и условиями военной службы,—и дело было бы ясно. А теперь комитет министров, видимо, как бы устранил себя от рассуждений по этому предмету, как бы специально военному.

Константин Победоносцев.

Петербург. 27 ноября 1884.

33.

Долгом почитаю представить вниманию вашего величества две любопытные записки, составленные профессором здешней духовной академии Троицким, к которому я иногда обращаюсь для исследования возникающих спорных церковных вопросов. Сообщаю потом эти записки и министерству иностранных дел, которое ими пользуется.

Одна из этих записок касается любопытного, все более и более выступающего вопроса об упадке церкви в тех славянских землях, где введена, по западному образцу, конституция. В ней выражены очень верные, по моему мнению, мысли.

С невольным вздохом обращаешься к прошедшему и спрашиваешь: как могла русская государственная власть прийти к роковой ошибке до ослепления мысли ввести сочиненную по западному образцу конституцию в освобожденной Болгарии? Препятствием к этому произошло в то время, когда самые фантастические идеи господствовали во внутренней политике нашей; но, казалось бы, во внешней политике одно чувство самосохранения должно было предупредить нас, что мы налагаем сами на себя убийственную руку и разрушаем вековые предания русской национальной политики... Недавно еще я имел по этому предмету разговор с кн. Дондуковым, которого иные считают виновником этого дела. Он с него-

дованием отвергает это обвинение, уверяя, что его проект был совсем переделан в Петербурге под влиянием гр. Шувалова и при посредстве комиссии, в которой председательствовал добрый, русский по душе, но—увы!—бесхарактерный, гибкий и уступчивый до полного самоуничтожения кн. Урусов... Это была великая, роковая ошибка—и, бог знает, возможно ли когда-нибудь исправить ее!

Статьи греческих газет показывают, какой благодарности может ожидать Россия от тех, за кого проливала кровь свою, когда разрушаются прежде соединявшие нас с ними узы единой веры и когда ветер потянул их от Востока к Западу.

Другая записка относится к возникшему недавно вопросу о признании вселенским патриархом новой сербской иерархии. Патриарх (лицо во всяком случае еще сомнительное) ссылается теперь на угрожающую опасность от соединения сербской церкви с карловицкой митрополией. Автор записки доказывает, что это опасность мнимая, и в конце указывает, куда должна стремиться наша политика,—указывает, по мнению моему, верно.

По этому последнему предмету почитаю не лишним доложить вашему величеству, что сведения наши о церковных делах Востока и славянства, и сношения с тамошними людьми постоянно умножаются, хотя были прежде очень скудны. Года три тому назад мы отправили одного, очень даровитого и хорошего по душе кандидата духовной академии Пальмова в поездку на Восток и по всем славянским землям для изучения тамошних церковных дел и церковной истории. Он вернулся недавно, объехав и главные центры, и темные углы, и привез массу любопытнейших сведений. Теперь учреждается для него в здешней духовной академии кафедра истории славянских церквей, именно с целью распространения точных сведений об истории и нынешнем положении там церковного дела.

Константин Победоносцев.

Петербург. 22 декабря 1884.

Письма Победоносцева, том II.

1885 г.

34.

Простите, ваше величество, что я слишком, может быть, часто утруждаю ваше внимание своими писаниями. Но что же делать, когда сердце не терпит в таких делах, в коих только у вашего величества можно искать крепкой опоры и живого движения к правде.

Печальное яacobштадтское событие вынуждает обратить зоркое внимание на этот именно угол, который как будто ускользнул совсем от внимания правительства. А между тем, здесь едва ли не самое опасное польское гнездо, какое только есть в России,—и с какою ловкостью оно устроено и укрыто от надзора!

Мне хочется объяснить в кратких словах, почему это произошло. Причины исторические и объясняются нагляднее с помощью карты.

Угол этот составляется из так называемого издревле Зельбургского благочиния, к коему принадлежат вся придвинская часть Фридрихштадтского уезда и весь уезд Иллуcтский—узкая полоса, на $\frac{9}{10}$ своей фигуры примыкающая к Витебской и Ковенской губерниям.

По истории видно, что по обе стороны Двины было тут старинное владение полоцких князей с русским населением, выдававшимся в латышское. Тут велась долго упорная борьба между русскими, немцами, литвой и поляками. К XVI веку произошло разделение. Правый берег остался за Польшей (Лифляндские уезды—Динабургский, Режицкий, Люцинский); левый берег, под именем Зельбургского округа, вошел в Кур-

ляндию, состоявшую тоже под протекторатом Польши. Итак, вот с того времени поляки перемешались здесь с немцами в общем интересе (тогда Плятеры, Зиберы и пр., родом немцы, приняв католичество, превратились в поляков).

Население однако было чисто-русское и православное. Самый Якобштадт основан в 1670 г. русскими и назван по имени герцога Иакова. Иезуит Палевин в 1582 г., проезжая в Россию, останавливался в Иллуксте и не нашел во всем околотке ни одного дома католического. Но владыки полоцкие, к епархии коих принадлежал край, первые изменили, перешли в унию и стали распространять ее. Появились иезуиты, василианские монахи, и в XVIII столетии обращение в унию совершалось массами,—к концу его все население (кроме Якобштадта со старым его монастырем) было оторвано от православия. Совращения продолжались и по присоединении Курляндии к России (1795 г.), пока не совершилось воссоединение 1839 года.

Любопытно, что здесь, в этом Зельбургском округе, произошло явление, я думаю, беспрецедентное в Европе,—дружное единение немцев с поляками, донныне резко бросающееся в глаза. Немец сошелся с поляком в стремлении изолироваться от всякого русского влияния, и немцы, с своими особливими учреждениями, совсем закрыли от правительства поляка с самою усиленною его пропагандой: все исключительные русские законы, ограничивавшие польскую и латинскую пропаганду, не имели действия в этом крае. Зельбургский округ был впереди всех во время повстанья 1863 года и отличался самыми дерзкими предприятиями (нападение на транспорты, сборы для нападения на Динабург, укрывательство важнейших предводителей) и за всем тем, благодаря своему положению, он избежал администрации Муравьева, закона о покупке имений поляками и пр., за черту его не переходили исключительные законы. Здесь все покрывается ярлыком лютеранства, и здесь, во дворах польских помещиков, свободно проживают и действуют „гости из Литвы и Польши“.

Кн. Суворов, послуживший, к сожалению, орудием многих вредных для России предприятий, помог и в этом отношении польской пропаганде.

По присоединении Курляндии все унианские приходы остались в ведении полоцкой униатской епархии. Они оставались за нею и после воссоединения униатов. Эта принадлежность к Полоцку держала зельбургские приходы вместе с прочими воссоединенными на глазах правительства и под общим руководством новоправославной церковной власти.

Понадобилось разрушить и эту гарантию руками кн. Суворова. По представлению его приходы эти присоединены к рижской епархии в 1849 году, следовательно, укрыты от надзора власти, специально призванной к наблюдению за польско-латинскою пропагандой.

И вот с тех пор пропаганда эта действует в этом краю безвозбранно и без всякого контроля. Дошло до того, что в Иллуkste собралось на жительство до 40 ксендзов, возвращенных из Сибири...

Далее не стану обременять внимание вашего величества указанием на собранные у меня факты этой пропаганды. Я желал только указать на особое значение и исключительно привилегированное положение этой местности. Осмелюсь только указать еще на одно из неблагоприятных проявлений нашей неосмотрительности и польского влияния в этом крае (на особом листочке).

Константин Победоносцев.

30 января 1885.

35.

Присланная от вашего величества лампада сегодня же отсылается мною к митрополиту, который, без сомнения, к этому же воскресенью устроит ее на показанном месте у раки св. благоверного князя. Это будет достопамятным событием для лавры.

Но еще знаменательнее для целого края—дар вашего величества Почаевской лавре. Поэтому желательно устроить

внесение лампы в Почаев как можно торжественнее. С этою целью преосвященный волынский предполагал устроить внесение лампы в Почаев после пасхи, когда там бывает значительное стечение богомольцев; а до того именно великим постом, на крестной неделе, выставить лампаду еще в Житомире, чтоб и там могли ее видеть. Вот причина, почему я до сих пор не доносил еще вашему величеству об окончательном исполнении и его последствиях.

Сейчас получил известие, что у гр. Толстого ночью опять был припадок. В ночь с воскресенья на понедельник он мучился, говорят, часов 10. Это обстоятельство серьезное; болезнь похожа на грудную жабу, которая может в минуту унести человека. Все в смущении от этих слухов, и в городе идут толки всякого рода.

Константин Победоносцев.

7 февраля 1885.

36.

Доклад, который имею честь представить при сем, есть результат рассуждений, два года длившихся в синоде, и отвечает заявленному со всех сторон желанию благочестивых людей восстанавливать закрытые приходы и восстанавливать богослужение, прекращенное во многих сельских храмах со введением новых штатов 1869 года. К сожалению, сокращение церквей и закрытие старинных приходов, к коим народ привык, последовало именно в такое время, когда, с освобождением крестьян, оказалась настоятельнее прежнего потребность в храмах. А вышло так, что в это самое время кабаки приблизились к народу в самых мелких поселках, а церкви, напротив того, отдалились от него. Итак, во многих местах народ стал отвыкать от церкви, привыкая к кабаку. Немало воспользовался этим и раскол, особливо в глухих местах.

В последнее время со стороны синода делаемы были всевозможные облегчения к открытию закрытых приходов; за всем тем осталось еще их немало.

Нынешнее постановление синода имеет целью ввести постоянные правила к облегчению этого дела и к восстановлению в штате церковном диаконов, о чем давно уже многие приходы ходатайствуют.

Константин Победоносцев.

15 февраля 1885.

37.

Имею честь представить вашему императорскому величеству, во 1-х, экземпляр послания св. синода, изготовленного на 6 апреля; во 2-х, экземпляр изданий к тому же дню славянского благотворительного общества, предназначенных для бесплатной раздачи и уже разосланных в большом количестве (по числу приходов) во все концы России. В этой кипе собраны два жития на русском языке, написанные на премию от славянского общества. Первую премию получила девица Вильмс, года полтора тому назад вышедшая из Екатерининского института; а вторую—тоже девица. Третье житие—краткое, на славянском языке, с присоединением к нему молитвы и наставления, из старинных рукописей. И то, и другое примечательно тем, что содержит в себе предостережение против латинян, которые теперь выдумали присваивать себе Кирилла и Мефодия из политических целей, отвергнув изобретенную ими кириллицу.

Кроме того, изданы сохранившиеся в древних рукописях службы св. Кириллу и Мефодию.

Вот уже несколько лет продолжается со стороны рижской курии агитация по поводу Кирилла и Мефодия, направленная против православных славян и России. Главным ее деятелем служит епископ дяковорский Штрамайер, задумавший объединить всех славян австрийских под знаменем католичества и внести ту же пропаганду в среду православных. К 6-му апреля он, при содействии Рима, давно готовит громадную демонстрацию в Велеграде. Эти приготовления заставили и нас озаботиться о торжественном, по возможности, праздновании этого дня в России. Дело успело огласиться повсюду, встречено с большим сочувствием, и теперь

во всех городах и во многих селах готовятся празднества на 6 апреля с торжественным богослужением и крестными ходами. Думаю, что это торжество не останется без важных последствий и утвердит в народном сознании (что в особенности важно на окраинах) чувство национальности и понятие о просвещении, связанном с церковью. Действительно, нельзя не признать, что семя всей нашей исторической культуры заложено в азбуке, изобретенной Кириллом и Мефодием, и в книгах, ими переложенных на славянский язык и донные составляющих драгоценное достояние духа народного в России.

Итак, это торжество можно назвать всероссийским. Вот почему приходит на мысль: не благоугодно ли будет вашему величеству почтить его и вашим присутствием в Исакиевском соборе, где будет главное торжество, и после литургии, около 12 часов, молебствие. Это было бы, по мнению моему, чрезвычайно важно для народного сознания.

В этот же день, перед литургией, будет происходить в соборе хиротония прибывшего на-днях сюда из Цетинье архимандрита Митрофана Бана, поставляемого в митрополита черногорского. Приезд его именно к этому дню последовал весьма кстати. Он еще молодой, бодрого вида, учился в Заре Далматской, родом из Бокка-ди-Каттаро, говорит пока лишь по-черногорски.

После хиротонии ваше величество, без сомнения, соизволите принять его во свидетельство добрых отношений наших к черногорскому народу. Между тем, не благоугодно ли будет вам почтить его пожалованием ему от вашего имени архиерейского облачения в том роде, как были изготовлены облачения для архиереев на коронацию.

Константин Победоносцев.

Петербург. 3 апреля 1885.

Вчера происходило в синоде торжественное наречение во епископа метинского архимандрита Митрофана Бана, о котором князь Черногорский пишет Гирсу с по-

хвалою. Тут же находился и протодьякон его, рослого черногорского типа, из боевых юнаков, и проливал слезы, когда после многолетия августейшему дому провозглашено было многолетие и князю Николаю. Нареченный Митрофан говорил, по обычаю, речь на сербском языке, так внятно, что почти все можно было понять. Публики, которая обыкновенно допускается в подобных случаях (кроме женщин), наблюдалось множество.

Сегодня ожидают сюда приезда тырновского митрополита Климента и бывшего сербского министра Ристича.

Завтра должен представляться вашему величеству (по случаю полученной награды) Саблер, директор синодальной канцелярии (он же состоит и при вел. кн. Екатерине Михайловне,—очень хороший человек). Он главным образом распоряжается устройством празднества 6 апреля и может, если угодно будет вашему величеству спросить его, отвечать на все вопросы по этому предмету.

Константин Победоносцев.

Петербург. 4 апреля 1835.

39.

В последний раз, когда я был в Гатчине, ваше величество изволили говорить о проектах памятника в бозе почившему государю в Кремле, и в особенности о проекте Антокольского, который, если не ошибаюсь, остановил на себе ваше внимание, хотя и не вполне удовлетворял вас.

Я тогда же высказывал всегдашнюю свою мысль, что памятнику в Кремле какое-то несвойственное место, и что лучшим здесь памятником служила бы небольшая церковь или часовня.

Но, кажется, решено уже быть памятнику.

В таком случае очень важно, какой будет памятник. Проект Антокольского, сколько мне известно, едва ли пригоден для предмета и для места. И что за памятник,—множество фигур, сидящих в полукруге? Это было бы, особливо в Кремле, странное и несвойственное зрелище. Притом для памятника требуется цельная, центральная идея, наглядно

и поэтично объединяющая представление, а тут совсем нет наглядного центра. Да едва ли и способен уловить эту идею еврей, космополит по натуре и по свойству своего таланта.

Спустя некоторое время после этого разговора, случилось мне встретиться с Крамским. Крамской из всех художников, кого я знаю, более мне симпатичен, потому что у него душа живая, русская и религиозная. Он глубоко чувствует и глубоко понимает.

Тут я узнал, что Крамской носится с идеей об этом памятнике, и эта идея совсем им овладела. Коронация в Москве, коей был он свидетелем, потрясла его до глубины, и великий образ ее с тех пор не дает ему покоя, в связи с мыслью о памятнике. Мысль эта, как ему кажется, созрела в нем, и он додумался до проекта.

Я обещал Крамскому, когда он разработает свой проект, представить его на усмотрение вашему величеству непосредственно.

Теперь он разработал его и принес. Действительно, мысль его глубокая, и проект грандиозен и достоин предмета. Здесь есть идея, очень меткая и поэтичная.

Из прилагаемого описания (в двух вариантах) ваше величество изволите усмотреть, в чем состоит эта идея памятника. Мне кажется, что и вам этот проект по идее покажется удовлетворительнее прочих.

Но против деталей я имею возражения, которые и высказывал вчера Крамскому.

В проекте слишком много фигур, которые подавляют его и отвлекают от центральной мысли. Группа выходит величественная, но громоздкая. Притом эти фигуры (министры, генералы и пр.), составляя аксессуар, соответствуют однако же известным деятелям эпохи и потому не могут быть совершенно безличными.

Казалось бы, что идея памятника много выиграет, если выразить ее лишь в четырех-пяти фигурах, из коих две только,—императора и митрополита,—сосредоточат на себе внимание, а прочие (напр., знаменосец, мальчик с посохом и т. п.) будут действительно аксессуарными.

Крамской не мог не согласиться с этим замечанием, и переделка проекта в этом смысле не представила бы затруднений, еслиб только основная мысль была одобрена.

Мозаичная картина сзади памятника будет иметь существенное значение и представит великий момент в общей идее.

Итак, имею честь представить при сем рисунки Крамского вместе с записками его и последним письмом ко мне на благоусмотрение вашего величества.

На случай, еслиб угодно было вашему величеству иметь какие-либо дополнительные объяснения, предполагаю явиться в Гатчину в субботу, 20 числа, к 12 часам, если не получу от вашего величества других указаний.

Сегодняшние известия о здоровье гр. Толстого очень тревожные. Он не спал 18 ночей, ослабел очень, и на этой неделе в пятницу предполагают везти его в Москву. Сомневаются, благоприятен ли для него крымский воздух.

Константин Победоносцев.

Петербург. 15 апреля 1885.

40.

По поводу дела о дисциплинарной ответственности судей, обсуждавшегося в общем собрании Государственного Совета, я, конечно, и не думал обременять внимание вашего величества. Но до меня доходят разные толки и сплетни по случаю этого заседания, в коих и мое имя упоминается. Слышу, что толки эти, со взаимными обвинениями, доходили и до вашего величества, и потому считаю не лишним, во избежание недоразумений, объяснить мое в сем деле участие.

Дело это я застал в соединенных департаментах уже заслушанным: меня пригласили к рассмотрению составленного уже журнала. Прочитав этот журнал, я увидел, что все существенные предложения министра юстиции, клонившиеся к усилению дисциплинарной власти над судьями, отвергнуты департаментами. Все эти вопросы я, в соглашении с Набоковым, постарался вновь поднять, и таким образом удалось

восстановить предположение министра в существенных чертах его.

Но затем оставались еще два предмета, в которых положение представлялось мне слабым, и на них я тотчас же обратил внимание Набокова.

Во 1-х,—на состав дисциплинарного присутствия, куда министр юстиции должен вносить предположения об удалении или перемещении судей. Оно составляется из двух первоприсутствующих кассационных департаментов Сената; из общего присутствия кассационного с первым (6 членов) и из 4-х кассационных же сенаторов, назначаемых по высочайшему повелению. Всего 12 членов, из коих 10 кассационных сенаторов. Эти последние, происходя из недавних председателей судов и палат, всегда склонны будут отстаивать судей, и им весьма удобно будет составлять большинство противу предположения министра; а дела в этом присутствии будут решаться по большинству, которому министр поневоле подчинится.

По моей мысли, для того, чтобы присутствие это могло действовать с успехом и с энергией, необходимо дать ему цельный состав, то-есть составить его всего-на-все из 5—6 членов, сенаторов, по прямому выбору и назначению верховной власти. Это мнение думал я заявить в соединенных департаментах. Но хотя оно клонилось к усилению власти министра, Набоков, услышав мое предположение, убедительно просил меня не заявлять его, опасаясь сильного противодействия и уверяя, что во всем остальном будет со мной согласен. Итак, видя, что сам министр не желает усиления власти, и не надеясь встретить, в разногласии с ним, поддержку от других членов, я уже не заявлял такого мнения, однако заметил Набокову, что если в общем собрании кто-либо заявит подобное, я соглашусь с ним и буду это мнение поддерживать.

Во 2-х, в проекте Набокова была одна статья, в силу которой министр обязан представлять на высочайшее благоусмотрение решения дисциплинарного суда по делам об ответственности лиц, подлежащих непосредственно его ведомству.

Соединенные департаменты признали нужным исключить эту статью, и министр юстиции согласился.

Я два раза возбуждал вопрос о восстановлении этой статьи и убеждал Набокова, как она важна для него и для дела. Если министр юстиции не всегда будет иметь опору в составе 12-ти членов присутствия, то уже необходимо всем знать, что он по общему порядку имеет всегда опору в верховной власти, и когда присутствию известно будет, что всякое его решение докладывается министром государю, то оно будет осторожнее в своих решениях.

Однако и в этом пункте Набоков не решился поддерживать меня. Указывали, что всякие решения об удалении судей, определяемых высочайшими указами, и без того пойдут на утверждение к государю.

В понедельник, 6 мая, когда я приехал в Госуд. Совет, тотчас заметил еще до начала заседания странное возбуждение. Оказалось, что Островский готовился сделать свое заявление, что когда об этом узнали, и великий князь, и Набоков пришли оттого в негодование, и произошло какое-то крупное и раздражительное объяснение.

Я и до сих пор не понимаю, что за причина такому раздражению, потому что заявление, сделанное в заседании Островским, не содержало в себе ничего чрезвычайного и, казалось, не было ни почему оскорбительно ни для министра, ни для судебного ведомства.

Предложение Островского было гораздо умереннее того, которое я заявлял в департаментах Набокову. Я предлагал всех членов дисциплинарного присутствия назначать из сенаторов какого бы то ни было департамента, по высочайшему усмотрению. А Островский останавливался лишь на тех 4-х членах, кои в состав этого присутствия предполагаются по высочайшему назначению из кассационных сенаторов, и предлагал исключить это слово: кассационных, дабы назначение могло быть из всех лиц, носящих сенаторское звание; предлагал еще: председателя в это присутствие назначать, не стесняясь выбором их, непременно из первоприсутствующих кассационных д-тов. Предлагал еще

восстановить предложенное самим министром юстиции правило—вносить решение присутствия на высочайшее усмотрение.

К этому предложению Островского я счел долгом присоединиться. Присоединились бы к нему и некоторые другие члены, но в виду крайнего раздражения, которое по сему поводу возникло, Островский не хотел продолжать волнение и возбуждать разногласие. До сих пор не понимаю, почему такое раздражение возникло. И то для меня удивительно, что оно обратилось не на меня, а именно на Островского. Слышу еще, что к этому делу примешивают почему-то Каткова,—совершенно напрасно. Катков заезжал ко мне на $\frac{1}{4}$ часа накануне 6-го мая и от меня в первый раз узнал, что в Государственном Совете есть дело о дисциплинарном производстве над судьями.

Константин Победоносцев.

Петербург. 15 мая 1885.

41.

Князь В. А. Долгоруков считает для себя существенно важными самые второстепенные и мелкие вопросы о местах и обрядах. Очевидно, с этим делом он соединяет свое самолюбие и потому, придавая ему важность, утруждает теперь ваше величество докладом об утверждении целого плана разграничения мест в соборе для того только, чтобы настоять на своем. Он присылает и копии со своих ко мне писем; напрасно не приложил для полноты и копию с моего письма к нему.

Мне кажется, это дело по существу своему не имеет такой важности, чтобы требовалось прямое и непосредственное решение вашего величества, как и кому где стоять в храме спасителя в торжественные дни. Думаю, что еслибы такое решение и последовало, самолюбие кн. Долгорукова было бы, конечно, удовлетворено, но тогда он уже окончательно почел бы себя исключительным хозяином и распорядителем в храме.

Итак, по мнению моему, всего приличнее было бы объявить кн. Долгорукову, чрез посредство хоть Рихтера, что, за последовавшим уже общим распоряжением на подобные случаи, его величество не находит нужды входить в рассмотрение подробностей расположения официальных лиц и народа в храме спасителя в торжественные дни, предоставляя определение оных местному соглашению генерал-губернатора с митрополитом московским.

Кн. Долгорукову нравилось, что он в эти дни представляет как бы особу государя императора, стоя у царского места и имея перед собою пустыню, ничем не наполненную. Но странно было видеть такое зрелище в церкви. Хотя бы наполнялось место, как он говорит, „служащими и почетными лицами“; но из них почти никто не является, и многие уклоняются потому именно, что желают избежать церемониального стояния на виду и как бы в свите у генерал-губернатора.

Константин Победоносцев.

Ораниенбаум. 4 июня 1885.

42.

Сегодня прибыл сюда, по пути в Вильну, новый епископ виленский, бывший викарий московский, преосвященный Алексий. Москва очень любила его и очень о нем сожалеет, но и для Вильны крайне необходим достойный архиерей.

Не благоугодно ли будет вашему величеству разрешить преосв. Алексию представиться вам на этой неделе? Было бы желательно, чтоб и в Вильне известно было, что вы изволили принимать нового епископа.

Сегодня дошел до меня слух, что вы предполагаете на днях отправиться в шхеры. Если это справедливо, и отъезд назначен будто бы завтра, то, конечно, уже не время будет утруждать ваше величество представлением.

И я сегодня только что вернулся из 4-дневной поездки, которую предпринял, чтобы освежить свою голову. Я был

в прекрасных местах, которые очень люблю,—в Саввином монастыре под Звенигородом и в Новом Иерусалиме. Это такие живописные местности, совершенно русского характера, что всякий раз думается: как бы тут понравилось вашему величеству и детям. Простор, луга, река, лес с большими деревьями, на горизонте села и церкви. В Новом Иерусалиме храм дивной красоты и великие воспоминания. В Саввине—любимое место симпатичного царя Алексея Михайловича, любителя охоты и природы, и следы его на каждом шагу. Никакие крымские виды, при всем их великолепии, не сравнятся с этими видами, которые так много говорят русскому сердцу.

Константин Победоносцев.

Петербург. 17 июня 1885.

43.

Вернувшись сегодня из своей поездки, долгом почитаю доложить вашему императорскому величеству, что все, что я видел и чему был свидетелем, оставило во мне самые отрадные впечатления. Казань всегда казалась мне самым замечательным в России центром умственной деятельности, и именно около церкви собралось там немало людей серьезных и добросовестных, неутомимых деятелей. На этот раз кружок еще значительно усилился прибытием новых лиц. В числе приехавших архиереев (саратовский, уфимский, оренбургский, астраханский, симбирский, вятский, пермский, екатеринбургский) я встретил двух в особенности интересных—оренбургского Вениамина, очень серьезного и деятельного, и старца Дионисия уфимского, который в течение 43 лет продолжал миссионерскую деятельность в Якутской области. По инородческому вопросу был на-лицо человек, в своем роде единственный и неоцененный—Ильминский, директор учительской семинарии; священник Василий Тимофеев, из татар, учредитель и начальник крещено-татарской школы; Яковлев, родом чуваш, посвятивший себя просвещению своего племени, учредитель 153 чувашских школ в Симбирской губернии, и несколько замечательных по этой же

части профессоров казанской духовной академии, в том числе молодой Машаков, отъезжающий на 2 года в Аравию для специального изучения арабского языка и тамошнего ислама. По части раскола вызван сюда из Москвы первый знаток дела проф. Субботин; в Казани же имеется другой знаток, профессор Ивановский. Но что всего важнее,—вызвано в Казань несколько известных миссионеров—крестьян и священников, из Пензы, из Перми и Оренбурга, людей практически знающих дело раскола. Эти-то люди своими практическими указаниями и разъяснениями должны принести большую пользу собравшимся епископам, из коих многие знакомы были с этим делом лишь поверхностно и по книгам.

Итак, нынешнее казанское совещание будет, я надеюсь, много плодотворнее прошлогоднего киевского. Оно открылось 9-го числа торжественно, под председательством преосв. Палладия казанского, человека умного и распорядительного; затем все разделились на 2 группы: по расколу и по инородческому делу, и каждая собирается ежедневно 2 раза—утром и вечером. Дело пошло очень дружно при содействии названных мною лиц, и я не сомневаюсь, что из него выйдет немалая польза, притом Казань никогда не видала таких церковных торжеств: литургия совершается в соборе 8 епископами с большим торжеством и с превосходным пением.

Особенно любопытно и трогательно было мне слушать всенощную в крещено-татарской школе в прошлую субботу. Церковь вся наполнена была множеством крестьянских мальчиков, девочек и молодых сельских учителей, и все это собрание—до 150 человек—всею церковью пело всенощную на татарском языке; чтение и вся служба была тоже по-татарски. Поют они художественно, по временам переходя в некоторых молитвах и на слав.-русский язык. Но кто не слышал, тот не может себе представить всю особенность татарского пения детей и мальчиков,—столько в нем жизни и выразительности, и такая задушевная простота. Такая же служба и пение в симб. школах на чувашском. Это совершение служб на туземных наречиях производит удивительное действие. Дети все отлично обучаются чтению и пению

и, приходя в деревню, в своих семьях становятся миссионерами посреди родителей-татар, которые считались православными только по имени, не зная языка. Потом из них образуются учителя для сельских школ чувашских и татарских, и они у себя образуют службу и пение по тому же примеру, и из них же ставятся по мере возможности священники и диаконы в инородческих приходах. Это—великое дело, поднятое в Казани Н. И. Ильминским по стародавнему примеру первых казанских епископов Гурия и Варсонофия и Стефана пермского,—примеру, бывшему в забвении в течение 300 лет.

С такими приятными впечатлениями в прошлый понедельник оставил я Казань. В Нижнем-Новгороде пробыл несколько часов в самом начале ярмарки, успел осмотреть только что открытую и интересную выставку кустарной и заводской промышленности, и не избег общей участи претерпевать великое кормление от купцов. За завтраком почтенный старик И. Н. Волков, подойдя ко мне, сказал: „Все мы просим доложить его императорскому величеству, что когда потребуется, как было при Минине, так и теперь будет,—все мы готовы все отдать на защиту царя и отечества от врагов“.

Затем меня ожидали еще новые впечатления во Владимире, где я не бывал еще до сих пор. Я пробыл там день и видел великую красоту в храмах. Вот когда бы вашему величеству выпало удобное время съездить во Владимир из Москвы на несколько часов,—великая честь и радость была бы для города, ныне позабытого и служащего лишь проезжей станцией железной дороги; а для вас, я уверен в том, было бы делом самого живого интереса посмотреть на этот срединный пункт земли русской,—на гнездо Москвы и русского государства,—и видеть эти храмы, единственные по своему значению. Особенно с прошлого года, когда открыт возобновленный Успенский собор со стенною живописью XII века. Особенное чувство теснится в душу, когда вступаешь в этот величественный храм, единственный памятник, уцелевший в России от погромов древнего времени; когда

подумаешь, что здесь, на этих самых хорах, великокняжеское семейство задушено было огнем и дымом при нашествии Батая. Усердием здешнего достопочтенного архиепископа Феогноста восстановлено здесь много скрытого от древности. В стенах найдены заложенными великокняжеские гробницы, очищены, оправлены, украшены—и все какие имена! Это храм несравненный, а возле—Дмитровский собор великой красоты, и еще возле—собор Александра Невского, откуда вынута и перевезено в Петербург тело усопшего князя,—собор, восстановленный при Николае I во всей первоначальной красоте своей архитектуры. Я был и в Боголюбове монастыре, в старом соборе, у того самого слухового окна, в той самой комнате, где убийцы задушили Андрея Боголюбского. Все это в высшей степени любопытно, и все, вместе с окрестными полями, лугами и селами и церквями, преисполнено той красоты, которую так любит и на которую так отзывается душа северного русского человека. Но тут и переход от юга на север, потому что с юга до Киева прошел сюда Андрей Боголюбский и здесь поставил по образу киевскому золотые ворота, окрестил киевскими именами многие урочища и заложил, так сказать, на южно-русских именах и костях великорусскую господственную силу.

Константин Победоносцев.

Ораниенбаум, 19 июня 1885.

43.

Может быть, вашему императорскому величеству любопытно будет взглянуть на группу собиравшихся в Казани архиереев,—все они уже разъехались, окончив свое дело.

А между тем 22 июля на Дальнем Востоке, в Иркутске, открылся другой съезд из семи сибирских архиереев, туда собравшихся. В числе их прибыл из Благовещенска преосв. Мартиниан, на пути в Симферополь, куда он переведен, и привез с собою архим. Гурия, своего преемника, коего хиротония состоялась тут же, в Иркутске, 22 июля. К этому времени прибыл туда же и граф Игнатьев. Корф, к сожалению,

нию, не мог подъехать к этому дню, как предполагал вначале, но прислал за себя забайкальского губернатора. От 1 августа преосв. Вениамин иркутский телеграфирует, что у них кончены совещания по церковно-гражданским вопросам и продолжатся еще с неделю совещания по церковным делам.

Известное вашему величеству дело о предбрачных подписках получает, слава богу, достойный исход в тишине! Завтра, надеюсь, будут разосланы от синода указы, образец коих буду иметь честь представить вашему величеству. Вместе с тем и в министерстве внутренних дел приступлено к отмене инструкции 1865 года, развязавшей руки лютеранским пасторам. Когда узнают об этом,—ропота и раздражения будет много. Не сомневаюсь, к сожалению, что и здесь многие из так называемого высшего круга будут негодовать, с своей точки зрения, на то, что им представляется нарушением веротерпимости и цивилизации. Негодование это обратится, конечно, на меня, но я спокойно подвергаюсь ему, ибо чувствую и сознаю, что исполнил свой долг, обратив внимание вашего величества на это дело. Что касается до веротерпимости, то я не могу причислить к ней несчастную склонность нашу отдавать себя со связанными руками и церковь, и народность в руки иноверцам и иноземцам, смотрящим с презрением на нас и на нашу церковь.

Уезжаю сегодня в Смоленск и оттуда в Зальцбург через неделю. Стану следить с сердечною заботой за путем вашего величества в Немирове и в Киев: дай боже, чтобы все совершилось благополучно! В Киеве смею обратить внимание вашего величества на 80-летнего, но еще бодрого старика Юзефовича, который, без сомнения, будет представляться; он радуется, что еще бог дает ему встретить еще одного государя в Киеве. Это самый старейший и самый почтенный из киевских борцов за русское дело с полонизмом и украинофильством, был когда-то помощником попечителя в университете.

И в Немирове и в Киеве, конечно, многие польские графы и князья будут всеми силами стараться обратить в свою

пользу присутствие вашего величества и прием у двора. Дай бог, чтобы все, кому ведать надлежит, умели различить достоинство от хитрого происка.

Константин Победоносцев.

Петербург, 6 августа 1885.

44.

Вернувшись из заграничной поездки 24 сентября и вступив в должность, долгом почитаю донести о сем вашему императорскому величеству.

Приятно было отдыхать в Зальцбурге, но мир наш был возмущен вестью о безумной и возмутительной фантазии князя болгарского. Нетрудно было догадываться, что за спиною его тайно действуют силы, враждебные России. К несчастью, мы окружены врагами тайными и явными, и всякая комбинация событий, предосудительная или вредная для России, повсюду встречается с радостью и находит усердных поджигателей и пособников. Боже нас избави от нового пролития русской крови за такое дело, за которое, в конце-концов, мы сами должны будем платить; а в этом болгарском движении ничего до сих пор не видно, кроме интриги с ловушкою, расставленною русскому благодущию. Пронеси, боже, эту темную тучу!

По приезде сюда сразу встретило нас горе, и мы переживаем самые тяжкие ощущения при виде страдальцы баронессы Раден, которая так плачевно доканчивает жизнь свою. Трудно представить себе, до чего она жалка и как она страдает. В несколько дней болезнь ее приняла ужасающие размеры. Все тело ее покрыто опухольями,—она уже едва движется, и трудно разобрать, что говорит она, но смотрит таким болезненным взглядом, который невозможно видеть без слез. К ней уже никого почти не пускают; надежды нет никакой, и только одного желать надобно,—чтобы скорее кончились ее страдания. Кто знал ее высокую душу и высокие качества ума ее и сердца, в совершенстве развитые, на того ужас нападает при мысли, до какого жалкого состояния

может дойти человеческое существо, создание божие, так богато одаренное. Без сомнения, государыня императрица глубоко пожалеет об этой потере, ибо нечем заменить ее,—она была одна такая. Для меня и для жены моей—это великая потеря: мы имели в ней друга единственного, верную и твердую душу. Но ее кончина будет великою утратой для всего петербургского общества, даже для тех, кто не будет ее оплакивать. В ней была нравственная сила, которая многих сдерживала и на многих действовала бессознательно. Все ее знали и все были равнодушны к тому, что думает и как судит баронесса Раден,—для многих она была живою совестью. В маленькие тесные комнаты, где жила она, кто ни приезжал к ней с утра до вечера, за советом, за одобрением, с горем, с радостью, с сомнением; многие люди с нечистой совестью боялись ее и все-таки искали ее. Она хранила в себе лучшие предания минувшего поколения, и кто подходил к ней, тот старался быть приличным и умственно, и нравственно. И она—последняя в этом роде! Видеть теперь ее разрушение невыразимо больно.

Будем ждать теперь благополучного возвращения вашего величества. Пошли вам боже благополучное плавание и полное ощущение мира при возвращении вашем.

Вашего императорского величества вернопреданный

Константин Победоносцев.

Петербург, 26 сентября 1885⁷

45.

Слава богу, что дождались благополучного возвращения вашего императорского величества. Дай бог, чтобы все были в добром здравьи и чтобы пребывание ваше в Гатчине началось и продолжалось мирно и счастливо.

По уговору с Даниловичем, я предполагаю приехать завтра к ночи в Гатчину, чтобы поспеть в пятницу рано поутру к в. князю цесаревичу. В пятницу же, около 2 часов, попрошу позволения представиться вашему величеству.

Между тем, вот сегодня ночью бог прекратил страдание Эдиты Раден. Она скончалась, и скорбь об утрате ее глубоко отзовется не только здесь, но и между всеми знавшими ее в целой России. Умирая, она молилась за вас и за императрицу,—немного не дождалась она приезда ее величества. Бедная много мучилась и умирала, можно сказать, каждый день в течение целой недели, но до конца сохранила взгляд и мысль, хотя не могла уже говорить. Заранее написала она в нескольких строках к императрице последнее прощание и последнюю просьбу. Письмо ее вместе с сим отправляю.

Она родилась и умерла в лютеранском имени, но в душе любила православие и православную церковь и понимала ее. Самые близкие друзья ее были не немцы, а православные, горячо преданные своей церкви, например, Самарин. Близкое общение по духу с лучшими людьми в России и со многими духовными помогло ей понять дух нашей церкви, и она была чужда того узкого, горделивого фанатизма, который так часто встречается у немцев. Она любила наше богослужение и горячо молилась в нашей церкви, крестясь большим русским крестом; а в заведениях, куда ездила, подавала православным пример уважения к нашей церкви и к ее обрядам. Особенно в последние годы, с упадком сил и здоровья, она еще более чувствовала духовную скудость лютеранского обряда и чаще прибегала к утешению, доставляемому нашим. В прошлом году, после операции, мать Мария из Костромы (которая близка была к ней) прислала ей икону божией матери, и больная поставила ее перед собой с утешением. Тогда она могла еще располагать собою, но теперь, на своем смертном одре, она была уже бессильна. Вокруг нее собрались родные, строгие лютеране, и к ней являлся сухой, узкий, суровый (как почти все они) пастор Гессе; он, конечно, позаботился, чтоб иконы стояли в другой комнате, и проходил мимо с презрением и с подозрительным взглядом. Но взгляд больной говорил русским ее друзьям, что ей мало этого и что душа ее просит иного, живого утешения. Как она была довольна, когда по ночам сестра милосердия читала ей русские молитвы, акафист Иисусу и пр.

Как она радовалась, когда входила к ней на несколько минут мать Мария (приехавшая для того из Костромы) и осеняла ее большим русским крестом... Перед кончиною она указала мне и сестре свой портфель, где сложила последние свои распоряжения и в том числе письмо к императрице. Тут мы нашли всего два-три листочка, но примечательно, что в числе их лежало переписанное ее рукою известное стихотворение Ф. И. Тютчева о лютеранстве:

„Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой;
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.
Но видите ль, собравшись в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит.
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит.
Еще она не перешла порогу.
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь богу—
В последний раз вы молитесь теперь!“

И вот мы ее оплакиваем и скорбим еще, что будем хоронить ее не по-нашему. А сколько бедных будут ее оплакивать,—она делала много добра для бедных.

Константин Победоносцев.

Петербург, 9 октября 1885.

46.

Получив сейчас приказание от вашего величества, я немедленно сообщу его Манассеину.

Слух об отставке Набокова, действительно, распространился, хотя я никому ни одного слова не говорил о чем-либо подобном. Впрочем, слухи этого рода повторяются беспрестанно,—и в прошлом году осенью, после поездки Набокова по России, в обществе ожидали того же. На этот раз слух особенно усилился и получил значение с прошлой среды. Всем стало известно, что ваше величество не приняли Набокова и потребовали к себе доклад с бумагами. В министер-

стве юстиции произошло смущение, и пошли разговоры по всему городу, с именами по крайней мере 6-ти кандидатов. Вчера вечером приезжал ко мне Набоков и спрашивал настойчиво, не знаю ли я чего-либо определительного, в виду распространившихся слухов. Я сказал ему, что ничего решительно не знаю, что, быв в Гатчине в пятницу, не имел случая видеть ваше величество. Одно мне известно,—сказал я Набокову,—что государь, особливо после дела Мионович, очень недоволен судебным ведомством и удивляется,—что выражал и прежде,—нерешительности твоих действий. Набоков был смущен и стал уверять, что его обвиняют напрасно, что он постоянно заботился об исправлении положения, успел уже значительно исправить его и готовит ряд мер по обдуманному плану. Конечно,—говорил он,—если государь находит мои действия недостаточно энергичными, я готов сложить бремя управления, но мне было бы больно думать и чувствовать, что за мною не признается никакой заслуги в том, что я до сих пор делал и старался делать.

Сегодня появились телеграммы о вступлении сербских войск в Болгарию и об объявлении войны. Последние известия с Востока крайне смущают общее мнение,—все в некоторой тревоге и неизвестности. Все чувствуют, что события на Востоке не только обращаются против нас, но и направлены против России; у всех есть мысль, что под покровом и под предлогом союза трех императоров скрываются задние мысли и тайные цели, направленные против России и русской политики на Востоке. Недоумевают и спрашивают себя: есть ли у нас ясный и определенный план действия в виду непредвидимых и случайных событий на Востоке и в виду выяснившегося перед всеми ревностного участия Англии в интриге, против нас направленной?

Мне приходит на мысль: не полезно ли было бы в настоящих обстоятельствах пригласить к совещаниям, происходящим у вашего величества, графа Н. М. Игнатьева? Он знает близко и по личному обхождению всех главных

деятелей в нынешней восточной драме, знает их прошлое и нынешние их отношения и мог бы, кажется, сообщить сведения и дать указания, полезные для русской политики в настоящем кризисе.

Константин Победоносцев.

Петербург, 3 ноября 1885.

47.

Позволяю себе обратиться к вашему императорскому величеству с тремя усердными ходатайствами о покровительстве и пособии трем добрым делам:

1. В Троице-Сергиевой лавре есть молодой достойный иеромонах Никон, из ученых, хилого здоровья, умный, усердный и отличной жизни. Он задумал посвятить себя доброму делу—выбирать из знакомой ему старой и новой духовной литературы статьи, просто и тепло написанные, понятным для народа языком, и издавать их отдельными листками для раздачи народу, приходящему в лавру. Он обнаружил вкус и искусство в выборе, и издание, начавшееся с 1880 года, имело и имеет успех замечательный и приобрело, под названием троицких листков, популярность во всей России. Их разошлось уже свыше 10 миллионов, и многие из самых отдаленных мест выписывают их сотнями для раздачи. При этом, конечно, нет никакого расчета на прибыль,—единственный расчет—на поддержание издания, что возможно лишь с помощью благотворителей.

В прошлом году тот же Никон предпринял, в пользу тех же троицких листков, написать общедоступное житие препод. Сергия и издать его в роскошном виде, со всем старанием. Книга эта только что появилась в свет, прекрасно напечатанная, с картинками и виньетками, изображающими церквы и древности Троицкой лавры.

Иеромонах Никон просит меня поднести эту книгу и троицкие листки вашему императорскому величеству. Почитаю то и другое достойным вашего внимания.

Если бы притом ваше величество сооблаговолили пожаловать некоторую сумму (например, 500 р.) в пособие на

это дело, то-есть на издание троицких листков для народа, это ободрило бы труженика и привлекло бы к его делу внимание и покровительство духовных властей.

2. По примеру владимирского Александро-Невского братства, здесь, в Петербурге возникло с прошлого года братство пресв. богородицы с целью попечения о сельских школах и вообще о духовном просвещении народа в здешней епархии (к которой принадлежит и Финляндия). Нужда в этом большая,—много бедного населения, много и нищеты и невежества и пьянства (особливо в Шлиссельбургском и в Новолadoжском уезде, по водяным путям сообщения). Люди принялись за дело усердно. Завязали живые сношения с приходами, оказались священники молодые, ретивые, но без всяких средств и без нравственной поддержки в усилиях действовать на народ посредством школы. Дело это обещает много пользы и уже приносит ее,—уже успели отыскать и поддержать несколько хороших деятелей. Братство заботится также о распространении церковного пения в народе, издает книги и ноты. От времени до времени собираются общим собранием у меня в зале, читаются отчеты о школах, и очень хороший братский хор поет новые переложения старых церковных напевов. Учреждение это достойно внимания вашего величества, но нужд и требований отовсюду имеется много, а средства скудные. В прошлом заседании несколько членов разобрали несколько бедных школ под свое попечительство. А случаев, требующих помощи, много. Так, например, недавно отыскиали около Новой Ладоги молодого священника, очень усердного, но совсем изнемогающего. Приход у него 200 душ—бедняки и много кабаков. Доходов никаких; жалованья 160 руб. в год—и все тут. Дома нет, живет в развалившейся избушке и тут же собирает детей для ученья. Теперь, с помощью одного здешнего купца, поддерживающего тамошнюю церковь, собираемся строить дом для священника и для школы вместе, на что отделил я из пожертвованной Кенигом суммы 1.000 руб.

Не благоволите ли, ваше величество, в ободрение и в пособие братству пожаловать некоторую сумму, напр., 1.000 руб.?

3. Прошу прощения, что уже много написал. Но вот и третья просьба:

Заботился немало о церковно-приходских школах во всей России. Это дело важное и, бог даст, мало-по-малу разрастется и даст плод; только спешить не надобно.

В систему этого дела входит учреждение при каждой духовной семинарии образцовой церковно-приходской 2-классной школы, так, чтобы она служила и примером для всех прочих и вместе живым образцом для учеников семинарии, готовящихся к той же деятельности. В некоторых епархиях (напр., владимирской, рязанской, казанской, таврической и пр.) школы эти открылись уже и действуют. Первая школа этого рода открылась в Рязани при тамошней семинарии, одной из самых многолюдных (слишком 600 воспитанников), из лучших у нас. Благодаря усердию и уменью ректора и учителя школа эта стала так хороша, что может быть названа действительно образцовой, и охотников учиться так много, что всех принять невозможно. Все это содержится, конечно, на самые скромные средства.

Просят меня оттуда усердно прислать для школы портреты вашего величества и государыни императрицы. Мог бы я от себя послать, но приходит на мысль, что присылка портретов от имени вашего величества была бы знаком внимания к первому в этом роде учреждению, притом имеющему несомненный успех.

Если благоугодно будет, для этого достаточно было бы 50 рублей.

Константин Победоносцев.

Петербург, 6 ноября 1885.

48.

Ваше величество изволили выразить и ранее намерение назначить Манассеина управляющим министерством юстиции. Это вполне и справедливо, и соответствует прежним распоряжениям в подобных случаях. Так, и Н. Х. Бунге назначен был вначале управляющим министерством.

Набокова я сожалею! В этих обстоятельствах приходится всегда переживать горькие минуты. Говорят, что у него много долгов; если эта правда, то положение его будет еще тяжелее. Еслиб не это, то, в сущности, он приобретает свободу от тяжкого бремени, которое не под силу и более чем он крепким людям. Ныне в России, при крайнем усложнении законодательства и отношений всякого рода, всякого рода управление до чрезвычайности тяжело и трудно для человека, серьезно хотящего принести пользу и водворить порядок; но самое тяжелое и трудное, без сомнения,—управление судебным ведомством. Правда, что Набоков с утра до ночи работал и напрягал свои силы; но крайняя нерешительность характера и мнений связывала и запутывала всю его деятельность.

Что касается до Манассеина, то я продолжаю думать, что в настоящую минуту он всего пригоднее и способнее к этому назначению. Он умен, с характером, и по опытности в делах судебного ведомства едва ли имеет себе равного. Служил и работал долго и в старых судебных учреждениях, в Москве, в сенате; потом в новых проходил всевозможные должности в Москве и в губерниях; в самом министерстве был директором департамента и знает людей судебного круга близко. Опасаюсь только за его здоровье. Авось, бог поможет ему.

Константин Победоносцев

Петербург, 6 ноября 1885.

49.

Долгом почитаю доложить вашему императорскому величеству о следующих обстоятельствах:

Сегодня пришел ко мне молодой серб Стефанович, служивший прежде в конной гвардии, а ныне состоящий в запасе и проживающий здесь. Я знал его года четыре тому назад, когда он приезжал ко мне от митрополита Михаила.

Нынешнее состояние Сербии заставляет предполагать возможность переворота, и видно там что-то готовится. Вчера, сказывают, выехал отсюда Хорватович, внезапно

вызванный своею партией, враждебной Милану. По словам Стефановича, легко может случиться, что Хорватович в случае переворота станет во главе правительства. Глядя по обстоятельствам, и некоторые сербы того же согласия ждут только знака, чтобы ехать туда же, в том числе и этот Стефанович.

В этих планах имеется, повидимому, расчет на митрополита Михаила. Что он будет делать в настоящую минуту,—не знаю; он находится теперь в Москве. Он горячий патриот и человек способный к увлечениям. Не сомневаюсь, что в известную минуту появление его в Сербии может иметь большое значение для дел; но в подобных обстоятельствах очень важно не ошибиться в выборе минуты. По всей вероятности, митрополит Михаил подвергается теперь возбуждениям с разных сторон в Москве, и мне кажется, не следовало бы оставлять его без руководства, в связи с общим направлением политики. Видя, по словам Стефановича, что у них там кипит, и взрыв может последовать внезапно, я решился телеграфировать Михаилу, прося его приехать сюда. Он и сам собирался давно приехать в Петербург, и у нас по внутреннему управлению есть дела, кои могут служить поводом к его вызову для личных объяснений; но в настоящую минуту желательно еще знать его настроение и виды. Думаю, что он приедет завтра же. Сейчас поеду предупредить о сем Гирса, а между тем долгом почитаю доложить вашему величеству.

Константин Победоносцев.

Петербург, 16 ноября 1885.

50.

Ваше императорское величество изволили обратить внимание на помещенную в газете „Новое Время“ корреспонденцию из Кронштадта о необходимости назначить туда священника для проживающих в Кронштадте эстов и латышей, и изволите спрашивать: что предполагается сделать по этому поводу.

Дело это известно мне с начала нынешнего года. Оно поднялось с того, что в Кронштадт приехал из Эстляндии один из лучших тамошних священников, благочинный Тизик, отправлял требы для православных эстонцев и служил для них обедню по-эстонски. Это произвело возбуждение в эстонском населении Кронштадта, и возникло ходатайство об образовании там постоянного прихода и о назначении священника. Невозможно было вскоре же устроить это дело,—самый существенный вопрос представлялся о содержании священнику, а потом предстояло сыскать его. Место для богослужения во всяком случае отыскалось бы в одной из церквей.

В синоде заведена по этому предмету переписка с митрополитом, от которого получен в ноябре отзыв о размере содержания причту. Теперь предстоит изыскать источник, откуда взять деньги, и приискать священника, знающего язык. Вместе с тем я командирую одного из чиновников в Кронштадт собрать на месте необходимые сведения.

Но подобная же нужда обнаружилась и здесь, в Петербурге, для здешних эстов и латышей. Об удовлетворении ее тоже заботимся; но здесь труднее приискать церковь для богослужения. Церквей в Петербурге вообще слишком мало для православного населения,—народ едва помещается, и в каждой из них служатся ежедневно и ранние, и поздние обедни, между коими нелегко найти время еще для третьей литургии. Однако надеемся, что и это мало-по-малу устроится.

Константин Победоносцев.

Гатчина, 12 декабря 1885.

1886 г.

51.

По особливому интересу, который имеют для меня дела на острове Сахалине, позволяю себе обратить внимание вашего императорского величества на генерал-майора Гинце, начальника о-ва Сахалина, который будет представляться вам завтра, 3 мая ¹⁾.

Я виделся с ним, и он произвел на меня весьма благоприятное впечатление, как человек серьезный, разумный, практический и преданный, с живым интересом [к] делу, которое на него возложено. Собранные мною сведения подтверждают это впечатление.

Сам он родом финляндец; служил до последнего назначения в войсках Приамурской области. Найдя на Сахалине природу, подходящую к финляндской, и имея способность хозяйственную, он взялся за дело практически. Злоупотребления администрации были на Сахалине значительные. Он постарался вывести их и водворить порядок, уничтожил по возможности пьянство и тайную торговлю вином (которою занимались начальники управления!) и приложил всю свою заботу к возбуждению местных промыслов и разработке естественных богатств острова. Так, например, он завел там гончарное производство и стал сбывать изделия во Владивосток; принялся за устройство дорог; стал вываривать собственную соль (до тех пор ее привозили на Сахалин), а без соли пропадают даром несметные богатства своей рыбы;

¹⁾ Так в подлиннике.

так что дома берега кишат рыбою, а для потребления приходится выписывать ее; назначил премию за изыскание на острове известки (ее тоже привозят, а без нея строить нельзя). Теперь он употребляет все усилия, чтобы выпросить себе пароход, ибо без парохода немислимо сообщение по берегу из Дуэ с другими местностями управления, и местная администрация без парохода—как без рук.

Теперь его вызвало с Сахалина печальное обстоятельство. Он устроился там с семьею, но жена его не вынесла климата и поражена была параличом, так что он вынужден был привезти ее в Одессу и оставить там с семьею. Теперь ему предстоит ехать на Сахалин одному, без семьи, и это обстоятельство, тяжкое для семьянина, приводит его, повидимому, в раздумье.

Между тем, желательно во всех отношениях, чтобы дело, им начатое, продолжал он же. Полагаю, что в этом много будет зависеть от милостивого внимания вашего величества к нему и к тому делу, на которое он призван; и вот почему беспокою ваше величество этим писанием.

Константин Победоносцев.

2 января 1886.

52.

Только что узнал я, что Н. Х. Бунге представил вашему императорскому величеству свою печатную записку с возражениями на записку г. Смирнова о финансовой политике. Это обязывает меня изложить пред вашим величеством историю о той и другой записке, в чем дело до меня касается, дабы предотвратить возможные недоразумения.

Положение наших финансов занимает в последнее время не одних только государственных людей, но, можно сказать, всех русских людей. Все чувствуют и видят, что дело стоит плохо и угрожает опасность; все сознают,—одни смутно, другие явственно,—ошибки нашей финансовой политики, продолжающиеся вот уже около 30 лет; все стараются искать выхода из нынешних затруднений. В этом ощущении схо-

дятся все сословия — и государственные люди, и дворянство, и коммерческий люд, и крестьянство.

Немудрено, что в последнее время, едва не каждую неделю, появляется новая записка с разбором существующей системы и с предложением, как помочь горю. Записки эти печатаются свободно и распространяются и рассылаются высокопоставленным лицам.

Итак, ничего нет удивительного, ничего, думаю, нет и предосудительного в том, что товарищ обер-прокурора Смирнов принялся писать такую записку. Он мог считать себя человеком сведущим, потому что в прежней своей деятельности занимался исключительно финансовыми вопросами, и даже в 60-х годах совокупно с Н. Х. Бунге писал постоянно передовые статьи в тогдашнем экономическом журнале.

Написав эту записку, он читал ее мне, читал М. Н. Островскому, показывал графу Д. А. Толстому. И я, и Островский в сущности согласны были с основными идеями записки и только советовали ему сгладить некоторые резкие выражения, что он и сделал. В этом виде записка содержала в себе критику системы, продолжающейся не при нынешнем только министре финансов, но и при его предместниках, следовательно, едва ли могла быть истолкована в виде личного обвинения. Во всяком случае, предмет, к которому она относилась, — предмет великой важности для государства.

Главная цель Смирнова была представить свою записку вашему величеству, и он думал поднести ее через мое посредство. Но я решительно от того уклонился. Я хотел избежать всякого нареkania со стороны министра финансов; и кроме того, хотя по здравому смыслу я всегда, с 60-х еще годов, был противником господствующей у нас финансовой системы, но, не принадлежа к числу специалистов этого дела, не мог иметь в нем настолько определенного мнения, чтобы решиться нести свой взгляд и, стало быть, отстаивать его перед вашим величеством. По частным вопросам я считал своим долгом выражать свое мнение определительно в Государственном Совете, вопреки проектам министерства

финансов (напр., по делам о соли, о пошлинах с наследства, о гербовом сборе, о питейных правилах, об учреждении податных инспекторов), но оставался в меньшинстве или вынужден был выслушивать иронические опровержения. Итак, во всех случаях, когда очень многие лица просили меня представить финансовые их записки вашему величеству, я всегда от того уклонялся.

Таким образом, записка г. Смирнова оставалась не более как личным изложением его взгляда на финансы и на средство исправить их, предназначенным для распространения в самом тесном кругу лиц, близко стоящих к делу. Она была напечатана в числе 40 экземпляров и сообщена прежде всего самому министру финансов, Абазе, Сольскому и затем некоторым министрам и членам Государственного Совета. Она была без имени и подписи, но всем было известно, кто ее автор. По прочтении ее и министр финансов, и Абаза говорили мне об ней с некоторым пренебрежением, но ни тот, ни другой не заявляли мне никакой претензии на то, что ее писал товарищ обер-прокурора. И, казалось, претендовать было не на что. Другие же лица заявляли свое согласие с мыслями, выраженными в записке.

После этого немало удивило меня, когда на-днях получил я от Н. Х. Бунге записку, им напечатанную и разосланную ко всем министрам и членам Государственного Совета, в коей он принял на себя труд опровергать мысли Смирнова, называя уже его по имени. Еще более удивился я, увидев в конце записки, на последних строках, обвинение, ко с в е н н о направленное и на меня. Прежде печаталось немало записок и гораздо более резких опровержений финансовой нашей политики, но ни на одну из сих записок Н. Х. Бунге не считал нужным писать опровержения.

Подивившись этому, я, впрочем, нисколько этим не был смущен и вскоре оставил это совсем без внимания, не выдавшись ни с кем в эти дни и не имев случая говорить о записке Бунге. Но сегодня только узнал от Островского, что Н. Х. Бунге представил свою записку вашему величеству: стало быть, придает и ей, и записке Смирнова особое

значение. Это и вынудило меня утруждать ваше величество настоящим моим писанием.

Очевидно, министру финансов представилось или, — что вероятнее, — ему внушили со стороны, что записка Смирнова была, так сказать, пущена мною, дабы поколебать кредит его; конечно, ему было рассказано, что эту записку я представил вашему величеству, и он поспешил отразить ее. В таком случае внушено ему совершенно напрасное опасение. Вашему величеству известно, что я не брал на себя представление вам записки, да и вообще ни разу, кажется, не касался в своих объяснениях перед вами финансовых вопросов.

Простите, ваше величество, это длинное писание, но для меня существенно важно, чтобы в мысли вашей не оставалось недоразумения относительно участия моего в сем деле.

Константин Победоносцев.

25 января 1886.

53.

Благоволите, ваше императорское величество, просмотреть прилагаемую статью. В тех условиях жизни, кои существуют в Томске, возможно ли итти, так сказать, навстречу вредным элементам и настаивать на учреждении в Томске университета, что уже решено в д-те экономии государственного сената, с назначением денег, на первый раз около 70 т. р., из государственного казначейства.

Мысль об учреждении университета в Сибири (возникшую в период совершенного оскудения и падения наших университетов) я с самого начала называл несчастною и фальшивою; но сначала не хотели меня и слушать, а потом хотя и соглашались со мною, но возражали: „Что же делать? Правительство зашло уже слишком далеко; им обещано; приняты значительные пожертвования на сумму до 900 т. р. построен большой дом; все готово; нельзя итти назад“.

Но мне кажется, когда очевидна опасность, никогда не поздно возвратиться назад или, по крайней мере, остановиться, к чему и предлог есть — крайне затруднительное положение госуд. казначейства.

Каких профессоров достанут в Сибири, когда и для здешних университетов не знают, где достать серьезных и надежных людей, особливо юристов! (а в Сибири предполагается открыть именно юридический факультет). Очевидно, туда поедут, увлекаясь высокими окладами, лишь очень молодые и слабосильные люди. Захотят наполнить университет и на первых порах вынуждены будут принимать и студенты кого попало, а затем станут просить от казны денег на стипендии. Общество томское состоит из всякого сброда: можно себе представить, как оно воздействует на университет, и как университет на нем отразится.

Граф Игнатьев писал мне от 8 октября о своем проезде через Томск: „осмотрели пресловутый сибирский университет. Здание чрезмерно-роскошное; не знаю, наполнится ли оно, и кем? и что из всего этого выйдет?“

Константин Победоносцев.

26 января 1886.

54.

Простите, ваше величество, что часто вас беспокою; может показаться, что берусь за дела, до меня не принадлежащие; но что же делать, когда люди ко мне обращаются? Почти всем я отвечаю: не мое дело, но иногда приходится остановиться ради правды или ради жалости.

Сегодня была у меня и сидела долго герцогиня де-Феррари. История, которую она о себе рассказывает, похожа на сказку самого невероятного содержания, но когда ее спрашиваешь: что все это значит? она клянется, что сама ничего не понимает с тех пор, как ее, ни в чем неповинную 17-летнюю девушку, вывезли из России. Затем с отца ее берут подписку, что он отрекается от дочери, содержат ее на счет двора, следят за нею, переписываются об ней через министра двора и через дипломатов, представляют к ней чиновника, присланного из России, наконец, принимают участие в переговорах о ее браке, — все это похоже на какие-то похождения княжны Тарakanовой из XVIII столетия. Ничего не понимаю тут, — и она уверяет, что ничего не понимает.

Передаю личное свое впечатление. Эта женщина совсем не похожа на авантюристку. Так, ее взгляд, манера говорить совсем искренние и совсем русские, и мне она внушает доверие. Ей 46 лет отроду.

Ваше представление о цели приезда ее сюда совсем расходится с тем, что я узнал от нее, и вот почему я решаюсь после того, что слышал от вашего величества на пути из Гатчины, еще писать об ней. Вы изволите предполагать, что она приехала сюда с какою-то претензией на деньги, в связи с спекуляцией какого то иностранца Chevalier du Lys. Она, напротив того, ищет очистить себя от всякой солидарности с этою спекуляцией, которая ее возмущает, и очистить себя и имя своего мужа от всякого подобного подозрения. Муж ее послал ее сюда единственно с этою целью. Он считается самым богатым владельцем в Италии, располагая капиталом до 50 милл. франков, и она не имеет претензии ни на какие деньги. „Я в душе русская, говорит она, всем обязана государям Николаю I, Александру II, и мне счастье было бы видеть государя и императрицу и убедиться, что они не считают меня бесчестною и участницею какой-то гнусной спекуляции“. Не знаю, что со мною будет, если я вернусь к мужу и не привезу с собой этого сознания. Я люблю его, и он меня любит, но у него вся кровь закипела, когда он услышал, что мое имя ставится в связи с этою гнусною проделкой. Вот вся, и единственная, цель моя. Я так несчастна, так несчастна, что на мне остается по-прежнему подозрение, в коем я неповинна!“

Представляю при сем записку, принесенную мне герцогиней де-Феррари. Она принесла мне еще письмо на имя вашего величества. Все это представляю на благоусмотрение ваше; мне казалось, что дело это не недостойно вашего внимания, и если ошибаюсь, то прошу не причесть к вине моей причиняемое этим беспокойство.

Константин Победоносцев.

Петербург, 16 марта 1886.

55.

Долгом почитаю представить вашему императорскому величеству только что выпущенную в свет тетрадь „Деяний епископов, собиравшихся в Казани“ в прошлом году.

Все эти акты тщательно изготовлялись и потом рассматривались в синоде. В числе их есть воззвание к паствам и другое, особое, воззвание к старообрядцам. Постановление собрания относится к предметам величайшей важности для епархий, в коих изобилует раскольник и инородческое население.

Акты эти составляют по-истине событие в русской церкви и, без сомнения, возбудят всеобщий в народе интерес и произведут благотворное впечатление.

Одновременно выпущено от синода изъяснение о предмете, составляющем главный пункт пререканий о клятвах, наложенных московскими соборами XVII столетия на старые обряды. Клятвы эти утратили уже всякое значение со времени учреждения единоверия; тем не менее упорные учителя раскола дальше проповедуют, что русская церковь держит их под клятвою, и для снятия ее требуют созвания собора с вселенскими патриархами. Настоящее изъяснение составлено со всею необходимою в подобных случаях осмотрительностью и проверялось в каждой фразе со всех сторон в течение целого года.

Все это вопросы, которые могут казаться мелкими и неважными с точки зрения интеллигенции, отступившей от народного быта, но они имеют величайшее значение для народа. Трудно себе представить, до какой степени, как живо и как глубоко народ интересуется этими вопросами: вся духовная жизнь народа—в церкви, и вопросы истины в церкви—для него вопросы жизни и смерти.

На днях еще, и именно в Петербурге, было живое тому свидетельство. Сюда приехал на короткое время из Оренбурга пензенский единоверческий священник Крючков, самый сильный из наших миссионеров. Происходя из крестьян, бывший раскольник, он овладел в совершенстве и знанием писания, и старых книг, и всеми приемами особой диалек-

тики в спорах с раскольниками. Он очень умен и искусен,— говорит мастерски, просто, образно, ясно, приковывая к себе внимание, и действует неотразимо на всех, кто его слышит. В Уральском войске он произвел в прошлом году полнейшее потрясение у раскольников. Как раз в это же время появился в Петербурге знаменитейший из раскольниковых начетников Швецов, самый хитрый и ловкий агитатор, постоянно переезжающий между Москвою и Буковиной — тоже умная голова, но совсем иного типа, — тип иезуита-фанатика, мастер сбивать с пути и с толку всякого, кто с ним состязается. Очень важно было воспользоваться этим случаем, чтобы спустить Крюкова со Швецовым: не было сомнения, что Крюков одержит победу над Швецовым в виду всего народа, — и это было очень важно. И вот на прошлой неделе устроены были 4 беседы в зале духовной академии, чтобы тамошние студенты могли быть свидетелями. Эти беседы остались, конечно, неизвестны официальному миру в Петербурге, но что происходило в народе, — трудно и описать. Без всяких объявлений, по одной вести из уст в уста, собирались в академию громадные толпы народа, — и православных, и раскольников. Едва третья часть могла поместиться в большой зале, и притом так, что человек прижимался к человеку в невообразимой атмосфере; остальные стояли в коридорах и на дворе. Собрание благословил архиерей, и порядок был полный, но можно себе представить, каков интерес народа к этому делу, когда люди забирались в залу, чтобы занять места, в 1 час пополудни, ждали до 4 часов открытия и потом стояли, обливаясь потом, вслушиваясь в каждое слово, не евши, не пивши, до 10 часов вечера. И правда, было что слушать, потому что искусство было с обеих сторон, а у Крюкова речь живая, народная, умная. Противник его потерпел полное поражение во всех своих аргументах в виду раскольников, которые принуждены были негодовать против своего же оратора, и к полному восторгу православных, которые в этом споре научились сами, что им отвечать раскольникам в самых основных понятиях о церкви, об иерархии, об обрядах. К довершению эффекта, один из присут-

ствовавших, раскольник-механик, бывший тут проездом на Кавказ, убежденный этим спором, присоединился к церкви. Вчера совершилось это присоединение в академической церкви при большом стечении народа, и сегодня Крючков уехал в Оренбург, где уже давно ждут его. Теперь по всей России, несомненно, разносится весть о петербургском состязании, которое служит предметом толков повсюду, в лавках между купцами и рабочими, в трактирах и в конных вагонах.

Константин Победоносцев.

Петербург, 1 апреля 1886.

56.

Отрадно было мне прочесть в телеграмме вашего величества о тихих впечатлениях, которые оставила вам страстная неделя, проведенная в Ливадии. Истинно, для того, чтобы ощутить всю красоту этой недели с непрерывным и глубоко содержательным ее богослужением, необходимо то тихое уединение, которое так редко возможно для вас, и которое вы нашли в Ливадии, посреди расцветающей природы, посреди множества воспоминаний, которые сосредоточены около прелестной и уютной церкви... Дай бог, чтобы эти ощущения могли повторяться, и чтобы вы из них выносили ту нравственную силу, которая для вас необходима, больше чем для кого бы то ни было!

Праздник принес нам солнце, но не принес тепла. Резкий северный ветер гулял по улицам, поднимая пыль, и все ходят в шубах. Мы в столице легко переживем, бог даст эту погоду, но внутри России внезапные морозы со снежными мятелями после внезапно наступившего тепла могут наделать много бед и погубить целую жатву озимых хлебов, после всей зимней бесхлебицы и бескормицы.

На шестой неделе поста, в среду, собрал нас к себе гр. Толстой (т.-е. меня, Островского и Манассеина) по важному делу, — для рассмотрения записки, составленной по поручению его Пазухиным, о преобразованиях в местном управлении и в устройстве земских учреждений. Дело это, как известно вашему величеству, — дело величайшей важ-

ности, для прекращения безурядицы, ныне господствующей всюду. Но оно и дело величайшей трудности. Законодательством минувшего 25-летия до того перепутали все прежние учреждения и все отношения властей, внесено в них столько начал ложных, не соответственных с внутренней экономией русского быта и земли нашей, что надобно особое искусство, дабы разобраться в этой путанице. Узел этот разрубить невозможно, необходимо развязать его, и притом не вдруг, а постепенно. Кохановская комиссия не умела это сделать и еще запутала узел. Теперь взялся за это дело один человек,—и, во всяком случае, надо сказать ему спасибо, потому что труд его нелегкий.

Пазухин, написав свою записку, доложил ее одному лишь гр. Толстому в бытность его в Москве. Затем разослали ее нам троим.

Основные мысли этой записки состоят в том, что предполагается учредить в уезде по участкам единоличные власти, в виде земских начальников, не по выбору, а по назначению, нечто в роде прежних мировых посредников. Они соединяют в себе и административную власть над волостями, и власть судебную, вместо нынешних мировых судей, не по всем делам, но лишь до 300 рублей, а остальные дела остаются в ведомстве одного городского мирового судьи. Жалобы на земского начальника приносятся с'езду этих начальников. Далее, изменяется система выборов в гласные земского собрания, и вместо нынешней земской управы предполагается для распоряжения по земским делам присутствие, составленное из лиц местной администрации, с участием 2 гласных от земства.

Все мы согласны в основной мысли записки. Необходимо устроить в уезде для надзора за волостными делами единоличную власть. Необходимо изменить нынешний характер земских учреждений, безответственных, отрешенных от центральной администрации и предоставленных всем случайностям выбора.

Но когда дело дошло до подробностей, возникло недоумение. Оказалось с первого же раза крайне затруднитель-

ным и едва ли возможным соединить в лице земского начальника власть административную с судебною властью, в том виде, как предположено у Пазухина. Такого множества разнообразных и сложных отправлений не может вынести одно лицо в своем участке. Притом множество судебных дел в пределах этого же участка, гражданских и уголовных, должен будет ведать городской мировой судья, единственный на весь уезд,—положение тоже невозможное и не устраняющее столкновений подсудности.

В этом смысле предъявлены были возражения, вполне основательные. Но и Пазухин, и вслед за ним гр. Толстой не считали возможным отступить от первоначального предположения. Оказалось, что с одного раза дело это не покончить, и мы разошлись, предполагая еще не один раз совещаться о подробностях проекта. Для этой цели вчера приезжали ко мне Манассеин с Островским, так как гр. Толстому было бы очень утомительно участвовать в обсуждении всех деталей: к нему надобно обратиться уже с каким-нибудь оконченным предположением.

Этот результат первого нашего с'езда очень смутил гр. Толстого. Он ожидал, кажется, что дело решится во всех подробностях с первого раза. Но дело такой важности должно быть соображено во всех частях своих, не только со стороны принципиальной, но и со стороны практической, ибо какая польза вводить учреждение, которое не может действовать? Мы все одинаково желаем достигнуть той же самой цели, к которой стремится гр. Толстой, но он, к сожалению, видит как-будто противодействие в тех возражениях, которые были заявлены с практической стороны, и уже отчаивается в успехе дела, которое надеялся уже осенью внести готовым в Государственный Совет. Стараюсь успокоить его, но еще мало имею в том успеха.

По важности этого дела, я счел не лишним о нынешнем его положении довести до сведения вашего императорского величества.

Константин Победоносцев.

Петербург, 18 апреля 1886.

57.

В тот самый день, как из Парижа вернулись в Белой укушенные бешеным волком, на этот несчастный город обрушилось страшное бедствие. Внезапный пожар, при сильном ветре, истребил около 300 домов, почти сплошь не застрахованных. Огонь шел так быстро, что некогда было спасти имущество,—люди сами едва спасались, и все большею частью бедные. Множество их остается о сию пору без крова и пристанища.

И вот, побуждаемый описаниями бедствия, идущими ко мне с места, я снова решаюсь обратиться к щедрому расположению вашего величества. Не благоволите ли пожаловать на пособие погоревшим беднякам некоторую сумму, например, тысячи три рублей? Слышу, что от министерства внутренних дел послано туда две тысячи; открыта подписка, но едва ли даст много.

Врач, сопровождавший больных в Париж, рассказывает много интересного. Сильное впечатление произвела на французов смерть трех несчастных, пораженных бешенством,—смерть без малейшей жалобы и малодушия, с молитвою на устах. Всех приводил в умиление священник о. Ершов, сам страшно искусанный и не оставлявший ни на минуту больных во время самых ужасных припадков. С великою похвалой и благодарностью говорят они о парижских сестрах милосердия.

Константин Победоносцев.

Петербург, 18 апреля 1886.

58.

В бытность вашу в Севастополе ваше императорское величество изволите, вероятно, посетить Херсонисский монастырь и осмотрите отстроенное вчерне и покинутое громадное здание храма св. Владимира. Опасаясь, что на вопрос о внутренней его отделке не будет на месте обстоятельного ответа, имею честь на всякий случай представить вашему величеству записку о принятых к сему мерах, которые,

к сожалению, до сих пор остаются безуспешными. Жаль, что величественный храм остается до сих пор недоконченным.

Константин Победоносцев.

Петербург, 25 апреля 1886.

59.

Покуда еще здесь, не перестаю утруждать ваше величество докладами своими и просьбами.

Не благоволите ли дозволить на-днях представиться вам некоторым архиереям? Причина тому следующая:

1. Вчера приехал сюда вновь назначенный в Ставрополь кавказский из Томска епископ Владимир. Это человек, достойный внимания, а как и нынешняя епархия, куда он едет, тоже очень трудная (по разнообразию инородцев и сектантов), то к ободрению его послужит внимание вашего величества.

Преосв. Владимир с 1865 года состоял главным начальником и деятелем Алтайской миссии, которая имеет первенствующее значение в ряду наших миссионерских учреждений. Основателем ее был знаменитый Макарий, человек замечательный по духу миссионерства и по духовному влиянию на своих сподвижников. С 1879 г. Владимир состоял епископом бийским, викарием томской епархии, а в 1883 г. назначен в Томск. Тяжкое служение с большими раз'ездами развило в нем каменную болезнь, и по этому только поводу состоялся перевод его из Сибири в Ставрополь, где ожидает его тоже миссионерская деятельность.

В Бийске, то-есть в центре миссии, преемником ему поставлен Макарий, сибирский уроженец, тоже человек замечательный по духу миссионерства и по энергической деятельности. Дай бог, чтобы силы ему не изменили. Алтайская миссия имеет очень важное значение, как орудие русской культуры и цивилизации между дикими племенами, из-за которых до сих пор происходит глухая, невидимая для администрации, но сильная борьба между русским влиянием и монголо-китайскою и тибетскою пропагандой. Одни мис-

сионеры только и ведут, при особых средствах, эту борьбу в глухой пустыне. На всякий случай представляю вашему величеству только [что] полученный последний отчет Алтайской миссии, прекрасно составленный преосв. Макарием. Конечно, времени нет у вас читать его, но благоволите пробежать отмеченные мною места, начиная с 13 стр. На стр. 42 прекрасно описано цивилизующее значение миссионерства на Алтае. На 15-й стр. приводятся факты усиливающейся с каждым годом ламской пропаганды из Тибета,—факты очень важные, совершающиеся вдали от администрации и неприметные для нее (по этому случаю нельзя не пожалеть, что Томская губ. слишком рано отделена от генерал-губернаторства). С этими пропагандистами приходится бороться одному лишь миссионеру его слабыми средствами. Упоминаемый тут Чевалков—лицо в своем роде замечательное,—природный алтаец, теперь уже глубокий старик, с детства еще обращенный и обученный покойным Макарием. Не мало таких самородков вывели наши прежние миссионеры, и эти люди работают в холоде, голоде и нужде—а кто их знает?

Миссия, это—в сущности государственное учреждение и делает государственное дело. А существует она на средства сравнительно ничтожные, отпускаемые московским миссионерским обществом (состоящим под покровительством государыни императрицы), коего доходы тоже скудны, да на частные пожертвования щедрых русских людей. Вот в этом пункте, в Кашагаче, куда направлена теперь усиленная ламская пропаганда, в сущности политическая, давно следовало бы учредить постоянный миссионерский стол,—да средств нет. Я давно прошу их, по указаниям уже прошлогоднего отчета, у миссионерского общества, но у них нет свободных денег. В самом Бийске не было даже архиерейского дома. Преосв. Владимир построил его с большими усилиями при помощи купеческих жертв и некоторой помощи от синода, но на-днях, под вознесенье, дом этот сгорел, и епископ остался без крова. Постараюсь теперь проискать в Москве, не найдутся ли благотворители.

Итак, вот причины, по коим беспокою ваше величество: не благоугодно ли будет принять преосв. Владимира и дать знать мне, в какой день и час.

2. Другие два — преосв. Палладий казанский и преосв. Серафим самарский желали бы иметь счастье представиться вашему величеству с благодарностью за полученные на пасху награды орденами. Преосв. Палладий желал бы сверх того поднести вашему величеству деяние казанского собора, происходившего в прошедшем году под его разумным и заботливым председательством. Преосв. Палладий весьма любим в своей епархии.

Константин Победоносцев.

Петербург, 6 июня 1886.

60.

Вчера Половцев прислал мне проект высочайшего указа с приказанием от вашего величества пересмотреть и по возможности изменить редакцию. В двух местах есть отметка вашего величества.

Вследствие того изготовлен мною новый проект, который имею честь представить при сем. Сейчас показывал его Манассеину, который не имеет никаких замечаний на эту редакцию.

Для видимости прилагаю и прежний образец.

В указе императора Павла сказано: „Постановя... правила, каковые бы и с положением империи, и с правом естества непременно согласовали“.

Я полагаю, что эти же мотивы должны быть отменены и в нынешнем указе. Изменилось с того времени и положение империи, и естество, т.-е. состав императорской фамилии.

Затем, в последней фразе, полагаю, что проще и прямее, не упоминая ни о деятельности, ни о пользе, остановиться на одном термине: „достоинство“.

Если изволите одобрить редакцию, то не угодно ли будет дальнейшее исполнение предоставить Манассеину. Великий

князь Владимир Александрович уезжает сегодня. (Вчера он призывал к себе Манассеина и с ним беседовал о путешествии).

И я собираюсь к отъезду сегодня вечером (в Москве остановлюсь дня на два). Молю бога, да хранит вас невредимо, ваше величество, со всем вашим домом.

Константин Победоносцев.

Петербург, 6 июня 1886.

61.

Устроившись в Кисловодске, почитаю нелишним представить вашему императорскому величеству некоторые известия о здешних делах.

В Ростове-на-Дону я пробыл день и познакомился с некоторыми представителями здешнего купечества. Я нашел в них людей разумных, опытных и вполне русских по настроению. Все они любят свой город и придают ему важное значение на юге России, все гордятся тем, что вся сила в нем русская, и что ни один из инородческих элементов—ни еврейский, ни армянский, ни немецкий—не может в нем пробиться в силу и занять господственное в делах положение. Город, широко раскинувшийся по нагорному берегу Дона, разросся изумительно. С 1869 года, когда я видел его в последний раз,—его не узнаешь. По наружному виду он один из самых благоустроенных. Широкие улицы, обсаженные акациями, всюду проведена вода, устроен прелестный, тенистый городской сад, заведено регулируемое благоустроенное кладбище, образцовое по порядку и чистоте, общественные учреждения очень интересные. Город заселялся и строился в прежнее время очень неправильно,—люди приходили неведомо откуда, селились и строились тайком, никого не спрашиваясь (целая слобода носит по этому прозвание Нахаловки), и теперь систематически производится регулирование всех строений, улиц и закоулков. Собор прекрасный, с благолепным служением и прекрасным хором певчих.

Меня интересовал особенно вопрос о том, как относится население к мысли о присоединении города к войсковому управлению. Сознаюсь, что я относился к этой мысли с некоторым предубеждением, опасаясь путаницы в административных отношениях. Теперь я убедился, что этого давно желают местные жители; все заняты этою мыслью в настоящую минуту, и весть о близком разрешении вопроса встречена радостно как в Ростове, так и в Таганроге. Городское управление тяготеет крайними затруднениями в разрешении важных для города хозяйственных и административных дел, связанном теперь двумя сложными канцелярскими узлами. По всем делам надобно относиться в дальний Екатеринослав и в Одессу к генерал-губернатору, у коего иногда останавливаются на месяцы и годы, погрязая в канцелярии, дела живого интереса для города. Всех этих затруднений надеются они избежать присоединением к одному Донскому административному центру.

Здесь, в Кисловодске, вижу ежедневно с П. С. Ванновским и с кн. Дондуковым. С последним немало разговоров о здешних делах, которые не представляют утешительного вида. Повторяется и здесь горький опыт, который приходится России выносить со всеми спасенными и облагодетельствованными инородческими национальностями. Выходит, что грузины едва не молились на нас, когда грозила еще опасность от персов. Когда гроза стала проходить еще при Ермолове, уже появились признаки отчуждения. Потом, когда явился Шамиль, все опять притихло. Прошла и эта опасность,—грузины снова стали безумствовать, по мере того, как мы с ними благодушествовали, баловали их и приучили к щедрым милостям на счет казны и казенных имуществ. Эта система ухаживания за инородцами и довела до нынешнего состояния. Всякая попытка привести их к порядку возбуждает нелепые страсти и претензии. Ужасное событие с ректором семинарии отозвалось в кругу инородцев не негодованием на зверя-убийцу, а злорадством. По всему видно, что на этом не остановятся. На похоронах ректора экзарх произнес горячее слово, в котором выразил

всю скорбь и все негодование на совершенное злодеяние. Эта речь показалась обидною безумным сторонникам убийцы,—и вот кутаисский предводитель дворянства пишет экзарху глупое и дерзкое письмо, с прикрытою угрозою, советуя ему оставить Кавказ. Копию с этого письма и с ответа прилагаю при сем. Кн. Дондуков, справедливо возмущенный этим поступком представительного лица, пишет министру внутренних дел и просит о высылке Кипиани из края, чтобы дерзость эта не прошла безнаказанно и не ободрила других.

Едва успел я прочесть эти документы, как получил телеграмму с известием из Озургет о новой выходке 18-летнего негодного ученика тамошнего духовного училища, исключенного за дурное поведение. Он напал на смотрителя училища и избил его до крови палкою по голове... Все это—явления, доказывающие, что необходима в здешнем крае общая строгая система мер для водворения порядка и уважения к власти. К несчастью, у здешних инородцев укоренилось понятие о том, что нынешнее управление стесняет их, а напротив того, надеются они на опору и защиту прежнего управления.

Погода прекрасная. Воздух здесь чудный и вокруг зеленые живописные горы. Дай бог, чтобы ваше величество успели воспользоваться теперь теплым летом и облегчением от забот!

Вашего императорского величества вернопреданный

Конст. Победоносцев.

Кисловодск, 20 июня 1886.

Ваше высокопреосвященство.

Явите мне архипастырскую милость и отпустите великое прегрешение, если я впадаю в него, увлекаясь невероятною молвою, но она приписывает вам произнесение проклятия над странюю, которую вы призваны пасти и которая поэтому могла ожидать от вас только милосердия и любви.

Та же молва, не довольствуясь таким оскорблением вашего сана, приписывает вам еще и намерение извиниться пред паствою в необычайной греховности произнесенных вами слов.

Если все это правда, владыка, то спасение достоинства вашего звания может заключаться только в неотложном удалении

опозорившего из опозоренного края. Это говорит вам от чистого сердца и от искреннего желания предотвратить новое безмерное прегрешение, один из пасомых вами.

Если же все это неправда, то в отпущение мне да осенит меня архипастырская десница ваша.

Покорнейший слуга *Дмитрий Кипиани* (Кутаисский
предводитель дворянства)

8 июня 1886.

Ответ экзарха.

Милостивый государь, Дмитрий Иванович.

На непонятное для меня письмо вашего пр—ва долгом считаю ответить вам, что речь моя над гробом Чудецкого напечатана в 139 № „Кавказа“, и что касательно нелепых слухов, о которых вы изволите упоминать в своем письме, я считаю ниже своего достоинства делать какое-либо замечание¹⁾.

9 июня.

62.

Ваше императорское величество изволили выразить некоторое удивление, почему убийца ректора Чудецкого не приговорен военным судом к смертной казни, а к каторге. В об'яснение этого суд приводит, что преступник не достиг еще полного совершеннолетия (хотя о подлинном его возрасте нет вполне достоверных данных).

Но самое прискорбное в этом деле, по мнению моему, то, что суд производил это дело в публичном заседании, и подробный отчет об нем, с изложением всех речей, напечатан во всех газетах. Зала заседания наполнилась публикою, состоявшею в значительном числе из учеников разных учебных заведений и из грузинского элемента. Масса публики обнаруживала явно свое сочувствие преступнику, так что председателю приходилось ее сдерживать. И в присутствии такой публики защитник употреблял обычные приемы защиты, то есть, снимая вину с преступника, старался обвинять начальство, доказывая, между прочим, что начальство нарушает права ученика, когда отнимает у него запрещенную книгу.

К сожалению, кн. Дондуков не был в это время в Тифлисе; но и в отсутствие его председатель суда имел полное право закрыть заседание, как об'яснил мне П. С. Ванновский. Он

¹⁾ Копия письма экзарха сделана рукой Победоносцева.

хотел при проезде через Тифлис обратить на это внимание. К несчастью, у нас теперь и судьи так деморализованы и бесхарактерны, что не решаются действовать от себя в подобных случаях. А таких случаев повсюду много, и бог весть, сколько деморализации внесено уже по разным углам России в праздную, плохо образованную и легко увлекаемую публику публичными заседаниями судов в делах подобного рода. А притом, когда заседание было публичное, то все газеты непрерыв печатают отчет об нем, с легкомысленными, а иногда и безумными комментариями. Увлечение публики в свою очередь действует на судей. Это большое зло, и по-истине необходимо прекратить его, а в военных судах огульное применение публичности вдвойне еще соблазнительно. В мае месяце Манасеин внес в Государственный Совет представление об ограничении публичности в судах. Нелегко будет провести его, несмотря на относительную его умеренность. Примечательно, что мы в России теперь только с трудом добиваемся права, которое давным давно написано в обще-германском уставе, т.-е. предоставление самому суду право закрывать заседание. Но германское правительство внесло нынешней весной проект закона о дальнейшем ограничении публичности, а мы боимся сделать и первый шаг в этом направлении.

Экзарх, коего положение здесь очень затруднительно и тяжело в виду поднявшегося грузинского безумия, приезжал сюда и прожил здесь неделю, в частых совещаниях со мною и с кн. Дондуковым. Много говорили о том, как поправить дело в семинарией. К сожалению, сколько не будет положено забот на внутреннее исправление,—не прекратить возбуждения извне, которое питается ослаблением коренных пружин власти в крае. Нельзя приравнивать здешнее управление к прочим частям империи: здесь необходимо вооружить главного начальника большим полномочием власти, а при образовании нового здешнего учреждения забота была о том, как бы ограничить ее. О самых настоятельных распоряжениях надобно списываться отсюда с Петербургом (например, о высылке отсюда безумных и вредных агитаторов), при чем предположения начальника нередко не утверждаются или ослаб-

ляются, а от этого власть его теряет значение и дается повод всяким слухам и сплетням о власти, и надежда на поддержку из столицы вредным элементам. Так ото всех я слышу, что затруднения для власти увеличились после прошлогоднего пребывания здесь бывшего наместника, ибо воображение грузин и армян воспламенялось от нелепой надежды найти в нем поддержку и защиту от нынешнего управления. Здесь я познакомился с почтенным человеком, Марковым, директором тифлисской гимназии, который держит многолюдное и разноплеменное заведение в отличном порядке с давнего времени. Он педагог неутомимый и разумный, но он говорил мне, чего стоит ему держать заведение в последние годы,—благодаря решительности характера и физической силе. Он принужден держать у себя револьвер в кармане, и не раз успевал своей решительностью останавливать дерзкие приступы и преступные попытки. Ему угрожают убийством, равно как и попечителю округа Яновскому. Оба они, однако, изнурены и ждут не дождутся, когда выехать из здешнего края. Так рассуждают многие серьезнейшие из здешних деятелей.

Вслед за убийством ректора признано было нужным распустить немедленно семинарию, хотя настало уже время экзаменов. Это было необходимо и потому, что негодная часть воспитанников рассчитывала действовать на экзаменаторов террором для послабления экзаменов. Итак, экзамены отложены до половины августа. Нет сомнения, что и тут не обойдется без попыток запугивания наставников. Поэтому я признал нужным послать из Петербурга вице-директора канцелярии тайного советника Чистовича для присутствования на экзаменах. Затем придется значительно изменить состав корпорации и всех наставников из грузин, известных по участию в интригах и поджигательстве, перевести из Тифлиса во внутреннюю Россию.

Я позволяю себе и отсюда утруждать ваше величество своими письмами о здешнем крае, в той мысли, что иное сообщение будет, может быть, и не бесполезно. На прошлой неделе осматривал я вместе с кн. Дондуковым в 45 верстах отсюда очень интересную колонию меннонитов Темпельгов,

или Орбелиановка. Это выходцы из Таврической губернии, поселившиеся здесь лет 18 тому назад на арендном праве близ Верблюжьей горы, на землях князя Орбелиани. Тут ничего не было, кроме голой степи, а теперь цветущее поселение из 40 дворов, с большими садами и виноградником. Они первые стали разводить тут виноград и теперь собирают до 500 ведер вина с десятины. Хозяйство их подлинно примечательно. Но всего приятнее то, что все они прекрасно говорят по-русски, это — редкость в немецких колониях. Для детей своих они устроили в степи прогимназию (которая помещается в домике, не отличающемся от всех прочих). Все преподаватели, из их же среды, приготовлены воспитанием в университетах, и преподавание всех предметов ведется на русском языке. Нас встретил у дома старшины оркестр духовой, из них же составленный, музыкою, и свой хор прекрасно пел по-русски: боже царя храни. Эта колония оставляет самое приятное впечатление.

Кн. Дондуков выехал отсюда 10 числа и отправился на месяц в объезд по Терской и Кубанской области. Здесь я познакомился с начальн. Терской области ген. Юрковским, с ставропольским — Зиссерманом, и с черноморским — Никифораки. Всех их вообще хвалят. Напротив того, слышны дурные вести о карском губернаторе Томиче; конечно, я не упомянул бы об этих вестях и слухах, если бы с Томичем не случился на-днях скандал, после которого едва ли можно ему оставаться. Пишут мне из Тифлиса: „Здесь все внимание поглощен дуэлью карского губернатора с инспектором карского училища из-за жены последнего. Инспектор дал губернатору пощечину на акте в женском училище, где жена инспектора — начальница“.

Не взыщите, ваше величество, за длинное письмо. Молю бога, да хранит вас невредимо со всем вашим домом.

Вашего императорского величества вернопреданный
Константин Победоносцев.

Кисловодск, 17 июля 1886.

63.

Позволяю себе еще беспокоить ваше императорское величество словом о сахарном деле.

Каждый день приносит мне новые свидетельства о том, какое волнение в умах возбуждено этим делом во всей России. Все ждут, чем оно разрешится, в виду происшедшего разногласия. Не ошибусь, если скажу, что победа большинства произведет тяжкое впечатление. Общее мнение таково, что нынешняя попытка нормировки есть не что иное, как искусный план, составленный в пользу спекуляции на сахар, искусно проведенный при двукратном обсуждении дела.

Я лично не имею сомнения в том, что это дело настроенное и есть последнее звено в ряду неоднократных попыток направить все законодательство о сахаре в пользу крупных заводчиков. Первая из этих попыток была на моей памяти, в 1872 году, расстроена Чевкиным в департ. экономии, куда эти дела прежде направлялись и в то время собраны были для раз'яснения дела ценные исследования, которые теперь не были в виду комитета министров.

Дело это имеет в моих глазах еще и другое важное нравственное значение.

Если в комитете министров составилось такое большинство, это надо приписать исключительно тому решительному влиянию, которое приобрел Абаза и на министра финансов, и на Сольского, и на Островского, и на Рейтерна, и на других членов, не имеющих возможности вникнуть в дело, но уступающих господственному тону Абазы в речах его. Я знаю двух или трех, которые накануне заседания решительно протестовали против нормировки, а в заседании пошли за большинством.

Но Абаза в самом департаменте экономии, где он председательствует, господствует почти без возражений. Своих противников, возражающих ему, он подавляет так бесцеремонно, что это становится тяжело для многих, а для дел решительно вредно. По множеству дел, которые д-т экономии рассматривает в соединенном присутствии с д-том законов,

председательствует тоже Абаза и с тем же деспотизмом проводит, что ему угодно. Некоторые члены Госуд. Совета так возмущены этим, что уклоняются от участия в прениях. Такое преобладание Абазы—особливо в важнейших финансовых мерах—отзывается очень вредно.

Если теперь он выйдет победителем из этого дела, влияние его, несомненно, усилится, и в этом не будет ничего хорошего для дел Государственного Совета, который и без того оскудел крепкими силами.

Простите, ваше величество, если эти строки покажутся вам неуместным вмешательством. Но дело представляется мне важным. Финансы—такое больное место в нашем государственном управлении, и всякая ошибка в финансовой политике влечет за собой такие губительные последствия, что невозможно оставаться в спокойном ожидании, что будет дальше.

Константин Победоносцев.

Петербург, 2 ноября 1886.

64.

Ваше императорское величество изволили говорить мне о церковных облачениях, по приказанию вашему изготовленных, и приказали составить список церквей наиболее нуждающихся, особливо в Прибалтийском крае.

Нуждающихся церквей у нас слишком много, особливо в дальних краях, но дар вашего величества должен иметь для того прихода и церкви, куда направлен, особое значение.

Притом мне неизвестно, сколько именно имеется в готовности облачений для раздачи.

На первый раз имею честь представить при сем список нуждающихся церквей, имеющих особое значение.

На первом плане стоит эстонская церковь в Риге, т.-е. старый собор.

В Ревеле и в Митаве, особенно, соборные храмы находятся в жалком состоянии и в крайней скудости ризничных вещей. На-днях я отправлял туда чиновника для осмотра

этих храмов, о ремонте коих имеются настоятельные ходатайства. Изыскиваем для этого средства, что не легко при нынешней скудости средств.

В Выборге тоже нужда большая: мы уже отослали туда часть облачений, по переписке с усердным ходатаем за собор генер. Духониним.

В новых приходах рижской епархии нужда большая, но церкви еще не выстроены, и потому во многих местах дар вашего величества остался бы покуда без употребления.

Прошу позволения иметь об этих церквах ходатайство, когда они будут готовы.

Но и теперь, по мнению моему, было бы благовременно пожаловать от имени вашего облачения в первый открывшийся приход, Леальский (в Эстляндии), где есть молитвенный дом и хороший священник, а также на о-ве Даго. На-днях еще командированный мною д. ст. с. Хрущов объехал эти приходы и рассказывает с умилением об искренности народного чувства в тех местах, которые он посетил. В Леале целые три года велись бесплодные переговоры с владельцами о месте для постройки церкви и школы. С величайшими затруднениями удалось, наконец, купить лучшее из числа самых плохих мест, предлагаемых помещиками, и к строению только что приступают.

В Северо-Западном крае и в холмской епархии есть церкви, для коих дар вашего величества имел бы особливо важное значение. Об них я позволяю себе ходатайствовать особо; но для того, чтобы знать настоящую меру, нужно иметь сведение о том, сколько комплектов облачений имеется в готовности.

Константин Победоносцев.

27 ноября 1886.

При множестве бумаг, поступающих на рассмотрение вашего величества, я лишь изредка позволяю себе представлять на воззрение ваше сведения о важных и любопытных явлениях церковного быта, хотя их очень много.

Почитаю не лишним обратить внимание вашего величества на письмо архимандрита Соловецкого монастыря Мелетия, на-днях полученное мною. Дело идет об учреждении очень важном для Мурманского, совершенно пустынного и забытого края,—о восстановлении древнего Печенгского монастыря св. Трифона (которого память и до сих пор читается лопарями). Для этого дела, о котором давно стараются и просят местные жители, собрано до 30.000 руб. добровольных пожертвований. Но оно не двигалось, пока синод не решился отдать его на попечение Соловецкого монастыря. Слава богу, летом положено ему начало, как описано в прилагаемом письме. Кроме этого донесения, я имею еще интересные сообщения о том же от нового нашего консула в Финмаркене, Островского, очень усердного и знающего край человека.

Достойно примечания то, что писано здесь о древней церкви Бориса и Глеба, на самой границе с Норвегией, в так назыв. Пазрецьком погосте лопарском, в углу, отрезанном и от Мурмана и от всей остальной России. Здесь, в совершенной глуши и пустынности, один достойный священник, о. Щеколдин, посреди нищеты и скудости всякого рода, один сеет и поддерживает первоначальную культуру и религиозное чувство в лопарском населении. Этот священник открывает теперь у себя приходскую школу, в чем стараемся помочь ему. Чтобы оценить энергию такого скромного деяния, надо сравнить его с норвежскими соседями. В 10 верстах от него, через границу, живет в прекрасном казенном доме пастор, получающий 3.200 крон (около 1.700 р.) и даровые раз'езды, доктор, с жалованием в 2.600 крон, и шесть школ, в коих учителя получают 24 кроны в неделю. Щеколдин получает 700 р. бумажками и псаломщик его—300 рублей.

Константин Победоносцев.

27 ноября 1886.

66.

Смею утруждать внимание вашего императорского величества делом, имеющим первостепенную важность для России, особливо в нынешнее трудное время.

Это—постоянное, изо дня в день, беспрецедентное колебание нашего курса и нынешнее беспрецедентное его падение.

Покуда мы не освободимся от этого бедствия, мы бессильны и принуждены терпеть обесценивание всех производительных сил государства, подчиняясь какой-то таинственной силе, управляющей извне ценностью наших денег. И это крайне позорно для нас, потому что с нами только происходит. Стыдно подумать, что в маленьких государствах,—в Сербии, в Румынии,—монетная единица держит свою нарицательную цену, а наш рубль падает в цене по мановению берлинской биржи, без всякой рациональной причины. Стыдно подумать, что Австрия, имеющая самые жалкие и расстроенные финансы, дает нынче едва не один гульден за рубль Российской империи, коей финансовое положение неизмеримо прочнее и выше австрийского. В то же время процентные наши бумаги держатся в высокой цене. Но ценностью нашего рубля играет в свою пользу бессовестно какая-то внешняя сила, причиняя нам ежегодную потерю свыше полутора миллиона, так что за весь период времени колебания курса мы отдали иностранным банкирам даром свыше двух миллиардов рублей!

С этим положением невозможно примириться. В случае войны оно грозит нам страшными затруднениями. Мы попали в кабалу берлинской биржи,—и, кроме ее, все остальные пути нам закрыты. В Англии, во Франции капиталы ропщут, что мимо Берлина нельзя иметь прямого дела с нами.

Что за причина этого явления? Неужели нет нам средства прекратить зло и восстановить ценность наших денег непоколебимо?

Немудрено, что эти вопросы волнуют душу каждого патриота русского. В последние годы особенно я предлагал их многим. Признаюсь, что ответы наших государственных

людей не удовлетворяли меня: они были основаны на отвлеченной книжной теории, которая казалась мне не имеющей смысла в применении к России. Из нее все-таки не мог я понять, какие могут быть действительные, рациональные, внутренние причины колебанию нашего курса.

Напротив того, люди, изучившие практическую сторону дела, опытные знатоки жизни и биржи, постоянно говорили мне, что все колебание нашего курса основано на иллюзии, на обмане, и есть не что иное, как ловкая эксплуатация нашей простоты заправилами берлинской биржи и состоящими в связи с ними нашими государственными банкирами, сначала Штиглицом, потом Заком и К^о; что положить этому предел не только необходимо, но и весьма возможно, если только с нашей стороны будет понятно, что с нами играют, и кто и как играет с нами.

Объяснения этих людей казались мне совершенно ясны и понятны.

Я просил одного из них, очень умного и сведущего человека, написать покороче и пояснее записку об этом предмете и на-днях получил ее.

Предмет этот—величайшей для нас важности. Вот почему я решаюсь не только представить эту записку вашему императорскому величеству, но и всеподданнейше просить вас лично прочесть ее. Вашему величеству представляется много записок, и нет возможности читать их все, но это заслуживает особого внимания. Написана она ясно, без лишних слов, и дает ясное, непосредственное понятие о предмете самого животрепещущего интереса.

Константин Победоносцев.

Петербург, 3 декабря 1886.

67.

В дополнение к тому, что я имел честь докладывать вашему величеству в прошлую пятницу, долгом почитаю представить следующее.

После того я виделся еще раз с Поляковым и расспрашивал его. Речь его кратко заключается в следующем:

„Владеть железными дорогами на Востоке, значит владеть фактически страной. Итак, для нас было бы великою силой, когда бы дороги в Турции, Болгарии, Персии и т. п. могли быть в русских руках.

Железные дороги в Европейской Турции и в Болгарии, построенные турецким правительством, ныне состоят на 50 лет в владении австрийских капиталистов, на акционерном праве. Управляют ими люди, присланные из Австрии (одна дорога — от Рушука до Варны принадлежит английской компании, коею построена. Болгарское правительство намерено было выкупить ее, но не могло за недостатком средств, а происшедший переворот вовсе остановил это дело).

Мне стало случайным образом известно, что есть план перевести турецко-болгарские дороги в английские руки, при участии совокупном английского правительства с австрийским. План этот может быть приведен в исполнение втихомолку, путями коммерческими (так как всякая акция представляет ценность, подлежащую вольной продаже), — подобно тому, как Англия втихомолку сделалась владелицею всех акций Суэцкого канала.

Это будет новым злом для России. Напротив, русское правительство, когда бы решилось действовать подобным же образом, то-есть путем коммерческим, чрез посредство частных лиц и под прикрытием частного интереса, могло бы тоже втихомолку перевести эти дороги в русские руки.

Имея это в виду, я попробовал вступить в дело под видом своего частного интереса и вошел в сношение, конечно, приватное и секретное, с лицами, у коих в руках пружины дела. Как эти дела суть обычные в коммерческой сфере, то мое участие и не могло возбудить подозрения, тем более, что ныне и подозрения нет на подобные планы русского правительства. Вначале оно было, потом сменилось удивлением, как это русское правительство уклоняется от всех подобных предприятий в виду важного политического их интереса; а, наконец, уже и на мысль не приходит в сферах коммерческих о возможности подобных комбинаций.

Чтобы устранить всякое подозрение, я выставил вперед посредничество в этом деле голландской биржи. В Амстердаме предположено мною составить синдикат для ведения всего этого дела, так что оно получило бы вид исключительно частного интереса.

Итак, я считаю вполне возможным, не горячась и не спеша, обыкновенным коммерческим путем приобрести акции железных дорог турецкой постройки.

А затем, чрез некоторое время, с такою же осторожностью и втихомолку русское правительство могло бы перевести эти акции в свои руки.

Но для успеха в этом деле требуется совершенный секрет.

Вы спрашиваете, отчего я не желаю сделать его известным министерству иностранных дел. Оттого, что мы научены горьким опытом. Во-первых, министерство иностранных дел не может соблюсти секрет: дело огласится в канцеляриях, отразится в переписке, и тогда все пропало. Во-вторых, министерство наверное станет возражать по своему обычаю: все подобные планы ему неприятны. Во всех подобных случаях мы слышим от него один ответ: „у нас и без того заботы много, а это дело доставит нам новую. Иностранные державы узнают, станут возражать,—и что мы им ответим? Пойдет переписка. Нет, оставьте нас в покое“. Министерство во всех подобных случаях мешало устройству на иностранных рынках тех важных для политики коммерческих предприятий, которые сами иностранцы, напротив того, совершают на нашем рынке свободно и беспрепятственно. Вот наша Домбровская дорога перешла уже вся в руки немцев и управляется теперь из Берлина, а мы не могли устроить нигде подобной операции.

Вот почему я не вижу в настоящем случае иного пути и способа, как обратиться к личному усмотрению государя императора. Если его величеству угодно будет признать этот план полезным для России и подлежащим к осуществлению, я с ревностью примусь устраивать дело для правительства и для пользы государственной,—и верьте мне, что я тут не имею в виду вовсе личного интереса. Если же его

величество изволит признать почему-либо, что предприятие сего рода не входит ныне в виды правительства, я вовсе оставлю его и не стану хлопотать об нем“.

Вот доселе шла речь Полякова. Конечно, всего легче было бы сказать ему, что дело это вовсе до меня не касается. Но мысль эта столь серьезная, что я счел долгом не уклониться от представления оной на воззрение вашего величества.

К тому еще почитаю не лишним добавить:

1. Мне известно, что несколько времени тому назад английская компания, владеющая Рушукско-Варнскою дорогою, предлагала одному из влиятельных и знающих лиц здесь, в Петербурге, продажу акций в русские руки. Но это лицо, обратившись в м-ство иностр. дел, встретило противодействие плану.

2. Известно мне, что князь Мингрельский, помышляя о возможности своего призвания в Болгарию, серьезно останавливается на мысли о необходимости устраивать там дороги русскими руками и в русских руках и на-днях совещался об этом предмете с знающими людьми.

Если бы вашему величеству угодно было что-либо сообщить мне, благоволите дать знать—я по обычаю уезжаю сегодня, в 9 ч. вечера, в Гатчину.

(Написав это, получил телеграмму, что завтра не будет занятий у цесаревича).

Константин Победоносцев.

Петербург, 11 декабря 1886.

68.

Часто я утруждаю ваше величество письмами, но трудно удержаться, когда дело имеет важность, а мне кажется, что никто другой не доложит об нем.

На-днях, по всей вероятности, будет представляться вашему величеству М. Х. Рейтерн.

Я имею основание предполагать, что на мысли у него просить об увольнении его от звания председательствующего в комитете министров. Поводы к тому, конечно, будут представляемы уважительные: болезнь, ослабление сил, наконец

слепота, которая, как слышно, может вызвать четвертую уже по счету операцию.

Очень жаль будет потерять его и очень трудно заметить. Я поистине скажу, что во всю мою жизнь, присутствовав в бесчисленных заседаниях, я ни разу еще не встречал такого председателя, что для дел комитета очень важно. Голова у него замечательно свежая, дела он всегда знает отлично (несмотря на то, что сам читать не может), следит за прениями во всех подробностях, сохраняя полнейшее спокойствие и достоинство, резюмирует сказанное коротко и ясно и в трудных случаях с большим искусством проводит дело к решению. Когда он отсутствует, это очень явственно отражается на делах комитета (что особенно заметно было при гр. Палене). Притом Рейтерн держит себя вполне беспристрастно, даже по таким делам (как, напр., Остзейским), где можно было бы предполагать сторонние на него влияния.

Но мне кажется, что при некотором сопротивлении и при лестном для него внимании вашего величества он остался бы. Правда, что здоровье его пошатнулось, но не так сильно, как он думает (он мнителен). Глаза у него плохо видят, но голова совсем свежа. Жизнь он ведет самую регулярную, и я думаю, что, удалившись от дел, к коим привык, он скучать будет. Если бы потребовалось ему удалиться на некоторое время для лечения, возможно было бы назначить ему временного заместителя на случай болезни. Подобные назначения бывали: при покойном государе по случаю болезни гр. Блудова назначен был в качестве заместителя или вице-председателя в комитете кн. Гагарин.

Притом еще доходили до меня стороною слухи, что Рейтерн был бы очень чувствителен к внешним знакам внимания вашего величества. Честолюбие не дремлет и иногда в старости еще сильнее разгорается. Я слышал, что он ждал себе к коронации титула или портрет. И теперь, вероятно, награда ободрила бы его.

Константин Победоносцев.

Петербург, 16 декабря 1886.

1887 г.

69.

Сегодня слушалось в общем собрании Государственного Совета внесенное Манассеиным дело об ограничении публичности в судах. К сожалению, мы оказались в меньшинстве—20, тогда как на противной стороне 31. Разногласие по вопросу, имеет ли право министр юстиции в исключительных случаях предлагать судам о недопущении публики.

В последнюю минуту многих сбил с толку граф Пален довольно странным аргументом, на многих однако подействовавшим: „Право публичности есть-де такое священное право, что, кроме суда, его может коснуться, по каждому делу, только верховная власть! И стало быть, когда министр юстиции присвоит себе это право, он тем самым присвоит себе право верховной власти“. Стало быть, всякий раз, когда где-нибудь в маленьком городке потребуются, по сведениям, устранить публику, необходимо не иначе, как испрашивать высочайшее повеление.

Как ни странно такое рассуждение, однако оно увлекло многих, кажется, и самого председателя.

Константин Победоносцев.

10 января 1887.

70.

В особенных случаях я позволяю себе утруждать ваше величество просьбами о поощрении школьных учреждений присылкою иконы от имени вашего.

Этот знак высочайшего внимания к усердию местных деятелей в таком важном деле имеет великое значение и благотворную силу, особливо в таких местах, где рус-

скому и церковному элементу приходится бороться с иноверными и инородческими влияниями.

А где находятся усердные и энергические деятели, там учреждение приходских школ производит поразительное действие. В самое короткое время преобразуется быт и настроение крестьян, и в самые дикие углы проникает свет и осмысленность.

Я считаю великим делом — отыскивать такие явления (большею частью в глухих местах) и тотчас же обращать на них внимание. Видя это, местные деятели получают нравственную опору, и пример их вызывает других на подражание.

С этою целью посылаю я от времени до времени для объездов по селам состоящего при мне толкового человека обзирать начинающееся школьное дело. Так, объехал он летом Северо-Западный край, а осенью—Киевскую, Волынскую и Подольскую губернии. Этим путем добываются драгоценные сведения и завязываются живые связи. Так, например, недавно в глуши Таращанского уезда Киевской губ., посреди тьмы невежества, пьянства, в среде, зараженной штундою, отыскились 3 молодых священника, неведомые своему начальству, в нужде и унижении работающие с утра до ночи над просвещением темной массы,—один из них, например, успел в 2 года искоренить штунду в своем приходе,—и эти люди, имея по 5—6 человек детей да еще бедных родных на руках, должны существовать с семьей на какие-нибудь 200 рублей в год и истощаются в голоде и холоде. Если человек такой некорыстен, то положение его ужасно. Так, священник, о коем идет речь, за требы не берет. Доходов церковных бывает от 3 до 13 копеек в большие праздники. Было 3 свадьбы,—за две ничего не дали, за третью дали 55 коп. (Это там, где есть сектанты, в обыкновенных же условиях дают за свадьбу от 10 до 15 рублей).

Можно себе представить, как важно для такого труженика получить пособие во-время, а никто не дает ему. Узнавая такие случаи, я посылаю им что можно,—к счастью, имеются для того кое-какие средства из денег, пожертво-

ванных Кенигом и другими благотворителями. Так, например, этим трем священникам послано к празднику по 250 руб., и они ожили духом.

Прошу прощения за это предисловие к моей просьбе. Она состоит в следующем.

В Могилевской губернии, в Климовецком уезде, есть молодой помещик Мещерский. Живя в деревне безвыездно, он со всем жаром принялся за школьное дело и в короткое время достиг замечательных успехов (прилагается краткая о сем записка). Узнав о нем случайно, я посылал к нему людей, старался доставлять ему пособия. Теперь дело его растет. Детей узнать нельзя,—из них составились целые хоры певцов, и вслед за детьми преобразуются родители. Действие школы распространяется дальше и дальше по уезду.

Дело это вполне заслуживает милостивого внимания вашего величества. Не благоволите ли и на этот раз пожаловать икону от имени вашего в центральную школу села Милославицей. Это придаст новую силу всему движению.

Константин Победоносцев.

21 января 1887.

71.

Простите, ваше величество, что нарушаю покой ваш своими письмами; но что делать, когда душа не терпит.

Я только что прочел новую драму Л. Толстого и не могу притти в себя от ужаса. А меня уверяют, будто бы готовятся давать ее на императорских театрах и уже разучивают роли.

Не знаю, известна ли эта книжка вашему величеству. Я не знаю ничего подобного ни в какой литературе. Едва ли сам Золя дошел до такой степени грубого реализма, на какую здесь становится Толстой.

Искусство писателя замечательное,—но какое унижение искусства! Какое отсутствие,—больше того,—отрицание идеала, какое унижение нравственного чувства, какое оскорбление вкуса! Больно думать, что женщины с восторгом

слушают чтение этой вещи и потом говорят об ней с восторгом. Скажу даже: прямое чувство русского человека должно глубоко оскорбиться при чтении этой вещи. Неужели наш народ таков, каким изображает его Толстой? Но это изображение согласуется со всею новейшею тенденцией Толстого,—народ-де у нас весь во тьме со всею своей верой, и первый он, Толстой, приносит ему новое свое евангелие. Посмотрите-ка, вот в чем ваша вера,—баба, убивая несчастного ребенка, не забывает окрестить его и затем давит...

Всякая драма, достойная этого имени, предполагает борьбу, в основании которой лежит идеальное чувство.

Разве есть борьба в драме Толстого? Действующие лица—скотские животные, совершающие ужаснейшие преступления просто, из побуждений животного инстинкта, так же, как они едят, пьют и пьянствуют: ни о какой борьбе с высшим началом нет и помину. В виду зрителя, можно сказать, проходят на сцене одно за другим: отравление мужа, несколько скотских кровосмешений, подговор матерью сына и жены к преступлению, наконец, страшное детоубийство, с хрустением костей и писком младенца,—и все это без борьбы, без протеста, в самой грубой форме, в невозможных выражениях мужицкой речи, с цинизмом разврата, с пьянством. И не видать тут живого лица человеческого,—разве что бледная Марина, да старик Аким,—и тот какое-то расслабленное создание, без воли, только натура добрая и покорная. Говорят, что конец нравственный. Не нахожу и этого,—покаяние Никиты на конце, посреди гостей, размертво пьяных, представляется тоже каким-то случайным явлением, которое ничего нравственно не закрепляет в этой развратной среде, ничего не решает, так что этот момент пропадает, можно сказать, в страшном впечатлении безотрадного ужаса в течение всех 5 актов драмы.

В том же роде есть музыкальная драма Серова „Вражья сила“; но какая разница! Там зритель глубоко потрясен, но совсем иначе, там форма чистая, там есть борьба борьба со страстью, и покаяние преступника, увлеченного страстью, действительно венчает драму. А у Толстого в драме

даже страсти нет, нет увлечения, как нет и борьбы, а есть только тупое, бессмысленное действие животного инстинкта,—и вот почему она так противна. В „Преступлении и Наказании“ у Достоевского, при всем реализме художества, через все действие проходит анализ борьбы,—и какой еще!—и идеал ни на минуту не пропадает из действия.

А это что такое! Боже мой, до чего мы дожили в области искусства!

День, в который драма Толстого будет представлена на императорских театрах, будет днем решительного падения нашей сцены, которая и без того уже упала очень низко. А нравственное падение сцены—немалое бедствие, потому что театр имеет громадное влияние на нравы в ту или в другую сторону.

Воображаю первое представление. Ложи наполнены кавалерами и дамами высшего общества, любителями и любительницами сильных дневных и ночных ощущений. Дамы в роскошных туалетах жадно смотрят на представление из чуждого им „мужичьего“ мира, в котором живут и двигаются тоже люди, но похожие на животных. В каждом акте ощущают приятный „ужас“! В 5-м акте, по случаю детоубийства, с хрустением косточек и писком, матери станут плакать—о! какие фальшивые слезы... Разве не похоже будет на то, как в прошлом столетии собирались нарядные дамы самого образованного в Европе общества смотреть на публичную казнь и мучения преступников, и тоже плакали, между конфетами и мороженым?

Но это не все. Пьеса станет модною. Вся петербургская публика от мала до велика потянется в театр. Нравственный уровень нашей публики очень низок, равно как и вкус ее. Ложи наполнятся молодыми девицами и малолетними детьми (это наверное, ведь их берут же в театр на оперетки). Какова будет в нравственном отношении привычка смотреть в течение нескольких часов живую картину разврата, преступлений и дикого быта. Дети, вернувшись домой, станут повторять со смехом и шутками слышанные ими в театре

фразы и слова, в роде: „однова дыхнуть, скуреха, острожная шкура, в рот тебе пирог с горохом“ и т. п.

Но и это далеко не все. Петербургские увеселения дают тон увеселениям во всей России. Ныне в каждом сколько-нибудь значительном городе есть театры, на которые переходит, развращая нравы праздной публики, всякая нечисть петербургских и московских сцен. Завелись уже по местам театры и в селах. В Москве заведен, в милостивом ведении местной администрации, под именем народного, театр под фирмою „Скоморох“, где толпится, по ценам от 5 до 60 копеек, публика в рубахах и тулупах, слушая пьесы общего театрального репертуара, и в антрактах развлекается буфетом с водкою.

Драма Толстого облетит все эти уездные и сельские сцены. Представляю себе крестьянскую и рабочую, фабричную публику такого представления: что она из него вынесет? Картина преступлений возмутительных выступает перед публикой, как обыденное явление дикого быта, без малейшего возвышения духа: тут люди, живущие инстинктом, без идеи, возле всюду сущего кабака, увидят воочию, как просто и с какою легкостью совершается в этой среде преступления. Рассказывают, что когда Толстой, собрав крестьян и дворовых, читал им свою драму, чтоб видеть производимое ею впечатление, один из лакеев на вопрос об Никите отвечал: „все хорошо шло, да под конец сплоховал“. Немудрено, что подобное впечатление вынесет масса зрителей, погруженных, подобно действующим лицам, в ту же тину одних материальных инстинктов и интересов.

А что почувствуют лучшие, здоровые, честные представители народа?

Они, несомненно, будут оскорблены в лучших своих ощущениях. Подумают так: „вот чем вздумали забавляться баре! Вот, видно, как они понимают народ. Неужели же все мы, простые русские люди, в нашем домашнем быту такие скоты и мерзавцы? Стыдно. А что если бы кто вздумал так выставить графов да князей, да больших бояр,—небось, не позволили бы, запретили бы давать пьесу. Это

не то, что наш брат." Нехорошо, если так заговорят честные и нравственные русские люди.

Стоит подумать еще и о том, как отзовется такое публичное представление русского сельского быта у иностранцев и за-границею, где вся печать, дышащая злобою против России, хватается жадно за всякое у нас явление и раздувает иногда ничтожные или вымышленные факты в целую картину русского безобразия. Вот, скажут, как сами русские изображают быт своего народа.

И то, уже нехорошо, что в эту минуту драма Толстого, напечатанная в виде народного издания в громадном количестве экземпляров, продается теперь по 10 копеек разносчиками на всех перекрестках; скоро она обойдет всю Россию и будет в руках у каждого, от мала до велика. На главном листе поставлено: „для взрослых“, но ведь это объявление само привлечет к книжке всех несовершеннолетних и малолетних, и, конечно, во всех учебных заведениях она уже и теперь читается с жадностью.

Что же будет, когда ее поставят на театрах!

Простите, государь. Я высказал все и облегчил свою душу.

Константин Победоносцев.

18 февраля 1887.

72.

Очень прискорбно было узнать о вчерашнем впечатлении вашего величества в Александро-Невской лавре. А мне особенно прискорбно думать, что именно вчера, в день исповеди и накануне приобщения, вы ожидали найти там благоговейную тишину и вместо того встретили, как справедливо изволите выражаться, „непростительный беспорядок“.

Я немедленно отправил туда Саблера, который провел там целое утро в расспросах. Все они сконфужены и в большом переполохе.

Дело в том, что у них давно бразды правления распущены и настоящий случай побудит, надеюсь, подтянуть их.

Вы изволили посетить лавру вчера около 3 часов. В эту пору в монастырях бывает сонное царство. После литургии, т.-е. около 2 часов, они обедают и потом ложатся спать. Никому и на мысль не приходило, что ваше величество изволите пожаловать в пятницу. Все привыкли к тому, что и покойный государь, и ваше величество посещали лавру в субботу, на первой неделе поста. Все и готовились на субботу. После обедни призвали рабочих мыть и чистить собор, куда ваше величество вошли как раз в эту пору. В монастыре, очевидно, была пустыня, в церкви — видно не было никого, кроме рабочих. Не знаю даже, узнали ли они ваше величество, если люди пришлые. Должно быть, — потому что монахи узнали о приезде вашего величества чуть ли не через час после вашего отъезда и, вероятно, от одного из послушников, которого вы изволили встретить и спрашивать. Бывает у них дежурный иеромонах собственно для молебнов и панихид: за ним обыкновенно посылают. Вы, конечно, никого не спрашивали: постояли, подождали и уехали. Да, как видится, не к кому было и обратиться в соборе, — должно быть, и сторожа тут не было. Сегодня не могли даже найти людей, работавших в церкви, чтобы расспросить их: они отлучились, и их достанут только вечером.

Без сомнения, все это признаки большого беспорядка и распушенности. Прежде всего, у ворот должен быть толковый сторож. Если бы он был, то немедленно должен был повестить кому следует о вашем приезде. Но оказалось, что и сторож ушел обедать, оставив за себя какого-то убогого человека.

Оказывается еще, что отпертый собор оставляется без надежного присмотра, с одними рабочими. Ваше величество, верно, предполагали, что тут должен быть всегда дежурный иеромонах на месте. Оказывается, что ему полагается быть в келье и выходить по вызову. Это — не порядок, и я потребую непременно, чтобы дежурный сидел в церкви. Монахи извиняются тем, что у них каждый день служится (по случаю кладбища) от 9 до 12 литургий, а все иеромонахи заняты. Но это пустое извинение, а суть дела в том, что они любят

уменьшать число братии, чтобы каждому иеромонаху доставалась большая доля из общей кружки. Этого не должно быть, и лавра достаточно богата, чтобы иметь достаточное число людей для всякой службы.

Из этого прискорбного случая я постараюсь, по возможности, извлечь пользу для утверждения порядков в лавре, порядочно расшатанных. Старый митрополит очень сконфужен, но, кроме его, я призову к себе завтра наместника и очень серьезно потребую от него исполнения. Наместника этого взял митрополит из Георгиевского монастыря, в Крыму. Он тоже стар уже, и человек сам по себе хороший и трезвый, но очень любознателен и страстно занимается литературой у себя в келье в то время, когда бы должен был смотреть за монахами.

Вот печальная моя реляция. Беспорядки, на наше горе, не редкость, и мириться с ними невозможно; но, повторяю, мне всего больнее, что ваше величество в такой именно день встретили в лавре такое неприятное впечатление.

Константин Победоносцев.

21 февраля 1887.

73.

Мне известно участие, принимаемое вашим величеством в судьбах северного края, который глож и приходил в запустение по мере того, как отнималась от него заботливая рука правительства.

Для местных деятелей, т.-е. для оживления их, чрезвычайно важно живое свидетельство об участии вашего величества к этому краю.

Вот почему сожалел я, что приехавшему сюда архангельскому губернатору кн. Голицину не довелось лично доложить вашему величеству о нуждах своей губернии. Вас не решились беспокоить просьбою о приеме его перед отъездом, а его самого порча дорог понуждает спешить, и он предполагал уже выехать завтра.

При личных с ним объяснениях я видел с удовольствием, что он любит этот край, относится к его нуждам деятельно и никак не желает оставлять его.

При последнем с ним свидании на-днях я видел, что он уезжает отсюда с печальной заботой по случаю решительного закрытия архангельского порта и взятия оттуда двух последних военных судов, которое, повидимому, решено в морском министерстве бесповоротно, несмотря на все просьбы и убеждения губернатора, считающего пребывание хотя немногих военных судов в Белом море делом существенной необходимости для края.

Заметив, что я интересуюсь этим делом, Голицин доставил мне записку, которая, вероятно, неизвестна вашему величеству.

В виду важности предмета позволяю себе представить ее на ваше благоусмотрение.

Константин Победоносцев.

22 февраля 1887.

74.

По поводу нынешнего движения к православию в Прибалтийском крае и принимаемых правительством новых мер заграничные немецкие газеты наполняются невообразимыми сплетнями и клеветами. Рассказываются невероятные истории о преследованиях и стеснениях. Известно, что нет такой лжи, которой не поверили бы иностранцы, когда она рассказывается о России. К сожалению, и из русских, особливо из числа знатных здешних дам, с иностранного голоса тоже верят всяким нелепостям и кричат о преследовании будто бы лютеранства!

Я получил из-за границы, из Швейцарии, торжественное послание от членов евангелического союза. Говорят, хотят они повторить бывшую в 50-х годах полемическую борьбу, когда пытались замешать в нее дипломатию и обременять ее претензиями и жалобами к кн. Горчакову. Теперь же говорят, — что гораздо удобнее, — к обер-прокурору.

Я счел долгом отвечать им и на-днях отослал свой ответ в Шафгаузен. Но для того, чтобы ознакомить, в случае надобности, кого следует с этим делом, я распорядился напечатать эту переписку, не для распространения в публике, в малом количестве 75 экземпляров.

Долгом почитаю представить эту брошюрку к сведению вашего императорского величества.

Константин Победоносцев.

28 февраля 1887.

75.

Все эти дни я провожу в каком-то тяжком отупении от того, что произошло 1 марта. В этот день я испытывал тревожное волнение по какому-то безотчетному чувству. Случилось, что 1 марта через 6 лет пришлось опять в воскресенье. Случилось еще, что ко мне поутру зашел в тот же час тот же самый человек, кто был у меня в самый час катастрофы 1 марта 1881 года,—и с тех пор лицо его всякий раз живо напоминало мне ужасную минуту.

Всего больше тревожит мысль о том смущении, которое это происшествие возбудило в душе у вашего величества: вот о чем всего большее думать. Я хотел тотчас писать вам, но удержался: и вас не решался тревожить, и у самого в душе было очень смутно.

Тяжело теперь жить всем русским людям, горячо любящим свое отечество и серьезно разумеющим правду в жизни. Было тяжело, и есть, и, горько сказать, еще и будет. У меня тягота не спадает с души, потому что вижу и чувствую ежечасно, каков дух времени и каковы люди стали. На крапиве не родится виноград, из лжи не выведешь правду; из смещения лени, равнодушия, невежества с безумием и развратом не возникает сам собою порядок. Что мы посеяли, то должны пожинать. Всем неравнодушным к правде очень темно и тяжело, ибо, сравнивая настоящее с минувшим, давно прошедшим, видим, что живем в каком-то ином мире, где все точно идет вспять к перво-

бытному хаосу, и мы посреди всего этого брожения чувствуем себя бессильными.

Но изо всех крестов, которые лежат на нас, всех тяжелее тот крест, на который провидение вас обрекло, ваше величество. Я видел, как вам тяжело было принимать его на свои плечи. И недостало бы сил нести его, когда бы не было в душе сознания и веры, что это — великая жертва, на которую богу угодно было обречь вас, и что уклониться от этой жертвы — значит обречь весь народ свой, всю Россию на полный хаос, на конечную гибель. Вспоминается пророчество Каиафы...

Я знаю, что в вас есть это сознание и эта вера. Она, и только она одна дает вам силу, чтобы не поникнуть головой посреди смятения жизни, дает спокойствие духа, необходимое для того, чтобы возможно было удержать в себе живость и крепость воли для державы правления.

В Западной Европе повсюду заговоры социалистов и анархистов и взрывы адских снарядов стали едва ли не ежедневным явлением. В Германии готовы были, — и только случай помешал, — взорвать императора со всей свитой при открытии памятника. Там это стало обычным явлением, — оттуда явилась эта зараза и по грехам нашим привилась к нам; но всякое этого рода явление у нас подхватывается врагами нашими, как орудие против нас. Правда, что у нас оно значит гораздо более, чем там, — и враги наши хорошо это знают, — и бог знает еще, чья хитрая рука направляет, чьи деньги снабжают наших злодеев, людей без разума и совести, одержимых диким инстинктом разрушения, вырождков лживой цивилизации...

Нельзя выследить их всех, — они эпидемически размножаются; нельзя вылечить всех обезумевших. Но надобно допросить себя: отчего у нас так много обезумевших юношей? Не оттого ли, что мы ввели у себя ложную, совсем несвойственную нашему быту систему образования, которая, отрывая каждого от родной среды, увлекает его в среду фантазии, мечтаний и несоответственных претензий и потом бросает его на большой рынок жизни, без умения работать,

без определенного дела, без живой связи с народным бытом, но с непомерным и уродливым самолюбием, которое требует всего от жизни, само ничего не внося в нее!

Боже, помилуй нас грешных и спаси бедную Россию и от своих, и от чужих!

Да подаст он вашему величеству силу не только терпеть, но и действовать посреди тяжких испытаний!

Веруем мы, простые русские люди, что он не оставит вас и с вами бедную, страдающую и верующую Россию!

Константин Победоносцев.

Петербург, 4 марта 1887.

76.

Я виделся сегодня с Манассеиным. Разделяю взгляд его, что желательно во всех отношениях провести дело через суд. Это может быть совершенно весьма скоро, потому что дело относительно вины преступников не имеет сложности и не представляет сомнений. Придется лишь подождать несколько дней, не разыщут ли между тем одного из главных—Шевырева.

Всего удобнее передать дело военному суду, где процедура быстрее и проще. Трудно миновать участие защитников, так как оно требуется по закону и в военном суде, так что для устранения защитников потребовалось бы особое высочайшее повеление, что в настоящем случае нежелательно. Но в этом отношении военный суд удобнее, потому что он сам назначает подсудимым защитников из своих кандидатов, а в сенате подсудимые могли бы выбрать себе кого угодно из сторонних кандидатов. Но и в том, и в другом случае можно надеяться, что больших речей не допустят. Итак, кажется, в скорости и без малейшей огласки дело может быть окончено.

Константин Победоносцев.

Петербург, 6 марта 1887.

77.

Дозвольте, ваше величество, беспокоить вас по делу, коему придаю политическую важность.

Сейчас дошло до меня, что вы изволили приказать объявить на общем основании Каткову предостережение за статью в № 66 „Московских Ведомостей“ и вообще за направление статей его по внешней политике.

Прежде всего, оговариваюсь, что я нисколько не оправдываю Каткова и не извиняю его и не имею в виду его личного положения; но имею в виду то значение, которое приобрели вместе с лицом его „Московские Ведомости“.

Правда, как вы изволили однажды и мне выразиться, что Катков забывается и принимает тон, несоответственный с его положением.

Но один ли он виноват в том? Виноваты во многом правительственные лица, которые поставили его в положение ненормальное и вскружили ему голову. Всякий забудется, если его выведут из пропорции и придадут ему несоразмерное значение.

Катков — высокоталантливый журналист, умный, чуткий к истинным русским интересам и к твердым охранительным началам. В качестве журналиста он оказал драгоценные услуги России и правительству в трудные времена. Он стал предметом фанатической ненависти у всех врагов порядка и предметом поклонения, авторитетом у многих русских людей, стремящихся к водворению порядка. То и другое — крайность, но то и другое — факт немаловажного политического значения. Факт, с которым приходится считаться.

Вся сила Каткова в нерве журнальной его деятельности, как русского публициста, и притом единственного, потому что все остальное — мелочь или дрянь, или торговая лавочка.

Но зачем было делать из Каткова государственного человека? Были министерства, в коих ничто важное не принималось без участия Каткова. Этим его испортили и вывели его из пропорции. Он писал превосходные статьи, но

можно было им радоваться, а не делать из них государственного события. Особенно в виду иностранной прессы и иностранной дипломатии, придававшей статьям Каткова значение статей, внушаемых свыше, следовало бы правительству избегать всего того, что могло быть истолковано в смысле солидарности правительства со статьями Каткова. Вот почему я не порадовался, когда прочел в газетах рескрипт, в прошлом году предложенный к подписанию вашего величества И. Д. Деляновым; не радовался, когда Катков приезжал сюда из Москвы на продолжительное время, и в здешнем обществе, живущем сплетнями, и в заграничной прессе поднимались вздорные толки, что с ним ежедневно совещаются о делах внешней политики. Мудрено ли, что по вопросам этого рода Катков, получая на статьи свои и записки одобрение из высших сфер, более и более выходил из пропорции?

Однако же, то ложное освещение, которое получил Катков и у нас, и за границей, есть несомненный факт. Все, что происходит с „Московскими Ведомостями“, становится событием не только всероссийским, но и европейским. Падение „Московских Ведомостей“ есть великое торжество одной партии (к сожалению, именно партии врагов России и порядка) и великое уныние для другой партии, противоположной. Прибавлю еще, что Катков, при всех своих недостатках и увлечениях, очень дорог своей газетой именно теперь, в эпоху смуты, что когда его не будет, решительно не кем будет заменить его в нашей распущенной и бедной серьезными талантами печати; и, наконец, что эта минута, которой нельзя не опасаться, вероятно, уже недалека, потому что Катков едва ли долго продержится.

Теперь позволяю себе обратить внимание, ваше величество, на последствия, вероятные в том случае, если будет на общем основании опубликовано предостережение Каткову за направление статей его по внешней политике.

Телеграф разнесет это известие по всем концам мира. Это будет замечательное политическое событие. Оно будет истолковано в смысле поворота нашей политики. Оно отра-

зится на бирже. Оно вызовет торжественные демонстрации во всех больших городах и, между прочим, со стороны враждебных России партий. Внутри России произойдет крайнее недоумение и смущение. Притом, зная настроение и натуру Каткова, я уверен, что он вслед за предостережением прекратит издание „Московских Ведомостей“. Это будет крайним смущением для массы читателей русских и, смею думать, во всяком случае будет утратой для правительства силы весьма значительной, силы нравственной.

Стоит ли всего этого статья, правда, неприличным и безумным тоном написанная?

Вполне понимаю однако, что невозможно относиться равнодушно к этому тону и к этой манере статей Каткова. Однако примечая, что до сих пор никто властным тоном и властной речью не говорил еще Каткову, что ему необходимо воздержаться, что этот тон и эта манера не только не одобряются, но и строго осуждаются вашим величеством. Министр внутренних дел,—власть непосредственная над ним,—ни разу не имел с ним положительного объяснения по этому предмету. Напротив того, сам Катков мог иногда воображать, что статьи его угодны правительству.

Ваше величество, вы, конечно, поверите, что одно лишь старание о благе и о мире побуждает меня писать это письмо. Министр внутренних дел в отсутствии; я предвижу, что предположенная мера в настоящих обстоятельствах не будет иметь благих последствий.

Позвольте представить на благоусмотрение ваше следующее. Можно достигнуть того же результата, но с избеганием нежелательных последствий, в другой форме. То же предостережение, но еще суровее и действительнее, могло бы быть объявлено Каткову от имени вашего величества, только не в официальной форме и без опубликования. Для этого Феоктистов мог бы съездить в Москву или гр. Толстой лично мог бы передать Каткову все то, что вашему величеству угодно было выразить. Тут Катков в первый раз положительно усмотрел бы неудовольствие и гнев вашего величества. Я не сомневаюсь, что он принял бы это внушение

со всей покорностью и не замедлил бы или изменить тон, или вовсе уклониться от полемических статей по важнейшей политике.

Константин Победоносцев.

Петербург, 11 марта 1887.

78.

Письмо это писано человеком верующим и глубоко изучившим писание и отцов церкви. Тон его торжественный. Оно оканчивается воззванием к царской власти: да сокрушит нечестие и нечестивых.

Сколько подобных воззваний присылается со всех концов России от простых русских людей, сбитых с толку, не понимающих, что вокруг делается, и ищущих выхода.

Понятно, что иного выхода они не видят, иного спасения не чают, как от царской власти. Преданием держится вера, что царь все может сделать, и что от его слова преобразится лицо земли русской.

Больно читать эти письма. Увы! Простые люди не знают, что все в учреждениях и людях весьма переменилось, и что приказывать стало уже не так легко, как прежде; понятия у начальных людей смешались до того, что уже трудно различить добро от зла и правду от лжи; а власть связана множеством противоречивых законов и учреждений, коих сеть продолжает усложняться и запутываться. Простые люди не знают,—и хорошо, что не знают, еще,—что и в среде первых лиц государства, и в собраниях, обсуждающих законы, самые простые и здравые начала встречают упорное противодействие: до того перепутались мысли о правде и неправде даже у добрых и желающих добра людей.

Но, во всяком случае и во всех обстоятельствах власть повсюду и в особенности у нас, в России, имеет громадную нравственную силу, которой никто не может отнять или умалить, если сама не захочет. Это право и сила — отличать добро от зла и правду от неправды в людях и действиях человеческих. Эта сила, если постоянно употреблять ее, сама по себе послужит великим рычагом для нравственного улуч-

шения и для подъема духа в обществе. Когда добрые и прямые почувствуют уверенность в том, что они не будут перед властью смешаны безразлично с недобрыми и лукавыми, это придаст необыкновенную энергию росту всякого доброго семени. Главная наша беда в том, что цвета и тени у нас перемешаны. Мне казалось всегда, что основное начало управления—то же, которое явилось при сотворении мира богом. „Различа бог между светом и тьмою“,—вот где начало творения вселенной. Там, где нет этого различия,—один хаос. Чтобы выйти из него, необходимо иметь ясное око, различающее свет и цвета и твердую волю, неуклонную в различении и в действовании.

Но и за всем тем—одна сила божия может поддержать власть в великом и ужасном деле правления!

К. П.

25 марта 1887.

79.

В прошлый понедельник слушалось донское дело в Государственном Совете. К. Мирский не приехал в заседание. Кончилось тем, что один военный министр остался при своем мнении и, мне кажется, не по прямому убеждению, а в той мысли, что это мнение одно угодно вашему величеству.

Между тем та цель, которая поставлена вашим величеством, достигается несравненно действительнее и удобнее тем способом, на котором остановились члены собрания.

Ростов с Таганрогом составляют отдельное управление, которое, не сливаясь с Донским войском, вполне подчинено атаману в качестве генерал-губернатора. Этим разрешается задача вполне, и если бы, в виду местных обстоятельств, потребовалось еще усилить власть атамана противу положения об охране, все охотно бы на то согласилось. Напротив того, слияние учреждений в войске Донском представляется до того нестройным, запутанным, невозможным к осуществлению, что для самой атаманской власти оно послужило бы помехою и источником бесчисленных недоумений, пререканий и столкновений. Ваше величество, конечно, сами убедились бы в том, если бы имели возможность рассматривать подроб-

ности предположенного слияния. Мирский отсутствовал, а военный министр ссылался на него, что он, Мирский, не считает возможным для себя управлять иначе. Но решать вопрос с этой личной точки зрения совсем неблагоприятно. Так думает Мирский, но сидевшие тут же предшественники его Чертков и кн. Дондуков совсем иного мнения, и очень возможно, что еслиб удовлетворилось теперь желание Мирского, преемник его, в свою очередь, счел бы положение затруднительным для себя и ходатайствовал бы о новой перемене учреждения.

Вчера мы сидели в комитете министров до 6 часов за делом величайшей важности—о бакинском нефтепроводе. К сожалению, кончилось разногласием по существенному вопросу, и я вместе с Манассеиным, Овручевым, Посыетом и, кажется, кн. Дондуковым остался в меньшинстве. Но я не мог уступить, имея полную и очевидную уверенность, что осуществление проекта м-ва госуд. имуществ грозит великим бедствием и Закавказью, и России. И без того над нами висит опасность, что все важнейшие земли и промысловые заведения этого края перейдут скоро (многие уже перешли) в руки Ротшильда и иностранцев (против чего давно следовало бы принять меры), а если осуществится нефтепровод на предположенных основаниях, то этот результат представляется мне несомненным. Я решительно не умею объяснить себе, как министр государственных имуществ с мин. финансов не видят или не хотят видеть этой очевидной опасности. Предполагается бакинскую промышленность, уже развившуюся, искусственно перевести на берега Черного моря, и для этого дают компании нефтепровода монополию на 75 лет. Устройство его будет стоить 25 миллионов. Очевидно, что и деньги будут иностранные, и компания иностранная, и, кроме того, все заводы для выделки нефти в Батуме (без чего и нефтепроводу нечего делать) будут тоже иностранные. Итак, при помощи всесокрушающей монополии русская промышленность будет убита. Дай бог, чтобы я в этом ошибался.

Константин Победоносцев.

Петербург, 25 марта 1887.

Зарудная приехала вчера из Парижа, в тревоге о своем сыне. Она видела и Манассеина, и директора д-та Дурново и узнала от них все, что можно было сообщить ей. Сына ее переводят из крепости в дом предварительного заключения, чтобы доставить матери возможность видаться с ним. Дурново сказывал мне, что сам он постарается в интимном объяснении с ним склонить его к откровенности.

Обоих братьев Зарудных арестовали по указаниям на них, обнаруженным на черновом плане, найденном, кажется, у Шевырева, где показана была квартира одного брата в Петровском, под Москвою, и другого брата в Петербурге. Старший брат, повидимому, случайно затронутый в этом деле, пояснил свои отношения и выпущен. К сожалению, живший у них в доме учитель Сосновский воспользовался беспорядочностью домашнего присмотра за детьми и постарался вплесть их в свою махинацию. Что касается до младшего брата, то об нем имеются показания, что Сосновский имел с ним свидание в кофейной на Михайловской улице, тут познакомил его с Шевыревым, под именем Кузьминского, и условился, что Кузьминский явится к нему в Петровское получить от него сведения о московских студенческих кружках. На вопросы о всех этих обстоятельствах Сергей Зарудный отвечает упорным отрицанием. Вот причина, почему он еще содержится. Едва ли успели уже завлечь еще к какому-либо деятельному участию в заговоре, и молчит он, по всей вероятности, из ложного гонора не обнаруживать тайны и не открывать чьего бы то ни было участия. По всей вероятности, и мать его теперь, видя ближе, в чем дело, будет спокойнее.

И правда, родители прежде всего виноваты бывают. Где нет мирной и благоустроенной семьи, там дети рассыпаются по ветру. Семья Зарудных не была ни мирной, ни благоустроенною, родители жили в непрерывной ссоре в виду детей. Отец, с педагогическими фантазиями, оставлял детей вырастать на свободе, и мать не умела собрать их под крыло

свое. Этого Сергея, выросшего в своенравии, уволили за какую-то шалость из пажеского корпуса. Затем мальчика отправили одного в Киев держать экзамен в какое-то заведение, без призора. Он вернулся, не выдержав экзамена. Что с ним делать? Опять отправили его одного в Петровскую академию и оставили жить где-то в избе, бог знает с какой компанией товарищей. Вот и результаты.

Когда подумаешь, что в большом городе благоустроенная семья стала у нас редкостью, и что пустота жизни общественной, с роскошью, со своеволием, дошла до крайности, — страшно за будущее поколение.

Но не одна и семья виновата. Сколько добрых и честных родителей плачутся на учебные заведения, куда отдали детей добрыми и откуда получают их домой развращенными и сбитыми с толку.

Высшее начальство видит, что неладно, пишет новые регламенты и уставы, сочиняет новые правила учебного дела. Но что толку в том, что новая бумага является вместо старой, и новое приказание или подтверждение на место прежнего? Что толку, когда в действительности мало кто делает свое дело на месте, и живое дело, воспитательное дело ведется механически, так как бумаги пишутся в канцелярии! Строг и точен воинский устав, но что вышло бы, когда бы начальники на него положились и на нем успокоились? Что вышло бы из лагеря, если бы некому было смотреть, на своих ли местах часовые, не спят ли на посту и правильно ли смены происходят?

Константин Победоносцев.

Петербург, 28 апреля 1887.

Стоит, мне кажется, довести до сведения вашего величества, следующее обстоятельство, по поводу коего повсюду слышатся неприятные толки и суждения.

Известия о поездках и путешествиях вашего величества печатаются официально в „Правительственном Вестнике“ и читаются во всех углах России. Итак, надобно составлять их

с крайним вниманием, чтобы каждое выражение соответствовало бы достоинству предмета и не могло послужить поводом к недоразумению, а тем более к соблазну.

К сожалению, дело это поручается иногда людям несведущим, лишенным общего образования и такта,—людям из разряда обыкновенных газетных репортеров. А те, кому надлежало бы наблюдать за их писанием, не всегда обращают на этот предмет должное внимание.

На беду, в последнее путешествие вашего величества взяли человека невежественного, некоего Прокофьева, обыкновенного репортера газеты „Новое Время“ и разных других, и его реляции, совсем неискусно составленные, печатались под официальным титулом корреспонденций „Правительственного Вестника“.

Видно, что это человек невежественный и совсем бестактный, когда он, упомянув о присутствии ваших величеств в хуруле, включил сюда, неведомо зачем, такую фразу: „Ее величеству поднес бакша с жертвенника золотую курильницу, с которой ее величество и стояла во время богослужения“.

Удивляюсь, как никто из начальствующих лиц не догадался удержать бакшу от поднесения курильницы государыне императрице. Этого не следовало допускать, и никогда этого не бывало при посещениях хурула, что случалось обыкновенно в Калмыцкой станице, а не в Новочеркасске, где никаких хурулов нет. Но положим, что так или иначе было это допущено! К чему было упоминать об этом в печати, как об обстоятельстве, заслуживающем внимания?

К сожалению, фраза эта пропущена в печати и возбуждает теперь толки. Не сомневаюсь, что в разных углах России простые православные люди, прочитав ее, станут качать головой и говорить или думать: что же это—неужели императрица приносила жертву идолам?

Стоит обратить внимание на эти корреспонденции: они важнее, чем, может быть, кажется некоторым начальникам сверху. И стоит ли вообще держать при дворе особых корреспондентов этого разряда, чтобы передавать через газету

известия о каждом передвижении высочайших особ, и передавать, как иногда случается, в пошлой форме газетного репортерства.

Ваше величество, конечно, не следите и не можете следить за всеми этими известиями, но иногда просто обидно видеть, как они составляются, и грустно думать, что за ними не наблюдают, как бы следовало.

Константин Победоносцев.

Петербург, 12 мая 1887.

82.

Сейчас был у меня Катков в крайнем смущении, что он безвинно оклеветан перед вашим величеством.

Феокистов явился к нему сегодня по поручению графа Толстого объявить ему неудовольствие вашего величества. Доведено до вашего сведения, будто Катков писал и через Циона переслал в Париж к Гриви какое-то письмо с соображением о том, какие назначения в новое министерство могут быть приятны или неприятны нашему правительству.

Еслиб это было справедливо, то, конечно, Катков заслужил бы гнев вашего величества за такое активное вмешательство в политику.

Но Катков удостоверяет, что ничто подобное не только не происходило, но и в мысль не входило ему; и весть, о том пущенную, он может приписать только злонамеренной клевете; что никаких письменных сношений ни с кем из политических лиц за границей и с самим Ционом он не имел в последние месяцы и даже намеренно избегал сведений и объяснений, на которые напрашивались некоторые приезжие, дабы не навлекать на себя подозрений и не дать повода к сплетням. Что вся его политическая деятельность выражалась единственно в статьях „Московских Ведомостей“, да в некоторых записках, кои были представлены вашему величеству и никому кроме того не сообщались.

Каткову можно поверить, что он не стал бы отпираться от своих действий.

А я позволяю себе о всем вышеизложенном довести до сведения вашего величества потому, что знаю на опыте и вижу ежедневно, каким могучим орудием интриги и злобы служит ныне сплетня и клевета, намеренно сочиняемая и распускаемая.

Трудно и поверить, до какого развития доведено это искусство.

Константин Победоносцев.

Петербург, 18 мая 1887 г.

83.

Еще вчера я утруждал ваше императорское величество письмом по делу о Каткове, и вот прихожу вновь с письмом, которое Сабуров умоляет представить вам. Опасаюсь, что за эту доuku вы меня осудите, но решаюсь и на это ради справедливости, которая побуждает при всяком обвинении выслушать обвиняемого.

Сабурова я не знаю и вижу сегодня в четвертый раз; никаких сношений с ним не имел; слышал только об нем в 1883 году от Гирса, обвинявшего его в интригах.

Но когда человек клянется, что невиновен в том, в чем его обвиняют перед вашим величеством, думаю, что по справедливости надо знать, что может он сказать в свое оправдание.

Константин Победоносцев.

Петербург, 19 мая 1887.

Ваше императорское величество.

Находясь под подавляющим гнетом царского гнева, я не страшусь взывать к царскому правосудию, как к единственному убежищу против несправедливых обвинений моих недоброжелателей.

Не занимаемое мною место мне дорого; я уже поспешил подать прошение об отставке и не ишу и не прошу помилования. После того доверия, которым меня осчастливили в бозе почивший государь и ваше величество в первые месяцы вашего царствования, что мне оставалось другого желать в жизни, кроме надежды непрестанно оправдывать это доверие? Когда я, к горю моему, заметил, что имел несчастье утратить это высшее благо, я сам просил об увольнении, чувствуя, что не имею более права на занятие высокой должности представителя вашего величества.

Я не домогался сенаторского звания. Ваше величество изволили сами пожаловать недостойному слуге этот знак милостивого снисхождения.

Но что дорого всякому и неслужащему подданному, это — доброе имя, будущее наследие двух моих сыновей, которые воспитываются в чувствах самоотверженной преданности к престолу и в привычке смотреть на царскую службу, как на их будущее призвание.

Всякий приговор, исходящий из высочайшей воли, бесповоротно и окончательно решает о чести ваших подданных. Потому молю ваше величество, велите судить меня прежде приговора, велите нарядить следствие по обвинению, возведенному против меня.

Я или преступник, или невинен; и с менее тяжелым сердцем отправился бы в Сибирь преступником, нежели оставаться в подозрении у государя, в среде моих знакомых и моего семейства.

Вашего императорского величества верноподданный *Петр Сабуров*.

С.-Петербург, 18 мая 1887.

84.

В прошлую субботу вернулся я из поездки, продолжавшейся одну неделю, и, может быть, теперь, при некотором досуге в Финляндии, ваше величество прочтете не без интереса кое-что из вынесенных мною впечатлений. В общем смысле они были довольно благоприятны.

Смоленская губерния давно мне известна, и город Смоленск привлекает меня и личными воспоминаниями, и необыкновенной красотой местонахождения и величия собора, в своем роде единственного. Губерния несчастная, бедная, со множеством разоренного дворянства; а в последнее время расстроена была управлением Кавелина, человека доброго, но совсем вялого и неспособного. Слава богу, что он ушел, и что на его место назначен человек живой, честный, знающий дело и принимающий его к сердцу, независимо от канцелярской переписки (Сосновской, бывший вице-губернатор в Харькове). Положение губернатора ныне повсюду затруднительно вследствие множества новых законов, опутавших всякую власть и перемешавших границы властей. Но именно по этой причине теперь, более, чем когда-нибудь, губернаторская должность получает важное значение. Распорядительный, честный и разумный губернатор, действующий и

не боящийся ответственности за каждый шаг свой, служит именно теперь главной и единственной опорой порядка в губернии. Напротив того, человек неспособный, равнодушный, канцелярист на этой должности может принести громадный вред, станет орудием в руках ловких и недобросовестных эксплуататоров, коих всюду развелось много, и в самый короткий срок может произойти при нем такая деморализация местного управления, которую потом крайне трудно поправить. До чего может дойти при этом крупное и мелкое взяточничество,— трудно и представить себе: так изобретательно искусство чиновников поживиться от темного народа. Так, например, в Смоленске, в Заднепровской части (где бедное население), полицейский пристав имел в числе доходных статей такую. Там много отставных солдат, получающих из казначейства мелкие пенсионные выдачи по книжкам. Полиция периодически отбирала у них эти книжки, без которых нельзя получать деньги, и, держа их у себя по полугоду и более, выдавала только за известную плату, собирая по 1 руб. 50 коп. с человека. Несчастные должны были подчиняться, испытав на деле, что ни к чему не ведут жалобы.

Необходимы теперь более, чем когда-нибудь дельные и притом прочные губернаторы. К несчастью, вошло в обычай переводить их из губернии в губернию часто, иногда через год. А губернатору для того, чтобы взглянуть в свою губернию, мало одного года. Можно представить себе, каково приходится губернии, где иной раз лет в пять сменилось два — три губернатора. Вот почему, принимая к сердцу интересы Смоленской губ., я испугался весной, когда узнал, что министерство предположило перевести Сосновского, как дельного губернатора, из Смоленска в Саратов, а едва прошел год, как он уселся в Смоленске,— и уговорил гр. Толстого оставить его. Теперь при нем поднялось значительно управление, и серьезные люди ожили, почуяв опору, а негодные стали бояться. И новый предводитель (на место умершего К. Оболенского) подает надежды добрые: человек молодой и серьезный — Хомяков, сын покойного московского поэта и философа-славянофила.

В Смоленской губернии происходит явление, на которое давно следовало бы обратить внимание: происходит польская колонизация, подобно тому, как совершается на юго-западной окраине колонизация немецкая; и видно, что поляки двигаются систематически. Краснинский уезд—лучший в губернии по качеству земель, коренной русский помещичий уезд, скоро станет совсем польский. Большинство имений куплено поляками, которые дают уже тон и уездному земству. Началось с поляков, сосланных во время мятежа и потом возвращенных. Им запрещено селиться в тех местах, откуда они высланы, но не подумали оградить от них Смоленскую окраину, давно обрусевшую. Они - то и принялись закупать имения в Краснинском уезде, а за ними потянулись и другие. Другая язва—евреи, которые набрались в этот край во множестве и все денежные дела в обедневшем Смоленске захватили в свои руки. Иные, записавшись в купцы 1-й гильдии (что нетрудно), закупают с публичных торгов большие имения и таким образом становятся помещиками. Жалость смотреть на старинные, разоренные помещичьи усадьбы.

Из Смоленска, по соседству, проехал я на два дня в Витебск, где не бывал еще до сих пор. Это уж край давней борьбы с польщиною и с латинством,—борьбы, длящейся до сих пор, но сильно оживившейся в последнее время. И, слава богу, надежды на успех усиливаются, лишь бы только не опускать нам рук, лишь бы только серьезные русские деятели чувствовали непрерывную нравственную опору в администрации и в общей политике управления. Но в том и беда, что эта опора прерывается опять - таки в лице губернаторской власти. Здесь был губернатором фон-Валь (теперь он на Волини), человек способный и деятельный, но лишенный русской жилки, сам немец, лютеранин, попавший под сильное влияние поляков.

При нем всюду проникли поляки, и русским людям опоры не было. Хорошо, что его взяли отсюда; хорошо еще, что на место его выбрали Долгорукова.

Русские люди ожили и поднялись. Долгоруков, при всех недостатках, человек живой и деятельный: он поднял зна-

чительно русское дело в этом крае. К нему идут люди. Он успел сгруппировать около себя в губернии несколько очень дельных русских людей—предводителей и исправников. Предводители во всех уездах (кроме двух, в том числе губернского) русские; я знаю двоих: городокского—Бондырева и динабургского—Писарева, людей во всех отношениях крепких. В иных уездах успели составиться группы русских людей (предводитель, исправник, голова, церковный староста), дружно и плотно действующие. Особенно приятно было мне убедиться, что с помощью этих людей и некоторых замечательных деятелей из духовенства сильно двинулось дело устройства церковно-приходских школ, имеющее именно в этом крае особливую важность.

Но важнее всего это дело в Режицком уезде, посреди сплошной массы раскольников, в числе 60.000, и самого дурного, темного характера. Это беспоповцы, федосеевцы, переселившиеся сюда еще в прошлом столетии. Они опасны не пропагандою, которой влияние совершенно ничтожно, в остальном белорусском населении, но той непроглядной тьмою невежественного разврата, в котором живут и возрастают целые поколения. Основное учение федосеевцев—безбрачие—сделалось между ними источником голого разврата, совершенного извращения семейной жизни, оправданием распутства, многоженства и детоубийств. Все это поддерживается связями с главным и богатым гнездом федосеевцев—с Преображенским кладбищем в Москве. Режицкие раскольниковы селения служат на весь край гнездом воров, конокрадов и злодеев всякого рода. Очевидно, что посреди этой тьмы лучшие, здоровые натуры остаются без опоры и без выхода.

Вот здесь-то выходом к свету может и должна служить только церковь с церковно-приходской школой. До сих пор миссионерство в этом крае было крайне слабо и не развито, и по недостатку средств, и по недостатку людей. Существуют два прихода со школами, но этого мало, и людей находить трудно для тяжелой работы. Однако же, в последнее время темная среда значительно тронулась, особенно благодаря истинно евангельскому служению в Таскатском приходе ма-

ленького, хилого, больного человечка, иеромонаха Мелитона. Это была поистинне ангельская, младенческая душа, исполненная любви и кротости. Он жил там лет 15 со старухой матерью, в совершенной бедности, работая день и ночь над школою, в которую успел привлечь даже девочек. Я знал его лично, — он от времени до времени приезжал в Петербург за книгами. Но его уже нет, — года два тому назад умер этот добрый старичек, — и конец его был трагический. Приобрел он себе в школу молодого учителя и полюбил его всей душою; вместе они трудились над школою и в церкви. Но вот однажды в соседней министерской школе появилась молодая учительница, как видно, из стриженных. Она, незаметно для Мелитона, соблазнила его любимца Ваню и стала учить своей науке.

Однажды, зайдя в комнату учителя, Мелитон [нашел] у него Ренана „Жизнь Христа“, в русском (гектограф) переводе, и обомлел от ужаса. Стал расспрашивать и услышал грубые ответы. Потом вскоре застал у него учительницу, с наглым взглядом, с наглою речью. Старик не выдержал, заболел нервной горячкой и потерял рассудок. Режицкий купец Масленников, друг Мелитона, обращенный из раскола, рассказывал мне трогательные подробности о последних днях его жизни, как он в бреду поминал своего Ваню и сокрушался об нем.

На место Мелитона назначен толковый священник, и можно надеяться, что при помощи ревнителей в Режице дело не заглохнет.

В Витебске есть два собора — Николаевский и Успенский, оба замечательные громадностью и красотой размеров, особенно последний: оба достались нам из рук иезуитов, и базилиан. Успенский собор исторически замечателен. Здесь православные мещане убили мучителя-фанатика Иосафата Кунцевича. За это казнен был целый город, Иосафат возведен в святые, а мещане присуждены разломать старый собор и на место его построить своими руками новый громадный. В 3-х верстах от города на восхитительном месте, на берегу Двины, стоит Марков монастырь, основанный за 200 слишком лет Марком Огинским, тогда православным. Деревянный

собор, примечательной, оригинальной архитектуры, стоит тут 200 лет, крепкий и свежий, как-будто вчера построен.

Еще о Витебске. Губернатор крайне озабочен начавшимся в последние годы и все усиливающимся наплывом в губернию латышей-католиков. Их поселилось уже до 150.000 душ на землях, приобретенных с помощью Крест. банка. И в то же время происходит по местам выселение православных крестьян-белоруссов. Латыши отличаются трудолюбием и умением обработать самую бесплодную землю; но нельзя не тревожиться усилением латино-католического населения в таком крае, где вся политика должна быть направлена к усилению прославленного русского населения.

В Москве готовится на 29 июня съезд противураскольничьих миссионеров, созданных сюда со всех важных в этом отношении пунктов. Он будет происходить в единоверческом монастыре под руководством настоятеля, первого и самого авторитетного из наших миссионеров,—знаменитого Павла прусского. К этому дню я отправляю туда Саблера, а из Москвы он должен проехать в Киев, где необходимо подумать со старым митрополитом об организации миссионерства против штунды, сильно распространившейся в этом крае. Дело это здесь совсем не организовано, а дело важное, потому что штунда, усиленно распространяемая пропагандистами из Германии, из Швеции, из наших баптистов и пашковцев грозит очень опасною язвою крестьянскому населению. Начинается с протеста против церкви, а ведет и очень скоро приводит, посреди невежественной массы, к протесту против властей и законов государственных.

Вот, ваше величество, и конец продолжительной моей реляции. Дай бог вам отдохнуть и освежиться на морском просторе. Но не раз приходилось, посреди здешних дождей и ветров, заботливо думать—благополучно ли ваше плавание. Третьяго дня, ночью, на морском берегу, где я уединяюсь теперь, дул такой свирепый и неистово воющий ветер, что я, проснувшись, стал бояться за ваше плавание. Да хранит вас господь.

Константин Победоносцев.

На даче, возле Сергиевской пустыни [23 июня 1887.]

85.

Вашему императорскому величеству известно, какую заразу пустил по всей России безумный Пашков, со своими последователями обоего пола, принадлежащими, к сожалению, к так называемому высшему обществу. Не зная ни своей церкви, ни своего народа, люди эти, зараженные духом самого узкого сектантства, думают проповедывать народу слово божие, но на самом деле отвлекают народ от церкви, действуя приемами отрицательными, возбуждают крестьян и рабочих, не приготовленных к отпору учением, ругаться над иконами, крестами, церковными обрядами и духовенством. В духе самого нелепого фанатизма господа эти и госпожи не стыдятся подкупать бедный народ подарками и материальными пособиями. Таким образом они развели уже в разных губерниях, по городам и в особенности по селам, или узких и невежественных фанатиков, ругающихся над церковью, посреди селения и посреди самой семьи крестьянской, где водворяется неведомый доньше у нас религиозный раздор; или — толпу лицемеров промышленников, которые, не ценя вообще веры какой бы то ни было, притворством нанимаются в службу Пашкова в виде его агентов и разносят отрицательные учения в невежественной среде, которую вообще нетрудно смутить баснями всякого рода. Одна из разносимых таким образом басен состоит в том, что будто бы уже в столицах все знатные люди, даже царь и царица, обратились в пашковщину или в штунду. А на самом деле народ уже видит, что есть графы и князья и богатые помещики, проживающие в имениях своих и распространяющие пашковщину.

К сожалению, в столицах между высокопоставленными лицами нередко встречаешь мужчин и дам, которые хотя сами не принадлежат к секте, но, привыкнув обо всем судить легко и сами не зная близко ни церкви, ни народного быта, склонны сочувствовать всякой секте под видом религиозного убеждения и готовы возражать противу всякой меры, клонящейся к стеснению свободы сектантской пропаганды.

Вашему величеству известно, что по обсуждении дела в особом совещании, несколько лет тому назад, состоялось высочайшее повеление—выслать Пашкова и бар. Корфа из России, объявив им, что в случае самовольного их возвращения или продолжения пропаганды имения их будут взяты в опеку.

Пашков и Корф жили с тех пор в Швейцарии и в Англии, но не только не прекратили своей пропаганды, но Пашков в особенности деятельно продолжает ее через своих агентов, к чему имеет он значительные средства в своем большом богатстве и во множестве имений своих по разным губерниям. Управляющими в эти имения ставит он ревностных сектантов, а как у него есть фабрики и заводы со множеством рабочих, то понятно, какие орудия пропаганды сосредоточены в руках его. Так, напр., в главном его имении, селе Матчерке, Моршанского уезда, Тамбовской губ., управляемом Антоном Чанилаш, заводский директор—поляк (ныне высланный) поставил на заводе в должность главных смотрителей 13 молокан.

С разных концов России приходит ко мне множество донесений об этой пропаганде. Пашковцы соединяются в разных местах со штундистами, баптистами, молоканами. Крестьяне волнуются, в сектантствах заводится раздор, ругательства сектантов возбуждают драки и насилия, а когда заводчики и ругатели отдаются под суд, суд нередко оправдывает их при помощи адвокатов,—они возвращаются с торжеством, и зло еще усиливается.

В таком положении дела я изумился на-днях, узнав, что Пашков вернулся в Россию, находится у себя в селе Матчерке и продолжает свободно свою пропаганду.

Я не хотел верить этому и запросил тамбовского архиерея, который подтвердил вполне дошедшее до меня известие. Он присылает мне подлинное донесение местного священника, где, между прочим, сказано:

„5 июля Пашков приходил в дома обоих священников. Меня он не застал в доме и просил моих домашних, чтобы я повидался с ним. На другой день, 6 июля, я имел свидание в его доме. Разговор начался с того, что он укорял меня

за то, что я делаю ему вред,—мешаю делать божье дело; затем разговор перешел на почву религиозного спора, из которого я убедился, что Пашков—закоренелый сектант, не оставляющий мысли распространять свое лжеучение. На всех пунктах разговора я энергично возражал ему и заключил беседу тем, что всегда буду противодействовать ему всеми силами“.

Получив такие сведения, я стал разведывать здесь в министерстве внутр. дел, каким образом Пашков очутился в России.

И что же я узнал! Что еще весною получено было всеподданнейшее прошение Пашкова о дозволении ему вернуться, что Рихтер доложил о сем непосредственно вашему величеству и что последовало разрешение.

Высылка Пашкова из России последовала по докладу министра внутр. дел, после обстоятельного совещания, в коем и я участвовал.

Итак, не могу не пожалеть всячески, что О. Б. Рихтер не рассудил за благо, прежде доклада вашему величеству об этом деле, разъяснить его справками, то-есть войти в сношения и со мною (ибо у меня сосредоточены все сведения о Пашкове), и с министром внутренних дел. Тогда О. Б. Рихтер (который сам близко не знает и едва ли понимает вполне все значение этой пропаганды) увидел бы, что Пашков со времени высылки не прекращал своей пропаганды, что учение его распространяется, и что возвращение Пашкова в Россию грозит большим вредом. Я уверен, что и граф Толстой энергически возражал бы против удовлетворения просьбы Пашкова. И теперь, по сведениям, полученным мною из м-ва внутр. дел, оказывается, что Пашков, как только вернулся, первым делом пошел объехать главные гнезда пашковщины; был в Тульской губ., в известном гнезде кн. Гагариной,—в с. Сергиевском; был в Калужской губ. у девиц Козлятиновых, где тоже старое гнездо пропаганды, а ныне обретается и действует у себя, в с. Матчерке.

О всем вышеизложенном почитаю долгом довести до сведения вашего императорского величества.

30 июля 1887.

Константин Победоносцев.

Еще вчера я утомлял ваше величество длинным писанием и уже сегодня позволяю себе то же самое. Не могу утерпеть, когда нужно довести истину до сведения вашего величества, посреди того океана лжи и сплетен, в коем мы движемся.

Дело идет снова об известной истории с Катковым. Катков уже умер, и нечего было бы уже теперь нарушать мир над его могилой, когда бы дело касалось только личной его памяти. Но мне представляется необходимым разъяснение настоящего случая, дабы показать, какими средствами пользуется злоба и клевета, дабы очернить в глазах ваших иного верного слугу вашего величества и России.

Каткова эта клевета измучила, тем более, что он не мог добраться до ее источника. Уже вернувшись в Москву, за несколько дней до паралича он писал мне:

„Что все это значит? Моренгейм ли был проводником взведенной на меня клеветы и в разговоре с человеком, который ничего не знал об его участии в этом деле, притворялся тоже ничего не знающим (Моренгейм дал такой ответ русскому, спрашивавшему его по поручению Каткова), или телеграмма, доложенная государю, шла не от Моренгейма, а прямо от Катакази, и только подкреплена была именем посла? К моему великому счастью, государь изволил поручить гр. Толстому сообщить мне ее содержание, так что я мог немедленно объявить этот якобы „верный факт“ безусловною ложью. Но могло случиться,—и на это, повидимому, рассчитывалось,—что об этой клевете мне не стало бы известно, и я почувствовал бы только ее последствия, не ведая причины и не зная, в чем оправдываться“.

Катков писал в Париж, желая добраться до истины.

И вот лишь по смерти его обнаружилась истина исследованием, которое с полной достоверностью раскрывает, кто виновник клеветы и интриги.

Благоволите, ваше величество, прочесть записку, переданную мне сегодня Ционом. В ней обнаруживается рука

давно известного своей способностью к интриге Катакази. К сожалению, этот ловкий грек в последнее время успел втереться в доверие к великим князьям во время пребывания их в Париже, и это обстоятельство дало ему кредит, которого стали опасаться не только посол, но и само министерство иностранных дел. Неблагоприятные слухи о Ционе, дошедшие до вашего величества, идут, вероятно, от него же.

Константин Победоносцев.

31 июля 1887.

87.

Долгом почитаю донести вашему императорскому величеству, что я вернулся из своей поездки 21 сентября и вступил в должность. Я побывал в Пензе, в Туле, в Смоленске в Вильне и в Полоцке и видел много нового и поучительного, ознакомившись лично с местными учреждениями и деятелями.

В Вильне заметил я большую перемену сравнительно с прежним временем: более слышно здесь русского духа и явственнее внешние черты русской физиономии, благодаря направлению новой, русской по духу, администрации. Немало пособило делу назначение на виленскую кафедру пресвящ. Алексия, вместо прежнего болезненного и хилого архиерея. Новый архиерей сильно поднял церковное дело, привлек русских и быстро приобрел в обществе как в русском, так и польском общее уважение. В течение трех дней, проведенных в Вильне, удалось мне побывать в 6 верстах от города, в Верках,—великолепном парке недавно умершего кн. Витгенштейна. Такого чудного парка я еще не видывал, а местоположение на берегу р. Вилии несравненно по своей живописности. Наследство кн. Витгенштейна составляло предмет общих разговоров в Вильне и до сих пор занимает всех в Петербурге и в России. При мне приехал в имение главный претендент—наместник Эльзаса кн. Гогенлоэ. Всех смущает опасение, неужели ему разрешено будет, вопреки новому закону, сделаться действительным владельцем этого

богатеишего имени на одном из самых важных политических пунктов? Я слышу повсюду желание, чтоб это имение приобретено было удельным ведомством, и все говорят, что приобретение будет выгодное и нетрудное, потому что имение это обременено ипотечными долгами в несколько миллионов рублей.

Приехав сюда, слышу, что Пашков подал на имя вашего величества прошение о дозволении ему остаться в России. Надобно надеяться, что просьба эта не будет уважена. И без того уже Пашков во время своего пребывания в России наделал много нового зла, не переставая вести пропаганду всюду—в своих имениях и даже в Петербурге, куда приезжал. Собственно это и было целью его приезда, а устройство дел по имениям служило только предлогом.

О гр. Толстом получены благоприятные известия. Говорят, что он чувствует себя гораздо лучше, потребовал, чтобы ему прислали наиболее важные дела, и надеется около 15 октября быть в Петербурге.

Надеемся на скорое возвращение в Петербург вашего величества. Дай бог, чтобы все вернулись в добром здравьи и чтобы отдых на тихом месте прибавил вашему величеству сил на многотрудную работу. Да хранит вас господь.

Вашего величества вернопреданный

Константин Победоносцев.

Петербург, 25 сентября 1887.

88.

Вашему величеству уже известно, что Айвазовский давал на сих днях обед всем приветствовавшим его по случаю 50-летия его художественной деятельности. На этом обеде хозяин каждому из гостей (коих было не менее 150-ти) подарил по картинке, им написанной и вставленной в фотографию. Я захватил две лишние картинки для того, чтобы переслать их вашему величеству: казалось мне, что теперь на чужой стороне, эта мелочь из Петербурга на минуту займет вас.

В то самое время, как мы радовались, ожидая на-днях вашего возвращения, всех опечалила весть о внезапной болезни детей и о том, что придется ждать еще долго. Слава богу, что болезнь, повидимому, легкая; станем надеяться, что бог поможет им вскоре оправиться. Успокоимся тогда только, когда узнаем, что все вы дома, в России. Между тем здешняя машина медленно и тяжело приходит в движение. Отсутствовавшие понемногу возвращаются. 19 октября назначено первое заседание в общем собрании Госуд. Совета, но все как-то вяло без хозяина. О здоровье гр. Толстого имелись благоприятные сведения. Ожидали его в половине октября, но теперь говорят, что вернется уже к ноябрю.

Я только что вернулся из Москвы, куда ездил на один день, 11 октября. В этот день стараюсь быть там, чтоб участвовать в великом всероссийском торжестве,—в крестном ходе вокруг Кремля в воспоминание выхода из Москвы французов. Это — зрелище, которому нет сравнения, разве в коронационных торжествах: все московское духовенство в процессии, вся святыня церковная, целый лес исторических хоругвей, несметное число народа на всем пути; процессия развивается лентой версты на полторы и идет часа 2 вокруг всего Кремля с пением, с колокольным звоном, с торжественным молебствием на вершине лобного места, посреди Красной площади, покрытой морем обнаженных голов. На этот раз 11 октября исполнилось 75 лет с великой эпохи 12-го года. И как нарочно после противного дождя со снегом на это время засияло яркое солнце. Прекрасно! Как приятны русскому сердцу эти живые и благоговейные, эти картинные воспоминания великих исторических событий! О, дай, господи, чтоб все наши бедствия так славно завершались и чтобы всегда миловал нас бог, как тогда помиловал!

Господь да хранит и милует вас со всем вашим домом и со всей Россией!

Вашего величества вернопреданный

Петербург, Вторник, 13 октября 1887. *Конст. Победоносцев.*

Сегодня слушалось в общем собрании Государственного Совета дело, которое еще раз доказало, как бессильны мы, русское стадо, перед напором двух-трех немцев.

В прошлом году еще, помнится, лифляндский губернатор в своем отчете распространился об обстоятельстве, давно уже затруднявшем министерство внутр. дел.

Остзейскими губерниями управляют совокупно с баронами и дворянами пасторы, все самого фантастического настроения. Не опасаясь ничего, отрицая все русские законы, они безнаказанно совершают противозаконные действия, совершают вопреки закону требы, крещение, браки и пр. между православными, в проповедях поносят и русскую церковь, и власти; один осмелился даже приводить крестьян к присяге на верность дворянству; один публично призывал молиться в особенности за тех членов царского дома, кои стоят за лютеранство, и т. п.

На практике ничего нельзя сделать с этими пасторами законным порядком. Из числа 139 пасторов 53 находятся под судом за подобные поступки, но дела об них с 1884 года лежат без движения, ибо лютеранские консистории и светские суды упорно отказываются давать этим делам ход, отрицая вину пасторов во всяком случае.

Губернатор указывал, что единственный способ пособить делу и сломить упорство — подвергать преданных суду пасторов, хоть в крайних случаях, временному удалению от должности распоряжением министра внутр. дел. В таком случае они лишились бы половины содержания, и, таким образом, суд принужден бы был производить и оканчивать эти дела.

На этом предположении ваше величество изволили сделать одобрительную отметку, которая подлежала исполнению со стороны министерства внутр. дел.

Но от слова как еще далеко до совершения дела!

В конце лета министр внутр. дел внес в комитет министров представление в вышеуказанном смысле.

Оно слушалось осенью. Встал барон Николаи и стал доказывать, что дело это не подлежит ведению комитета, а должно быть рассмотрено в Госуд. Совете, так как предполагает дополнение к статьям устава евангелических консисторий.

Взгляд, очевидно, натянутый, так как предмет представления чисто административного свойства.

К сожалению, в это заседание выехал, по важности дела, сам граф Толстой. Он только что вернулся из отпуска и был в каком-то болезненном настроении, говорил слабо. На предложение бар. Николаи он ответил согласием. Что было делать остальным членам (кои большею частью были иного мнения), когда министр, внесший представление, соглашается передать дело. Я возражал, но гр. Толстой не поддержал. Еслиб он уперся, дело решилось бы в комитете.

Этот поворот дела был уже нравственно неблагоприятен: весть тотчас перенесена в Ригу, и пасторы ободрились.

Через неделю дело слушалось в соединенных деп-тах — законов и гражданском — Госуд. Совета. Министерство предложило другую редакцию закона, слабее прежней, но все-таки удовлетворительную: министр вн. д. в потребных случаях предлагает об устранении пастора консистории, и это предложение для консистории обязательно.

Резолюция состоялась единогласная, и дело перешло в общее собрание.

Встал Рихтер и взволнованным голосом стал говорить (я ждал от него более благоразумия) о кострах инквизиции, о Варфоломеевской ночи, об отмене Нантского эдикта при Людовике XIV, о преданности остзейцев правительству и т. п.

К нему присоединился граф Пален с подобными же речами. Оба выразили то мнение, что временное устранение пастора — столь важное дело, что его следует представлять на рассмотрение сената, который может распорядиться в таком только случае, если вина доказана очевидными доказательствами!

Говорили немало, и можно было бы собирать голоса, но те же члены предложили передать дело в департаменты для нового обсуждения. К сожалению, председатель поддерживал это мнение, и так дело затягивается вновь, и на месте упорствующие пасторы получают новое ободрение.

Рассмотрение дел этого рода в сенате отнимает у меры всю нравственную силу, перенося обсуждение в коллегию, то-есть на спорное место, где голос хотя бы одного члена уже парализует силу решения. Притом с этим порядком соединено замедление производства, и открываются пути ходатайствам всякого рода.

А главное, что весьма опасно и о чем может быть не подумали сами г. г. лютеране,—что мера эта послужила бы опасным прецедентом и относительно латинских ксендзов. Тогда непременно поднимется и римская курия и потребует у русского правительства уравнивания своих ксендзов с пасторами. Затруднение будет для правительства немалое.

Константин Победоносцев.

Петербург, 21 декабря 1887.

1888 г.

90.

Прочитав записку Любимова, присланную от вашего величества, не нахожу в ней ничего такого, чем бы оправдывалось негодование, возбужденное ею у гр. Воронцова. В записке этой много верного и справедливого, а если он, будучи защитником нового университетского устава, старается показать, что этот устав не имел влияния на беспорядки, за это едва ли можно осудить его, хотя взгляд его на дело по необходимости несколько односторонний. Не понимаю также, почему Воронцову показалось, что в записке „безбожно исковеркана родная речь“. Я нахожу, что записка написана ясным и правильным языком. А в письме Воронцова дело решается сразу таким решительным тоном по первому впечатлению.

На мой взгляд, нынешние университетские беспорядки существенно отличаются от прежних, бывших с 1862 года, именно тем, что в них не видно политической подкладки, а видно главным образом мальчишество, охватившее значительную массу разгоряченных студентов. В этом отношении они напоминают истории, и в прежнее время случавшиеся в учебных заведениях большею частью из вздорных причин неудовольствия на начальство. Только теперь все это происходило в громадных размерах. Невозможно относиться серьезно к требованиям, заявленным толпою; невозможно также оставить без строгого и решительного осуждения насилие и дерзость некоторых относительно инспекторов, каковы бы они ни были. Итак, теперь делать какие бы то ни было уступки, хотя бы и основательные, было бы ошибкою со

стороны правительства. Теперь всего нужнее дать успокоиться молодым людям и дать замолкнуть всяким сплетням и слухам. Поэтому в совещании, бывшем у гр. Толстого, все согласилось с предложением Вышнеградского отсрочить открытие университетов до начала следующего семестра, т.-е. до марта,—отсрочить в принципе, дав возможность начать учебные занятия и ранее, если профессора поручатся в том, что беспорядка не будет.

Но из каких причин возникли эти беспорядки? (Какую связь имеют они с новым уставом? С действиями лиц начальственных в министерстве и в университетах?) Вот вопрос, который теперь служит темой разговоров. Гр. Воронцов предполагает решить его посредством какой-то следственной комиссии из 3 членов Государственного Совета и в результате отыскивать виновных, с тем, чтобы их казнить „беспощадно“. Мысль эта представляется, по меньшей мере, странной. Это придало бы всей истории несоответственные размеры какого-то важного государственного события, взволновало бы умы преимущественно в той же молодежи, которую, напротив, должно успокаивать, возбудило бы страсти, породило бы доносы и сплетни всякого рода, коих и без того много,—не привело бы в сущности ни к какому определенному результату, а между тем сразу сделало бы невозможным оставаться нынешнему министерству нар. просв. и связало бы по рукам всех его преемников. Едва ли что могло бы быть вредней этой меры в нынешнем положении дела.

Для меня совершенно понятно, отчего беспорядки возникли в нынешнем их виде. Вот как я объясняю себе это дело.

Ваше величество изволите припомнить, что я был в числе противников нового устава в цельном его виде. Я говорил: „Измените некоторые статьи, ограничьте выборное начало, усиливайте власть начальства, но не ломайте в корне систему всей организации! Вы разрозниваете студентов с профессорами, тогда как укрепление нравственной связи между ними и должно служить главным интересом деятельности и главной опорой порядка. От этого добра не будет. Зачем строить

новое учреждение и еще с чужого образца, когда старое учреждение потому только бессильно, что люди не делают в нем своего дела как следует, и власть сама не пользуется своими правами?"

В Ропше, у вашего величества, я один был представителем этого мнения против гр. Толстого, Делянова и Островского. Трудно было вашему величеству не согласиться с двумя—настоящим и бывшим—министрами народн. просвещения в таком деле, в коем они прямые и ответственные хозяева. Новый устав был утвержден.

В университетах сразу оказалось множество профессоров, недовольных и раздраженных. Студентам новые порядки показались тяжелы.

Без сомнения, всякий серьезный и добросовестный из профессоров должен бы был, хотя и не сочувствуя новым порядкам, подчиниться им в силу закона, поддерживать их, применить к ним свою деятельность (ибо не все же в них дурное и невозможное к исполнению) и примирять студентов с уставом, а не возбуждать их против него.

Но далеко не все они серьезные. В числе их множество молодых, легкомысленных, самолюбивых, своевольных, есть немало с фантазиями в голове, с политической подкладкой, с желанием произносить возбудительные речи на кафедре. К сожалению, таких немало именно в Москве, где они играют роль в обществе, в литературных кружках, а иные и при дворе кн. Долгорукого.

Итак, для успешного действия нового устава непременно нужно было образовать в среде профессорской здравый круг влиятельных лиц, которые бы вошли в дух его и оказали бы правительству нравственное содействие к его осуществлению. Вместо того образовался, к несчастью, кружок совершенно противоположного направления,—людей, приносивших с собою в университет желчный, раздраженный протест против новых порядков. Может быть, министерство могло бы действовать с большим искусством и тактом в принятии мер, в выборе людей и пр., но трудно вообще всякому действовать безошибочно при нынешней всеобщей распушенности умов

и нравов, а притом министерство с новым уставом поставило себе задачу не по силам трудную и принуждено было проводить новые порядки во что бы то ни стало.

Итак, вот какие горючие элементы накапливались в университетах и особенно в Москве! Несколько профессоров, уже заведомо вредных своею деятельностью, пришлось уволить; этим число недовольных и раздраженных кружков еще усилилось, и уволенные продолжали свою деятельность, хотя вне университета, но в университетской, т.-е. профессорской и студенческой сфере. Раздражение питалось ежедневными слухами, сплетнями, рассказами о лицах, коим приписывались небывалые действия и слова о разных готовящихся мерах и т. под. Сплетня имеет у нас громадную силу, и это, по моему убеждению, величайшее зло, от которого мы терпим. Люди не находят прямых путей и пробираются окольными путями. Частные собрания, домашние беседы, клубные разговоры, газеты,—все это кишит невероятными историями и рассказами о людях и событиях, вносящими раздражение в общество. Переходя в Москву, слухи этого рода приобретают еще более фантастические формы; это всегда бывало, а теперь, при всеобщей болтовне, чрезмерно усилилось.

В 1886 году ваше величество посетили университет и были встречены энтузиазмом студентов. Но,—буду, как всегда, выражать по правде мысль свою,—если бы от меня зависело, я не решился бы устраивать этот прием в университете. Это—не то, что появление государя в народе, что прибытие государя в благоустроенное цельное, дисциплинированное учебное заведение. Университет в нынешнем положении есть толпа студентов (в Москве 3.500). Поневоле приходилось сортировать ее, отстранять массу лиц недостаточно благонадежных, допускать кружок некоторых профессоров, которые стояли и хмурились. Все это—недовольные, которые стали еще более усиливать раздражение. В массу молодых людей пущены были толки о подлостях, о шпионствах,—слова, которые способны сами по себе зажигать молодежь без всякой проверки. Вы изволили слушать студенческий хор, студ. оркестр,—учреждения, организованные инспектором.

Вдруг поднялись толки, что все это заведено им ради шпионства, и что подло принимать в них участие. Инспектора Брызгалова я не знаю, — может быть, он и действительно имел иногда грубую манеру, не всегда действовал с тактом, — но мало ли каких начальников имели мы в прежнее время, и трудно инспектору студентов сохранить полную безупречность в виду поднимающейся на него травли. И теперь ходят про него рассказы, которых никто не проверял, и которые по проверке оказываются вымыслом, а между тем им верят о сию пору.

Вот под влиянием каких действующих причин разгорелась, по моему мнению, московская история. Любимов правду пишет, что тут немало действовало крайнее легкомыслие нашего общества. Нередко родители, знакомые, вместо того, чтоб сдерживать и урезонивать молодых людей, сами еще возбуждали их под влиянием тех же слухов и сплетен и невообразимой путаницы понятий о долге и порядке. Наконец, — и то беда, что местная администрация идет иногда у нас вразрез с учебным начальством. Я сам был свидетелем в Киеве, как по поводу беспорядков генерал-губернатор и универс. начальство образовали из себя два лагеря и две партии, действовавшие друг против друга. Нечто подобное происходило, кажется, и в Москве. К сожалению, у нас многие, во власти сущие, не понимают, что можно видеть ошибки власти, можно глубоко скорбеть о них, но не следует выставлять их на позор, и в решительные минуты долг велит стоять на стороне власти.

Конечно, если бы в Москве сумели бы власти сразу потушить возникшие беспорядки, то все движение и ограничилось бы одной Москвою. Но от тамошней искры зажглось повсюду. В Петербурге козлом отпущения назначен ректор, — несчастная жертва — и жертва долга, потому что он добросовестно взялся за дело, на которое призвали его, но не рассчитал ни сил своих, ни условий среды, в которой пришлось действовать! Он человек прямолинейный, но не выделанный, без всякой эластичности, которая требуется для администрации. А между тем про него сочинены чудовищ-

ные рассказы и, по слухам, зовут его „мерзавцем“, хотя не могут объяснить, за что и почему так его позорят. Его поставили на это место потому, что он человек убеждения. Не знаю, может быть, удобнее был бы человек гибкий, без убеждений; но легко ли такого найти и выбрать?

Ваше величество изволите писать, что в удобную минуту призовете меня для словесного объяснения по этому делу; но трудно предвидеть, когда найдется у вас свободное для этого время; итак, я сел, чтоб написать по возможности обстоятельно свои мысли. Когда благоволите дать мне знать, явлюсь и дополню, что потребуется.

Письмо гр. Воронцова, без сомнения, одному лишь мне будет известно, по доверию вашего величества.

Константин Победоносцев.

6 января 1888.

91.

Вчера вечером встретил я на балу Вышнеградского. Он был смущен внезапным падением нашего курса,—и так низко, как он до сих пор еще не падал. „А знаете ли, какая была ближайшая причина этого падения? сказал он,—известие о решении московских присяжных по делу Кетхдова“.

Решение, по правде, возмутительное. Украдено на почте чиновниками 120 т. рублей, посланных в Берлин, и присяжные признали вора невиновным.

Решение это состоялось под влиянием речи адвоката, доказавшего, что хотя деньги украдены,—но какие деньги? Посланные с ущербом для казны, и куда же? В Берлин,—центр биржевой спекуляции, высасывающей деньги у нашего народа.

Очевидно, что весть о таком решении должна была произвести впечатление в Берлине.

А теперь газеты, защищающие наш суд присяжных во что бы ни стало, принимаются оправдывать этот приговор такими же резонами.

И вот, наши международные отношения, запутанные и без того уже всякими недоразумениями, сплетнями, газетными статьями, страдают теперь еще от нелепых приговоров суда.

Поистине, давно пора положить предел этому бесчинию судебных решений! Учреждение присяжных сшито совсем не по нашей мерке, да теперь и повсюду, кроме Англии, оно колеблется. У нас присяжные, безо всякой дисциплины, без строгого руководства, случайно собранные, невежественные, остаются под влиянием адвокатских речей и всякого рода влиянием слухов¹⁾, общественной болтовни, происков и интересов, а председатели, которые имели бы характер, волю и опытность, чтоб руководить прениями,—великая у нас редкость.

Позволяю себе еще раз обратить внимание вашего величества на эту настоятельную нужду.

Правда, что не легко сделать это без участия прямой воли вашего величества.

Вот уже год прошел с тех пор, как министр юстиции внес в Государственный Совет проект закона об ограничении суда присяжных. Надобно было бы тотчас пустить его в ход, но гражданский департамент не расположен к тому. Дело затянули, придумав потребовать заключения от всех министров, к чему, думаю, и нужды не было. Итак, до сих пор дело лежит, так как, говорят, от 4 министров нет еще заключения. Так оно может недвижимо перейти и в следующий год, если не будет дан толчек сверху. Еслиб вашему величеству угодно было объявить великому князю-председателю решительную волю, надобно надеяться, что дело подвижилось бы.

Константин Победоносцев.

11 февраля 1888.

92.

Невозможно ничем извинить новый беспорядок, который ваше величество изволили найти сегодня в лавре. Еще две недели тому назад я предупреждал наместника, что они должны особенно внимательно смотреть за порядком, так

¹⁾ Так в подлиннике.

как ваше величество можете заехать в лавру. Тогда они уверяли всячески, что все будет в порядке. Но распущенность тамошняя взяла верх потому, что прямой головы нет. Еще в прошлом году я убеждал митрополита, что надо переманить наместника, но ему жаль было огорчить старика, хотя он в сущности неспособен управлять.

Оказалось, что и нынче дежурный иеромонах после обеда ушел спать.

Но нынешняя гроза не пройдет уже даром. Митрополит, по объяснении, решился, наконец, распорядиться. Виноватого иеромонаха уволили; но главная вина—головы. Наместника митрополит сменил и отставил ризничего, которого прямая обязанность смотреть за порядком. Этот ризничий—пьяница, и его давно следовало прогнать, о чем я давно говорил им, но митрополит боялся, что он от отчаяния наложит на себя руки.

Надеюсь, что этот погром произведет действие. Кроме того, я исполню, что говорил им в прошлом году, что придется приставить к ним чиновника для наблюдения за порядком.

Константин Победоносцев.

25 февраля 1888.

93.

Записка, присланная вашему величеству от графини Блудовой, относится к Бобдийскому храму св. Нины, который вовсе не забыт; об нем, особенно в последнее время, много речи. Но что же нам делать, когда средств и денег нет? Ваше величество сами изволите увидеть, что весь Кавказ покрыт развалинами великолепных некогда исторических храмов. Для восстановления и украшения таких построек потребны громадные суммы, а где взять их? Местное население, бедное, невежественное, не может да и не привыкло жертвовать. Жертв можно ожидать только из России.

Записка от графини Блудовой, несомненно, представлена ей от некоего Сабинина, и потому мало заслуживает доверия. Сабинин этот сделал себе профессию—ходатай-

ствовать за грузинские храмы и собирать на них деньги, в коих не дает никому отчета, — личность весьма сомнительная. Некогда, через добрейшую графиню, через А. Ф. Тютчеву и других лиц выпрашивал он немалые деньги у покойной императрицы, у великих князей и пр. на издание грузинских книг, на восстановление святыни и т. п. Но употреблением этих денег и разными потом клязузами на экзархов сильно себя компрометировал, так что теперь и в. к. Михаил Николаевич ему не верит.

Ныне занимается он сбором денег и приношений на церковь св. Нины, имея сборную книжку, и обращается к разным высокопоставленным лицам. Недавно в. к. Михаил Николаевич подобную просьбу Сабинина, зная его, передал мне; а графиня Блудова, оставаясь, вероятно, в прежнем добром доверии к Сабинину, представила его записку непосредственно вашему величеству. То жалкое описание храма, которое помещено в записке, едва ли верно (я немедленно распоряжусь проверить его); я так думаю потому, что несколько лет тому назад на деньги, собранные тем же Сабининым (не без греха), гробница св. Нины была украшена вновь и произведена внутренняя отделка, так что в описании храма, помещенном в кавказском календаре 1886 года, сказано: „в последнее время средствами доброхотных жертвователей, главным образом из Москвы и Петербурга, могила св. Нины и церковь, в которой она погребена, весьма богато украшена“.

Бывший экзарх Павел весьма много заботился о поднятии этого храма и обители, но что он мог сделать без средств? Давно есть мысль восстановить тут женский монастырь или общину; но на Кавказе это трудное дело, потому что из местных жителей трудно набрать сестер, — это не в обычае; надо вызывать из России; это не легко, да и опять нужны средства. Нынешний экзарх, без сомнения, примется за это дело тоже: он уже заявил торжественно, что необходимо стараться о восстановлении древних святынь, но как бог поможет ему собрать для сего средства, не знаю. Вот он вскоре поедет осматривать свои епархии и, несомненно,

будет в Сичнахе. Если бог даст вашему величеству поехать осенью на Кавказ, вы, конечно, будете в Кахетии (Цинондал) и увидите сами храм св. Нины.

В настоящее время тот же Сабинин хлопочет о колоколе к этому храму, и я вхожу с артиллерийским ведомством в переписку об отпуске 700 пудов старой меди. Об этом и экзарх хлопочет. Из всего вышеизложенного ваше величество изволите усмотреть, что Бобдийский храм совсем еще не покинут в забвении, но скоро нельзя поднять его без особой помощи.

Добрейшая графиня в своем (трудно разбираемом) писании упоминает, по старой памяти, об обществе, учрежденном кн. Барятинским, полагая, вероятно, что это общество могло бы из своих средств восстанавливать старые храмы.

Но ей неизвестно, что после восстановления этого общества из прежнего расстройтва все средства его идут на удовлетворение насущных потребностей, которые государством на него возложены, как - то: на содержание жалованьем духовенства (свыше 70 т. руб.) и школ. Затем у него уже вовсе не остается средств на расходы чрезвычайные.

Восстановление древних памятников и храмов — важное дело. Но еще важнее устройство церквей для удовлетворения первой потребности бедного, непросвещенного народа. Между тем, ужасно подумать, в каком состоянии находится это великое дело на Кавказе.

Не угодно ли вашему величеству прочесть прилагаемую записку о церквях на Черноморском берегу и в Абхазии. Мы только что принимаемся, можно сказать, всматриваться в этот край, ибо не более 2 годов, как учреждена сухумская епархия, и вот первый тамошний епископ Геннадий какую картину представляет! А где взять средств?

Об этом деле случалось мне раза два мимоходом докладывать вашему величеству, в надежде, нельзя ли испросить на эту вопиющую потребность часть капитала, собранного из доходов с часовни Христа-спасителя.

Ответ мой несколько замедлился, потому что вчера не в силах был писать. К великому моему горю, в первый раз в жизни не могу идти в церковь на страстной неделе: сильный грипп и горло захватило.

Константин Победоносцев.

Петербург. 19 апреля 1888.

94.

Думаю, что вашему императорскому величеству будут не без интереса некоторые подробности о нынешнем киевском торжестве.

Я приехал сюда по утру 11 июля, в тот самый час, когда происходило открытие памятника Б. Хмельницкому. В городе шли торопливые приготовления к празднику; но дело об устройстве его было в каком-то неопределенном состоянии,—каждый час распоряжения менялись, и пришлось довольно беседовать и с митрополитом, и с головою, и с А. Р. Дрентельном, чтобы примирить разногласия. Покойный А. Р. относился к этому торжеству с каким-то недоверием и подозрительностью; он опасался до болезненности, чтоб не вышло каких-нибудь манифестаций по поводу славян и славянского вопроса, и потому старался даже до щепетильности устранить всякое участие в торжестве гражданских и военных властей. Ему хотелось сжать все дело в рамки ежегодного празднования 15 июля, исключительно церковного.

А между тем, дело принимало широкие размеры, далеко за пределы этих тесных рамок: дело оказывалось торжеством по-истине всенародным, и являлось одушевление замечательное. Ежечасно прибывали депутации из разных городов и учреждений. Из Нижнего голова с гражданами привезли великолепную хоругвь в дар Киеву; московские хоругвеносцы привезли 4 драгоценные хоругви; депутации из разных городов, особливо имеющих историческую связь с Киевом, привезли патриотические адреса; наезжали представителями разных епархий епископы из Нижнего, из Чернигова, из Петербурга и Москвы, из Кишинева и пр.; приехал митро-

полит черногорский со своим дьяконом. Приехали, несмотря на препятствия, из Сербии, Протич и Груич (бывшие министры и посланники в России); из Румынии — преданные России — кн. Богоридзе, Разновано и несколько других лиц (епископу Мельхиседеку румынское правительство, к стыду своему, не дало отпуска в Киев!). В Австрии правительство формально запретило давать паспорта в Киев; однако, прибыли из Галиции и из Венгрии с риском преследования те же галичане и словаки, которые были в Петербурге на день Кирилла и Мефодия и за то подвергались уже гонению. 13 числа явилось 11 крестьян из Галиции; они тайно пробрались через границу, — их устроили гостеприимно в лавре. Все эти люди благоговейно, со слезами на глазах, ходили по храмам и улицам киевским. Памятник Хмельницкому производил на них сильное впечатление; на нем надпись: „Волим под царя восточного православного“, и эту надпись они пожирали глазами. Даже сербы, проходя мимо, говорили: „Вот наша программа, зачем нам искать другую“.

Русских людей всякого числа прибывало множество, — и все было в радостном ожидании торжества. Необходимо было дать удовлетворение этому чувству; оно не удовлетворилось бы обычным церковным празднованием 15 июля. Я говорил по этому поводу с Дрентельном. От города готовился обед на 450 человек. Этого-то обеда особенно опасался Ал. Романович, — боялся речей со славянскою политикой, — и потому объявил заранее, что речей не будет, и всякая речь покрыта будет музыкой. Мне удалось, однако, убедить его, что необходимо дать высказаться патриотическому чувству. Я принял это на свою ответственность: говорить-де я буду один, и то, что я скажу, не будет опасно. На этом Дрентельн успокоился.

Погода установилась прекрасная. Город почистился, украсился и стал действительно чудно хорош, благодаря живописности своей. Церкви все почистились к празднику: в Софийском соборе сняли грязь и копоть, сняли верхний ярус иконостаса, так что нерушимая стена открылась вся. В Михайловском монастыре идут работы: там открыты

недавно под слоем новой живописи интереснейшие фрески, как думают, той же эпохи, как и софийские.

13 числа служили торжественно заупокойную литургию в маленькой церкви св. Николая на Аскольдовой могиле, и потом на площадке перед церковью, в виду множества народа, унизывавшего соседние вершины, служили соборную панихиду по всем воинам, убиенным на брани в течение 9 столетий! Это была трогательная церемония.

14 числа происходил акт в духовной академии, в старинной зале, увешанной старыми портретами. Это был, так сказать, первый акт торжества, оставивший во всех глубокое впечатление. Проф. Малышевский сказал с одушевлением прекрасную речь, в которой обозрел историю России в связи с Киевом, с церковью, с Польшей и латинством. Все были настроены торжественно. Затем началось чтение адресов от Москвы, от Нижнего, от других городов, одушевленных патриотическим чувством. Выступили с приветствиями митроп. Михаил сербский, черногорец Митрофан, греческий архимандрит Неофит. Напоследок я прочел любопытнейший документ, только что полученный из Лондона, — послание архиепископа кентерберийского Эдуарда киевскому митрополиту Платону. Прилагаю его при сем в русском переводе.

В тот же день вечером, в 6 часов, ударили ко всенощной. Мы пошли сначала в Софию. Всюду служило по несколько архиереев с превосходными хорами певчих, всюду — великое множество народа, всюду — благолепие. Простояв начало здесь, мы перешли в Андреевский храм, где совершалась главная всенощная. Лития совершалась вне храма, на высокой площадке, его огибающей, и так, в вышине, над городом, в виду чудной картины Заднепровья, все стояли со свечами, и шла процессия вокруг с осенением крестом на все 4 стороны. Сюда же вышли потом на величание „хвалите“, и тут же было пение канона с акафистом. Подле меня стоял все время Александр Романович с женою... можно ли было подумать, что на утро его уже не станет!

Отсюда — в лавру. Там чудесная картина. В храме statt уже некуда от молящихся, а весь двор, облитый лунным

светом, наполнен паломниками-богомольцами, которые группами сидят и лежат тут и тут же проводят ночь в ожидании утреннего колокола.

Все это хождение совершал Саблер со множеством иноязычных, которых водил за собою, показывая и объясняя им,—5 румын, 3 сербов, трех молодых японцев (только что кончивших русскую семинарию в Токио и присланных в академию) и двух молодых англичан, которые накануне явились из Лондона и теперь с изумлением и, повидимому, с восторгом смотрели на Киев, на народ и на нашу красоту церковную.

Сегодня, в 8 часов утра, ударили у св. Софии. Как хорошо было в церкви, и сказать невозможно;—все блестело и сияло, все торжествовало и пело! Я смотрел на Протича и Груича,—крупные слезы катились у них по лицу. Явились и два абиссинца, коих привез вчера Анненков; оба стояли в белой одежде и сверху в черных плащах (все это сшили им в Москве и в Петербурге),—оба стояли с достоинством и усердно молились, держа в руках свои книжки, с серьезными лицами;—видно было, что они в изумленном восторге ото всего, что видят. На них смотрела с крылоса умиленным взором землячка их,—черная девица (умница, проживающая в п-бургском женском монастыре) в розовом платье и ярко желтой шляпке.

Пели прекрасно. После обедни Платон сказал, несмотря на свое утомление, прекрасное слово о вере, и затем начался ход. День был совсем блестящий и знойный. Процессия двинулась от св. Софии, мимо Михайловского монастыря, вверх на гору, к памятнику Владимира, где служили молебствие, потом вниз, на реку, где устроена иордань, отсюда—к Рождественской церкви, где митрополит с возвышения благославлял крестом на все стороны: тут стоял хор из 500 мальчиков и девочек и пел тропарь св. Владимиру. Войска на проходе играли „Коль славен“. Два хора пели все время на ходу. Новые блестящие хоругви несли московские хоругвеносцы, потому что здешние не сладили бы с ними.

Я не в силах описать всю красоту и величие этого хода! Киев — единственная местность, на которой может развернуться цельная картина шествия со всею массою народа, потому что здесь горы, с которых все видно. Куда ни взглянешь, все покрыто массою людей, с самою живописною постановкой: все вокруг, все вершины унизаны, а внизу на Днепре, против иордани, масса пароходов, униженных народом. Картина — единственная. Иностранцы, бывшие с нами, совсем подавлены впечатлением ото всего, что сегодня видели, — тут сама собою сказывается вся мощная сила русского народа, одушевляемого верой, и в чертах симпатичных. Наши англичане верить не хотели, что все это собралось здесь само собой, без всяких созывов и приглашений.

Ход едва кончился в начале 3 часа, а в 3 часа надо было уже ехать к обеду. Этот обед останется у всех надолго в памяти. Хотелось, чтоб он не походил на обычные в этих случаях обеды, а носил на себе печать торжества религиозного и национального. Поэтому прямо после супа, когда еще вина не пили, начал я первую свою речь, которая должна была заключиться не тостом, а молитвой. Певчие на хорах начали, а собрание подхватило „Тебе бога хвалим“. С этой минуты обеспечено было особое настроение, которое затем и поддерживалось последующими речами. Нижегородский предводитель Демидов прекрасно сказал приветственный адрес нижегородцев Киеву. Вслед за последним тостом главные гости разъехались, остальные, вероятно, досиживают до ночи уже с самыми затейными речами и тостами.

Праздник наш омрачился, однако, внезапной кончиною Дрентельна. Весть об этом принесена в церковь еще в половине литургии и поразила нас, как громом. Он был весел и бодр сегодня утром и весело сел на седло, чтобы сопровождать по обычаю процессию, но едва сел, как удар поразил его, и он скончался тут же, прежде чем его сняли. Кончина эта, надо думать, была для него легкая, но ужасно подумать о несчастной жене его, с которою они дружно жили все время, — я знал его еще неженатого и потом видел его жизнь.

Сегодня вечером я был на панихиде и видел ее: она сидит, окаменев, как убитая...

Теперь и для русских людей здесь вопрос великий,—кто его заменит? Он был очень тверд в своей политике относительно поляков и немцев, и если преемник его будет держаться иной политики, беда будет этому краю. К сожалению, Волынская губерния переполнена немцами, которые успели прочно здесь утвердиться.

Вечером, в 9 часов, я поехал к в. к. Александре Петровне, зная, что она нетерпеливо ждет меня; она уже поужинала и собиралась спать, но обрадовалась мне и с восторгом слушала, что я ей рассказывал, — лежала и плакала. Я был в первый раз у ее высочества по приезде, 12 числа, был во 2-м часу, — у нее накрывали стол, и она оставила меня обедать. Вывели и Илюшу, и Наташу; и тот, и другая с виду несколько абиссинского типа, и оба приготавливаются к духовному званию. За столом сидело человек 18, — какие-то домашние девицы в белых платьях, одна игуменья, старичок Лабзин, купец из Павловского посада со спутником мужичком и с дочерью. Вел. княгиня благодушно всех угощала. Со мною долго говорила она, плакала, говоря об вашем величестве, об императрице, о королеве греческой, которую обожает. Речи ее мне понравились, — она говорила многое разумно, а вид у нее самый здоровый и веселый. Очень добра великая княгиня.

Но вот как я уже утомил ваше величество своим длинным писанием. Сам я не имел еще отдыха с выезда из Петербурга, а здесь только ежеминутное нервное возбуждение заставляет меня забывать крайнюю усталость. Но я совсем удовлетворен всем, что сегодня видел и чувствовал. И сейчас обрадовала меня телеграмма, что ваше величество с императрицей изволили участвовать в крестном ходе и на воде, и на площади. Послезавтра хочу двинуться обратно в Мариенбад и жду отдыха в вагоне.

Дай, боже, вашему величеству здоровья и благоденствия и возможного отдыха, пока придет время для новых трудов.

Вашего величества преданнейший

Киев. 15 июля 1888.

Констант. Победоносцев.

16 июля.

Вчера отправлены мною телеграммы поздравительные от имени всего собрания четырьмя патриархам и княгине черногорской в Цетинье (так как князь в отсутствии). От княгини сейчас получен ответ.

„Je remercie bien sincèrement votre exc. pour les vœux exprimés dans votre télégramme à l'occasion de la solennité aujourd'hui célébrée à Kiev. L'inébranlable fidélité du peuple monténégrin à la sainte foi orthodoxe de ses ancêtres ayant trouvé un immense appui dans les sentiments fraternels de la grande Russie, nous adressons des prières ferventes au tout puissant, pour qu'il conserve dans sa grâce divine sa majesté l'empereur, l'auguste protecteur de l'orthodoxie et toute la nation soeur, unie dans le sein de l'orthodoxie avec nos frères russes. Nous joignons nos vœux aux leurs pour glorifier le triomphe de la sainte église orthodoxe. Je suis heureuse de pouvoir vous assurer que la joie provoquée par cette fête religieuse est vivement partagée dans tout le Monténégro ¹⁾).

Milena.

Прилагаются при сем:

Письмо архиеп. Кентерберийского.

Первая моя речь, и первый тост за здравие государя императора. Прошу прощения, что посылаю ради скорости в черновом виде. Остальные еще переписываются.

16 июля.

¹⁾ Искренно благодарю ваше превосходительство за пожелания, выраженные в телеграмме вашей по случаю сегодняшнего торжественного праздника в Киеве. Непоколебимая приверженность черногорцев святой православной вере их предков встретила сильную поддержку в братских чувствах великой России, и мы возносим горячие молитвы ко всемогущему, дабы он, по божественной милости своей, сохранил нам его императорское величество, августейшего покровителя православия и всех родственных наций, объединенных православной верой с русскими братьями. Я счастлива, что могу свидетельствовать вам, что вся Черногория живейшим образом разделяет с вами радость, вызванную этим религиозным празднеством.

Спешу представить при сем вашему величеству остальные тосты, сказанные мною на обеде 15 июля.

И еще позволяю себе представить любопытную переписку Майореско с Мельхиседеком, переданную мне (во франц. переводе) частным путем, через одного из дружественных румын, сюда приехавших. В австрийских газетах читал я известие, с торжеством переданное, что Мельхиседек просил отпуска в Киев, но ему дан отпуск всюду, кроме Киева. Переписка объясняет это дело. Вот как обличают свои чувства к России правительства, именующиеся православными. Примас английской церкви шлет свое дружеское приветствие, а православное румынское правительство запрещает своему епископу ехать в Киев. И противно думать, что все эти правительства проданы Австрии и шипят на Россию вопреки народному чувству! А австрийской политике и имени не приберешь,—и смешно и гадко, до каких мелочей забота ее простирается. В Мариенбаде, у источника, вывешаны объявления о времени совершения богослужения в лютеранской церкви и в синагоге, но полиция не позволяет объявлять о богослужении в русской церкви, для коей, однако, город отводит помещение в видах своего интереса.

Сегодняшнее утро я считаю событием; я был в храме св. Владимира и видел работы Васнецова. Церковь внутри обставлена еще лесами, и надо ходить по ним высоко. Но, что я видел, то поистине выше всего, виденного мною до сих пор, где бы то ни было. Думаю, что эти работы составляют эпоху в искусстве, и что Васнецов—гениальнейший из русских художников в этом роде. Тип, им созданный,—первый в роде и не имеет себе подобного. Я видел его богоматерь, уже на золотом фоне,—копия не дает об ней полного понятия,—надо видеть этот лик в оригинале. Я люблю Сикстинскую мадонну, но не нахожу в ней того, что здесь есть,—этой глубины взгляда и выражения,—тут что-то бесконечное и неисчерпаемое. Отсюда переходишь к спасу ми-

лостивому в куполе, и не знаешь, чему более дивиться. На стенах такие фигуры святителей русских и восточных и пророков, каких никто нигде еще не видел. Иностранцы и русские дивятся, и примечательно, что даже в художниках, которые так склонны к строгой критике чужих произведений, слышится один голос—безусловной хвалы и удивления. Художник вложил сюда всю свою душу, но он работает, как аскет, и уже боятся за его здоровье, так он истощился, но не в силах отстать от работы. И здесь тоже, как во всем остальном, самые лучшие и высокие дела делаются бескорыстно, даром. Васнецов работает за ничтожную плату, едва достаточную, чтобы прокормиться с семьей, и создает то, чему цены нет. Я смотрел и думал о той минуте, когда ваше величество все это увидите. Храм этот истине будет великим памятником вашего царствования, и день его освящения будет всероссийским торжеством,—мысль об этом дне и теперь волнует мою душу. Остальная стенная живопись Сведомского,—картины из ветхого и нового завета,—превосходна, но иного характера: здесь уже есть примесь реализма, но совсем в ином роде и в иной пропорции, чем, напр., у Семирадского, которого картины претят иногда русскому церковному чувству. Надеются и обещают, что все будет готово в 1890 году. Примечательно, что все деятели, и Прахов, и Васнецов, и Сведомский,—сыновья священников или дьяконов.

Отсюда Прахов повез меня на Подол, в Кирилловский монастырь, смотреть обновленную живопись XII столетия. Ваше величество тоже не видели еще этого любопытнейшего храма, от которого не оторвешься скоро, так интересны все его подробности. Дело это примечательно и тем, что повеление ваше о реставрации состоялось в самые первые дни царствования, 4 марта.

Сегодня были у меня два абиссинца (с Ашиновым); один из них—76 лет, живет уже более 40 лет в иерусалимском монастыре, другой, помоложе, живет там 18 лет и употребляется негусом на посылки и поручения. На этот раз они смотрят на свое дело очень серьезно, уверяя, что если

не привезут ответа, то им отрубят головы (один из них знает немного по-русски). Дело в том, что негус непременно желает знать, куда делись и дошли ли до русского царя три письма, к нему посланные, с дарами и с просьбою об отзыве. Особливо желает он знать о драгоценном золотом кресте, который был им прислан. Дело, действительно, представляется странным. Они говорят, что письма и в последний раз крест сданы были русскому консулу Кожевникову в Иерусалиме, перед самою войною 1877 года, и незадолго до смерти Кожевникова. По словам их, есть следы в бумагах, что и письма и крест были отправлены Кожевниковым в министерство иностр. дел, где след теряется; об этом Саблер говорил с А. Е. Влангали, который обещал разыскать, но что оказалось,—неизвестно.

Они едут отсюда в Петербург (мы дали им некоторую денежную помощь, потому что у них ничего нет) и усиленно просят и молят представиться русскому царю и видеть его. Я посоветовал им обратиться к Рихтеру, а Ашинову сказал, что если он сам при этом случае рассчитывает им сопутствовать, то во всяком случае, по всей вероятности, не будет допущен. Тогда стали говорить, что переводчицей может быть с ними молодая абиссинка, которая довольно воспитана и знает хорошо по-русски.

Если позволено будет мне выразить свое мнение, то я скажу, что было бы, кажется, не бесполезно, еслиб ваше величество соизволили принять этих абиссинцев. Бесспорно то, что это народ дикий, но издревле удержавшийся в христианстве восточном, со своим негусом, издавно питал сочувствие к России и добивался отзыва и духовного содействия от нас. Думаю, что полезно и благоразумно было бы не отталкивать их при этом случае. В настоящее время мы ожидаем с Афона одного дельного монаха Паисия, с тем, чтобы уговорить его ехать в Абиссинию.

Что касается до Ашинова, то, он, конечно, авантюрист, но в настоящем случае он служит единственным русским человеком, проникшим в Абиссинию. Стоило бы серьезно расспро-

сильно его хоть о том деле, которое, по словам его, уже заведено им на берегу Красного моря. По всем признакам оно может иметь для нас не малую важность, и, по всей вероятности, в таких делах удобным орудием бывают подобные Ашинову головорезы.

Завтра, в 2 часа, буду обедать у в. кн. Александры Петровны и вечером надеюсь найти покой в вагоне, по пути в Мариенбад.

Вашего императорского величества

преданнейший слуга *Константин Победоносцев.*

Киев. 16 июля 1888.

96.

Мне доставлено сюда письмо великого князя Сергея Александровича, по содержанию коего вашему величеству угодно иметь в виду мой отзыв. Я имел уже случай и прежде слышать желания и предположения его высочества относительно высочайших наград, которые ему желательно привезти с собою в Иерусалим. Ничего не имею возразить против наград, означенных в списке. Напротив того, считаю их полезными для дела и отвечающими той цели, для коей великий князь предпринимает путешествие.

Вследствие того товарищ обер-прокурора, с согласия моего, представит вашему величеству всеподданнейший доклад в этом смысле.

По-истине скажу, что в иерусалимском деле, имеющем для нас большую важность, только Палестинское общество принялось делать и делает настоящее дело, привлекая к себе сочувствие русского народа и добровольные пожертвования, и потому, что взялось за дело не по-чиновничьи, и потому, что заправляет делом человек, душою ему преданный, русский, знающий и Иерусалим, и Россию, разумный и образованный—В. И. Хитрово. Его стараниями и привлечены к этому делу люди преданные. В настоящее критическое время, когда на Востоке ослабела, по милости западных

интриг, материальная сила России, всего важнее охранять там источники нашей нравственной силы, незаметно для глаз, но существенно привлекающей к нам сочувствие местного населения. Этого нельзя достигнуть формальным действием бюрократических властей. Вот почему мне представляется полезным поощрить палестинских деятелей. На награды архим. Антонину косо смотрит Азиатский департамент. Но Антонин—единственный энергичный деятель наш в Палестине из лиц, облеченных властью. Своими учреждениями в Палестине, церквами, странноприимными домами он сделал то, что русский человек в его приютах чувствует себя дома, и русская церковь является в привлекательном благолепии. Характер его тяжел, это правда; но многое из неприятных с ним столкновений зависит от ложного положения, в которое поставлена миссия относительно консульства. Когда не будет Антонина, затруднительно будет и заменить его: люди мягкие и послушные будут жить в миру с консульством, но превратятся в чиновников—вялых и бездеятельных. Ложное положение миссии нашей нужно прекратить, но вдруг нельзя это сделать, о чем я имел уже случай однажды докладывать вашему величеству. Оно происходит от неестественной связи, в которую поставлена миссия с консульством и с палестинскою комиссией. Русский консул должен стоять отдельно и не связан с хозяйством русских учреждений. Он должен быть беспристрастным их наблюдателем и справедливым защитником русских интересов в стране. Между тем, иерусалимский консул поставлен как бы хозяином в миссии, имеет в ней помещение и право распоряжения и даже получает значительную часть своего содержания не из казны, а из бюджета палестинской комиссии, т. е. из суммы, которой прямое назначение—на миссию. В таком положении консул становится участником всех мелких хозяйственных и домашних сплетен и дразг, которыми изобилует иерусалимский быт. В эти сплетни и дразги он, как консул, влутывает и министерство иностр. дел,—отсюда масса переписки, основанной на таких взаимных пререканиях и жалобах, коим не следовало бы и доходить до министер-

ства. С другой стороны, ложно и положение палестинской комиссии, составляющей как бы часть Азиатского департамента и ведающей хозяйство русской миссии с особым бюджетом, куда входят и церковные сборы на миссию, и откуда производится расход на некоторых чиновников Азиатского департамента, заведывающих делами комиссии. У Палестинского же общества своя сумма и свой бюджет, хотя в сущности и то и другое учреждение должны бы служить общей цели. Итак, казалось бы, лучше и для единства действия, и даже для экономии дело Палестинской комиссии, отвязав от министерства, соединить с Палестинским обществом, тем более, что оба учреждения имеют теперь одного председателя—великого князя. Но до сих пор министерство так ревниво относится к своему праву заведывать Палестинскою комиссией, что поднимать об этом вопрос очень трудно сразу,—авось он еще назреет.

Теперь Палестинскому обществу приходится считаться и с этою ревностью и со многими препятствиями и в самой Палестине, и в официальных сферах, дома, в России. В Палестине требует крайней осмотрительности и мудрости змеиной отношение к патриарху и к грекам, ненавидящим все то, что идет мимо их кармана. Всякая новая арабская школа, новый приют, новая русская церковь—возбуждают со стороны греков сплетни, клеветы, жалобы, пререкания о власти и компетенции местного греческого духовенства. К сожалению, эта греческая интрига находит себе опору в России, в лице некоторых лживых ревнителей восточной греческой церкви; таков, напр., г. Филиппов, ядовитый ревнитель какой-то греческой автономии, готовый на обвинения русской церкви перед греками. Вел. князю известно, сколько из-за него было вначале недоразумений и сплетен с патриархом, и как, наконец, Филиппов, уличенный вел. князем в явной клевете, должен был оставить Палестинское общество; с тех пор не перестает тайно ему противодействовать. Этот эпизод с Филипповым случился именно по поводу учителя Кезмы, представляемого ныне к награде, о чем, если угодно вашему величеству, изволите спросить у великого князя. Теперь Фи-

липпов, соединившись с кн. Мещерским, открыл в „Гражданине“ арену для возвеличения патриарха и для клевет на русских деятелей в Иерусалиме.

Но довольно об этом предмете. Пользуюсь этим случаем, чтобы прибавить еще несколько слов о здешних местах. С одной стороны, не могу выразить, какое наслаждение доставляют здесь восхитительные красоты природы, посреди чудных гор и зелени, и на ярком солнце, и под облачным небом. С другой стороны, не могу выразить, до чего омерзительна здесь та масса клеветы и лжи, и ненависти, которая обрушивается на Россию и на русский народ в здешних газетах,—а здесь все читают газеты с утра до ночи. Газеты вообще—царство лжи, но австрийские и венгерские в особенности, и к ним, действительно, можно приложить слово спасителя иудеев: „Вы отца вашего диавола и похоти его творите, он—ложь и отец лжи“.—Кстати же и газеты почти все жидовские. Но и независимо от газет поразительно, как здесь и государственные люди, и дипломаты, не зная России, боятся ее и ненавидят инстинктивно. Дай бог нам пережить это время и, будучи в мире со всеми, никому из них не верить. Все одинаково стремятся теперь задавить повсюду русский элемент—и ложью, и обманом, и, если можно, насилием... К киевскому празднику, казалось бы, не за что привязаться, но он не дает им покою: изо всех сил хотят доказать, что это было политическое фиаско. Слава богу, что и на обеде политических речей не было: за последним кушаньем митрополит встал, и все за ним ушли; осталось небольшое собрание охотников до вечера, и тут, вероятно, в тесном кружке, много было речей. Теперь жидовские газеты стараются тут именно изукрасить политическую агитацию графа Игнатьева и, так наз., панславистов.

Но киевский праздник оставил и тяжкие воспоминания. Кончину Дрентельна не скоро забудешь, и кто его заменит? И меня лично постигло великое горе. Через 3 дня после праздника скончался там же человек незаменимый, правая рука моя, Крыжановский,—чистая душа, горячее русское сердце, ум образованный. Он у меня вел главным образом

и балтийские дела, и униатские, и чешские. С весны я послал его на Волынь—к чехам, и он там делал великое дело; его полюбили, ему верили... Сам он старый киевлянин, уже больной, работал изо всех сил для праздника, дождался его, радовался и не вынес. Кем заменить его, трудно и придумать!

Простите за длинное писание. Бог да хранит и да благословит все пути вашего величества, и да пошлет вам людей разумных, честных, способных, с горячим русским сердцем,—о боже, как они нужны!

Вашего императорского величества вернопреданный

Константин Победоносцев.

Зальцбург. 4 августа 1888.

97.

В виду предстоящей поездки вашего величества на Кавказ, позволяю себе представить вашему величеству несколько заметок о лицах и учреждениях там по церковной части. Может быть, они на что-нибудь пригодятся при случае.

В Новом Афоне монахи предприняли строить новый собор и помышляют, какое было бы для монастыря счастье, еслиб ваше величество соизволили, в бытность вашу там, заложить первый камень для здания. Они припоминают при этом с умилением, что на закладке Пицундского храма присутствовал император Юстиниан, а Гелатский собор заложен грузинским царем Давидом.

Я радуюсь мысли, что ваше величество увидите Новый Афон и посетите эту чудную местность; не сомневаюсь, что место вам понравится.

Афонские монахи эти ныне устроили в Петербурге (близ Измайловских рот) свое подворье и воздвигли большой, великолепный храм,—истинную помощь местному населению, которое нуждается в церквях. Храм этот и освящен уже 26-го августа.

Доживаю здесь в Гмундине свое заграничное странствие, и в первых числах сентября надеюсь быть в Петербурге.

Путешествие вашего величества только что начинается. Будем молить бога, чтоб оно совершилось и окончилось благополучно, и к утешению вашему.

Да хранит вас господь в добром здравьи и радости.

Вашего императорского величества вернопреданный

Константин Победоносцев.

Гмунден. 31 августа 1888.

98.

Во Владикавказе — епископ Иосиф, человек старый и ума небольшого, но давно в этом краю и с самого начала управлял делами осетинской миссии. Он знает хорошо осетинский язык; издал словарь осетинского языка, единственный существующий, и значительное число переводов богослужебных и назидательных книг с русского языка на осетинский.

Осетинские приходы и школы нуждаются в священниках и учителях. Этой потребности не могли удовлетворять воспитанники наших семинарий; они не могли подходить к простому, полудикому и бедному быту осетинских селений.

Итак, для этой потребности устроено года 2 тому назад особое училище в Ардонском селении, близ Владикавказа. С простым курсом, приноровленным к местной потребности, оно имеет целью готовить к служению детей осетин, не отрывая их от сельского быта. На первый раз дело это начато удачно; смотрителем училища св. синод назначил прекрасного молодого монаха, скромного и усердного. До сих пор все известия, получаемые с места и от духовного, и от гражданского начальства, весьма утешительны. Живущий в Ардоне начальник местных войск, быв в Петербурге, говорил мне об училище этом с большою похвалою.

В Новом Афоне будет, конечно, ожидать приезда их величеств епископ сухумский Геннадий, — первый епископ вновь учрежденной епархии, едва ли не беднейшей из всех епархий. О плачевном состоянии тамошних церквей я уже имел слу-

чай представить особую записку. Бедное абхазское население не может устроить себе церкви; есть там и русские поселения без церквей. Потребность великая, а средств нет.

В такую епархию надо было искать епископа не из ученых, а простого, но усердного и хозяйственного. После долгих исканий выбрали опытного иеромонаха Троице-Сергиевской лавры, управлявшего там 28 лет хозяйством. Положение его трудное. Он не имеет еще покуда и постоянной резиденции, и устроенного дома; не имеет и своей церкви, потому что в Сухуме одна маленькая церковь, где и священнику тесно служить. На первый раз главным ему пристанищем служит Ново-Афонский монастырь, откуда он объезжает свою епархию.

Ново-Афонский монастырь—замечательное учреждение, благодетельнейшее для целого края и в религиозном, и в культурном отношении. Это—точно улей пчел, неутомимо работающих. Он составляет колонию Пантелеймоновского монастыря на Афоне и состоит в зависимости от него. Игумен Иерон, симпатичнейший старец, конечно, обратит на себя внимание его величества. Все, что возведено и воздвигнуто трудами монахов, в высшей степени замечательно. Помещение для их величеств будет устроено, конечно, в старой генуэзской башне, у монастырских ворот. Местность необыкновенно живописна, и воздух приятен очень. Если будет погода, и время позволит, как хорошо было бы, еслиб довелось их величествам подняться по устроенной монахами удобной дороге на высокую гору над монастырем, где наверху интересные развалины старого собора и следы целого города из первых веков христианства. Подняться туда верхом стоит небольшого труда, но кому это удавалось, тот не забудет своих впечатлений по редкой грандиозности видов, отсюда открывающихся.

Примечателен в монастыре казначей Иннокентий, из казаков, когда-то бывший удалым наездником. Примечателен старичок Захария, страстный любитель растений, собравший в маленьком садике своей кельи редкие экземпляры местной растительности.

В монастыре устроена школа для абхазских мальчиков, единственная в своем роде. Они и поют в церкви некоторые молитвы на своем языке, похожем на птичье щебетанье. При мне пели они „отче наш“.

По другую сторону Сухума есть другой монастырек, Драндский, составившийся отчасти тоже из афонцев; но он только что начинает устраиваться в порядке.

В прелестном Батуме, кроме многого другого, заслуживает внимания городское начальное училище, состоящее под ведением смотрителя Богданова и сестры его. Я видел там с величайшим интересом множество мальчиков и девочек 11-ти национальностей, собранных вместе и обучающихся по-русски письму и чтению. В связи с ним ремесленные мастерские. Двор стережет старый турок, очень симпатичный, большой любитель детей. Года два тому назад дом училища сгорел по несчастью; теперь, вероятно, оно в новом помещении.

В Тифлисе много учебных заведений, и все стоят внимания, особливо 1-я гимназия (возле дворца), женская гимназия, учительская семинария. По внешности судя, они в большом порядке.

Но есть там малое и скромное женское епархиальное училище, на которое желательно было бы обратить внимание государыни императрицы. Как бы они были счастливы, еслиб ее величеству благоугодно было посетить их. Училище ведется прекрасно, скромно и стоит внимания. Девочки почти все бедные, большею частью голые сироты, но многие из них за воспитание и красоту оказываются бесприданницами: женихи являются сами. В прошлом году начальница сказывала, что из 17-ти выпущенных—все сироты—8 оказались невестами при самом выпуске.

В Тифлисе новый экзарх—преосв. Палладий (бывший прежде вологодским, рязанским, тамбовским, казанским). Он

имеет большую опытность и обладает тактом в обращении с людьми. Мягок в манерах, но настойчив. Щедр и гостеприимен. До сих пор из Грузии от местного населения слышны только похвалы ему.

У него два викария—Александр и Виссарион. Оба жалкие, но из грузин некого, кроме их, было выбрать.

В Кутаисе архиерей, тоже из грузин, преосв. Григорий, единственный представитель учености в грузинском духовенстве. Он довольно умен, академического образования, проповедник и издал на грузинском языке 2 тома проповедей,—едва ли не единственное в этом роде издание.

В Кутаисе, возле замечательных развалин старого громадного собора, помещается кутаисское духовное училище. Там у нас более 700 мальчиков—все беднота и голь. Еслиб его высочеству в. к. цесаревичу угодно было посетить училище, стоило бы дать кое-какие деньги на угощение мальчикам,—это для них великий праздник. А покормить детей—великое дело.

В Батуме, конечно, будет епископ мингрельский, красивый мужчина, родом из князей Дадиянов. Он не замечательных способностей, но характера безупречного, держит себя с достоинством, строг с духовенством и имеет авторитет в местном населении, привыкшем почитать Дадиянов.

Владикавказ примечателен еще тем, что там обилие сектантов разного рода (вообще их немало в Терской области). В последнее время туда сильно проникла и пашковская пропаганда. В последние годы явился сильным против них орудием местный священник Мамацев (родом из грузин), искусный, образованный и усердный. Толпы народа, иногда в несколько тысяч, собирались слушать его. Собрания, за недостатком закрытого помещения, происходили на площади. Но он возбудил такое сочувствие в местном населении, что в короткое время по подписке собрано было несколько тысяч рублей, и для него построен большой балаган, где, вероятно, и происходят ныне беседы.

Вопрос о назначении преемника Дрентельну продолжает быть предметом толков, забот и опасений. Он так важен во всех отношениях и в частности для церковного дела в Юго-Западном крае, что я решаюсь утруждать настоящим писанием ваше императорское величество.

По всем получаемым мною с места сведениям, отсутствие главного начальника и ослабление центральной власти сказывается уже во всем крае очень ощутительно. Все враждебные русскому делу явные и тайные силы и влияния подняли голову, ободрились и производят не без успеха агитацию в населении, особливо в инородческом. Стали распускать слухи, что со смертью Дрентельна изменится и направление политики, а несущиеся из столицы вести о том, что генерал-губернатора не будет вовсе, дают этим толкам новую пищу и некоторое основание. О Дрентельне было известно, что он непоколебим по некоторым основным предметам, напр., относительно польского и латинского элемента, относительно жидов, относительно православной церкви, относительно крупных русских и польских помещиков с их претензиями. Это знали твердо и губернаторы, и обыватели. Теперь вдруг эта воля исчезла, эта рука опустилась, и ничего не осталось, чтоб заменить его. Сами губернаторы остаются в недоумении, что и откуда будут им отныне приказывать и как руководить их. Таким образом, ослабло в крае главное и существенное — нравственная сила. А в правлении не так важно приказание, распоряжение, кара и наказание, как важно общее сознание, что сделает власть и чего она не сделает в том или другом случае. В круге дел, подлежащих моему ведению, я уже чувствую неблагоприятные последствия этого отсутствия твердой власти и соединенной с нею уверенности. На Волыни у нас при содействии Дрентельна чешское дело пошло так успешно, как трудно было и надеяться. Чехи потянулись сотнями и тысячами и к нашей церкви, и к русскому языку. На наше горе, одновременно с Дрентельном сошел со сцены неоцененный, разумный, осторожный двигатель и работник

этого дела—Крыжановский. И вдруг все движение остановилось и потянуло назад. Явились по деревням и ксендзы заезжие, и реформатские пасторы, насланные из Вильны, которые прежде не смели бы показаться. Стали мутить народ, отговаривать и подговаривать, отбирать подписки, нашептывать всем, что теперь все переменится. Чтобы противодействовать этой агитации,—не к кому и обратиться. Губернаторы не имеют и той власти, которую имел Дрентельн, и, не видя опоры наверху, ни на что не решаются и сами колеблются в мыслях. И здесь, в Петербурге,—увы!—хотя можно писать какие угодно бумаги, но обратиться не к кому...

Между тем, здесь все сильнее распространяется слух, будто бы предположено вовсе не назначать в Юго-Западный край генерал-губернатора. Слух этот тревожит многих.

Позвольте, ваше величество, высказать мое крепкое убеждение, что такое решение, при настоящих обстоятельствах, было бы политической ошибкой. Невозможно оставить этот край без крепкой местной власти,—в таком случае все, что доселе там сделано и начато в ваше царствование для русского дела, начнет упадать и разрушаться. Губернаторы не в силах сдержать этого движения и направить его: их власть вся связана узами, их распоряжения—в зависимости от министерских канцелярий, их воля не имеет твердости и единства, если ими не управляет твердая воля главного начальника, имеющего особые полномочия, облеченного особым монаршим доверием и дающего отчет и ответ непосредственно государю. Особливо в этом крае немало богатых помещиков и землевладельцев, которые преследуют свои выгоды, помимо государственной пользы, и имеют могучие связи в Петербурге. Губернаторы боятся их и угождают им, а генерал-губернатора Дрентельна боялись они; ни Потоцкие, ни Бобринские, ни Треповы ничего не могли против Дрентельна. Губернаторы сами по себе ни на что не решаются и на все ждут приказания и разрешения из Петербурга, а в Петербурге все это готовится в канцеляриях, под многоразличными влияниями.

Притом всем известно, что назначение губернаторов бывает нередко случайное, что они часто меняются. Мне извест-

но, что в Юго-Западный край посылались иногда губернаторы сомнительные, в том предположении, что их будет сдерживать и направлять Дрентельн. Так, напр., фон-Валя перевели из Витебска потому, что он подпал под влияние поляков и сам проникнут был немецкими симпатиями. И перевели его в край, насыщенный польским и немецким элементом, — в Волынскую губернию. Когда я заявлял по этому поводу свое недоумение министру внутр. дел, граф Толстой отвечал: „Но он хороший полицмейстер и там будет безвреден под рукою у Дрентельна“...

Генерал-губернатор в Киеве необходим. Но кого найти на место Дрентельна, кого выбрать с полною уверенностью? Нужен человек с твердою волей, но и с твердым, ясным, непоколебимым сознанием русских интересов в этом крае, с верою в русскую церковь, без предрассудков и увлечений современного космополитизма, без своекорыстных инстинктов...

Сознаю вполне всю трудность найти такого человека теперь, когда мы так оскудели людьми; но искать его, искать всеми силами непременно следует, и в таком случае может ли быть, чтоб не нашли его... Неужели из-за затруднений в выборе следует покинуть все дело и успокоиться на случайных назначениях губернаторов?

Я не перестаю думать об этом, и позвольте мне, ваше величество, высказать свою мысль с полною откровенностью. Решаюсь на это в том убеждении, что я ни разу не давал вашему величеству повода предполагать, что мои обращения к вам в чем-либо вызывались личным интересом или личным самолюбием. Я могу, конечно, ошибаться, но мною руководило и руководит всегда только горячее желание добра и правды для России и для вашего величества.

Сознаюсь, что из всех лиц, мне известных и стоящих, так сказать, на виду и на очереди, я ни на ком не могу остановиться. Из наличных генерал-губернаторов никто не годится для Киева. Годился бы, может быть, гр. Игнатьев, но он необходим для Сибири, где только что принялся за дело. Оржевский, без сомнения, желал бы этого назначения, и он

человек способный, но назначить его сюда страшно, тем более, что он имеет важные материальные интересы в крае. Есть люди, на коих можно бы положиться с уверенностью, напр., Смекалов, которого я считаю в первом ряду администраторов, но он необходим для Кавказа, где протекла и сосредоточена вся его деятельность...

Не видать людей, может быть, мне не видать потому, что я военных генералов мало знаю. Но кого я знаю, о тех раздумывал и после долгого раздумья позволяю себе назвать вашему величеству одно имя, на коем останавливается мысль моя.

Это—генерал-лейт. Маркович, помощник начальника гл. штаба в военном министерстве. Говорят, что способности его в настоящем его звании весьма ценятся в военном министерстве. А мне известно, что он человек в душе русский, твердый в убеждениях и горячо принимающий к сердцу русские интересы. Смеем назвать имя его вашему величеству, хотя, может быть, никто на нем не останавливался. Я старался прежде всего искать человека твердого в убеждениях, и мне кажется, судя по тому, что я знаю, что у Марковича есть твердость, необходимая особенно для этого края. Притом, может быть, полезно быть именно там лицу, опытному в стратегических соображениях. Как бы мы ни успокаивались надеждою на мир,—вся почва, на которой мы стоим, изрыта военными приготовлениями, и нет сомнения, что мы окружены недоброжелательными соседями. А по частным сведениям, не подлежит сомнению, что Австрия не только не приостановила военные приготовления в Галиции, но еще усиливает их. Недавно сам император был в Перемышле, остался недоволен укреплениями и велел вновь производить работы в увеличенном размере.

Вот те соображения, которые почел я долгом представить вниманию вашего величества.

Вашему величеству вернопреданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 23 сентября 1888.

100.

Долгом почитаю представить вниманию вашего величества нижеследующее.

Теперь внимание всех русских людей, принимающих к сердцу благо России, занято вопросом: кто будет преемником Дрентельна в Киеве? Все чувствуют, как это важно,—будет ли продолжаться система управления в русском духе, или совершится опять несчастный поворот, в роде того, который был в Вильне и в Варшаве? Все зависит от лица; а ныне столько людей, колеблющихся в направлении, что поневоле приходится думать со страхом: кто-то будет,—русский ли человек по духу и разуму, или человек лишь по имени русский, но духа иностранного.

Называют много имен, конечно, без всякого основания, ибо никто не может знать, кто имеется в виду.

Но в последнее время стали усиленно называть одно имя, которое возбуждает сильные опасения. Мне уже писали из Петербурга, что говорят о Владимире Бобринском, а теперь И. Д. Делянов пишет из Москвы, что там слух этот распространен сильно и возбуждает опасения. Не могу знать, есть ли что основательное в этом слухе, и было ли произнесено имя гр. Бобринского в советах вашего величества.

Но не могу умолчать, что, по моему мнению и по мнению многих русских людей, такое назначение было бы бедственное для края.

Бобринские все, сколько я их не знаю, люди чужестранного воспитания, чужестранного образа мысли, космополиты в политике и исполненные либеральных фантазий. А гр. Владимир Бобринский (управлявший одно время министерством путей сообщения) известен в особенности своею деятельностью в прибалтийских губерниях, когда покойный государь в начале царствования посылал его исследовать вопрос о движении к православию эстов и латышей. Тогда молодой Бобринский, попав совершенно под влияние баронов, пред-

ставил дело в извращенном виде и был одним из главных виновников торжества немцев в этом вопросе.

[Без даты].

101.

Ваше императорское величество.

Слава богу! Вы возвращаетесь к нам невредимы, и благослови боже день и час вашего возвращения!

Но какие дни, какие ощущения мы переживаем! Какого чуда милости бог судил нас быть свидетелями!

Мы радуемся и благодарим бога горячо. Но с каким трепетом соединяется наша радость, и какой ужас остался позади нас и пугает нас черною тенью! У всех на душе страшная поистине мысль о том, что могло случиться и что не случилось истинно потому только, что бог нас не по грехам нашим помиловал. Эта мысль долго еще не успокоится,—и вот два дня, как я не могу ничем спокойно заняться.

То же трепетное чувство,—я убежден в том,—охватит всю Россию. Как после страшного сна человек, просыпаясь, ищет руками и глазами увериться в том, что он не наяву чувствовал ужас, так после бывшего ужаса люди пожелают всюду стряхнуть с себя страх и ужас наяву. Бог внушил вам остановиться и в Харькове, и в Москве, и слава богу,—народ [вас] там видел и обрадован. Но вся Россия теперь, можно сказать, жаждет увидеть и осязать наяву царя своего.

Для вашего величества это—один из тех редких дней, когда бог открывается человеку в судьбах его. Но вместе с тем, смею думать, это такой день, когда особенно ощущается живое общение русского царя с народом, и народу нужно царское слово.

Смею представить эту мысль вниманию вашего величества.

Если бы вам благоугодно было принять ее, то на этот случай представляю и образец манифеста, который соответствовал бы настоящей потребности!

Душа просится скорее увидеть вас. Не смею беспокоить вас в день вашего приезда в Гатчину. Попытаюсь на другой день, если не изволите вскоре сюда пожаловать.

Все одним сердцем молимся, — да хранит вас господь на входах и на выходах ваших.

Вашего императорского величества вернопреданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 20 октября 1888.

102.

Вчера, после заседания в общем собрании Государственного Совета, великий князь Михаил Николаевич пригласил к себе в кабинет меня и М. Н. Островского. Тут же был и в. кн. Владимир Александрович. Говорили о дальнейшей судьбе и направлении проекта о земских начальниках, внесенного гр. Толстым.

Из слышанного мною я заключаю, что ваше императорское величество имеете некоторое предубеждение противу мнений, возражающих на проект графа Толстого в том виде, как он внесен им. Смею еще раз уверить вас, что в этих мнениях нет решительно ничего похожего на какую-то принципиальную оппозицию. Все желают искренно достигнуть той же цели, к которой стремится министр внутренних дел, но все опасаются, что именно этой цели, т.-е. водворения порядка нельзя достигнуть такой постановкой учреждения, а можно достигнуть цели противоположной. Напрасно граф Толстой подозревает здесь принципиальное себе противодействие.

Ваше величество слышали в этом деле, можно сказать, одну только сторону. Не знаю, когда буду иметь случай на досуге вашему доложить вам о сем в подробности, и потому позволяю себе в предупреждение недоразумений представить на письме краткое изложение того, что происходило в заседании соед. д-в Государственного Совета 17 декабря, когда произошло известное, непонятное для меня разногласие. Я надеялся предупредить его и, так сказать, уладить путь для гр. Толстого; но, к сожалению, он не захотел этим вос-

пользоваться и настоял на разногласии, которое, по мнению моему, ни к чему не ведет, разве к промедлению дела.

Константин Победоносцев.

Петербург. 29 декабря 1888.

103.

По делу о земских начальниках было три субботних заседания в соединенных д-тах Государственного Совета.

Все возражали, хотя и с разных точек зрения, противу проекта в том виде, как он был представлен. Но в сущности все возражения сводились к одному: гр. Толстой хочет устроить власть для крестьянского мира. Такую власть невозможно обособить и поставить правильно, без связи со всеми прочими властями. Необходимо, по крайней мере, поставить земского начальника так, чтобы он был властью в целом территориальном участке и в прямой зависимости от общих губернских властей. Иначе выйдет путаница.

Но граф Толстой во втором заседании заявил, что он понимает своего земского начальника исключительно крестьянским, и от этого взгляда отступить не может.

Желательно было избежать в этом пункте разногласия, и потому в последнем заседании, 17 декабря, когда бар. Николаи обратился ко мне, я, по соглашению и с Островским и с Манассеиным, заявил следующее:

„В самом начале обсуждения, по предварительному вопросу, поставленному председателем, многие члены высказались в таком смысле, что реформа, предлагаемая гр. Толстым, неполна, недостаточна и потому неверна, ибо угрожает смешением властей, тогда как требуется главнее всего единство власти. Для достижения этой цели необходимо организовать управление всего уезда, в котором найдут свое место и участковые начальники.

Если бы нам предстояло теперь (лет 10 тому назад) обсуждать предварительный вопрос: как следует приступить к реформе местного управления, я непременно присоединился бы к этому мнению.

Но в настоящую минуту дело, как оно поставлено министром внутренних дел, представляется в ином виде. Он говорит нам, что время не терпит. Прошло семь лет в работах о реформе местного управления; если теперь обратить их назад, пройдет еще столько же, и едва ли что будет сделано. Между тем в деревне неурядица усиливается, и вопрос о водворении там порядка—самый настоятельный,—крестьянство составляет главную силу государства и 90³/₀ всего населения...

Нельзя не согласиться в этом с министром внутренних дел и потому необходимо остановиться на его проекте и принять его к обсуждению.

Действительно, крестьянское общежитие настоятельно требует власти и порядка. С 1861 года, когда издано крестьянское положение, опыт показал его недостаточность именно в этом отношении. Нельзя сказать, чтобы эти предметы и тогда оставлены были без внимания законодателем; но он предполагал, что крестьянские власти сами будут блюсти порядок; это не оправдалось и не могло оправдаться.

Никакое общежитие человеческое не может обойтись без полиции и без суда. И в положении 1861 года находим зачатки этих учреждений, но хилые и слабые, неспособные к развитию, без крепкого начала. Сельская власть учреждена в лице сел. старосты и вол. старшины. В законе прямо указаны полицейские их обязанности,—в общем праве „принимать необходимые меры для охранения благочиния, порядка и безопасности, предупреждать потравы, порубки, задерживать бродяг, делать дознания, задерживать виновных и пр., и пр.“ Но эта власть осталась только на бумаге. Отчего? Оттого, что она бесформенная, выборная и лишенная авторитета, не связанная с источником авторитета в государстве. Власть, для того, чтобы быть властью действительною, должна носить на себе печать государства и иметь опору свою вне среды местной общественной и выше ее. Без этой санкции она не может действовать. Сельская власть, завися исключительно от выбора, б. частью беспорядочного, случайного или прямо развратного,

чувствует около себя лишь гнетущую силу той же беспорядочной среды, которая ее выбрала, и ей только подчиняется, не имея другой, высшей опоры вне сельского мира. Итак, сошло на то, что эта власть потеряла всякое значение права и стала лишь тяжелой повинностью. В старосты выбираются самые плохие, захудалые мужики, обрекаемые на то, чтобы высиживать штрафы и пени, налагаемые на них за чужие прегрешения. Действительная сила принадлежит кулакам и горланам сходки.

Надобно поставить в деревне действительные органы полицейской власти так, чтобы они имели опору вне деревни, как слуги государству и блюстители порядка; надо снабдить их инструкцією, коей они не имеют, и приставить к ним живое лицо для надзора и руководства.

Этой цели желает достигнуть министр внутренних дел посредством учреждения земских или сельских начальников. Нельзя отрицать необходимости подобного учреждения.

Министр внутренних дел хочет, чтобы оно было не территориальной властью, а в особенности крестьянским учреждением. Согласимся с ним и в этом. Нельзя оспаривать, что с этой точки зрения учреждение будет преимущественно крестьянское.

Преимущественно — это так. Но назвать его исключительно крестьянским едва ли решится и сам министр в. д. Он сам в своем проекте расширяет его за пределы крестьянской общины. Он привлекает к его ведомству не одних крестьян, но и мещан, и купцов, живущих в деревне, хотя и не принадлежащих к составу сельского общества, и даже живущих вне крестьянской территории лиц других сословий, по некоторым договорам с крестьянами.

На этом основании нам и следует обсудить проект в отдельных частях и подробностях, что весьма важно. Новый закон может или ухудшить положение, или улучшить его, смотря по тому, как определится положение новой должности и круг ее действий в ряду других учреждений. — На ряду с нею останется в той же среде сельского кре-

стьянского общества действие и общей полиции, и мировых судебных учреждений. Если не определены будут взаимные отношения и пределы власти и компетенции, вместо пользы будет вред, и вместо упрощения и объединения властей — умножение властей в одном и том же предмете, — еще хуже прежнего. Необходимо связать земского начальника и с высшими властями, чтобы ясно было, от кого он зависит, и кто ему приказывает. В проекте это неясно, и земский начальник является в губернии властью, не подчиненною губернатору, который дает ему только предложения. Это будет аномалия, грозящая новым раздроблением властей.

Все это надо обсудить и упорядочить. Министр внутренних дел заявил нам, что он не станет отстаивать каждую отдельную статью своего проекта и готов на изменения, если убедится в их необходимости.

Итак, для чего нам делать разногласие, — в сущности не практического, а теоретического свойства? Мы можем прямо признать, что предлагаемое гр. Толстым учреждение есть преимущественно крестьянское, и на этом установиться, с тем, чтобы рассматривать проект по статьям, при чем обнаружатся, если придется, разногласия мнений по отдельным предметам.

Вот что я говорил, надеясь, что этим путем дело выведено будет на правый путь, и мы избежим на самом пороге обсуждения и по предварительному вопросу разногласия.

И все готовы были согласиться с этим мнением, но, к удивлению моему и общему, не согласился граф Толстой, пожелав сделать разногласие. Какая ему от этого польза или польза делу, не могу уяснить. Только дело замедлится. Положим, что через месяц, при обыкновенном ходе производства, его мнение (к которому и я, и Островский должны были примкнуть) утвердится, т.-е. сказано будет: обсуждайте учреждение, как крестьянское. Ведь все равно при обсуждении статей нельзя будет избежать разногласий, и весьма существенных, ибо все зависит не от идеи учреждения, а от его постановки в подробностях. А в том виде

как изложен проект гр. Толстого, он, по моему глубокому убеждению, разделяемому весьма многими, может произвести только вред и не только не утвердит порядка, но вызовет беспорядки, породив смешение властей и крайнюю путаницу отношений.

Чем же объяснить это желание гр. Толстого произвести разногласие?

Я объясняю его себе только недоразумением. Гр. Толстой с самого начала во всех возражениях против его проекта заподозрел какую-то принципиальную оппозицию и стоит на этом впечатлении, сколько я ни убеждал его. К сожалению, по состоянию его здоровья, он не выдерживает долгой беседы и вникания в подробности дела. Мне кажется, и в настоящем случае он заподозрел, что хотят свести суждение на какую-то неудобную почву, в чем-то уловить его напрасно. Настояв на разногласии, он только отдалил дело, на скорейшем решении коего сам настаивал. А в этом деле подробности постановки учреждения так важны, что обсуждение их непременно потребует и много трудов, и немало времени. Решить эти важные вопросы быстро и без внимательного, подробного обсуждения, значило бы поставить на карту великий вопрос о водворении порядка и мира в сельском населении России.

1889 г.

104.

От Манассеина узнал я, что ваше величество изволили спрашивать о деле княжны Львовой.

Не случилось мне докладывать вашему величеству на словах об этом происшествии, потому что не было к тому времени, а утруждать вас письменным докладом я не рассудил, потому что дело в глазах моих не имеет того значения, которое придавали ему городские толки, возбуждаемые г. Олениным.

Дело это с самого сентября немало дало мне хлопот и в разговорах, и в переписке. Я исследовал его самым внимательным образом.

Еще в начале сентября, независимо от меня, прокурорскою властью в Москве и в Калуге произведено было на месте следствие. В результате оказалось, что нет основания привлекать кого-либо к ответственности за кн. Львову. И отзывы 3 докторов о причине ее смерти разноречили: по мнению 2-х, причина болезни могла и не зависеть от купания.

Не довольствуясь этим, я просил калужского архиерея (очень почтенного человека, недавно туда назначенного из новгородских викариев) обследовать дело со всею подробностью в виду толков или нареканий Оленина на монастырь. Архиерей принял это дело к сердцу и доставил мне две записки о дознании, в котором разобраны день за днем все обстоятельства пребывания кн. Львовой не только в Тихоновской пустыни, но и в Оптиной, откуда она приехала уже расстроенная и с намерением искупаться в источнике, куда стекаются с этою целью массы народа.

Изю всех обстоятельств я пришел к убеждению, что все дело это крайне раздуто в отошении к монастырю.

Княжну Львову я сам знал и знал за нервную до истерического состояния женщину. Она жила обыкновенно в Подсолнечном, под Москвою, и с экзальтацией предавалась, по движению души, действительно доброй и благочестивой, молитве и благотворительности. В крайне взволнованном состоянии была она уже в Оптиной пустыни, где действия ее и слова указывают на состояние совсем ненормальное.

Отсюда едет она с извозчиком одна, в виде простой богомолки, с одним мешечком, в Тихонову пустынь, берет номер в гостинице, никому не объявляет своего имени и прямо из церкви отправляется на извозчике к источнику (довольно далеко еще от монастыря). Там, в толпе простых богомольцев, принимают ее тоже за простую богомолку. Тут с нею делается припадок с криками; мудрено ли, что в такой обстановке с нею обращаются простые и, конечно, невежественные люди, как с кликушей, которую надо погрузить,—ведь сюда и приходят для того, чтобы купаться, тысячи народа. Разумеется, если бы при этом был монах толковый и образованнее, ее, может быть, удержали бы, но чего можно было ожидать от старух-богомолок и от послушников, для коих купание богомольцев представляется обычным явлением в этом месте?

Вот начало. Затем следует почти непрерывно бессознательное ее болезненное пребывание в гостинице, где она не объявляет своего имени. К ней приводят фельдшера,—припадки продолжаютя, и лишь через несколько дней узнают, кто она, и дают знать в Москву. Конечно, следовало бы настоятельно решительно расспросить ее и послать в Калугу за доктором или больную перевезть туда; но надобно принять во внимание, что имя ее было неизвестно,—она представлялась заурядною богомолкой, и ей была подана обычная помощь через монастырского фельдшера.

Нужно заметить, что оба эти калужские монастыря,—Тихонова и Оптина пустыни,—принадлежат к числу благоустроенных, а Оптина, по нравственному характеру своих

монахов, имеет всероссийскую славу, как школа подвижничества. Происшествие с кн. Львовой стало известно в Калуге; я расспрашивал многих достоверных лиц из Калуги, и от всех слышал такие отзывы, что история с кн. Львовой непомерно раздута Олениным, а губ. предводитель заявляет мне о сем письменно.

И Оленин странно действует. Ко мне он не обращался ни разу, а писала ко мне часто, ссылаясь на него, Ольга Перовская. Сам Оленин был в Калуге у архиерея, а когда архиерей предложил свести его с настоятелем для разъяснения дела, Оленин уклонился от этого.

Можно, пожалуй, осудить монастырь за некоторое невнимание в этом деле; но отсюда еще далеко до злоупотребления, коего тут не видно. Оленин выставляет странную претензию: чтобы по поводу этого события закрыт был источник для купанья. Он забывает, что подобных источников немало и в других монастырях, и народ имеет к ним веру; что к источнику в Тихоновой пустыни (здесь вода всегда имеет около 40°) стремятся издревле тысячи богомольцев, простых людей, и многие возвращаются с верою, что получили в нем исцеление. Оленин туда не поедет на богомолье, и многие барыни туда не поедут, но как остановить народ и запереть для него этот предмет веры, издавна существующий?

На случай, если ваше величество пожелали ближе ознакомиться с этим делом, прилагаю: 1. Две записки о дознании в Тихоновой и Оптиной пустыни; 2. Письмо предводителя Янковского; 3. Два письма преосв. Анастасия.

Константин Победоносцев.

5 января 1889.

105.

Позвольте высказать вашему величеству мои впечатления по поводу представления „Купца Калашникова“.

После репетиции я вышел из театра как ошеломленный и не мог отделаться целый день от тяжелого чувства—будто после какого-то страшного кошмара.

Но я хотел еще проверить свои впечатления публичным представлением и был на нем.

Я вынес из него еще более тягостное чувство и убедился, что многие разделяют его со мною.

Ничего светлого, ничего возвышающего душу, ничего идеального, — это одна сплошная, живая, действующая перед зрителем картина чудовищного порока, разврата, насилия. Царь — чудовище; все около него — развратные, пьяные разбойники; народ — несчастные холопы; и церковь и вера — одно кощунство над верою! Как будто нарочно искусство хотело втоптать в грязь все идеалы русской земли — царя, церковь, народ. И все завершается невыразимо печальною, безотраднo-похоронною песнью над человеком, казнимым в честь пороку и насилию.

В поэме или, правильнее, в песне-балладе у Лермонтова выходит поэтично; но перенесенное на сцену, в действие нет и не могло быть следа поэзии, — осталось одно действие, отвратительное и, прямо скажу, недостойное искусства. Сценическая постановка старалась придать ему реальность, и реальность выходит фальшивая, [неестественная, как бы тенденциозная. Кто видел обстановку монастырского жития Александровской слободы? Возможно ли, чтоб оргии опричников происходили там же, в церкви, где царь совершал свои моления? Но декораторы устроили палату совсем в виде церкви, расписали ее изображениями святых, и даже с венчиками около головы, что бывает лишь в церкви. И здесь вряд за буйною сценой происходит церковное пение (с мотивом, взятым из церкви, с словами из псалмов), царь канонаршит, и вслед за тем тут же пляска скоморохов и повальное пьянство.

Царь — чудовище, зверь и ничего более. И тут же, в посмеяние правде, слова молитвы за царя и беспрестанно поминается: царь православный...

Но история представляет нам страшную драму в жизни Грозного, с великою борьбою, которую один суд божий решит по правде. В этой душе мы видим черты добродетели и с ужасом узнаем, как они исчезают в чертах зверя;

но мы знаем, какая была борьба, как этот человек злодействовал и каялся, и страдал, и боролся с собою, и усиленно искал в своей совести оправдания своих злодеяний. Видим, как с ним вступали в борьбу, ради правды, ради царской чести его, прямые русские люди и становились мучениками правды. Есть драма А. Толстого „Смерть И. Грозного“, — ее признали нужным снять со сцены; но там есть борьба, есть движение истории... А тут, в опере, ничего нет, кроме гнусностей, собранных в один момент, на одну сцену и, можно сказать, в одну палату, изображающую собой церковь, и перемешенных с молитвою, которая, имея церковный вид, в то же время представляется не иным чем, как страшным кощунством. Ведь в ежедневной жизни мы встречаем людей, которые строго соблюдают церковные обряды, не пропускают ни одной службы в церкви, а дома — развратничают и грабят; но если бы эти люди в самой церкви, посреди молитвы и перемешивая с молитвой, совершали свой разврат и неистовства, — нам было бы невозможно смотреть на такое кощунство, мы убежали бы от этого зрелища...

И неужели это искусство? В третьем акте, под звуки музыки, дерутся на кулачках, прыгают, кувыркаются, продельвается недостойная искусства штука с татаринном... и, в конце концов, царская забава заключается отсылкою на казнь мужа, потерпевшего насилие от опричника... Эти слова Грозного имеют смысл в песне Лермонтова, — да ведь то песня, то сказка, родившаяся в фантазии поэта, и всякий чувствует, что это говорит поэт в лице Грозного! Но когда нам показывают на сцене живого Грозного, и эти стихи влагают в уста ему, — жутко становится и противно.

Я пишу эти строки ночью, после спектакля, под свежим впечатлением. Верите ли, ваше величество, что, выходя из ложи, я видел двух человек, у которых слезы были на глазах, и слышал вот какие речи:

„Боже мой! Зачем это нам показывают такую картину, и зачем, зачем выбрали для этого такую пору, когда, можно сказать, вся русская земля помолодела и вся устремила очи на царя своего, распознавая в нем черты того идеала, кото-

рый народ горячо, страстно желает распознать в царе своем? В первый раз, когда давали „Калашникова“, в 1880 году, была совсем другая пора,—пора безумия, раздражения, великой смуты. А теперь! Теперь, положим, царь и царица в простоте и в чистоте своей мысли не видят, но мы, русские, мы, народ, чувствуем себя оскорбленными этою картиной, в которой все опозорено, что для нас составляет святыню!“

Такие речи слышал я сегодня, и, нет сомнения, что у многих русских людей шевелятся в душе подобные мысли после этого представления.

Константин Победоносцев.

11 января 1889.

106.

Забота о благе вашего императорского величества и государственном побуждает меня иногда утруждать внимание вашего величества по некоторым предметам, имеющим важность. Решаюсь на это и в настоящем случае.

После первых потрясающих впечатлений от события 17 октября поднялись во всех [газетах] вопли о виновных и о привлечении их к ответственности. Набросились огулом на инженеров путей сообщения: доходило до того, что называли имена лиц, ненавистных той или другой редакции, и требовали для них виселицы. Эти крики и вопли, беспорядочные, нестройные, нередко пристрастные, приводили меня в смущение. Дело оказывалось слишком сложно. Событие 17 октября внезапно обнаружило, как молния, в одной сфере общие язвы нашей администрации, во всех сферах усилившиеся: беззаботность, легкомыслие с бесхарактерностью и неспособность. Все ими охвачено так, что становится трудно указать на виновного. Спросите: кто виновен в катастрофе 17 октября? Ответ прямой и ясный получить невозможно. Назовем одного,—он сошлется на другого, другой—на третьего, и т. д., и в этом сцеплении всеобщей вины и расслабления придется возлагать ответственность на всех, то-есть не найти той головы, ко-

торая одна должна была бы за всех ответить. В подобных случаях, казалось мне, вопрос состоит не в том, кого карать, а как употребить в пользу страшный урок, как быть на будущее время, для того, чтобы сознание долга не потонуло в хаосе служебного легкомыслия и беспорядка, чтобы люди, призванные к делу службы, делали его, а не писали бы только бумаги и говорили речи да думали о своем благосостоянии и покое. И приходило на память слово, когда-то сказанное умным французом в смутную пору: „Ne cherchez pas des coupables, cherchez des capables!“¹⁾

Началось следствие. Я, сколько мог, внимательно следил за ним, и еще больше утверждался в первых своих впечатлениях. Следствие обнаружило такую обширную, мелкую и частую сеть всеобщей виновности, что распутать ее едва ли возможно. Едва ли возможно вытянуть из нее и поставить на средину несколько известных имен и сказать: вот где причина зла, вот где виновники крушения и действительные преступники!

Подходит пора развязывать этот узел, и мое опасение усиливается. Относительно Посьета вашему величеству представляется мнение Государственного Совета о строгом ему выговоре. Это—мера административная, и сама по себе не повлечет никаких затруднений²⁾. Но тут же предположено делу об остальных лицах прикосновенных к следствию дать законное направление.

Законное направление—значит суд, и вот с этим словом суд соединяются немалые опасения. Тут откроется арена для таких толков и рассуждений, которые охватят всю страну и которых, по мнению моему, следовало бы избежать во что бы то ни стало. Толки эти затихли уже в настоящее время, но суд поднимает их сторицею и может придать им направление и значение, очень нежелательное для правительства. По закону,

¹⁾ Не ищите виновных, а ищите способных.

²⁾ На-днях одна газета осмелилась уже огласить в печати это мнение Государственного Совета, прежде даже, чем оно представлено на высочайшее утверждение. (Прим. подлин.).

действующему ныне, на самом суде производится словесно все следствие, даются показания, адвокаты говорят свои речи. Открытое ли будет для публики заседание, или закрытое, во всяком случае, все происходившее на суде огласится немедленно в публике, а в первом случае и газеты будут ежедневно помещать свои комментарии и рассуждения. Смотря по характеру обвинения, дело должно производиться или с присяжными, или без присяжных. В первом случае судебные прения могут дать такое впечатление, что, кроме подсудимых, есть многие лица, столько же или более виновные, — тогда весьма вероятно оправдание подсудимых. В последнем случае подсудимые, и будучи обвинены, могут еще подать апелляцию. Тогда во второй инстанции должна повториться та же самая процедура следствия, показаний, адвокатских речей, — и так до самой зимы будет, можно сказать, искусственно поддерживаться в публике и в народе, и в печати волнение, производимое процессом. Стоят ли того самые результаты этого процесса? Очевидно, что судебным приговором, каков бы он ни был, невозможно исправить беспорядки администрации, а если будет приговор оправдательный, он внесет новую еще смуту в народные понятия.

Неудобства этого процесса очевидны. Представляю себе подсудимых. В первом ряду — Таубе, по общему отзыву человек бесхарактерный, неумелый, вовсе неспособный руководить делом, на которое был поставлен. Нет сомнения, что он станет оправдывать себя, сваливая вину на других, станет приводить слова Черевина, гр. Воронцова, станет ссылаться, как делал на предварительном следствии, даже на слова вашего величества, — и все это станет предметом судебных прений. Далее, и Кронсберг, и Кованько, и другие сошлутся на приказания и распоряжения свыше, на порядки, существующие на казенных дорогах, и пр. А главное — все это будут говорить не они лично, а их адвокаты. Адвокаты явятся самые искусные и ядовитые, в роде Спасовича. Какая для них арена для того, чтобы раскрашивать общие беспорядки администрации, ошибки и злоупотребления отдельных лиц, для того, чтобы оправдать своих клиентов. Можно за-

ранее притти в ужас от того, что наговорят они на суде и что будет расходиться в газетах по всей России... Действие такого процесса на умы, особливо у простых людей, будет самое нежелательное. Итак, повторю: стоят ли того самые результаты процесса?

Не только не стоят, но должно опасаться, что впечатление от процесса изгладит во многом то священное и спасительное чувство, которое возбуждено было во всех сословиях событием 17 октября. Народ увидел в нем чудо милости божией. Чувство это надо оставить неприкосновенным, оберегать, подобно тому, как мы оберегаем от всяких вульгарных прикосновений, от всяких сплетен, дрызг и интриг чувство любви родительской и супружеской, чувство религиозное...

Итак, смею думать, что следовало бы во всяком случае избежать судебного производства о виновниках катастрофы 17 октября. Народное чувство удовлетворилось бы, думаю, вполне таким исходом, — у народа в памяти одно чудо, — в „Правительственном Вестнике“ могло бы быть помещено краткое изложение всего хода дела, которое показало бы, что виновных трудно отыскивать и карать, там, где все более или менее причастны греху беззаботности, забвения долга, лени, неге и распушенности.

Но что же делать затем? Остается еще сделать многое. В произведенном обстоятельном следствии накопилась громадная масса драгоценного материала, в коем обнаружены главнейшие язвы железнодорожной администрации. Тут можно найти практические указания на то, какие следует принять меры и установить правила для обеспечения контроля, для устранения беспорядков, для обезопасения движения. Расработку всего этого материала следует поручить особой комиссии, в коей главными деятелями должны быть новый министр путей сообщения и обер-прокурор Кони, руководивший следствием и знающий все его подробности. Дело это значительно облегчается тем, что министерство путей сообщения поручено новому человеку, который на первых порах, конечно, одушевлен ревностью к своему делу и ко введению

в нем улучшений. Вот был бы настоящий практический исход этому громадному исследованию. Здесь — прямой путь к разъяснению дела, тогда как суд может только запутать его.

Вот мысли, которые смею повергнуть на благоусмотрение вашего величества. Конечно, я не решился бы утруждать ими ваше внимание, когда бы не придавал всему этому делу величайшую государственную важность.

Константин Победоносцев.

Петербург. 15 апреля 1889.

107.

Несколько лет уже предолжаются здесь, в Петербурге, в Москве и в других больших городах настойчивые ходатайства со стороны приказчиков, сидельцев и других рабочих и служебных людей о законодательном или правительственном распоряжении, чтобы на воскресные дни и большие праздники прекращаема была торговля в магазинах, лавках и др. заведениях. Эти ходатайства поддерживаются духовенством и многими ревнителями благочестия, с целию освящения праздничных дней и предоставления рабочему люду праздничного отдыха.

Несколько лет тому назад я входил по сему предмету в сношение с министром внутренних дел. Граф Толстой отклонил возбуждение вопроса о сем законодательным порядком, сославшись на существующий закон, в силу коего городским думам предоставлено делать по этому предмету обязательные постановления.

Я, с своей стороны, не счел нужным настаивать далее, сознавая, что постановление закона по этому предмету соединено с затруднениями. Именно:

1. Закон о соблюдении праздничного дня должен иметь единство и цельность, должен быть проникнут одною мыслью; в противном случае он будет фальшивый и лицемерный. Понятен закон этого рода в Англии, где в праздник прекращается всякий шум и закрыты все торговые места

и места увеселений. А где нельзя этого сделать, там законодательное прекращение всяких работ может обратиться лишь в поощрение лени и праздности. У нас в больших городах праздник отворяет широкую дверь не покою и тишине, а разгулу и разврату всякого рода, и всюду отворяются ловушки для привлечения праздной толпы. Открыты настеж кабаки и трактиры, и всюду кишат увеселительные заведения, рассчитанные на испорченные вкусы и низкие инстинкты толпы. Очевидно, что в эти места (а не в церковь и не в тишину домашнего крова, лишь у немногих благоустроенного) направится масса служебного люда и в вечер субботний, и в воскресный день. Таковы печальные плоды новейшей цивилизации, проникнутой коммерческим началом! Нечего и думать, например, здесь, в Петербурге, или в Москве об устранении или даже ограничении в праздник увеселительных мест, которые, как грибы, разрастаются повсюду, принимая более и более характер вульгарный. Этому воспротивятся прежде всего самые власти и с финансовой, и с полицейской точки зрения, не говоря о побуждениях личных.

2. Другое затруднение тоже немалое. Оно представляется для законодательства всюду, где только возбуждался этот вопрос, донныне служащий предметом пререканий. При нынешнем развитии торговли, промышленности и вообще социального быта, многие производства требуют работы непрерывной и не допускают отдыха. Итак, при установлении законодательным путем прекращения работ по праздникам приходится исключать целые категории таких производств, которые не подлежат этому ограничению или подлежат в особой мере. Это—работа очень сложная и сомнительная, потому что закон бессилен со всею точностью означить все роды производств и определить соответственное экономическое и социальное значение каждого. Так, года 4 тому назад в Австрии был издан такой закон, с таблицю разных производств на нескольких страницах. Но он оказался в таком несоответствии с действительными потребностями жизни, что вскоре после издания послужил поводом к на-

родным волнениям в Вене. И у нас, в Москве, с год тому назад думою издано было подобное постановление, также возбудившее множество пререканий и ропота, так что в нынешнем году сама же дума отменила его.

С другой стороны, в думах и городских управлениях крайне трудно проводить постановления об ограничении торговли в праздники. Есть города, в коих эта цель достигнута (напр., Смоленск и нек. др.). Но вообще и особливо в больших городах достичь результата крайне трудно. Думы состоят большею частью из купцов, трактирщиков и т. под., и всюду образуется сильная партия, не допускающая никаких ограничений торговли, для них выгодной. О евреях,—великой нашей язве, которая проникла всюду,—и говорить нечего. В Западном и Юго-Западном крае дошло до того, что рабочее население все в кабале у евреев, и рабочему в праздник невозможно и думать о церкви,—еврей не пускает. В городах, напр., в Могилеве, Витебске и пр., видишь в церкви странный для нас обычай. После евангелия служба останавливается, ставятся ширмы и начинается исповедь. Спрашиваешь, что это значит? Это значит, что православным рабочим нет времени целый год для говенья, а как-нибудь, отпросившись у еврея, прибегают в церковь для исповеди и причастия.

Из вышеизложенного можно видеть, что вопрос об удовлетворении ходатайства приказчиков и сидельцев не принадлежит к числу легких. Но многие из хозяев сами ощущают необходимость запереть магазины по праздникам, но не решаются взять на себя добровольный почин, и просят предписание. Пусть-де прикажут нам,—тогда все закроем. А то как же я закрою свою лавку в гостином дворе, когда у соседа открыта? Известно, с каким трудом у нас в России люди соглашаются во взаимном интересе, и как часто в подобных случаях для разрешения затруднений взывают к правительству о приказании или предписании.

Не сомневаюсь, что из подобных побуждений проистекает и это прошение торговцев, которое представляю при

сем на благоусмотрение вашего величества. Думаю, что если вам угодно будет объявить им слово благодарности или похвалы, то этот пример найдет много подражателей.

Константин Победоносцев.

Петербург. 20 мая 1889.

108.

Долгом почитаю доложить вашему императорскому величеству о торжестве освящения церкви „Спасова скита“. Вчера, в воскресенье, мы выехали из Харькова в 7 часов утра на экстренном поезде, за которым последовали еще и другие. Поехали все местные власти, губернатор, предводители, председатели суд. палаты и пр. Версты за три еще до места показалось множество народа у дороги, а на самом месте расположился целый городок,—всюду толпились крестьяне, массою прибывшие, иные верст за 50 и далее. Настроены шалаши и целые груды арбузов навалены для народа. Издалека виднелось красивое здание церкви,—в натуре оно гораздо красивее, нежели на рисунке, и выстроено в стиле старых русских церквей северной России, с крытою галлерей вокруг всей церкви. Станция и проезд—все было изукрашено флагами и зеленью, дорога усыпана белым песком; порядок образцовый, хотя немного было полиции. Народ стоял стеной, направо и налево,—всего было на взгляд не менее как тысяч двадцать. Погода была прекрасная, ясное небо и утро прохладное, после нестерпимого жара бывшего накануне. Тихо было, светло и торжественно. Служба началась в 9 часов; после освящения—обедня, а затем в первый раз отслужено молебствие по новому чину, с прекрасною, умилительною молитвой. В церкви могло поместиться около 600 человек, на хорах стояли певчие, и попеременно с ними пели воспитанницы епархиального женского училища. После обедни преосвященный Амвросий, первый у нас проповедник, сказал слово, и очень хорошо. Счастливая мысль пришла ему по поводу события 17 октября привести в сравнение сон Иакова и видение лестницы. Иаков, подвергавшийся

опасности и спасенный от нее, встав от сна, ставит тут же памятник явления господня,—кладет камень, служивший ему изголовьем, льет на него елей, бывший с ним в пути; и так возникает святое место, названное Вефилем, а потом это место разрастается в народное святилище и в жилище пророков. Эта проповедь всех тронула и всем понравилась. Во время службы вся церковь окружена была народом, который, к сожалению, не мог уместиться в церкви; но в это время архимандрит Герман совершал крестный ход на самое место крушения и там служил молебствие для народа.

И вот, слава богу, готов дом молитвы и открыт для молитвы постоянной. Церковь окружена зданиями—кельи для монахов и гостиница. Все это построено на счет Святогорского монастыря, к которому будет приписан „Спасов скит“. Со вчерашнего дня тут будет проживать 30 человек монастырской братии, с 3 иеромонахами, и совершаться служба 4 раза в день по монастырскому уставу. Богомольцы потекут рекою и, я думаю, недалеко время, когда все это место густо заселится.

Внутри храм производит прекрасное впечатление. Иконостас резной липовый. Иконы московского, хорошего письма—местные—иверская и спас нерукотворенный. Работал старик архитектор из Москвы, Никитин. Весь лесной материал заготовлен в Москве и привезен оттуда. Работали плотники московские и монастырские всего 2 месяца, не менее 100 человек. Здешние жители не могут надивиться,—как скоро поспел храм благодаря энергии архиерея и всеобщему усердию—всех и каждого. Все старались изо всех сил, многие ничего не брали за работу. Железная дорога все перевозила даром. Однажды потребовалось в течение 2 часов разгрузить 26 вагонов с лесом и кирпичом. Казалось невозможно, но несколько артелей принялись разом и сделали все безмездно. Утварь церковная почти вся жертвованная. Во время освящения четверо рабочих принесли в алтарь серебряные сосуды—жертву железнодорожных рабочих, на 250 р., собранные рублями и грошами. Главные жертво-

ватели—муж и жена Шевцовы, которые дали не менее 20.000 рублей на строение церкви. Словом сказать, церковь вполне может носить старинное название обыденной, и собрана, как говорится, с миру по нитке, и просто и скоро. Отрадно думать, что к этому месту с 20 августа будет стекаться молитва со всех концов России. Святогорский монастырь—один из благоустроенных, благодаря энергии старого архимандрита Германа, и потому можно надеяться, что и в Спасовом скиту будет порядок.

Не сомневаюсь, что вашему величеству и государыне императрице приятно будет узнать некоторые подробности этого знаменательного дня, и потому поспешаю своим докладом, прося извинения за отрывочность его и нестройность. [Я только что вернулся из Харькова] и через день предполагаю вернуться в Петербург,—не успею к отъезду курьера, и потому посылаю это письмо с почтою.

Господь да хранит ваше величество со всем домом вашим в мире и благополучии.

Вашего величества вернопреданный

Константин Победоносцев.

Москва. [21 августа 1889.]

109.

Вашему величеству известно, какую страшную язву в нашем народе составляет пьянство, с каждым годом возрастающее. Оно составляет главную причину и обеднения крестьян, и расстройств крестьянской семьи, и всякого рода беспорядков. Можно прямо сказать, что большая часть преступлений, в народе совершающихся, имеет причиною пьянство.

К сожалению, доныне питейный дом служит главным источником государственных доходов. В последнем законоположении думали облегчить зло, заменив кабаки трактиром; но вышло еще хуже, ибо трактиры, коих заведение облегчено, фактически стали питейными домами, и притом тайная продажа вина, за которою уследить трудно, до того усили-

лась, что в иных селениях торгуют вином едва не в каждом доме. Таким образом, питейное дело, которое казна привыкла считать главным источником дохода, на самом деле становится источником народного обеднения, то-есть истощения той самой платежной силы, на которой весь государственный доход основан.

Нельзя примириться с этим злом; на этом состоянии нельзя успокоиться.

В ту пору, когда освобождались крестьяне, нельзя было не опасаться, как бы свобода, внезапно данная, с ослаблением сельской дисциплины (хотя и суровой и нередко своекорыстной и произвольной) не повела к чрезмерному усилению пьянства в народе.

Тогда люди, принимавшие к сердцу эту великую заботу, предприняли привлекать народ к воздержанию от вина возбуждением нравственно-религиозного чувства, посредством учреждения союзов или обществ трезвости. Тогда это движение исходило от духовенства, преимущественно на юге России, где стали по призыву священников возникать одно за другим общества трезвости.

Но это движение встречено было враждебно питейно-акцизным управлением, из опасения, что пострадают от него питейные доходы. Министерство финансов очень решительно потребовало от духовной власти остановить и запретить общества трезвости. Синод не мог согласиться на столь решительную и постыдную меру, но вынужден был обставить это дело такими затруднениями, что все общества трезвости закрылись, а священники, заводившие дело, были парализованы, и затем в духовенстве укоренилась апатия к этому учреждению, соединенная со страхом ответственности.

С тех пор прошло много времени, и об обществах трезвости не было слуха. Между тем пьянство усилилось до того, и губительные его последствия стали так очевидны в крестьянском быту и хозяйстве, что из среды самих крестьян слышались голоса, спасите нас от пьянства! Люди усердно стали думать опять об обществах трезвости.

При рассмотрении в Государственном Совете нового питейного устава, предполагалось включить в него несколько статей, облегчающих противодействие пьянству в среде самого общества. К сожалению, существенные из них не были приняты, однако удалось провести одну статью, в коей косвенно упомянуты общества трезвости. Это нужно было для того, чтобы показать, что общество трезвости не есть какое-либо противозаконное учреждение.

С прошлого года оживилось вновь движение к трезвости. Мне уже доводилось докладывать вашему величеству о деятельности человека, по истине замечательного,—Сергея Рачинского; в одной из самых глухих местностей, в Бельском уезде Смоленской губернии. Вот уже более 20 лет, как этот человек, ученый, один из блестящих профессоров московского университета, оставив службу, поселился в своем родовом имении и все свои силы посвящает нравственно-религиозному культурному просвещению народа, устроив целую сеть сельских школ. Трудно и перечислить, сколько он людей поставил на ноги и сколько способствовал к оздоровлению темной среды крестьянской около себя. Многих он уже отвлек от пьянства, многие из его питомцев стоят теперь лучшими священниками, дьяконами, псаломщиками, сельскими учителями.

Видя около себя страшную картину пьянства со всеми его последствиями, он давно ищет средства помочь беде посредством общества трезвости, которое мало-по-малу сгруппировалось около него.

Прошлым летом он решился выступить в публику с своим заявлением, которое появилось в „Русском Вестнике“, потом перепечатано в „Церковных Ведомостях“ и, разойдясь по всей России, привлекло к нему горячие отзывы отовсюду. В ответ на эти отзывы он написал открытое письмо к приходским священникам, которое разослано на прошлой неделе во все приходы при „Церковных Ведомостях“.

Прилагаю и то, и другое. Благоволите, ваше величество, прочесть эти листочки: я считаю долгом обратить ваше внимание на это дело, важное в особенности в настоящую минуту.

Народ шевелится всюду и всюду ищет инстинктивно выхода из своей темноты и из бед своих. Россия велика и обширна; далеко не везде есть законные пастыри, которые могли бы и умели бы овладеть этим движением, руководить его, научить и просветить. Тут являются сектанты—деятели опасные. Они привлекают народ, между прочим, во имя трезвости, но в то же время отводят его от церкви и вместе с тем от национальности и, составляя секту, развивают в ней дух гордости, но настоящего просвещения не дают народу. Между тем нередко сектанты эти, обращаясь к православным, укоряют их и смущают такими словами: мы трезвы и богатеем, а вы в своей церкви пьянствуете и разоряетесь!

Вот еще причина, почему необходимо навстречу этому движению пустить из среды церковной здоровое движение к отрезвлению народа. Нет сомнения, что на этот призыв многие откликнутся.

Константин Победоносцев.

Петербург. 12 декабря 1889.

1890 г.

110.

Существующие на св. горе Афонской русские монастыри Пантелеймоновский, Ильинский и Андреевский благоустроены и привлекают массу богомольцев и пожертвований.

Но, независимо от них, на Афоне есть много отдельных келий, принадлежащих греческим монастырям. Келии эти покупаются или арендуются разными выходцами из России; это делается, к сожалению, нередко с целью эксплуатации благочестия простого народа в России.

Нередко разные проходимцы, из мещан, крестьян, отставных солдат, с этой целью идут на Афон, получают там монашество и иеромонашество (что совсем без труда дается у греков), поселяются в келиях, где устраивают престолы, и затем начинают рассылать внутрь России, по городам и деревням, в огромном количестве печатные и литографированные письма по адресам, с воззванием к пожертвованиям и с печатною таксой за молебны и поминовения. Деньги просят отсылать на имя и по адресу поверенных, которых каждая такая келия держит в Одессе. Простые благочестивые люди верят и шлют деньги по адресу. Невероятно, какая масса денег стекается таким образом в руки нередко безграмотных и развратных людей. Эти мнимые монахи нередко и сами являются в Россию обманывать простых людей, переменяют свои имена, бродяжничают и убегают от преследования полиции. Наше посольство в Константинополе много имеет заботы с этими людьми, для коих главным рынком служит Одесса.

Нет способа справиться с этим злом и обуздать его, хотя имена этих людей известны и нашему консулу в Салониках, и посольству в Константинополе. С год тому назад полиция в Одессе захватила в одном из притонов у поверенных от келий немалые суммы, до 50.000 рублей, но трудно наложить руку на эти деньги, так как они присланы и получены по законным доверенностям, и почтовое ведомство, по существующим правилам, не может разбирать, от кого и для какой цели пересылаются из разных мест денежные суммы.

О сем докладываю вашему императорскому величеству по следующему поводу.

Один из унтер-офицеров команды Аничкова дворца ездил в прошлом году на богомолье на Афон и попал в келью одного из таких проходимцев, некоего Пилипенка. Простой человек, не рассуждая, уверовал в его благочестие. Тогда Пилипенко, узнав, что он из Аничкова дворца, вручил ему икону для поднесения вашему величеству в память события 17 октября.

Унтер-офицер заявил об этом А. С. Васильковскому, а Васильковский спрашивал меня, как ему поступить с иконою.

Об этом Пилипенке я имею сведение из Константинопольского посольства. Он считается одним из первых мошенников: его ловили несколько раз под разными именами, но не могли захватить. Очевидно, что если бы, по обычаю, была объявлена ему от вашего величества благодарность за поднесение иконы,—это было бы совсем неприлично, а ему для неблаговидных его целей выгодно. Итак, я выразил Васильковскому такое мнение: не давать этому делу обыкновенного хода; икону принять от унтер-офицера и поставить пока в ризницу придворной церкви, а унтер-офицеру, чтоб не смущать его совесть, сказать просто, что икона представлена вашему величеству.

О сем долгом почитаю доложить вашему величеству.

Константин Победоносцев.

3 февраля 1890.

111.

Я имел случай докладывать вашему величеству, что у братьев Юрия Ф. Самарина хранится интересная переписка его с баронессою Раден. Многие из этих писем—превосходные, написанные мастерски, как умел он писать и она умела.

Думаю, что некоторые письма, именно те, которые касаются до балтийских дел, будут иметь особый интерес для вашего величества. Писаны они неразборчиво, и я распорядился (с разрешения брата) переписать их и при сем имею честь представить ¹⁾.

Письма 60-х годов были в самый разгар полемики между Самариным и Эдитою Раден по поводу балтийских дел и особенно по поводу издания „Окраин“. Произошел почти что разрыв между ними, но ненадолго. Оба они смягчились и между ними укрепились дружба, связанная нежным чувством. Тон писем 70-х годов совсем изменяется, и они становятся еще интереснее. Последнее из представляемых писем не касается балтийских дел,—оно писано Самариным из деревни, и так хорошо, что я не колеблюсь обратить на него внимание вашего величества.

Константин Победоносцев.

3 февраля 1890.

112.

Имею честь доложить вашему императорскому величеству, что я вернулся из своей поездки в Пермь и Екатеринбург. Нужно было ознакомиться с этими местами и уладить в екатеринбургской новой епархии некоторые довольно острые недоразумения в тамошнем епархиальном управлении, чего и удалось достигнуть. Приятно и интересно было трехдневное плавание по Каме. В Елабуге, в Перми, в Екатеринбурге довелось встретить немало замечательных рус-

¹⁾ Переписка Ю. Ф. Самарина с Эдитой Раден, как опубликованная в свое время, нами не приводится.

ких людей, местных деятелей и щедрых жертвователей, и видеть учреждения замечательные, как, например, земскую больницу для сумасшедших в Екатеринбурге. Я проезжал несколько дальше, — на Березовские золотые прииски, и осматривал по дороге церковно-приходские школы; был на Верхне-Исетском железном заводе и на гранильной фабрике придворного ведомства, издавно запущенной и теперь только начинающей обновляться. От Перми до Екатеринбурга ездил со мною деятельный пермский губернатор Лукошков. Громадные пространства пермские изобилуют богатством неисчерпаемым. Недавно еще громадное рабочее население на заводах (есть заводы, где рабочих не менее 30.000) отчаянно бедствовало и волновалось за недостатком работ и падением цен; но в последние годы, благодаря охранительным пошлинам, повсюду работы оживились и рабочие вздохнули. Но в нынешнем лете два большие заводы — Верхне-Уфалейский и Невьянский — постигнуты великим бедствием — страшным пожаром. И тут, и там сгорело по 1.000 домов, и если не успеют обстроиться к зиме, можно опасаться нищеты, воровства, грабежей и разбоев. Особливо грозит эта опасность Невьянскому заводу, так как вокруг него порублены все леса, и строиться нечем. Лес надо привозить издалека, и потому просят от казенного управления из общих лесов 80 т. деревьев, с тем, чтобы разрешен был перевоз их по жел. дороге бесплатно или по уменьшенной таксе, дабы можно было приступить к делу до осени. Убедясь в отчаянном положении рабочих и в неотложности нужды, я позволил себе телеграфировать о сем с дороги и министру госуд. имуществ, и мин. финансов; от последнего получил известие о разрешении перевозки бревен.

Но большую нужду встретил я ныне на Волге и даже на Каме от небывалого доселе обмеления рек: затруднения крайние в перевозке грузов и убытки миллионные. Кама до сих пор славилась многоводием, а теперь и на Каме беспрерывно остановки за мелководием. Эти затруднения отражаются, конечно, и на нижегородской ярмарке, где до сих пор еще мало движения.

В Казани успел я осмотреть интересную выставку. Там все в великом ожидании и в робкой надежде,—не приедет ли цесаревич. Я не смел ни убивать эту надежду, ни поддерживать ее. Я уехал отсюда сам с некоторою надеждой, слышав от вашего величества, что император германский пробудет здесь недолго; но, приехав сюда, узнаю, что он останется едва ли до 14 августа.

Посреди лагерных занятий не осмеливаюсь утруждать ваше величество просьбою о личном докладе, но слышу, что вы изволите переехать в Петергоф 1 августа, и тогда уже 2 числа попытаюсь, если найдется время, просить о приеме.

Константин Победоносцев.

Сергиево. 29 июля 1890.

113.

К 1-му числу сентября я вернулся из своей поездки в Полтаву. Город Полтава произвел на меня приятное впечатление—он похож на большую деревню и состоит весь из маленьких домов с огромными садами! Все утопает в зелени. Нет в нем увеселительных заведений, что большая редкость в наших городах, и оттого тишина, а учебные заведения, коих здесь много, имеют приятный вид, и дети смотрят здорово и весело.

Главную мою целью была шведская могила, и об ней-то я имею в виду доложить вашему императорскому величеству. Это место достопамятное и священное для России, потому что вся новая ее история покоится на Полтаве. Место это было забыто и до сих пор имеет убогий вид. Необходимо явственнее отметить его для памяти народной, и средства к тому имеются в капитале, завещанном ген. Судиенко. Место это в 4 верстах от города, в версте от Крестовоздвиженского монастыря, живописно стоящего на горе,—здесь угрожали городу главные шведские батареи. Итак, я с особенным чувством подъезжал к этому месту 25 августа с епископом Илларионом. Здесь стоит близ самой могилы или кургана небольшая церковь, построенная казенным

способом из того же капитала по повелению государя Николая I,—церковь тесная, довольно неуклюжей постройки. Нынешний епископ первый приложил старание вывести это место из забвения. Близ могилы устроил он церковно-приходскую школу с общежитием для мальчиков; дети стали петь в церкви. Иеромонах—законоучитель; другой иеромонах служит каждый день в церкви и после обедни на могиле служит литию. Мало-по-малу стал ходить в церковь народ все больше и больше. Наконец, огласилось новое место молитвы, и богомольцы со всех окраин, проходящие через Полтаву к св. местам, стали заходить на шведскую могилу; при мне было их человек 15 и приходили новые; остаются иные по несколько дней, говеют и причащаются, молятся на могиле, поминая своих солдатиков. Иеромонах, простой и добрый человек, из денег, собираемых в церкви, устроил для них скудное продовольствие, завел котелок варить им пищу и самовар для чая. Так мало-по-малу оживляется место, вполне прежде забытое. Школьники поют очень недурно,—спели при мне старинную песню про Петра и Полтавскую победу.

Достойно и праведно устроить это место в приличном виде. Мне представляется нужным прежде всего украсить церковь, которая очень тесна, гола и некрасива,—надо расширить ее, устроить новый иконостас, по возможности расписать стены соответственно событиям. Затем привести в исправный вид шведскую могилу, на которой стоит теперь простой деревянный крест, обитый жостью, с надписью о павших русских воинах; мне казалось бы приличным поставить вместо того белый мраморный крест на пьедестале, издалика видный, с приличной надписью, обвести все место чугунною решеткой и устроить лестницу для входа на верх (теперь тут грубая деревянная). На-днях я посылаю туда нашего архитектора осмотреть местность и представить свои соображения и рисунки. При сем прилагаю фотографию местности с церковью и с шведской могилой.

В самом г. Полтаве, на площади, стоит памятник на том самом месте, где император Петр отдыхал после Пол-

тавского боя и уснул на пушке. К этому памятнику совершается крестный ход 27 июня, в день Полтавской победы, а накануне служится торжественная всенощная в церкви на шведской могиле. Близ полтавского памятника находится интересная старая деревянная церковь, построенная и украшенная еще запорожцами. Церковь эта совсем почти развалилась, когда осматривал ее в путешествии своем по России покойный государь, тогда цесаревич, Александр Николаевич. Желая сохранить этот памятник древности, цесаревич приказал на счет личных его средств построить на нее каменный футляр (в виде церкви), внутри коего она и сохраняется. Она приписана к полку и в ней совершается служба. Сколько любопытных и поучительных памятников этого рода рассеяно по России! Невольно думалось, как было бы хорошо государю цесаревичу все это видеть и посетить все эти местности, исполненные глубокого интереса, и видеть народ и почувствовать его простую и любящую душу.

Но в нынешнем году страшная засуха тяготеет над этими местами. Начиная с Тулы, я проезжал посреди густого тумана гари от горевших вокруг лесов и торфяных болот. В Харьковской, в Полтавской губ. месяца полтора не было ни капли дождя; все выгорело, жара стояла нестерпимая, и на зиму ожидается страшная бескормилица. Лишь при выезде из Полтавы стало холоднее и начались дожди.

В Полтаве, как и в Харькове, народ озабочен продолжающимся и усиливающимся наплывом немцев. Они закупают за большие деньги земли задолженных помещиков и занимают большие имения. В Константиноградском уезде ими уже занято до 40.000 десятин, и недавно пришло вновь 500 семейств. Крестьяне, арендовавшие земли у помещиков, теперь лишатся этого, так как немцы обрабатывают сами свои земли.

Чувствую необходимость несколько отдохнуть и освежить свои силы вдали от дел. Итак, с разрешения вашего величества, думаю выехать завтра в Гурзуф недели на три. Оттуда предполагаю съездить в Херсонес осмотреть строе-

ние храма и к Байдарским воротам, где также строится церковь в память 17 октября на средства Кузнецова.

30 августа я провел в Москве, но вечером поспешил выехать, чтобы избежать по-истине изумительного торжества, устроенного кн. Долгорукову. Можно было подумать, что новый Навуходоносор воздвиг на поле Дейре золотую свою статую и возле—печь, огнем горящую, для всех, кто бы отказался от поклонения ей.

Господь да хранит невредимо ваше величество со всем вашим домом.

Вашего величества вернопреданный

Константин Победоносцев.

[Петербург. 5 сентября 1890.]

1891 г.

114.

Великая княгиня Екатерина Михайловна, получив сегодня от вашего величества обратно представленное ею завещание без всяких замечаний, находится в крайнем смущении и волнении.

Еслиб вашему величеству было благоугодно написать великой княгине несколько объяснительных слов, это успокоило бы ее.

Смею утруждать ваше величество настоящим писанием потому, что великая княгиня очень слаба, расположена к мрачным мыслям, и это волнение неизвестности может на нее подействовать неблагоприятно.

Во все эти дни она особенно находится под влиянием мысли о близкой кончине. В прошлое воскресенье, третьего дня, вечером, это выказалось очень заметно. Она в первый раз после кончины в. к. Елены Павловны отворила комнаты покойной великой княгини и пригласила туда, по выбору, всех тех оставшихся в живых лиц, которые бывали с давнего времени привычными гостями у покойной на музыкальных вечерах. Пригласила и Рубинштейна, который в этих самых комнатах начинал свое музыкальное поприще, а теперь, чувствуя полное ослабление сил, намерен вовсе оставить его.

Все мы собравшиеся сюда, испытывали тихое, но грустное впечатление в этих комнатах, где многим, ныне составившимся, столько было воспоминаний прошедшей молодости и приятных часов, здесь проведенных. Похоже было на какое-то торжественное прощание хозяйки и с этим местом, и с людьми

которые издавна в нем собирались. Многие не могли удержаться от слез. Была музыка. В конце вечера старик Рубинштейн сел за рояль и стал играть, как бы на прощанье. И вот в заключение сыграл он, и сыграл с необыкновенным чувством, похоронный марш (*marche Funèbre*) Шопена,— это было потрясающее впечатление. После ужина, при разъезде, великая княгиня прощалась со всеми особенно нежно и ласково.

Вот причины, почему я смею беспокоить ваше величество настоящим писанием.

Константин Победоносцев.

12 марта 1891.

115.

В иностранных государствах, когда та или другая партия желает провести какую-либо меру или осуществить учреждение вопреки мнению или решению правительства, употребляются для сего такие средства: созываются митинги, приводится в движение газетная печать и таким образом производится агитация, которую выставляют, как выражение общественного мнения, и, наконец, достигают своей цели подбором голосов в парламентах.

У нас с 60-х годов тоже употребляются для сего подобные средства в иной форме. Известная партия начинает агитацию во влиятельных кружках общества, иногда преимущественно через женщин, а затем агитация эта отражается в кружках правительственных и нередко достигает своей цели, так что этим путем проводятся иногда в законодательство такие меры, которые вовсе несогласны с выраженным направлением правительства.

Вот один из таких примеров. На ряду со многими идеями, проникшими в наше общество с 60-х годов из Западной Европы, проникла и идея женской эмансипации и стала волновать умы, распространяясь. Явились фанатики уравнивания женщины с мужчиной во всех правах общественных, учреждения женских курсов и допущения женщин в университет.

Под влиянием этих идей учреждены были в 70-х годах курсы при медико-хирургической академии, выпускавшие женщин врачей с правами. Известно, какое вредное нравственное действие имели эти курсы. Правда, что иные из кончивших курсы женщин заявили и еще заявляют в разных местах полезную свою деятельность, но в массе слушательниц происходило самое безобразное развращение понятий, и трудно исчислить, сколько их развратилось и погибло.

Курсы эти были закрыты по высоч. повелению в 1882 г., к великому негодованию всех поборников женской эмансипации.

И они тотчас же открыли агитацию о восстановлении их в ином виде, если можно, еще более решительном. Поднялись толки и в обществе, и в печати, при чем на первый план выставлялась всегда польза, которую могут приносить женщины на врачебном поприще.

В этой агитации руководящую роль взяли на себя дамы из общества. Некоторые из них, дабы достигнуть цели, заявили значительные денежные пожертвования на учреждение высших врачебных курсов. Эти пожертвования и стали предлогом к возбуждению вновь вопроса, казавшегося решенным. Но главные жертвовательницы известны, как фанатические поборницы самой идеи женской эмансипации.

Это средство подействовало, и последствия показывают, как искусно было оно придумано.

Со стороны частных лиц, некоторых земских деятелей, бывших преподавателей и слушательниц возникли ходатайства на высочайшее имя об упорочении будущности курсов. И вот в том же 1882 году по высочайшему повелению открыто совещание нескольких министров по этому предмету. Объявлено, что государь император не препятствует такому учреждению, лишь бы оно было не казенное а частное, и содержалось на частные средства, из пожертвований.

Тогда совещание признало, что можно допустить на будущее время к медицинскому образованию лиц женского пола, для приготовления ученых акушеров к специальному лечению женских и детских болезней. Это специальное

учебное заведение должно быть учреждено в размере средств, имеющих образоваться от пожертвований в ведомстве м-ва нар. просвещения.

Для разработки положения о сем составлен комитет под председ. товарища мин. нар. просвещения.

Комитет действовал с 1883 по 1891 год, собирая сведения и выслушивая специалистов.

Ныне из комитета вышло уже нечто новое, далеко за пределы размеров прежде предположенных, именно:

Вместо учебного заведения образован целый женский университет, под названием женского медицинского института, который предположено устроить в Петербурге, о чем уже состоялся в 1891 году всеподданнейший доклад министра народного просвещения. В этом институте предполагается уже полный университетский курс, и он будет выпускать уже не ученых акушеров, как предполагалось прежде, а женщин-врачей, с полным правом лечения всех болезней. Итак, дело сводится в 1891 году, даже с излишком, на то самое, что в 1882 году было уничтожено.

Составлен устав с обширным штатом, в коем исчислено на одно лишь жалованье директору, профессорам и пр. до 52.000 руб., не считая еще многих других расходов—на устройство дома, снабжение, библиотеку, на учреждение пансиона, и т. п. Эти расходы даже не исчислены, а они будут громадные¹⁾.

Неизвестно, на какие средства все это будет устроено, а уже министр н. пр. внес устав женского института на утверждение Госуд. Совета, и 18 мая он принят соединенными департаментами.

На какие же средства можно рассчитывать? Оказывается, что ныне имеется в распоряжении не более 30.000 р. в год—процентов с пожертвованного капитала. Ничего,—отвечают,—мы можем открыть институт, когда половина исчисленного (и то не вполне бюджета в 52 т. р.) будет обеспечена, а там—что бог даст.

¹⁾ Ежегодное содержание медицинского факультета в Томске стоит казне 200.000 р. в год. (Прим. подлин.).

Решение это встречено будет с восторгом всеми сторонниками высшего уравниения женщин с мужчинами. Но удовлетворительно ли оно для правительства? В этом позволительно усомниться.

Является учреждение странного вида. Оно называется как бы частным, но организовано в виде университета и дает права на звание врача. Оно открывается, не имея достаточных средств для своего обеспечения даже самыми необходимыми принадлежностями. При нем состоит какой-то попечительный комитет из жертвователей и других лиц, кои должны будут заботиться о доставлении ему материальных средств. Устав его утверждается прежде точного исчисления всей суммы, какая потребна будет при его открытии, и предполагается открыть его лишь на кое-какие средства.

Ясно до очевидности, что за сим последует, и что, без сомнения, тайно имеют в виду зачинщики и поборники всего этого дела.

Откроют этот институт с разрешения правительства, пригласят профессоров, наберут девиц, продержатся кое-как некоторое время и затем обратятся к правительству, которому затем предстоять будет или закрыть учреждение, или поддерживать на средства государственного казначейства (на большую сумму) целый университет женский, не им, не правительством задуманный, но, так сказать, навязанный ему — и кем же навязанный? Кружком поборников женской эмансипации, то-есть такого направления, которое составляет оппозицию мерам правительства.

Можно сказать с уверенностью, что правительство изберет последний путь, ибо будут доказывать, что нельзя же распустить девиц и уничтожить такой храм науки, уже пущенный в действие.

И таким образом план оппозиции удастся вполне, а правительство окажется в несвойственной ему роли быть исполнителем не собственной воли и не своего решения.

Покойный граф Д. А. Толстой предвидел все это и в своем отзыве министру нар. просвещ. от 19 апр. 1889 года (помещенном в печатной записке Госуд. Совета) восставал

решительно против предполагаемого учреждения (еще не предвидя, что из него выродится не только заведение для акушеров, но целый женский университет). Он справедливо опасался, что это учреждение будет усиленным повторением прежних женских курсов и станет, при нынешнем настроении молодежи, наплывающей в столицу, центром вредной агитации и источником беспорядков.

Вот каково положение дела, затруднительное для правительства.

Чтоб выйти из него, надлежало бы, кажется, отклонить рассмотрение и утверждение в Государственном Совете внесенного туда устава, до тех пор по крайней мере, пока образуется такой капитал, процентами с коего могло бы быть снабжено, устроено, пущено в ход и поддерживаемо, по самому точному расчету, учреждение, в размере не университетского, но такого заведения, которое имелось в виду в 1883 году.

Май 1891.

116.

Поездка моя в Псков была крайне интересна и поучительна. Для русского человека древний русский город, исполненный исторических воспоминаний, кажется святынею, и в этом смысле Псков—на первом месте: здесь каждая пядь земли или пролита кровью, или носит на себе след исторического события. Едешь, и говорят: здесь волновалось вече; отсюда Александр Невский шел на ледяное побоище; тут граждане псковские встречали Василия Ивановича—первого рушителя псковской свободы; здесь юродивый Николай, с куском кровавого мяса, остановил кровожадного Грозного; а вот и мощи этого юродивого в соборе; отсюда, с колокольни, Стефан Баторий смотрел на приступ 8 сентября; вот свежий пролом, заложенный в одну ночь псковскими гражданами и женщинами,—и так на каждом шагу. Старая псковская стена—поистине великая святыня, подобная севастопольской,—Грозный не решился двинуть свое войско, и одни граждане отстояли свой город против целой армии первого полководца Батория, к удивлению всей Европы, и на спасе-

ние всей Руси, ибо еслиб не устоял Псков, не устоять бы и Москве. И это спасение приписал народ не себе, а заступничеству матери божией,—в отчаянную минуту, когда враги ворвались уже в город и спасенья не было, пронесли по стенам древнюю икону Печерскую, вынесли из собора мощи Всеволода-Гавриила—„князь святой, сам спасай свой город“. И чудо совершилось,—мужики, женщины и дети прогнали сильных рыцарей. Все это помнит народ с горячею молитвой, и ежегодно с 3 по 15 октября совершается великое торжество в память осады—крестный ход из Печерского монастыря вокруг стен всего города, со вселенскою панихидою у пролома, и тут же празднуется другое избавление Пскова в 1812 году, тоже приписываемое чуду великой милости божией.

Почти все церкви в городе древние, старинного типа XIV и XV столетия, с звонницами вместо колоколен. Два прекрасных женских монастыря и одна община сестер со школою. Мужской монастырь один и совсем убогий; но этот монастырь—драгоценность дальней старины, едва ли не единственное церковное здание, оставшееся в целости с XII столетия. Это монастырь Спасо-Мирожский. Но эта драгоценность возбуждает скорбное чувство. Несколько лет тому назад открыто, что на стенах собора под слоем штукатурки, сверху до низу, таятся фрески XII столетия, в высшей степени замечательные. Начали смывать штукатурку; работы поручены академику Суслову и начаты. Церковь заставлена лесами, и то, что открыто до сих пор, превосходно. Но вот беда: года полтора тому назад все работы прерваны, академик Суслов уехал на другие работы, кажется, в Суздаль, и дело покинуто. Это дело еще не погибло, но вот что прискорбно и вот что смущает псковитян: производители работ, вероятно, для исследования кладки старого здания, отбили всю штукатурку наружной стены собора, и она стоит уже второй год оголенная; итак, угрожает опасность разрушения зданию, которое держалось с XII столетия. стыдно покидать таким образом старину и было бы желательно внушить кому следует, чтобы, по крайней мере, при-

крыли торчащие камни новой штукатуркой дабы предохранить все здание от разрушения.

Еще замечательное здание во Пскове,—это так назыв. Поганкины палаты, сохранившиеся, надо полагать, от XIV или от XV столетия. Это громадный дом, принадлежавший богатому купцу, может быть, еще Ганзейской эпохи. Стены необъятной толщины, лестницы, окна, двери—все цело; расположение комнат очень любопытное; громадные помещения для склада товаров, внизу—следы бывшего монетного двора. Эти палаты в прошлом столетии куплены в казну и ныне обращены в склад провиантского ведомства; это обстоятельство, может быть, и предохранило их от разрушения.

В воскресенье случилось мне присутствовать на трогательной церемонии, которую только в нашей церкви и у нашего народа можно видеть. В соборе понадобилось перелить большой колокол, который уже около 200 лет знаком был всем жителям; в последнее время он треснул и звук его испортился. И вот в воскресенье, после торжественной вечерни, которую служил архиерей, происходило прощание с колоколом. Собралось великое множество народа. После вечерни кафедральный протоиерей сказал прекрасное слово, в котором пояснил, что значил этот колокол, 200 лет призывавший на молитву псковичей. После того все вышли на площадь и на прощанье ударили в колокол три раза торжественно, затем отвязали язык и спустили его с колокольни.

В Пскове приятно было мне встречаться с людьми приятными, добрыми и симпатичными, начиная с губернатора. Особливо приятное впечатление произвели на меня земские начальники Псковского уезда, которые к этому случаю все собрались в город,—все местные дворяне помещики, коренные русские люди, из здоровой партии псковского земства, которое в прежнее время отличалось либеральным настроением.

Целый приятнейший день провел я в Псковско-Печерском монастыре, который давно желал видеть, как древней-

шую в том крае твердыню русского православия и русской державы, подобную Троицкой лавре. Дай бог, чтобы довелось когда-нибудь вашему величеству ознакомиться с этим монастырем и вообще со Псковом. Благоволите прочесть несколько страничек о Печерской обители, при сем прилагаемые. Они очень интересны и изображают всю историческую важность этого места. Монастырь в последние годы пришел в крайнее запустение, и потому еще желательно было осмотреть его. Теперь, когда его взяли из-под управления епископов и поручили новому архимандриту, человеку хозяйственному, он приходит в порядок; а новая Псково-Рижская жел. дорога приблизила его к городу и облегчила путь богомольцам.

В окрестностях монастыря надо было посмотреть поселения так назыв. „полуверцев“ и посетить некоторые школы. Это племя полуверцев очень интересное: потомки Чуди, поселившиеся здесь около монастыря и под кровом его с XIV столетия. Они сохранили свой язык, отличный и от латышского, и от эстонского, и, быв окрещены издавна, сохранили непоколебимо православие и любовь к Печерскому монастырю, несмотря на усилившийся около них наплыв лютеран-латышей с кирками, пасторами и школами. Здоровое, рослое и красивое племя; женщины носят оригинальные костюмы—на груди большие серебряные бляхи, увешенные старыми монетами. По-русски знают они плохо, особенно женщины, и теперь особенно нужны для них русские школы, которые и заводятся. Между русскими детьми полуверческие скоро научаются языку, и двоих, очень способных, я наметил для приема по их желанию в духовное училище.

Окрестности Пскова очень интересны, очень живописны. Когда стоишь на развалинах древних стен, за собором, на так назыв. Детинце, открывается со всех сторон обширный живописный вид на р. Великую и на даль, со множеством церквей. Их теперь до 50-ти в городе, а во время осады считалось 366, и иностранцы изумлялись богатству города, считая его одним из знаменитейших в Европе.

Другая, столь же интересная моя поездка была по р. Великой на Чудское озеро и на острова, числом три, где живет на маленьком пространстве, без пашни, большое население рыбаков, живущее ловлею снетков, которыми изобилует Чудское озеро. На каждом острове все население со всюю мелюзгою мальчишек и девочек провожало нас и в рошу, и в церковь, и в школу.

Слава богу, в нынешнем году Псковская губерния принадлежит к числу счастливых, в надежде на хороший урожай—и все в этой надежде веселы. Но из средней России, особливо из степной полосы, приходят отчаянные, страшные вести. Во многих уездах Самарской, Пензенской, Симбирской губерний уже теперь голод, хоть и страшно произнести это слово, а цены на хлеб повсюду растут с каждым днем.

Вернувшись в Петербург, я попал прямо на скорбные похороны. Скончался, после тяжелой болезни, инспектор Добровольного флота Вахтин. Это большая потеря, и трудно будет заменить ее. Вахтин был в этом деле с самого начала, и на нем держалась вся его хозяйственная организация. Он был человек честный, опытный и усердный. Дай бог, чтобы выбор ему преемника был по крайней мере удачный.

Этою краткою реляцией о своей поездке смею утруждать ваше величество, в той надежде, что во время путешествия по шхерам может найтись для нее досужная минута.

Господь да хранит ваше величество со всеми спутниками до благополучного возвращения.

Вернопреданный *Константин Победоносцев.*

Петербург. 22 июня 1891.

С трудом берусь за перо, чтобы представить вашему величеству доклад по просьбе, которую вам угодно было препроводить ко мне. Так еще свежо великое горе, постигшее, по воле божией, августейшую семью и всех нас, до сих пор не могущих оправиться от тяжкого, гнетущего ощущения. Только молимся, да пошлет бог утешение и мир всем пораженным тяжкою утратой...

Говорят, что ваше величество изволите прибыть в Крым в начале октября, вероятно, через Севастополь. Если изволите остановиться в Севастополе, смею обратить внимание ваше на вновь отделанный Херсонисский храм! Я осматривал его: он совсем уже готов и стоит вашего внимания. Думаю, что это будет один из самых красивых храмов в России. В октябре предполагается уже его освящение.

Вообще отрадно видеть умножение храмов на южном берегу Крыма. Здесь, в Гурзуфе, освящен в конце августа замечательно изящный храм, построенный Губониным,—для массы рабочего народа это великое благодеяние. Множество народа наполняет теперь церковь,—и младенцев крестят, и детей причащают, в чем было прежде великое затруднение. 23 августа, в день поднятия колокола, было, сказывают, торжество неописанное, и сами татары пришли из деревни помогать подымать колокол. Церковь стоит на самом берегу моря, и крест на ней под большие праздники освещается электричеством, что очень поразительно в темную ночь с моря.

Да хранит господь ваше величество и весь дом ваш в мире и благополучии!

Константин Победоносцев.

Гурзуф. 23 сентября 1891.

118.

Ваше императорское величество изволили препроводить ко мне всеподаннейшее письмо графа Гейдена с отметкою: „Как тут быть?“

Дело о постановке распятия в Казанском соборе возникло по желанию некоторых благочестивых людей, обращенному к старосте гр. Гейдену. Они внесли на этот предмет некоторую сумму, как начало подписки. Граф Гейден, тоже по внушению благочестивого чувства, принялся за осуществление этой мысли, но, к сожалению, не посоветовался тогда с причтом.

Место для постановки распятия (с предстоящими фигурами) выбрано было в запертых дверях храма (против глав-

ного входа); но надлежало еще собрать достаточную сумму для всего сооружения и для заказа живописи художнику. Для этой цели граф Гейден устроил временное распятие,— крест, присланный ему с Афона, утвердив его на возвышении довольно грубой работы. Тут же поставлена особая кружка для приношений. Народ любит молитву у распятия, которое поставляется иногда в приходских церквях. Итак, к распятию в Казанском соборе стали стекаться молящиеся и стали набираться приношения (свыше 6.000 р.), а простой народ стал приносить сюда платки и полотенца, которыми покрывалось возвышение; эти украшения действительно имели довольно неблагообразный вид, хотя скрывались за народом в углу храма. Между тем, граф Гейден сделал заказ живописи для распятия художнику Васильеву и при этом тоже не посоветывался с знатоками художества.

Тогда со стороны знатоков художества поднялись возражения—вообще противу постановки распятия в Казанском соборе и в особенности противу того временного сооружения, которое, по мнению их, обезображивает храм. А. П. Боголюбов тоже протестовал против этого, и в. князь Владимир Александрович говорил мне об этом с негодованием. Я предупреждал обо всем этом гр. Гейдена, а причт Казанского собора, с своей стороны, опасаясь, в виду возникших возражений, какой-либо ответственности, заботился заявить, что дело ведется без его участия.

Гр. Гейден пришел в затруднительное положение, а между тем жертвователи приступали к нему с просьбами о скорейшей постановке распятия, желая, чтобы это совершилось 17 октября, так как в память этого события приносились жертвы. Между тем, работа художника Васильева до сих пор остается неизвестною, и потому причт ходатайствует, чтобы она была освидетельствована экспертами, и чтобы все сооружение совершалось не иначе, как с высочайшего утверждения. Думаю, что это требование основательно и что напрасно гр. Гейден, конечно побуждаемый волнением и заботой, решился утруждать ваше величество просьбою разрешить постановку распятия в предполагаемом виде,

прежде чем оно будет освидетельствовано с художественной стороны.

Константин Победоносцев.

Гурзуф. 23 сентября 1891.

119.

Четыре недели живу я в Гурзуфе, и пора бы уже возвращаться; но мне представляется необходимым выждать освящение Херсонисского храма, которое предположено на 17 октября, тем более, что в нем есть и придел, сооруженный в память знаменательного события. Так давно ожидаемое освящение храма будет здесь, в Крыму, событием столь значительным, что нельзя уклониться от присутствования при оном. Все любят отделку храма, и действительно он весьма изящен. Смеем надеяться, что понравится и вашему величеству, когда изволите осмотреть его. Когда это последует, все здесь гадают о сем, не зная ничего определенного; однако, упорно держится слух о вашем прибытии сюда во второй половине октября.

Если это последует, благоволите на половине пути от Севастополя до Ялты обратить внимание на высоте Байдарских ворот на оконченное уже вчерне здание храма, сооружаемого в Форосе Кузнецовым в память 17 октября. Это будет, действительно, памятник величественный, на каменной скале. Наднях поставлены уже будут на нем золоченые главы, числом 10, и представят прекрасный вид с моря. Строит его тот же архитектор Чагин, которому поручена была отделка Херсонисского храма. Эта церковь будет истинным благодеянием для населения Байдарской долины и соседних местностей, так как здесь верст на 30 не было православной церкви. Я ездил отсюда осматривать работы; был и в Георгиевском монастыре, который начинает теперь выходить из запущения при помощи нового заботливого игумена.

Я уже докладывал вашему величеству о церкви, которую нашел здесь, в Гурзуфе. Это — великое утешение для всего здешнего населения, которое проживало совсем в тоске

без храма божия, а теперь отрадно видеть, как наполняется храм народом, жаждущим церковной службы,—и она здесь вполне благолепная. Может быть, вашему величеству интересно будет взглянуть на прилагаемую фотографию.

Так хороша здесь природа, такая чудная игра света на горах и на море, что глаз не насытится смотреть на всю эту красоту. Но самое чудное, что видишь здесь, и что я видел на-днях в первый раз,—это ваша Массандра, и как надобно радоваться, что это райское место избежало жидовских рук и поступило во владение вашего величества. В Нижней Массандре, как она теперь устроена, можно забиться и представить себе, что находишься среди великороссийской зелени: так все свежо и зелено, видишь луга и тропинки, убегающие в лес, встречаешь громадные стога сена и сенокос, о котором и не слыхать было прежде. Прежде сено покупалось для Массандры, а ныне Массандра продовольствует сеном Ливадию и производит даже овес исполинских размеров.

Простите, ваше величество, что распространяюсь об этом, думая, что будет для вас не без интереса. Я утешал себя надеждою, что доведется здесь встретить приезд ваших величеств, но, видно, этой надежде не исполниться, так как после освящения храма надобно спешить в Петербург. И если пожалуете вы сюда, дай, боже, вам и всему дому вашему провести здесь мирные и ясные дни!

Вашего величества вернопреданный

Константин Победоносцев.

Гурзуф. 8 октября 1891.

120.

Я имел честь доносить вашему императорскому величеству о совершившемся освящении Херсонисского храма. В ответ вы благоволили послать мне телеграмму, в коей с радостью прочел я последние слова: „До свидания“. К сожалению моему, она настигла меня уже в Москве. Еслиб я получил ее на месте, остался бы с радостью ожидать ва-

шего прибытия в Севастополе. Сам собою, я не решился на то, слыша отовсюду, что вашему величеству не угодны приемы и встречи в Крыму. И теперь, еслиб угодно было вашему величеству о чем-либо объясниться лично, я с радостью приехал бы хоть на несколько часов в Ливадию.

В настоящую минуту главная забота в церковном управлении—замещение киевской кафедры, остающейся свободной за кончиною митрополита Платона.

Старейший в составе нынешней иерархии—преосв. Леонтий, архиепископ Холмско-Варшавский. Он занимает этот трудный пост с 1875 года, т.-е. 16 лет, при самых неудобных обстоятельствах; человек умный и опытный. Его считают давно уже старшим кандидатом на митрополита, и в настоящее время нет оснований обойти его.

Но при этом представляется следующее соображение:

Московский митрополит Иоанникий, человек безупречный в нравственном отношении, по характеру своему не пришелся по Москве. Он сух и необщителен, а Москва имеет свои особенности: там любят ласковое обращение и приветливость. Его не полюбили в Москве, и, кажется, сам он это чувствует. В Киеве положение его было бы удобнее и свойственнее его природе. Там он окончил курс в академии в 1849 году, там же был ректором и семинарии, и академии. Он еще свеж силами и имел бы в Киеве трех дельных викариев (которых покойный митрополит не допускал до большой деятельности). Казалось бы, что в Киеве он пришелся бы к месту, нежели в Москве, а перемещение в Киев никак не могло бы считаться для него принижением. В таком случае в Москву на его место мог бы быть назначен преосв. Леонтий, который по характеру своему отвечал бы лучше московским условиям и мог бы, думаю, поднять и оживить московское духовенство.

Эту мысль мою (с которою сходится и мнение митрополита Исидора) долгом почитаю повергнуть на благоусмотрение вашего величества.

Недостаток в людях, приготовленных к высшим должностям, всюду заметный, осязателен и в церковном управле-

нии. Старые люди уходят, а готовых им преемников немного. Вчера скончался еще один из наших архиереев преосв. Поликарп екатеринбургский.

Освящение Херсонисского храма, о коем я докладывал вашему величеству, совершилось весьма торжественно. Все, кому приходится видеть, любят изысканством этого храма. К сожалению, сильная буря с холодным вихрем помешала быть на торжестве многим; когда следовал ход вокруг церкви, едва можно было держаться на ногах от сильного ветра.

Южный берег Крыма мало-по-малу покрывается церквями и школами. Славу богу. Но самым скудным местом в этом отношении оказывается Севастополь. Правда, тут в одном углу оказывается много церквей: два собора—не приходские, и Херсонес, с коим сообщение дальше и неудобное. А приходская церковь на весь город всего одна—Петропавловская. Отдаленные же части вовсе лишены церкви. Великая нужда на Корабельной стороне: там ныне до 9 тысяч жителей, и в том числе около 5 тысяч военной команды, а церкви нет, недавно только по крайней нужде заведена маленькая домашняя церковь. Между тем в населении появилась уже пропаганда штунды и пашковщины. Устройство там обширного храма составляет существенную необходимость, но средств на это нет. Собирают по жалости. Я привез им 3 тысячи рублей из пожертвованных, да у них было скоплено до 2 тысяч. Желательно пособить этому делу, и, кажется, морское министерство могло бы уделить от себя что-нибудь для духовных нужд своей многочисленной команды.

В то же время, когда освещали Херсонисский храм, происходило на другом конце России подобное торжество—освящение готового, наконец, собора в г. Остроге, на Воляни, в присутствии гр. Игнатьева, властей и великого множества народа. Саблер, бывший тут, сказывал, что торжество было умирительное и великая радость для народа. Саблер был тут на возвратном пути из Италии, куда требовала его настоятельно великая княгиня, и невозможно было отказать ей, так как она оставалась совсем одна в самую критиче-

скую минуту, то-есть когда ожидалось сватовство принца Альтенбургского и великая княгиня, ни на что не решаясь, не спала ночей от волнения. Не знаю, состоялось ли бы это давно желаемое дело, еслиб не явился в пору Саблер подкрепить решения. Великая княгиня могла бы помешать всему своими требованиями,—так, например, она желала непременно присутствовать при всех объяснениях жениха с принцессой и даже при самом первом, от которого все зависело. Но, славу богу, все обошлось благополучно, и свадьба назначена в Ремплине 24 ноября.

Дай, боже, чтобы яркое солнце не покидало Крым во все время пребывания вашего величества, особливо, чтоб оно сияло во всем блеске и в тишине в понедельник, 28 числа,—будем молиться в этот день и об ясном полудне, и об тихом вечере. Господь да хранит и да покрывает вас, государыню императрицу и всех детей ваших своею благодатью и миром.

Вашего императорского величества вернопреданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 15 октября 1891.

121.

Решаюсь писать к вашему величеству о предметах неутешительных.

Еслиб я знал заранее, что жена Льва Толстого просит аудиенции у вашего величества, я стал бы умолять вас не принимать ее. Произошло то, чего можно было опасаться. Графиня Толстая вернулась от вас с мыслью, что муж ее в вас имеет защиту и оправдание во всем, за что негодуют на него здравомыслящие и благочестивые люди в России. Вы разрешили ей поместить „Крейцерову сонату“ в полном собрании сочинений Толстого. Можно было предвидеть, как они этим разрешением воспользуются. Полное это собрание состоит из 13 томов, кои могут быть пущены в продажу отдельно. 13-й том—небольшая книжка, в которой помещены вместе с „Крейцеровой сонатой“, мелкие статьи такого же

духа. Эту книжку они пустили в продажу отдельно, и вот уже вышло третье отдельное ее издание. Теперь эта книжка в руках и у гимназистов, и у молодых девиц. По дороге от Севастополя я видел ее в продаже на станциях и в чтении в вагонах. Книжный рынок наполнен 13-м томом Толстого. Мало того,—он объявил в газетах, что предоставляет всем и каждому перепечатывать и издавать все статьи из последних томов своих сочинений, то-есть все произведения новейшего, вредного, пагубного направления. Недавно, когда ему возражали против этого заявления, он отвечал, что ему дела нет до того, какое действие произведут его статьи, так как убеждение его твердо. Толстой—фанатик своего безумия и, к несчастью, увлекает и приводит в безумие тысячи легкомысленных людей. Сколько вреда и пагубы от него произошло,—трудно и исчислить. К несчастью, безумцы, уверовавшие в Толстого, одержимы так же, как и он, духом неукротимой пропаганды и стремятся проводить его учение в действие и проводить в народ. Таких примеров уже немало, но самый разительный пример—кн. Хилкова, гвардейского офицера, который поселился в Сумском уезде, Харьковской губ., роздал всю землю крестьянам и, основавшись на хуторе, проповедует крестьянам толстовское евангелие, с отрицанием церкви и брака, на началах социализма. Можно себе представить, какое действие производит он на невежественную массу! Зло это растет и распространяется уже до границ Курской губ., в местности, где уже давно в народе замечен дух беспокойный. Вот уже скоро 5 лет, как я пишу об этом и губернатору, и в министерство, но не могу достигнуть решительных мер, а между тем Хилков успел уже развратить около себя целое население села Павловки и соседних деревень. Он рассылает и вблизи, и вдаль вредные листы и брошюры, которым крестьяне верят. Народ совсем отстал от церкви: в двух приходах церкви стоят пустые, и причты голодают и подвергаются насмешкам и оскорблениям. В приходе 6.000 душ, и в большие праздники, напр., в Покров, было в церкви всего 5 старух. Под влиянием Хилкова крестьяне для общественных должностей отказы-

ваются принимать присягу. Такое положение грозит большою опасностью, и, по последним известиям, я убедительнейше прошу министра о высылке Хилкова, который уже хвалится перед народом: „ничего мне не делают, стало быть, я учу правильно“. Теперь надеюсь, что в министерстве сделают должное распоряжение.

Нельзя скрывать от себя, что в последние годы крайне усилилось умственное возбуждение под влиянием сочинений графа Толстого и угрожает распространением странных, извращенных понятий о вере, о церкви, о правительстве и обществе; направление вполне отрицательное, отчужденное не только от церкви, но и от национальности. Точно какое-то эпидемическое сумасшествие охватило умы. К Толстому примкнул совершенно обезумевший Соловьев, выставляя себя каким-то пророком, и, несмотря на явную нелепость и несостоятельность всего, что он проповедует, его слушают, его читают, ему рукоплещут, как было недавно в Москве. Кружки этого рода сгруппировались особенно в Москве и, к сожалению, около университета, где три общества: юридическое, любителей словесности и новое, психологическое, собирают публику, большею частью из неопытной молодежи, для распространения самых извращенных идей; все они имеют свои издания такого же направления. В Москве же развелись ныне либеральные богачи-купцы и купчихи, поддерживающие капиталом и учреждения духа эмансипации (в роде женских курсов), и журналы вредного направления. Так, на счет одной купчихи издается журнал „Русская Мысль“, к сожалению, самый распространенный из всех русских журналов; он в руках у всей молодежи, и множество голов сбито им с толку. Так, купец Абрикосов (конфетное заведение) поддерживает журнал: „Вопросы философии и психологии“, служащий ареною для Соловьева и отчасти для Толстого. В этих-то кругах ходит легенда о том, что вся эта вредная литература может рассчитывать на защиту у вашего величества противу всякого стеснения речей и писаний, и эта легенда усилилась особенно после того, как принята была вашим величеством графиня Толстая.

Теперь у этих людей проявились новые фантазии и возникли новые надежды на деятельность в народе по случаю голода. За границу ненавистники России, коим имя легион, социалисты и анархисты всякого рода основывают на голоде самые дикие планы и предположения,—иные задумывают высылать эмиссаров для того, чтобы мутить народ и восстанавливать против правительства; немудрено, что, не зная России вовсе, они воображают, что это легкое дело. Но и у нас немало людей, хотя и не прямо злонамеренных, но безумных, которые предпринимают по случаю голода проводить в народ свою веру и свои социальные фантазии под видом помощи. Толстой написал на эту тему безумную статью, которую, конечно, не пропустят в журнале, где она печатается, но которую, конечно, постараются распространить в списках. Недавно одна богатая московская купчиха являлась к И. Н. Дурново, предлагая 300.000 р. на пособия, с тем, что для раздачи их она́ будет посылать своих агентов. Когда ей было в том отказано, она объявила, что все-таки пошлет их без всякого разрешения. Ей было отвечено, что в таком случае агентов ее будут арестовывать. Она ушла с негодованием, а через несколько дней в лондонском „Dailly News“ явилась телеграмма из Петербурга, что министр внутр. дел приказал арестовывать агентов общества для раздачи пособий...

Все это показывает, сколько нужно осторожности. Год очень тяжелый, и предстоит зима в особенности тяжкая, но с божией помощью, авось, переживем и оправимся.

Простите, ваше величество, что нарушаю покой ваш в Ливадии такими вестями и такими мыслями; но мне казалось нелишним доложить вам о некоторых обстоятельствах, которые могли бы и не дойти до вашего сведения.

Константин Победоносцев.

Петербург. 1 ноября 1891.

Митрополит Леонтий внезапно занемог вчера, принужден был слечь в постель и глубоко сокрушается, что не мог

сегодня воспользоваться данным разрешением представиться вашему императорскому величеству.

Не угодно ли вашему величеству взглянуть на рисунок возобновленного Успенского собора во Владимире. Это возобновление—дело великое, которое бог помог совершить только нынешнему заботливому владимирскому архиепископу Феогносту. В нынешнем году состоялось это торжество, в котором участвовало несколько десятков тысяч народа.

Ведь этот храм—первое сокровище русской земли, прототип всех русских соборов и Успенского московского. К счастью, несмотря на всевозможные бедствия, здание сохранилось от времен Андрея Боголюбского; целы и хоры, на которых при нашествии Батия было задушено все великокняжеское семейство.

Несколько лет тому назад старанием пр. Феогноста и усердием владимирцев совершена реставрация внутренности храма, открыты княжеские могилы и все приведено в великолепный вид старины; остается только пятном иконостас, сооруженный при Екатерине II во вкусе того времени.

Оставалось восстановить весь наружный вид храма во всех его деталях по имеющимся описаниям и по следам прежней отделки. Много положено на это трудов. Надлежало приискать для скрепления стен такой же точно камень, из которого построено первое здание,—его нашли с трудом и возили за 200 верст. Все украшения стен с резьбой восстановлены в прежнем виде. Особенно много было трудов с крышей. Первоначальный храм имел одну главу; после пожара, истребившего в 1185 году всю богатую внутренность храма, брат Андрея, Всеволод, при возобновлении его поставил по сторонам еще 4 главы,—все это подгнило давно, и в XVIII столетии покрыто было сверху крышей. Ныне все восстановлено. Примечательно, что от времен Андрея Боголюбского сохранилась позолота шапки на средней главе, и так сохранилась, что из нее при нынешней реставрации добыто 10 фунтов чистого золота, которое пошло на новую позолоту.

Чудный храм! Если когда-нибудь вашему величеству придется быть во Владимире (это так близко от Москвы), вы, конечно, порадуетесь тамошним храмом.

Реставрация внутренности храма стоила около 70 тысяч, а внешняя стоила до 100.000 рублей. Примечательно, что эта последняя сумма была собрана в течение 5 лет в одной лишь Владимирской губернии народными пожертвованиями, составившись большею частью из мелких сумм.

Константин Победоносцев.

Петербург. 9 декабря 1891.

1892 г.

123.

Долгом почитаю доложить вашему императорскому величеству, что наш старец митрополит внезапно ослабел и опустился. В великий четверг он вдруг почувствовал себя дурно и почти перестал видеть; стал путаться в мыслях и забываться. Но крепкий организм его не сразу уступает болезни. Он, видимо, борется, силится заниматься делами, по обычаю подписывает бумаги, но так, что разобрать трудно. По временам зрение, как будто, немного проясняется, потом опять заволакивает. Бодрится, ходит по комнатам, разыскивает бумаги. Сегодня, в 9 часов утра, было ему очень худо, но потом, после компрессов, он опять ободрился. Доктор опасается, что в таком состоянии возможен вскоре удар. Во всяком случае, в его года (93) трудно ожидать восстановления сил у владыки. Нам будет очень жаль его, потому что до последнего времени он сохранил и свежесть мысли, и память, и здоровый смысл, всегда его отличавший.

Константин Победоносцев.

В Сергиевой пустыни. Великая суббота. 1892.

124.

Смею утруждать ваше императорское величество настоящею своею заботой, так как она относится и до церковных дел.

Сегодня услышал я о предположении взять из Ревеля князя Шаховского и перевести его в Курск. Это известие смутило меня и смутит, несомненно, всех русских деятелей

в Прибалтийском крае. Я уверен, что это перемещение отразится неблагоприятно на русском деле в этих окраинах.

Направление кн. Шаховского давно уже обозначилось и было весьма важно, что для тамошнего немецкого населения он был олицетворением неуклонных начал новой русской политики. К нему начали уже привыкать и, при самом раздражении, отдавать ему справедливость. Тем не менее известно, что представители эстляндского дворянства всячески желали именно от него избавиться и не раз хлопотали об этом распускаемыми об нем слухами в разных слоях общества. Теперь перевод его, несомненно, будет истолкован в Остзейском крае, как победа над русской партией и как поворот в политике правительства, а всех русских деятелей обескуражит. Переводом Сипягина в Москву было уже несколько расстроено дружное действие администрации в трех губерниях, а перевод кн. Шаховского еще более расстроит его, ибо он считался до сих пор главным, в русском смысле, деятелем. Думаю, что осторожнее было бы дать ему еще докончить начатое. На окраинах России еще нужнее, нежели внутри, прочные администраторы. Не могу не опасаться, что с устранением его и дело, которое он вел 7 лет, будет расстраиваться: несомненно, что люди, которых он с самого начала привлек к делу и собрал около себя (и в этом немалая его заслуга), после него разойдутся. Придут новые люди, которых, не знаю, сумеет ли прибрать и направить его преемник. А опыты, к сожалению, показывают нам, что преемник, по большей части, старается не продолжать дела своего предшественника, а, напротив, приступает к нему с критикой и старается поставить новое свое на место прежнего. И этого в особенности надо опасаться в деле, едва лишь устанавливаемомся, остзейской администрации.

Но в таком деле, какого требует Остзейский край, мало еще сделает администрация, если ограничится одними приказаниями, распоряжениями и решениями. Необходимо насаждать в крае такие учреждения, которые могли бы в местном населении явить образцы русской православной и национальной культуры и возбудить к себе сочувствие.

В этом отношении кн. Шаховской, совместно со своей женою, положили доброе начало учреждению, которое обещает приносить обильные плоды, но, начав развиваться, может без них заглохнуть. Я имею в виду женскую общину, основанную кн. Шаховскою в Чевве и теперь переносимую в Пюхтицу, где из нее должен возникнуть монастырь. Эта община успела уже привлечь общее сочувствие и богослужением, и больницею, и школою с приютом для детей; княг. Шаховская, при содействии покойной матери Марии и других лиц, успела привлечь к этому учреждению женщин усердных и деятельных и сама составляет душу его. Дело удалось вполне и до такой степени, что владелец Пюхтицы Дикгоф, прежде сильно враждовавший против общины, теперь настолько полюбил ее, что пожертвовал ей даром лютеранскую недостроенную церковь, которую прежде едва соглашался уступить за 10 т. руб. Итак, если супруги Шаховские выедут из края,—и это важное для русского дела учреждение должно будет пошатнуться, так как и собранные княгинею Шаховской монахини и учительницы едва ли останутся без нее...

Прошу прощения у вашего величества, что все эти соображения осмеливаюсь представить на ваше благосклонное усмотрение.

Константин Победоносцев.

Петербург. 5 мая 1892.

125.

Не угодно ли будет вашему императорскому величеству взглянуть, какой громадный труд совершен в течение немногих годов и продолжает совершаться в Казанской переводческой комиссии бескорыстным усердием людей, работающих не для своей славы, а для славы божией и для просвещения инородцев. Главного деятеля Н. И. Ильминского бог взял от нас; ученики его остались. Можно себе представить, какой труд и какое знание потребны для перевода глубоких терминов св. писания и богослужебного текста на дикие наречия, не имеющие никакой литературы. Зато отраднo видеть и слышать в Казанском и Симбирском крае, как цивили-

зуются татарские и чувашские дети посредством богослужения и пения, для всех понятного на своем языке.

Сейчас получил от Саблера известие от 13 числа о великой княгине Александре Петровне: „Великой княгине лучше. Она хорошо провела ночь. Шершевский не находит близкой опасности. Вчера она очень благодарила за депешу о молебне, отслуженном о здравии ее митрополитом перед Почаевской иконой. Вид больной печалил меня. Как она изменилась за эти пять дней! На лице желтизна и бледность, но глаза смотрят приветливо. К операции отнеслась с большим мужеством; просила только молитв. К 9 часам утра съехались викарные и во время операции служили молебен в соседнем храме“.

Сегодня молились в Исаакиевском соборе о здравии ваших величеств. Хлестал проливной дождь, и ночью гроза была сильная.

Да хранит вас господь и дарует всем благополучное возвращение.

Константин Победоносцев.

Петербург. 15 мая 1892.

126.

Вчера еще граф Воронцов-Дашков на мое к нему письмо известил меня, что брак великого князя Николая Николаевича запрещен вашим величеством.

Но вместе с тем, узнав из моего письма, что великий князь обращался ко мне с просьбой дать знать о дозволении брака тульскому архиерею, граф Воронцов обратился ко мне с вопросом: от которого числа было ко мне письмо великого князя с упомянутой просьбой?

Из этого заключаю, что у гр. Воронцова возникла подозрительная мысль: не хотел ли великий князь скрыть от меня последовавшее запрещение, остававшееся мне неизвестным.

Подозрение это совершенно неосновательно. А как оно могло коснуться мысли и у вашего величества, то я обяза-

ваюсь устранить его, доложив вашему величеству о ниже-
следующем.

После известного заседания 6 мая, в. князь Николай Николаевич, узнав от в. князя Владимира Александровича об изъявленном согласии вашего величества на брак, на другой день был у меня и рассуждал со мною, как устроить это дело. Я сказал ему, что в свое время, когда понадобится, я сообщу конфиденциально местному архиерею, что сельский священник может беспрепятственно совершать венчание, как дозволенное.

С тех пор я не видел великого князя и ничего не знал о положении дела.

А 31 июня я получил от великого князя письмо, писанное 30 июня, в коем он извещает меня, что разводное дело поступает в синод, что он предполагает венчаться 16 августа в деревне и что просит меня сделать предположенное сообщение архиерею.

Получив это письмо, я стал ожидать поступления дела в синод, и, когда оно готово было к решению, прежде нежели писать архиерею, обратился вчера к вашему величеству.

В тот же час, когда это письмо мое отправилось в Петергоф, приезжал ко мне вчера в мое отсутствие великий князь объявить мне о последовавшем запрещении, вследствие коего переписка с архиереем оказывалась ненужною.

Сегодня я узнал, что граф Воронцов только 5 августа объявил великому князю о последовавшем запрещении. Следовательно, 30 июня, когда писано было письмо ко мне великого князя, он имел полное сознание о том, что дозволение, данное 6 мая, остается в полной силе.

Долгом почитаю свидетельствовать, что при кратких со мною объяснениях по этому делу великий князь Николай Николаевич говорил с совершенным достоинством и благоразумием, и я почитаю его решительно неспособным, по благородству чувств, в чем-либо ослушаться воли вашего императорского величества.

Константин Победоносцев.

Каменный Остров. 8 августа 1892.

127.

Завтра, по всей вероятности, министр внутренних дел будет докладывать вашему императорскому величеству об исходе прискорбной истории, которая разыгралась в Варшаве по духовному ведомству.

Для разбора дел по просьбам о принадлежности лиц, происшедших от прежних униатов, к православной церкви или к католической, существуют смешанные комиссии, коих постановления восходят на утверждение духовной консистории.

В недавнее время открылось, что в среде чиновников консистории образовалась шайка мошенников, которая в связи с некоторыми польскими адвокатами и ксендзами брала с просителей деньги за успешное по желанию их окончание дела. Брались деньги по обыкновению и с правых, и с неправых. Главным орудием этого беззакония был дьякон замковой церкви Родкевич, заведывавшей производством этих дел в консистории, а члены, по доверию к нему, подписывали иногда без рассуждения, что он представлял им.

Генерал-губернатор признает неудобным направлять это дело к судебному производству, т.-е. к огласке, и предполагает покончить его административным порядком, именно выслать виновных из тамошнего края в распоряжение административных властей.

Св. синод сделал уже в пределах своей власти возможное распоряжение. Именно,—все члены варшавской консистории за небрежение к своему долгу уволены от должностей и заменены новыми. Что касается до главного виновного, дьякона Родкевича, уже низведенного варшавским духовным начальством в причетники, то он по распоряжению синода будет выслан в крепость Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря и там лишен сана.

Константин Победоносцев.

128.

7 сентября, в 10 часов вечера, скончался тихо старец митрополит Исидор, 95 лет от роду. Накануне исполнилось 67 лет с тех пор, как он в священном сане, 50 лет слишком его архиерейства, 30 лет его служению в сане митрополита новгородского и петербургского.

Здоровье его ослабело еще на страстной неделе: с ним произошло нечто в роде удара, и зрение совсем ослабело. Но недели через две оправился; голова стала опять свежа, но уже прежней бодрости не было. Ездил иногда в синод, пробовал служить, и еще 15 мая голос его в прежней силе раздавался на молебствии в Исакиевском соборе. Сам читал и подписывал все бумаги по своему обычаю. Но уже видно было, что силы его достанет не надолго.

В успеньев день, 15 августа, он служил в своей архиерейской крестовой церкви и по окончании служения пошел благословлять массою собравшийся народ. Тут-то случилось, что поддерживавший его дьякон неловко ухватил его и сорвал у него с левой руки бывшую на ней фонтанель. Старец, привыкший всю жизнь обходиться в домашнем быту без посторонней помощи, сначала не обратил на это внимания, хотя почувствовал боль, с каждым днем все усиливавшуюся. Уже через неделю после того кто-то, быв у него, обратил внимание на опухоль руки. Призвали доктора: оказалось сильное рожистое воспаление. Затем, при лечении, опухоль стала ослабевать. Но ослабел и больной, лишился сна и аппетита; однако доктор обнадеживал, и митрополит по привычке продолжал заниматься делами. Вдруг уже 6 сентября оказалось, что воспаление перешло с руки на грудь — близко к сердцу; при всем том старец еще в силах был одеваться и выходил вечером к посетителям. Но уже на другой день силы истощились, и его не стало. В пятницу, 11 числа, назначено отпевание, и к этому дню едут в Петербург митрополиты из Москвы и из Киева, — оба бывшие его викарии; да и все почти нынешние архиереи его поствления.

Итак, совершилось событие, которого мы все, стоящие у дел, ожидали с волнением. Трудно заменить этого старца. Он был умен, разумен, обладал громадною памятью и опытностью в делах и в распознавании людей. Взгляда был в делах широкого, чем отличался от многих духовных, и потребность данной минуты понимал сразу своим практическим житейским смыслом; и так в делах синодских был он твердой опорой для разумных распоряжений. Притом был он невозмутимо спокоен, всегда весел и при добром сердце и уме обладал свойством всякой доброй русской натуры — юмором, живым, но беззлобным.

Возникает трудный вопрос о преемнике. В промежуточное время по прежним примерам управление епархиальными делами возлагается на одного из викариев. Перед назначением Исидора был промежуток около 3 месяцев. И теперь, конечно, он может продлиться без затруднений до возвращения вашего величества.

Митрополит петербургский, по званию первоприсутствующего в синоде, где голос его имеет почти всегда решающую силу, имеет важное значение для всей церкви российской. Смотря по свойствам ума своего и характера, он может или тормозить дела, или двигать их же в желанном направлении, — быть беспристрастен или пристрастен к просьбам и ходатайствам, — упрям и узок или податлив на разумные соображения и советы.

Кроме того, сама епархия петербургская, в связи с новгородскою и с Финляндией, требует именно в настоящую минуту усиленной деятельности. В последние годы многое здесь расшаталось и требует обновления и исправления. В виду беспорядков приходилось иногда щадить старца, чтоб не огорчать его относительно иных учреждений, к коим он привык, или иных людей, коим он напрасно доверялся. Теперь новому хозяину надлежит быть разумным и энергическим, чтобы приняться за дело исправления по епархии.

Давно уже приходилось думать об этом вопросе на случай кончины старца, давно уже казавшейся близкою.

В числе всех наличных иерархов я останавливался мыслью на преосв. Павле казанском, — человеке, который, при большом уме и энергии, обладал редким, к сожалению, в духовной среде свойством — полной искренности. Но богу угодно было взять его.

В настоящую минуту выбор особливо труден. О митрополитах, московском Леонтии и киевском Иоанникии, смею доложить вашему величеству, что ни того, ни другого я не считаю удобным для петербургской митрополии. Пр. Леонтий, человек общительный в обращении, мало имеет серьезности в делах, доступен сторонним влияниям и крайне быстр в своих решениях по минутному впечатлению, а притом очень доступен лести, которою не трудно под него подделаться. Преосв. Иоанникий ума не широкого, при безукоризненной честности, строгий монах, с людьми не умеет сходиться, крайне недоверчив и подозрителен, при чем, как всегда бывает, подпадает под влияние ближних слуг своих.

В числе епархиальных архиереев есть люди почтенные, заслуженные (как, напр., Никандр тульский), но уже пришедшие в дряхлость. Есть способные, но еще молодые и не пришедшие в полную силу для высшего круга правительственной деятельности.

Сколько ни рассуждал я между всеми лицами, могу в настоящую минуту остановиться лишь на нынешнем экзархе Грузии, преосв. Палладии. Думаю, что с ним дела пошли бы лучше, нежели с кем-либо из остальных. Он человек разумный, доступный рассуждению и совету, ласковый и приятный в обращении, энергический и подвижный. Опытность в людях имеет немалую. Управлял епархиями трудными — рязанской, тамбовской, вологодской, казанской, и везде показал себя правителем деятельным, и везде снискал расположение и оставил после себя сожаление. Характера миролюбивого, но без слабости: И то у него примечательно, что все епархии, коими управлял, он лично изъездил из конца в конец, даже до дальних пустынь, и людей тамошних знает. Притом отличается щедростью.

Вот соображения мои, по крайнему моему разумению, кои и спешу повергнуть предварительно на благоусмотрение вашего величества.

Константин Победоносцев.

Гурзуф. 9 сентября 1892.

129.

Почитаю не лишним доложить вашему величеству и о моих впечатлениях в здешнем крае.

Мы прибыли сюда 2 сентября и застали погоду чудную в полном смысле слова: яркое солнце, чистоту воздуха,—глаз не насытится смотреть на красоту моря и гор. Но здешние жители вздыхают: во 1-х, потому, что сушь великая, и 2 месяца слишком не было ни капли дождя; во 2-х, потому, что южный берег совсем пуст в нынешнем году. Пуста Ялта, пуст и Гурзуф. Какие и есть посетители, едут с юга, а с севера заперла дорогу холера. Прекращены прямые поезда из Москвы в Севастополь, и едущим нужно 3 раза пересаживаться со всеми холерными предосторожностями.

Здесь, в Гурзуфе, все удобства жизни; но всему венец чудная церковь, устроенная Губониным, с прекрасным хором, составленным из школьников и взрослых певчих. И здесь можно видеть, какое великое, доброе дело на Руси — поставить церковь. Это выше, чем ископать источник воды в пустыне — высшее благодеяние людям, какое считается на востоке; подлинно, церковь — живой источник утешения и просвещения людям, в темноте живущим. К Губонинской церкви потянули толпой люди, рабочего и простого звания, по 10 и более лет не видавшие и не знавшие церкви, великим постом было свыше 600 причастников. И как все благословляют за это строителя!

В Ялте поселился И. Н. Дурново. Он отдыхает и хорошо себя чувствует, но меня тревожит его сильный и упорный кашель, от которого он не может отделаться, не желая, однако, радикально от него лечиться. Сюда, в Гурзуф, ожидают на днях Вышеградского, а в Никитский сад — Островского. О болезни здесь не слышно, но в Таврической губ.

оказались случаи в самом Симферополе, особенно же значительные в Таганаше; Севастополь был совсем свободен от болезни, но сегодня я слышал, что на днях было там двое заезжих больных.

Вашему императорскому величеству дай боже ясных дней и мирного отдыха в Спале.

Константин Победоносцев.

Гурзуф. 9 сентября 1892.

130.

Два квакера, подавшие адрес вашему величеству, мне известны. Они были у меня еще 16 октября и истомили меня длиною беседой. Это—мономаны, от времени до времени являющиеся просвещать Россию.

Один из них явился из Австралии. Он говорит, что, живучи в Сиднее, однажды ночью услышал глас: „Иди в Россию проповедывать Христа.“ И немедленно отправился. В Англии присоединился к нему другой квакер, из Глочстера. Этот последний говорит о себе, что он состоит при своем товарище, как верная собака. „Нет, возражает на это другой, ты для меня гораздо более, чем собака“.

Напрасно объяснял я им, что в России живут не дикие люди, что у нас есть церковь и Христос проповедуется; что у нас не дозволена свободная пропаганда всяких сект и всяких учений. Они все стоят на своем. Что же вы стали бы делать, как бы стали проповедывать в народе, не имея об нем понятия и не зная языка? И на это они не дают определенного ответа, а только говорят, что желают водворить свободу проповеди и отвратить от преследований за веру.

Освободившись от них, я отослал их к Саблеру и к кн. Кантакузену, коих они томили подобными же разговорами. Кажется, они были у Плеве.

Конечно, писание их к вашему величеству не требует никакого ответа. Я советовал им уезжать отсюда, как можно скорее, но вижу, что они все еще проживают здесь. Не со-

мневаюсь, что они вошли уже в беседу с графиней И. А. Толстой, которая охотно принимает всяких чудаков из Англии, и с разными дамами пашковского круга, ведущими здесь безумную пропаганду между бедным населением.

Константин Победоносцев.

Петербург. 10 ноября 1892.

1893 г.

131.

Ваше императорское величество изволили прислать мне записку о. протопресвитера Янышева (с коей прилагаю копию¹⁾), написав на ней: „Буду ожидать решения синода.“

Эта записка была предложена мною на рассмотрение свят. синода, где и состоялось в минувшем декабре определение в таком смысле:

„Признавая и с своей стороны необходимым для правильного и твердого решения возбужденного прот. Янышевым вопроса, предварительное точное выяснение тех условий и требований, какие могли бы быть положены в основу переговоров о соединении старо-католиков с православною русскою церковью, свят. синод определил: возложить этот труд на комиссию под председательством архиепископа финляндского,—преосв. Антония“.

Членами в эту комиссию назначены: протопресв. Янышев; ректор д. академии архимандрит Борис; протоиереи, настоятели: Исаакиевского собора Петр Смирнов и Казанского Александра Лебедев, оба знакомые с вопросом, и протоиерей Лебедев, из Пажеского корпуса; тайный советник Саблер; профессора академии Троицкий и Катонский; делопроизводитель проф. Лебедев.

Комиссия эта на-днях открыла уже свои заседания. Без сомнения, дело это весьма важное, но и весьма труд-

¹⁾ При подлиннике хранится записка Янышева о „втором интернациональном старо-католическом конгрессе“, происходившем в Люцерне 1 (13)—3 (15) сентября 1892 г.

ное. В нем столько вопросов и недоразумений, которые могут разъясниться лишь с течением времени и при ближайшем знакомстве швейцарских старо-католиков с нашими церковными условиями и порядками.

За этим делом я не переставал следить с самого начала возникшего движения. Долгом почитаю представить при сем вашему величеству краткую записку, в коей изложены соображения о настоящем виде, в каком это дело представляется.

Константин Победоносцев.

10 января 1893.

132.

Зная, как занято время у вашего императорского величества, воздерживаюсь просить разрешения явиться лично.

Долгом почитаю доложить, что нынешнее состояние митрополита московского не подает надежды на скорое выздоровление. Он не в силах сознательно распоряжаться, и в делах уже оказывается застой. Посему сегодня от синода послан указ старшему викарию, епископу дмитровскому Александру, вступить временно в управление епархией.

Из Америки получают довольно часто любопытные известия. Слава богу, в первый раз там явился епископ разумный и заботливый, и потому дело оживилось. Но его положение тяжелое, ибо людей надежных почти совсем нет, и трудно найти здесь охотно желающих туда ехать. Много приходится распутывать и улаживать ошибок и упущений прежнего времени. Очень сожалею, что новый наш посланник не повидался со мною. Зато нахожу я большое подспорье в умном, образованном и любезном американском посланнике Уайте, с которым нередко видаюсь.

Между тамошними русскими галичанами возникло сильное движение к православию и все усиливается. Затруднение наше в том, что приходится назначать жалованье священникам новых приходов. В последнее время образовался новый приход в Стритторе, близ Чикаго, где присоединилось 600 человек. Любопытно, что они, никем не побуждаемые,

придумали 6 декабря послать наследнику цесаревичу поздравление с днем ангела и очень были обрадованы ответною телеграммой его высочества: „Most happy to hear such good news. Thank new converted orthodoxes“.

14 января 1893.

Константин Победоносцев.

133.

Благоволите, ваше величество, принять новую книжку, мною изданную без имени автора.

Все, что помещено здесь, писано мною в счастливую пору моей жизни, когда я жил без забот, тихо и незнаемый людьми, в Москве, в родительском доме. Благочестивые родители с детства приучили меня к церкви, и свои церковные впечатления я писал сам для себя. Эти старые листки, никому, кроме меня самого, неизвестные, захотел я собрать и напечатать, куда жив еще, без имени автора.

Когда эти строки дойдут до вашего величества, настанет уже пасха. Дай бог вам встретить праздник посреди цветущей природы, в радости и должном здорoвьи. Христос воскрес!

Константин Победоносцев.

Петербург. 22 марта 1893.

134.

Может быть у вашего императорского величества найдутся минуты досуга просмотреть прилагаемую книжку—описание поездки преосвящ. алеутского по островам. Оно весьма интересно.

Отсюда видно, в каком жалком положении находятся на островах русские приходы этого края, к несчастью, вышедшего из-под русской державы. С отъездом оттуда преосвящ. Иннокентия все там упало. Слава богу, что теперь, едва ли не в первый раз с того времени, явился туда дельный и заботливый архиерей. На призыв его стали уже откликаться люди, желающие посвятить себя служению в этом

дальнем крае. Дело, надеюсь, улучшится, когда удастся заместить благонадежными людьми в приходах нынешних негодяев.

Между тем в Америке образовалось уже 5 приходов из числа галицких униатов. Преосв. Николай уезжает на все лето в новые приходы—в Чикаго, Миннеаполис, Стриттор и пр., а осенью снова поедет по островам. С появлением его непременно оживится еще движение, лишь бы только представители нашей дипломатии не оставляли его без поддержки.

В Москве митрополит Леонтий остается все в том же положении, жалком и безнадежном. В синоде состоялось уже определение о посылке туда преосв. херсонского Сергия и на-днях представлено будет на утверждение вашего величества.

Мы здесь продолжаем страдать от холода. С грустью прочел сегодня, что и в Симферополе, и в Севастополе снег. Дай бог солнца, тепла и совершенного здоровья вашему величеству.

Константин Победоносцев.

Петербург. 8 апреля 1893.

135.

По приказанию вашего императорского величества я имел объяснение с протоиереем Павловским, и вот сущность того, что я слышал от него.

„По завещанию покойного И. В. Рождественского,—говорит Павловский,—я был назначен его душеприкащиком, по особому его ко мне доверию, что означено и в самом завещании, где сказано, что мне поручается исполнение всех распоряжений по словесному или письменному заявлению покойного, при чем сказано, должен я помнить, что единственный в том отчет отдам перед вечным судиею. Еще при жизни своей покойный вручил мне особую, на двух листах, собственноручную записку о его распоряжениях, где особое было постановление и о дневнике, после него оставшемся. Об этом дневнике И. В. очень заботился и при

жизни говаривал мне, что он никаких мемуаров не вел, а записывал кое-что коротко, отходя ко сну, и то не для сохранения, а для того, как говорил он, чтобы предостеречь себя на будущее время от прежних погрешностей. Он заботился, чтобы по смерти его дневник этот (всего около 30 тетрадей) не попал в посторонние руки, и потом в особой записке выразил свою волю, чтобы эти тетради послужили мне для его биографии, которую предоставил мне писать, а затем настоятельно требовал, чтобы я сжег их.

По кончине И. В-ча я немедленно приступил к исполнению завещания. Приходилось передать некоторые вещи, иконы и т. п. великим князьям. Для сего я явился к в. кн. Сергию Александровичу (в 1882 г.). При этом свидании в. князь спросил меня: правда ли, что после Ив. В. остался дневник, и когда я отвечал утвердительно, в. кн. пожелал — нельзя ли дать ему его на прочтение, при чем выразил, что особенно интересуется тем временем, когда И. В. был с малолетними в. князьями в Гапсале. Вернувшись домой, я отобрал 10 тетрадей, относившихся к этому времени, и передал их вел. князю.

Прошло более года с того времени, но тетрадей мне не возвращал вел. князь, а без них я не мог приняться за составление биографии. Тогда я просил Веру Перовскую напомнить о них вел. князю. Через несколько времени Вера Перовская передала мне ответ, что вел. князь поручил Арсеньеву объясниться со мною о тетрадях.

Вслед за тем я получил от Арсеньева приглашение явиться к нему, в морской корпус. Это свидание привело меня в крайнее недоумение. Арсеньев заговорил со мной каким-то решительным тоном и стал от меня требовать все тетради, говоря, что я обязан отдать их по долгу верноподданного. Я ответил ему, что не ему учить меня о долге верноподданного, которому я учил целое поколение и его еще могу поучить. Если бы великий князь обратился ко мне сам, или вы (обращаясь ко мне) спросили у меня, я не затруднился бы отдать, но Арсеньеву я отказался отдать именно потому, что он мог прочесть, что там писано, а я

обязан был скрывать тетради от всех посторонних, притом я знал, что в тетрадях есть места относящиеся к Арсеньеву.

„После этого объяснения я решился прямо исполнить волю завещания, и сжег все остальные тетради.

„Прошло с тех пор около 10 лет. Меня беспокоила мысль, что остаются еще у в. князя тетради, не уничтоженные. Тогда (в декабре прошлого года) я решился через фрейлину Козлянинову опять напомнить о них великому князю. Козлянинова потом сказала мне, что на это напоминание в. князь только изменился в лице и отошел в сторону“.

Вот содержание того, что я слышал от прот. Павловского; он удостоверяет, что объявил сущую правду, и просит меня оправдать его перед вашим величеством. Если бы говорит, государь тогда спросил у меня эти тетради, хоть через вас, я немедленно отдал бы их.

Я просил его принести мне подлинную записку И. В. Рождественского и его завещание. Я видел сегодня и то, и другое, и, зная рукопись И. В., убедился в подлинности. Прилагаю при сем выписку из подлинной записки относительно дневника. Эта записка передана была Павловскому в конверте, на котором рукою И. В. надписано: „Душеприказчикам моим,—протоиерею Павлу Васильевичу Лебедеву (он умер раньше смерти завещателя) и Леониду Андреевичу Павловскому,—распоряжения мои по духовному завещанию“.

✧ Павловский говорит, что и сам он не читал всего дневника, за многие годы состоявшего из кратких заметок, а лишь пробегал кое-что (так как не приступал к составлению биографии). И. В. был человек сдержанный и потому уже, по словам Павловского, не позволил бы себе распространяться.

По предложению моему Павловский принес мне письмо, в коем удостоверяет, что дневника этого никто не читал и копий с него не снималось.

Константин Победоносцев.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь

Константин Петрович!

О судьбе дневника протоиерея Иоанна Васильевича Рождественского, скончавшегося 10-го октября 1882 года, имею честь сообщить вашему высокопревосходительству следующее:

Десять тетрадей этого дневника представлены мною 7-го декабря 1882 года его императорскому высочеству великому князю Сергию Александровичу, по настоящему его желанию. По прошествии некоторого времени я обратился с покорнейшею просьбою возвратить мне эти тетради, необходимые для биографии протоиерея И. В. Рождественского, составлением которой я предполагал заняться, но вице-адмирал Арсеньев заявил мне, что тетради дневника не могут быть мне возвращены. Поставленный в невозможность воспользоваться для биографии протоиерея И. В. Рождественского тем источником, который указан им самим в его собственноручной записке душеприкащикам, я, согласно той же записке, которую я имел честь представить вашему высокопревосходительству в подлиннике для прочтения, и копию с которой при сем прилагаю, все оставшиеся у меня тетради дневника протоиерея И. В. Рождественского уничтожил. Свидетельствую своею иерейскою совестью, что дневника этого никто не читал и никто никаких копий с него не снимал.

Имею честь быть вашего высокопревосходительства всепокорнейшим слугою и усердным богомольцем.

Протоиерей *Леонид Павловский.*

27 апреля 1893.

копия.

Из собственноручной записки протоиерея Иоанна Васильевича Рождественского его душеприкащикам.

Записки мои (дневник) и сохранившиеся письма разных лиц, как не имеющие интереса ни для кого, кроме меня,—все уничтожить. В письмах архиерейских найдется кое-что, достойное памяти впоследствии, равное и в дневнике моем есть заметки, не лишенные общего интереса и годные для моей биографии, но у кого постанет досуга и усердия разбирать весь хлам и делать серьезный выбор?

(Писано 2 апреля 1872.)

136.

По поводу дневника И. В. Рождественского приходит и мне на мысль заранее заявить пред вашим императорским величеством, что я, с тех пор, как переехал сюда из Москвы и вступил в непременную и разнообразную работу, не имел

обычая записывать все то, что со мною случалось, и чему я был свидетелем. И не потому, чтоб я считал это ненужным или опасным, а просто потому, что не находил к тому досуга и времени и не могу понять до сих пор, как успевают люди занятые делами записывать еще дневные происшествия, разговоры и суждения. Днем занят, а к ночи такая усталость, что нет сил записывать о себе. Я записываю каждый день только имена, кто был у меня, у кого я был, какие были заседания, только для практической цели, то-есть, чтобы вспомнить, когда нужно, имена и числа. Следовательно, нет повода опасаться, что после моей смерти останется что-либо подобное.

Правда, в последние годы, особливо с 70-х годов, я был свидетелем, отчасти и участником, многих важных событий и мог бы многое интересное записать, но никогда не успевал это делать, притом, чем важнее события, тем труднее описывать их, а в последние годы прошлого и в первое время нового царствования, все, что я видел, производило во мне такое сильное возбуждение, что не было бы силы с пером в руке вести какую-нибудь хронику.

Это же возбуждение, при сердечной боли о многом, не позволяло мне передавать кому-либо свои впечатления, конечно, кроме жены моей, которая одинаково со мною хранила их в душе глубоко. Был один только человек, очень близкий по душе нам обоим—это покойная Катерина Федоровна Тютчева. К ней одной писал я по душе в тревожную эпоху 1880—1881 года, и эти письма составляют единственный материал моих впечатлений. После ее смерти переписка эта возвращена мне, и я намерен когда-нибудь, запечатав ее, отдать на хранение в Публичную Библиотеку.

Вашему величеству памятно, что в первые годы вашего царствования вы оказывали мне близкое доверие. Следы его действительно хранятся у меня, но не в виде каких-либо записок. Это—разного рода бумаги, которые характеризуют эпоху с ее волнениями, отчасти все, что от вас мне присылалось, и записочки ваши. С своих писем ничего у меня не оставляется, ибо я пишу все прямо набело. Все эти ма-

териалы никому, кроме меня, неизвестны, но я собирал их по годам в папки, коих имею несколько, с надписью: „Новитегипт“. Вот—одно, что после меня останется, в качестве исторического материала,—и все это я готов буду хоть теперь же сдать в безопасное место.

Пишу об этом вот с какою целью. Я уже стал стар и вероятно недолго уже останусь,—да и вообще, слишком ^{3/4} жизни уже прожито, а человек может умереть внезапно, и не хотелось бы мне, чтобы после меня жену мою тревожили розысками бумаг, имеющих политическое значение.

Константин Победоносцев.

28 апреля 1893.

137.

Обязываюсь доложить вашему императорскому величеству об одном обстоятельстве, которое приводит нас в смущение и очень беспокоит великого князя Сергея Александровича.

Дело касается больного митрополита Леонтия. Последний удар, бывший с ним 25 декабря, окончательно сразил его и поверг в состояние неразумия. Видит он в одну сторону одним углом глаз, писать не может, не может и рассуждать, не располагает словами, употребляя одно вместо другого. Но когда к нему приходят, он узнает многих (хотя иногда смешивает лица) и говорит бегло, произнося отдельные фразы, в коих связи нет, но в коих постоянно выражается желание показать, что все идет хорошо, что вот он распорядится, что, славу богу, что-то устроилось, что он тому-то напишет или написал. Угощает посетителей чаем, смеется по своей прежней манере с разными телодвижениями. Очевидно, в таком состоянии он управлять не может, и еще в начале зимы синод поручил управление делами старшему викарию. Но митрополит воображает, что управляет все-таки он, со свойственно таким больным хитростью он уклоняется от действий, которые могли бы обличить его состояние: наприм., уверяя, что пишет, никому не хо-

чет показать, что написано, а у него выходят каракули без всякого смысла. К докторам относится уклончиво и подозрительно.

На первой неделе поста я ездил в Москву, чтобы лично во всем удостовериться; просидел с ним $\frac{3}{4}$ часа, в течение коих он говорил без умолку, и я лично убедился в жалком его состоянии; говорил с Захарьиным, который определил состояние его безнадежным. После того, на святой, ездил туда Саблер с тем же впечатлением. Получено обстоятельное свидетельство о его болезни, подписанное всеми лечившими его врачами.

Неудобно, казалось, продолжать это неопределенное состояние церковного управления в Москве. По соглашению с великим князем вашему величеству доложено было предположение послать в Москву архиепископа херсонского Сергия для временного управления, по случаю болезни митрополита. Доклад синода об этом представлен был уже вашему величеству и возвращен утвержденный.

А между тем, вот что происходило в Москве, в тесном кружке людей или неблагонамеренных, или просто невежественных, окружавших больного митрополита. Стали распространять слух, что митрополит совсем поправился, здоров, но что чиновники синодские хотят объявить его больным. Случайные посетители, слыша от больного фразы о том, что все хорошо, что он распоряжается и пр., получали подобное впечатление. Пошли по Москве и Петербургу сплетни о какой-то интриге против несчастного митрополита. Принялись действовать систематически. Стали возбуждать больного известиями, что мимо его распоряжается викарий, что против него действуют в Петербурге. В газете „Московский Листок“, очень распространенной, стали появляться почти ежедневно известия, что митрополит здоров и занимается делами. Стали вывозить его. Явилось известие, что были у него великие князья, и что он был с визитом у них (при этом визите он явился в жалком состоянии). Вслед за тем повезли его к Иверской, откуда он с крыльца благословлял народ, потом повезли к викариям с визитом,

а на другой день напечатали об этом трогательную статью в газетах. Наконец, в довершение всего явилось в той же газете „Московский Листок“ торжественное известие, что митрополит служил обедню у себя на подворьи в крестовой церкви, выходил к народу и произнес трогательное слово,— сам плакал, и люди плакали. Напечатано и длинное слово, где изображено в виде чуда исцеление владыки (газету прилагаю при сем).

И все это было заранее подделано. Обедню служил vikарий, а митрополит из алтаря произносил возгласы, выходил осенять. Проповедь сочинил для него некий г. Барсов в том виде, как напечатано, а митрополит, не могущий ни читать, ни писать, конечно, не мог произнести ее, выйдя к народу произнес несколько фраз в роде того, что, вот, слава богу, православные, Николай угодник помог мне, я выздоровел и пр. Все это было подготовлено вследствие слуха, что в Москву прислан будет преосв. Сергей.

Итак, выходит нечто неладное. Народ, не ведая душевного состояния больного, видит фигуру митрополита в церкви, благословляющего, плачущего, читает известие о его выздоровлении, и, конечно, легко может поверить слухам, что здорового объявили больным, и что несчастного старца хотят выжить насилем.

В таком положении, особливо перед приездом вашего величества, становится неудобною посылка в Москву архиепископа Сергия. Великий князь телеграфировал мне, прося удержаться исполнением доклада, который между тем утвержден уже вашим величеством. Я в тот же день послал в Москву Саблера, который вернулся вчера, после многих объяснений о деле с вел. князем, который всем этим весьма озабочен. Митр. Леонтий все время в возбужденном состоянии, говорит, путая имена, о каких-то кознях против него и постоянно твердит, что увидят, как он встретит государя, и готовит речь на встречу.

Очевидно, что не следует на этот случай выпускать его из дому. Встретить ваше величество может vikарий дмитровский, управляющий епархией, и без всяких речей. В этом

смысле я писал великому князю и сам думаю на сих днях поехать в Москву для личных переговоров.

Долгом почитаю обо всем этом донести вашему императорскому величеству.

Константин Победоносцев.

Петербург. 28 апреля 1893.

138.

На прошлой неделе, утомившись до крайности ежедневными заседаниями Государственного Совета и множеством дел, я ездил в Москву, где пробыл субботу 1 мая и воскресенье. Дело с митрополитом нашел в прежнем положении. Возбуждаемый со стороны, больной усиливается выставить себя здоровым и с этой целью ездит ежедневно с визитами, возбуждая своими речами недоумение у тех, кого посещает. Так, например, у Степанова говорил, что собирается ехать на Дон, жаловался на врагов, которые хотят погубить его и первым врагом своим называл князя Суворова... В субботу сказали мне, что на следующий день, в воскресенье, митрополит хочет служить в Храме спасителя, что привело всех в смущение. Напрасно старался я уговорить его, чтоб он отказался от этого намерения, ради своего здоровья. Нет,—говорил он, меня просят, я обещал,—не могу, и я совсем здоров. Меня, повидимому, он тоже считает в числе врагов своих. И подлинно, в воскресенье приехал он служить. С великим трудом поддерживали его, боясь за него каждую минуту, и в алтаре подсказывали ему возгласы, так как читать по книге он не может. Служил собственнно викарий, но митрополит выходил на большой выход, но едва мог донести чашу до престола,—ее уже подхватили. После обедни хотел выйти к народу; его убедили не выходить, но разоблачившись, он вышел и сказал несколько фраз, которые едва можно было разобрать. Он продолжает настаивать, что выедет непременно встречать ваше величество и скажет речь; но от этого всячески надобно удерживать его, что, конечно, и сделано будет в свое время.

В таких обстоятельствах я считаю нужным быть в Москве ко дню приезда вашего величества на всякий случай, если на что либо понадобится мое содействие.

В Москве было не только тепло, но и жарко, на деревьях стали показываться молодые листья. Но в Петербурге застал я холод, а сегодня крайне суровая погода, резкий ветер, и лед идет.

Константин Победоносцев.

Петербург. 4 мая 1893.

139.

В дополнение к прежде изложенному, спешу к отъезду курьера прибавить, что следствие о покушении на меня производится. Молодой человек возбуждает крайнюю жалость, весь больной, истомленный и, как видно, слабоумный, расстроенный нервами. Запиравшись вначале, он сознался на другой день в беседе со следователем, но на вопросы о том, что побудило его к такому поступку, дает странный ответ: его так истомили болезни, что он искал смерти и способом к тому выбрал это покушение, которое могло привести его к казни.

Такое объяснение—или указывает на крайне расстроенное воображение, если оно искренне, в чем можно сомневаться, если же оно придумано, то должен быть другой мотив. Пролежав 2½ месяца в больнице, он прямо оттуда пошел на покушение. Если он служил притом орудием сторонних внушений, то, спрашивается, откуда они явились и где они явились,—во Пскове ли еще или в больнице?

Константин Победоносцев.

Петербург. 23 июня 1893.

140.

Долгом почитаю донести вашему императорскому величеству, что с разрешения вашего выезжаю сегодня в Гурзуф, передавая дела Саблеру; впрочем, все важнейшее будет мне пересылаемо. Возвратиться предполагаю в первых числах октября.

Тезоименитство вашего величества было отпраздновано по обычаю в лавре; из высочайших особ были только в. к. Константин Константинович с супругою и Милица Николаевна. Служение было особенно торжественно, и пение двух хоров—поразительно хорошо.

В тот же день было великое торжество в Ревеле—закладка нового собора. Там присутствовал Саблер. Было необыкновенно торжественно, при громадном стечении народа. Там составилось несколько превосходных хоров, которые и немцев привлекают своим пением. После крестного хода, какого не видел еще Ревель, на месте закладки водружен был громадный крест, в 13 сажен, из мачтового дерева, а за многолетием—пушечная пальба, повторяемая с эскадры. Повсюду выставлены были войска. Примечательно, что и мачтовое дерево на крест и множество других материалов пожертвовано немцами-лютеранами. Вообще, надобно сказать, что все главные вопли на руссификацию края идут от наших выходцев и от миноритов, да пасторов в крае, но незаметны не только в народе, но и в обществе. Преосвященный Арсений во время частых своих поездок не может нахвалиться любовью, вниманием, гостеприимством баронов, у которых он по приглашению их останавливается. Вообще, он полюбился в крае, и сами немцы благоволят к нему, а богослужение и пение, им устроенное, привлекает не только русских, но и лютеран. В последнее время поездки его была рядом церковных торжеств. Либава сначала, потом Пюхтица (14—16), освящение монастыря, Усть-Нарова (17), Юрьев (20), Кархгоф близ Вендена (освящ. церкви 22), Мериам (25, осв. церкви), Юро (27, осв. церкви), и, наконец, Ревель.

Вашему величеству дай боже благополучного пребывания и к нам возвращения.

Константин Победоносцев.

С.-Петербург. 2 сентября 1893.

1894 г.

141.

Ваше императорское величество.

Вчера, приехав в комитет, я застал всех г.г. министров в величайшем смущении по поводу нового указа, присланного к опубликованию.

Сегодня только мог я ознакомиться с содержанием этого указа, и в силу своей верноподданнической преданности, не могу удержаться, чтобы не исповедать перед вашим величеством и мое величайшее смущение и опасение.

Что касается до общей мысли указа,—т.е. до учреждения инспекторского департамента,—никто ни счел бы себя в праве возражать против воли вашего величества, коль скоро она выражена.

Но в редакции этого указа есть статья 8-я, придающая всему учреждению особое значение, которое трудно понять. Трудно понять, чтобы эта редакция выражала и подлинную мысль вашего величества. Не могу не подивиться, что лица, подносявшие указ к подписанию вашему, не доложили вам каждое слово, каждую фразу, дабы могло быть взвешено значение и смысл каждого слова, долженствующего получить силу закона, подлежащего исполнению.

В самом деле, вот что означает редакция 8 статьи: что император, оставляя на месте избранных им министров, выражает в самом законе прямое недоверие к ним, ограничивая их в существенном условии всякого управления, то-есть в праве избирать и назначать подчиненные орудия исполнительной власти, и всякое назначение подвергает проверке

особого трибунала, по докладу коего всякое назначение, во всей необъятной России, до последних низших чинов, может быть лишено утверждения. Таким образом, министры превращаются из духовного орудия правительства, облеченного монаршим доверием, в механического приставника, лишённого власти и неразлучной с властью ответственности. В таком положении для министра становится невозможным самое отправление власти, и в государственный механизм вносится страшное начало безвластия.

Не может быть, невозможно и немисливо, чтобы такова была мысль вашего величества. Дерзаю сказать: не то написано в этом указе, что вы приказали написать. Не может быть, чтобы сама верховная власть перед лицом народа устанавливала начало безвластия.

Дело представляется мне столь важным, что смею еще сказать: вся Россия придет в смущение от этой редакции 8-й статьи указа. Смею уверить ваше величество, что ни в одном государстве, ни в каком законодательстве не бывало такого закона. И когда эта 8-я статья огласится в Европе, она произведет изумление: в одних—крайнее смущение, в других—злорадство.

В России же и ныне отовсюду несутся сетования о том, что власти расшатаны, что пружины их ослабели. А предполагаемым правилом 8-я статьи произведено будет решительное колебание властей.

Благоволите, ваше величество, обратить внимание на практические последствия этого правила.

Все подчиненные чины, назначаемые министрами и местными начальствами, призываются, каждый в кругу своем, к деятельности со властью, которою облечены. Силу свою получают от санкции высшей власти и, прежде получения ее не могут действовать с уверенностью власти. Теперь каково же будет положение хотя бы полицейского чиновника, назначаемого в Сибири губернаторскою властью, доколе, может быть, чрез год или долее, не придет из Петербурга приказ об его утверждении? А что, если вместо утверждения получится из инспекторского департамента (как бывает с наградами) бумага

о том, что высочайшего соизволения не последовало? Как разуместь тогда и в какой силе признать те действия, распоряжения, приговоры, которые от него последовали? И если он послан был своим начальством на службу в дальний край, на чей счет возвращать его? Может случиться и ныне, что чиновник назначен с нарушением правил о чинах и формах, и назначение может быть признано недействительным; но до того времени он все-таки был законною властью, и его действия сохраняют свою силу. Что сказать затем о назначениях, которые ради государственной безопасности требуют немедленных уполномочий,—а нужда в этом ныне часто встречается. Положение министра внутренних дел, в особенности, станет при действии нового правила по-истине безотрадным и просто невозможным.

То же прилагается и к увольнению от службы. Ныне закон предоставляет начальству спасительное право освобождаться от негодных чиновников, от нерадивых, от негодных, от взяточников, коих нельзя прямо обличить. Они увольняются приказом или по прошению. Теперь и увольнение подобных людей до утверждения из Петербурга тоже остается в неизвестности. А что, если и в подобных случаях получится бумага, что утверждения не последовало? Тогда весь авторитет начальства окончательно подорван.

Что сказать еще затем о назначениях в сфере педагогической, по учебным заведениям, где беспрестанно приходится одного учителя, директора заменять другим и увольнять немедленно учителей неблагонадежных и вредных в нравственном и политическом отношении? Какая смута произойдет в этой сфере, когда назначения и увольнения во всей России подойдут под то же правило!

Смею указать еще и на одну великую опасность, угрожающую крайнею деморализацией всего дела. По идее все назначения, увольнения и пр. исходят от высочайшей власти. Но ведь это одна фикция, ибо, без сомнения, о личностях в необъятной массе чиновников со всей России ваше величество не может иметь отдельного соображения. Доклады будет представлять управляющий, но ведь и он относительно

этой массы почти в том же положении. Однако, он имеет право возражать, представлять свое veto против предположений министерств и местных начальств. На чем же он будет основываться? На докладах своей канцелярии? Но и эта канцелярия, подобно всем канцеляриям, не застрахована от своей свойственной всем язвы—пристрастия, покровительства, клязузы и, наконец, взяточничества. Что, если в промежуток между предположением и утверждением станут обращаться в канцелярию эти ходатайства, заискивания, сплетни, нарекания, обвинения и,—обычное дело,—приношения? В этом месте может развиться самая гибельная эксплуатация назначений на места, и канцелярия инспекторского департамента может обратиться в страшилище министров.

Простите, ваше величество. В прежнее время вы удостоивали меня доверия, когда я смел обращаться к вам с предупреждениями о том, что, по моему глубокому убеждению, грозило недоразумением или ошибкою в сознании вашего величества. Не погневайтесь и теперь за мое писание,—думаю, что вы не сомневаетесь и ныне в его беспристрастии. Прикажете, ради правды, ради блага общественного,—смею сказать, ради славы имени вашего,—отсрочить опубликование указа, доколе не будет строго пересмотрена вся редакция оного, особливо в 8-й статье. Если эта статья появится, как она есть, в виде закона, трудно будет уже потом дать ей приличное истолкование в ином смысле!

Вашего императорского величества вернопреданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 11 мая 1894.

Вот буквально текст 8-й статьи указа:

Ни какое должностное лицо гражданского ведомства не может считаться назначенным на должность или уволенным от нее до воследования высочайшего о том приказа. Но подлежащим начальствам, от коих зависит определение к должности и увольнение от нее, предоставляется и впредь замещать вакантные места по своему усмотрению, в пре-

делах предоставленной им власти, а равно освобождать от исполнения обязанностей по должностям (?) и допускать к сдаче дел, с тем, однако, что назначенные указанным порядком лица считаются назначенными в том только случае, ЕСЛИ назначение будет подтверждено высочайшим приказом, при чем назначение это следует считать с того времени, когда состоялось распоряжение о возложении на данное лицо исполнения обязанностей по должности; лицам же уволенным изъясненным порядком может быть выдан аттестат не ранее воследования об увольнении высочайшего приказа.

142.

Вашему величеству известно уже, что в Уральском войске поднялось в последние годы сильное движение к соединению с православною церковью на началах единоверия. Движение это не останавливается, благодаря разумным мерам атамана и деятельности миссионера Ксенофонта Крючкова. Дар вашего величества—походная церковь, сильно возбудил к тому же население Уральской области. Описание бывшего по сему случаю торжества в Уральске распространено в казачьих войсках, особливо в Терском, и повсюду возбуждает сочувственные толки.

Приятно мне доложить вашему величеству, что ныне подобное же движение возникает и в Терском войске, которое чрез конвойных ближе поставлено ко дворцу. А Терское войско отличалось всегда упорным фанатизмом, даже в лице станичных атаманов и самых генералов.

У нас уже давно, очень давно, с 1816 года, ведется дело о построении православной единоверческой церкви в станице Червленой, где горсть ново-православных была подавлена массою фанатических раскольников, имевших там свои 2 церкви с колоколами. Место для церкви давно уже отведено, но оно заросло травой и бурьяном; кресты, поставленные на нем с 1817 года, давно сгнили и три раза были заменяемы. Все усилия разбивались о грубое противодействие, не столько со

стороны казаков, сколько со стороны станичного начальства; а терские атаманы, в силу какого-то суеверного страха перед массою раскола, отказывали в своем содействии. Но сооружение там православной церкви было крайне важно именно в этом месте, а денег не было. Православные казаки бедны, а все мои усилия выпросить деньги у военного министра из войскового капитала оказались тщетными. Но, слава богу, в прошлом году добрый человек, князь Николай Петр. Мещерский, прислал в мое распоряжение 10.000 руб. на построение церкви там, где в ней крайняя нужда. С весны дело закипело, слава богу, без инженеров, которые довели бы цифру расхода до невероятных размеров. План был готов, и я поручил все дело тому же Крючкову, который закупил лес и все материалы в Астрахани и за 500 верст с великими трудностями доставил все это в Червленую. Теперь церковь почти совсем готова и обойдется тысяч в 8. Только что началась стройка, как все население оживилось и приняло в ней сердечное участие, не исключая даже раскольников.

Примечательно, что передает мне Крючков, только на днях приехавший оттуда и из станицы Прочно-Окопской, служащей главною твердыней и центром раскола в Терском войске. Именно там поднимается сильное движение к соединению—необходимо и там строить церковь. До сих пор у них действовал лже-епископ Силуан, простой безграмотный мужик, но чрезвычайно наглый. Переезжая из здешних станиц на Дон и оттуда сюда, встречаемый с почетом станичными властями, он открыто служил с собором 12-ти попов и даже имел наглость украшать себя лентою Анны I степени. К счастью, ему перестают верить, и раздаются уже голоса, особенно из среды конвойных, что лучше быть в одной церкви с царем и под правильным епископом.

[Без даты]

Константин Победоносцев.

ПРИЛОЖЕНИЯ



1. ПИСЬМА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА К НИКОЛАЮ II.

1890—1902 г.г.

1.

Ваше императорское высочество.

К сожалению, за недосугом вашим перед отъездом за границу я не имел возможности доложить вам с некоторой подробностью о местах и лицах церковного характера, кои встретятся на пути.

Постараюсь на пути представить вашему высочеству некоторые заметки относительно Сибири. Теперь, имея в виду путь ваш от Петербурга до Владивостока, позволяю себе указать на немногое, что вы изволите встретить.

В Вене вы изволите, может быть, посетить нашу посольскую церковь и обратите внимание на крайнюю тесноту помещения. Неудобства этого давно ощущаются. Ныне Вена на половину наполнена славянами. В городе множество православных, коим негде молиться, кроме русской церкви, но церковь не вмещает и пятой доли желающих. Именно в Вене надлежало бы нам иметь обширную и благолепную церковь с наиболее торжественною обстановкою богослужения. И такая церковь служила бы могучим нравственно-притягательным центром для множества славян и русских, состоящих под австрийско-венгерскою властью.

Еще недавно представил я государю императору записку по этому предмету, с просьбой обратить на нее внимание министра финансов, так как на церковь понадобится около 400.000 рублей. При церкви у нас теперь достойнейший священник, прот. Александр Николаевский, хорошо знающий и немецкий язык.

В Афинах церковь при нашей миссии, которая, кажется, уже знакома вам; но теперь позволю себе обратить внимание ваше на нынешнего настоятеля церкви, молодого архимандрита Михаила. Это человек прекрасной души, ясного взгляда, ученый, образованный, благочестивый; думаю, что он весьма понравится королеве. Он был инспектором здешней духовной академии, которая горестно простилась с ним, когда у него оказалась чахотка и надо было отправить его, почти безнадёжного, на юг. Он прожил год в Гурзуфе, поправился, но севера не может вынести и потому назначен в Афины, куда и выехал лишь в прошлое воскресенье из Севастополя.

Затем на пути вашем—Япония, и здесь позвольте обратить внимание вашего высочества на юную православную церковь в Японии. Быстрый ее рост—поистине одно из замечательных явлений нашего века и явление отрадное и ободрительное для нашей церкви. В Токио вы увидите ее родоначальника преосвящ. Николая. Обратите на него внимание,—таких людей у нас немного. Это—поистине апостол нашего времени, человек духом горящий и зажигающий огни духовные в сердцах. Вы увидите его церковь, его семинарию, воспитанников его, проникнутых ревностью своего служения, и, наконец, великолепный русский собор, его трудами воздвигнутый в Токио, но еще не освященный.

Да хранит вас господь мирно и невредимо до благополучного возвращения.

Вашего императорского высочества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 21 октября 1890

2.

Ваше императорское высочество.

Думаю, что эти строки застанут вас еще в Каире, и потому спешу написать несколько строк об известных мне спутниках, которые должны встретить вас в Бомбее.

Один из них—Меккензи Уоллес, знаком был со мною лет 12 тому назад, когда проживал в России и изучал ее. Он хаживал ко мне и вел со мною беседу. Человек способный и образованный, но явился к нам в роли ищейки, как и многие англичане писатели. Он начал дело очень разумно,— в деревенской глуши одной из северных губерний поселился на несколько месяцев у сельского священника, где никто не знал других языков, кроме русского. Таким образом и с помощью чтения он скоро научился свободно и бегло говорить по-русски и с этим запасом отправился изучать Россию; жил в деревнях, в помещичьих домах, в монастырях, сблизился с московским обществом и тамошними литературными кружками. Результатом всего этого явилась через несколько лет известная книга его *Russia*, остающаяся до сих пор в английской литературе классическим сочинением о России. Благодаря знанию языка и отношениям он мог видеть и понять многое, непонятное для иностранцев, но многого и не понял; не понял, между прочим, церкви нашей и ее учреждений. Оставив Россию, он оставил, однако, при себе политические предрассудки и предубеждения относительно России, свойственные англичанам, и в последствии обнаружил это в своих корреспонденциях для газеты «*Times*». Дальнейшая его деятельность литературная и политическая относилась главным образом к Востоку,—Константинополь стал центром его разъездов. Он приятный и интересный человек в беседе, но едва ли можно быть вполне откровенным с ним.

Другой, Гардинг, — очень способный молодой человек, после Оксфорда начавший свою карьеру в Петербурге, при английском посольстве. Он довольно часто бывал у меня. По его способностям и знаниям не сомневаюсь, что ему предстоит блестящая карьера в дипломатии. Способность его к изучению языков замечательная. В самое короткое время он выучился по-русски, для чего тоже прожил несколько времени около Троицкой лавры, в семействе одного профессора семинарии; знает и несколько восточных языков. Изумительна его подвижность: отсюда, из Петербурга, он

ездил на один день или на два в Оксфорд, где должен был участвовать в производстве экзаменов, и потом возвращался обратно. Из Петербурга он объехал значительную часть России, до Средней Азии, и всюду внимательно ко всему присматривался. Из Петербурга он переведен был секретарем посольства в Константинополь, а потом временно заменял поверенного в делах в Бухаресте. Это истый тип англичанина, умный, ловкий, всегда с задней мыслью об Англии. Не думаю, чтоб он относился к России сочувственно.

Вот те краткие мои заметки, коими я хотел предупредить встречу вашего высочества с этими двумя особами. Буду еще утруждать вас с одним из следующих курьеров некоторыми заметками о Сибири.

Вашего высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 12 ноября 1890.

3.

Ваше императорское высочество.

К началу сибирской вашей экспедиции долгом почитаю предложить вам некоторые сведения, которые могут вам пригодиться при встречах и при посещении разных мест, по церковной части. Вы будете проезжать через громадные епархии. Во Владивостоке встретит вас, конечно, преосв. Гурий, епископ камчатский, курильский и благовещенский. Область его громадная—она обнимает собою всю Амурскую и Приморскую области и пустынную Камчатку с Сахалином и Командорскими островами. Можно представить себе, сколько здесь дела и как трудно делать его: уже одни поездки по епархии представляют подвиг, коему немного равных по тяготам и лишениям. Главное затруднение—в приискании людей: из местных жителей редкие идут в священники, а выписываемые и приезжающие из России—большую частью люди последнего сорта. За всем тем, если где проявляется духовная жизнь в этих пустынях,—то разве около церкви и по тем-

ным углам являются почтенные труженики. Тут единственные ключи, коими питается духовная жизнь бедного населения. Так, напр., в заброшенном Петропавловске единственным духовным центром остается церковь, слава богу, с хорошим священником. С умножением населения в этих пустынях большая нужда в церквях: в Уссурийском крае образовалось уже немало селений из русских переселенцев, и часто эти поселения гложут и распускаются нравственно, не имея церкви, стало быть, объединяющего и связующего центра.

Для постройки нужны деньги, а денег мало. Образуется пустота, в которой вольно гулять всякого рода сектантам,— а сектантов много в этих местностях. Борьба с ними составляет великую задачу и тяжелую для епархиальной власти. Поездки архиерея по этим пустыням, без дорог, со всевозможными лишениями и опасностями суть истинный подвиг.

Преосв. Гурий кончил курс в 1872 году в казанской духовной академии, откуда большей частью выходят сибирские духовные деятели и где держится до сих пор главный питомник ученого миссионерства. С тех пор до 1885 года он служил начальником иркутского духовного училища, начальником иркутской духовной миссии, ректором духовной семинарии в Благовещенске. С 1885 года—он епископом камчатским. Он еще не стар годами, деятелен и горячего, ревностного нрава. Отсюда выходят частые его несогласия и пререкания с генер.-губ. бароном Корфом. К сожалению, бар. Корф не всегда ясно понимает всю важность для России интересов чисто церковных и доверяется иногда более отзывам своих чиновников, нежели отзывам духовных лиц. Он жалуется на горячность преосв. Гурия и осуждает то, что кажется ему увлечением,—в вопросах, напр., о сектантстве, об инородцах и пр. Но пусть увлечения будут: деятельная и горячая натура не может не увлекаться, лишь бы для высшей цели. Много хуже было бы, когда бы на месте епископа был человек равнодушный, формалист и сидяка на месте.

Преосв. Гурий писал ко мне недавно и спрашивал, как и где встречать вас. Если он выедет во Владивосток, то не поспеет за вами ни в Хабаровку, ни в Благовещенск, и потому

я советовал ему ожидать вас в Благовещенске, своей официальной резиденции.

Из Амурской области вы вступите в область Забайкальскую; которая состоит в гражданском ведении того же бар. Корфа, но в церковном отношении входит в состав иркутской епархии, коею управляет с 1873 года архиепископ иркутский и нерчинский Вениамин, старец почтенный, всеми уважаемый и отличный знаток Сибири, где действует с 1858 года, пережив на своем месте многих часто сменявшихся гражданских правителей. Он вышел в 1850 году из казанской же академии, был ректором в томской семинарии, в 1862 г. назначен епископом селенгинским, а в 1868 г.—камчатским и в 1873—иркутским, стало быть, знаком со всеми сибирскими местностями. У него два викария: один—епископ селенгинский Макарий, назначенный в 1889 году, а до того бывший с 1883 года епископом киренским; другой—Агафангел, епископ киренский, молодой, назначенный в 1889 г. из ректоров иркутской семинарии. Викарий селенгинский пребывает в Чите, где, вероятно, и встретит вас. Чита—административный центр Забайкальской обл., и давно уже возбуждается вопрос об учреждении тут самостоятельной епархии забайкальской. Дело останавливается лишь за деньгами, на которые скупо м-во финансов; но вскоре, надеюсь, этот вопрос разрешится.

Этот обширный и богатый дарами природы край давно нуждается в прочной, крепкой и разумной администрации. Здесь нельзя положиться на действие общих законов и учреждений. Здесь важно иметь голову и руку, волю, которая, ознакомившись со всеми потребностями края и его населения, твердым управлением обеспечила бы ему порядок и нужную свободу и оградила бы от злоупотреблений непосредственным применением власти. А для того, чтобы узнать Сибирь, нужно немало времени, при большой подвижности и живости. Между тем, именно в Сибири происходила частая смена генерал-губернаторов, из коих каждый приносил с собой свои взгляды, нередко фантастические и отвлеченные, и приводил с собой своих чиновников, кото-

рые вместе с ними сменялись новыми. Назначение графа А. П. Игнатьева обещало Сибири лучшую будущность: человек вполне русский, православный, практический, свежий, подвижной, он принялся за дело со всем усердием и много уже сделал доброго, оживил и дело и людей. Но—увы!—и он пробыл недолго: его перевели в Киев, где теперь и он и жена его с сожалением вспоминают о Сибири, а в Иркутск вступила новая администрация с новыми людьми, и на долго ли,—бог ведает.

В 1884 году от иркутского ген.-губернаторства отделена Забайкальская область к приамурскому. Это сделано в стратегических видах, но в административном отношении очень неудобно, так как Забайк[альская] область и по природе, и по составу населения составляет одно с Иркутским краем. Этим разделением разбит, к сожалению, бурятский вопрос, очень важный для Сибири, в разные руки. Неудобства эти не замедлили обнаружиться с назначением бар. Корфа, который смотрел на бурятский вопрос иными глазами, чем гр. Игнатьев. Отсюда возникли и продолжающиеся до сих пор пререкания между бар. Корфом и преосв. Вениамином,—пререкания по вопросу о бурятах и об иркутской миссии. Об этом деле может подробнее доложить вашему высочеству состоящий в свите вашей г. Ухтомский: он объезжал бурятскую степь и знает ламайство.

Одною из самых печальных ошибок нашего правительства с прошлого столетия было стремление урегулировать государственным законом иностранные исповедания. Объясняется это разве тем, что двигателями этого дела в канцеляриях были или немцы, или русские, не имевшие духовных связей с русским народом и его историей. Так, мы сами поставили в управление духовными делами не только христианских вероисповеданий, но и магометанства, и еврейства, и язычества власти духовные и облекли их авторитетом госуд. власти, произведя в сановники или в члены иерархии. Так случилось, напр., что в киргизской степи населению, не имевшему никакой религии, кроме грубого шаманства, мы навязали мусульманство и поставили его в связь с центром

мусульманства в России. То же сделали мы и с бурятами. Мы сами узаконили и урегулировали для них ламайство. Это началось еще в 1741 г. распоряжением иркутского губернатора немца Ланга; потом в 1764 г., при немце же Фрауэндорфе, управление всеми ламами (им же несть числа) сосредоточено в лице хамбо-ламы. А в 1853 году петербургские канцелярии сочинили положение о ламайском духовенстве. Государь Николай Павлович утвердил его, хотя и с великим сомнением, так, что не велел публиковать. Но оно действует и до сих пор, хотя нынешний государь давно обратил внимание м-ва внутренних дел на лживость и вред этого положения, в силу коего хамбо-лама является сановником. При действии этого положения и при существующей организации ламайства, столь желаемое слияние бурят,—способного племени,—с русским народом крайне затрудняется, равно как и распространение между бурятами православной веры.

Вот это обстоятельство и служит главным пунктом пререканий у иркутского епархиального начальства с гражданской властью, которая не всегда понимает одинаково существенные интересы церкви и государства. Притом бурятские власти, имея немалые деньги, всегда успевали деньгами преклонять на свою сторону и местные полицейские власти, и чиновников канцелярий, у коих в руках действительная сила внушения и направления. Не говорю о прежних темных временах. В последнее время бывший ген.-губ. Анучин, один из мудрецов генерального штаба, человек узкий и ограниченный, вполне чуждый церковным интересам, увлекался бурятами, восхищался даже их богослужением—диким и безобразным, а к своей церкви показывал равнодушие.

Гр. Игнатьев, человек русский и православный, смотрел на это дело прямым взглядом; но, к сожалению, бар. Корф иначе смотрит. Он ездит по дацанам, чествует хамбо-ламу (тогда как истинная политика должна клониться к постепенному его принижению), подарил ему канделябры, которые потом явились в Гусино-Озерском дацане в качестве вклада от русского правителя; представил его к ордену,

который и дан ему в прошлом году (чего я, к сожалению, не мог предупредить в м-ве внутренних дел).

Пишу все это вашему высочеству на случай встреч во время вашей поездки. В Верхнеудинске будет вам представляться хамбо-лама, и немудрено, что бар. Корф будет выставлять его вперед, а оказывать хамбо-ламе какие-либо знаки особого внимания крайне опасно, ибо это тотчас отразится во всей степи вредным для русского и православного дела действием. Вероятно, постараются устроить для вас торжественное ламайское богослужение во всем блеске (а в соседстве убогие русские церкви при миссионерских станах). К этому необходимо относиться с крайнею осторожностью, а лучше всего было бы и вовсе уклониться от этого. Тут каждое ваше движение и слово будут ловить и комментировать. Когда в Новочеркасске устроили к приезду вашему хурул, из степи привезенный, и пригласили вас присутствовать, хитрый бакша подал императрице курительницу, и она, ничего не подозревая, приняла ее. Это было потом опубликовано по всей России; известие разнеслось по степи к бурятам, и эксплуатировано в смысле покровительства ламской вере, а иными даже в том смысле, что императрица участвовала в жертвоприношении их идолам.

За Иркутскую губернией последует Енисейская. В Красноярске вас встретит Тихон, епископ енисейский и красноярский. Он кончил курс в петерб. духовной академии в 1861 году; был с 1871 по 1882 ректором ставропольской семинарии, а в 1882 назначен епископом сарапульским—викарием в Вятку. С 1886—епископом енисейским. Епархия его громадная, по р. Енисею вплоть до Северного океана, и заканчивается к северу Туруханским краем, где существует и особая миссия. В прошлом году он туда ездил, и описание его поездки может показать, с какими она сопряжена трудностями. В этих необъятных пустынях живут люди без церкви, без школы, без сообщений с миром, и многие из них лишь при проезде епископа увидели богослужение!

За Енисейской губ. следует Томская губ. и томская епархия, обнимающая и Томскую губернию, и Семипалатин-

скую область. В Томске губернатор, а Семипалат[инская] обл. принадлежит к степному ген.-губернаторству; а значительная часть Томской губ. составляет Алтайский округ, состоящий в ведении кабинета е. и. в. Томская епархия имеет особенную важность потому еще, что в ней находится алтайская духовная миссия с отделом своим—киргизскою миссией. Центр алтайской миссии в г. Бийске, где пребывает начальник ее, викарий томской епархии, преосв. Макарий. Он, вероятно, и встретит вас в Томске, потому что епископ томский Исаакий на сих днях переведен в Кишинев, а управление епархией поручено преосв. Макарию, который, вероятно, тут и останется. Он очень хороший человек, весь преданный министерскому делу, которому посвятил себя с юности, и сжился совершенно с алтайскими инородцами.

Алтайская миссия у нас первая и самая успешная из всех миссий. Основателем ее был архимандрит Макарий, человек замечательный, истинный апостол Алтая, оставил по себе учеников из обращенных им инородцев и добрые предания, которые до сих пор держатся.

Нынешний Макарий—достойный их последователь. Прилагаю несколько книжек—отчеты миссии; стоит вашему высокочеству пробежать их, вы увидите, как идет это дело и каких требует самоотверженных трудов. Прилагаю еще и биографию первоначального Макария: и ее стоит прочесть где-нибудь на пути. Когда вернетесь, бог даст, в Петербург,—попадутся ли вам еще подобные книжки и будет ли время читать их?

В Томске есть университет. Это, по мнению моему,—ошибка. Задумано дело в. кн. Константином Никол. и гр. Толстым, по его желанию. А потом, когда отстроили дом на частные пожертвования, не решились идти назад. Теперь там один только медицин. факультет. В этой глуши каких наберешь профессоров и каких студентов? Томск наполнен ссыльными из всякого сброда. Студентов надо было привлекать всякого рода льготами, и потянулись туда разные неудачники, большей частью из семинаристов.

Вы проедете кусочек Тобольской губернии и, на перекрест, всю тобольскую епархию: она огромная и обнимает

Тобольскую губернию—к северу до моря и к югу—Акмолинскую область с г. Омском. Давно уже просят учредить в Омске отдельную епархию. В Омске, конечно, встретит вас преосв. тобольский и сибирский Иустин. Он там с 1889 года, а до того был викарием, сначала михайловским (в Рязани), а потом новомиргородским (в Одессе).

Следует далее оренбургская епархия. Она громадная и объемлет Оренбургскую губернию и области Уральскую и Тургайскую. Епископ оренбургский и уральский Макарий с 1886 года, а до того был викарием воронежским.

Эта епархия требует миссионерской деятельности: в ней много раскольников, а в Уральском войске до последнего времени был сплошной раскол, самый темный и упорный. Но в последние года все это стало изменяться: главная причина того, кроме действия духа времени,—согласная деятельность гражданских властей с духовной властью и участие опытных и разумных миссионеров. С расколом до последнего времени у нас не умели обращаться. Правительства действовали более механическими мерами запрещений, нежели путем убеждения и бесед. Последнее труднее, потому что для того, чтобы действовать на души, надобно войти в душу народа, говорить с ним его языком, иметь то знание, которым дорожит народ. К этому немногие способны. По счастью удалось найти способного к тому человека, священника Крючкова Ксенофонта (ваше высочество видели его, когда вместе с государем смотрели в Петергофе походную церковь для Уральского войска). Он сам из крестьян, бывший раскольник беспоповец и обладает вполне искусством говорить с народом. Объездив ближние и дальние углы в Уральском войске, он произвел там переворот в умах. Теперь уже образовалось там более 20-ти новых единоверческих приходов, построено много церквей и главные расколу учителя обратились. Много значило и постоянное содействие атамана Шипова, пользующегося большим доверием в войске.

Но в этих краях сильна еще так называемая австрийская лже-иерархия. Ездят фальшивые архиереи — невеже-

ственные мужики с попами из мужиков и смущают народ, который не всюду умеет отличить настоящего архиерея от фальшивого. Если бы кто-нибудь из этих ложных архиереев и попов вздумал представляться вашему высочеству,—боже избави принимать их. Это имело бы самые вредные последствия.

В Бузулуке изволите проезжать кусочек Самарской губернии. Может случиться, что тут выйдет и архиерей самарский. Бывший там прежде Серафим недавно скончался. На место его на-днях назначен Владимир—бывший епископ старорусский, викарий новгородский. В Новгороде его очень любили.

Вот, ваше высочество, что я успел вкратце собрать на обратное ваше путешествие. Авось либо эти заметки сколько-нибудь пригодятся. Да хранит вас господь и да возвратит благополучно в отечество.

Вашего высочества преданнейший

К. Победоносцев.

Петербург. Февраля 1891.

4.

Скорби нашей и плачу о возлюбленном государе нет меры и пределов.

Но в эту страшную минуту надобно думать о России и о вашем императорском величестве.

Вся Россия давно жаждет видеть невесту вашу православную. Она сама жаждет этого; этого желал в бозе почивший родитель ваш. Вы этого желали всей душой. В его болезненном состоянии трудно было приступить к нему с решением этого великого дела, и оно не успело состояться до кончины его.

Теперь какде было бы счастье, какое утешение для народа, еслиб можно было приступить к нему немедленно—пускать посреди горя, но на самом пороге нового царствования.

Завтрашний день — день восшествия на престол, считается днем не траурным. Что препятствует завтра же совершить священнодействие? Оно не требует ни оповещения, ни присутствия многочисленных официальных свидетелей, может совершиться просто и тихо; вся семья собрана теперь в Ливадии. Приготовлений никаких не нужно.

Но в тот же день последовал бы от имени вашего манифест о сем, который поднял бы дух во всей России и для вашего величества был бы великим актом вступления, так сказать, в народную душу. В манифесте можно было бы все это объяснить прекрасно.

Чувствую, как больно в такие минуты о чем бы то ни было спрашивать императрицу. Но, повторяю, в этом случае не требуется никаких особых церемоний, которые смутили бы душу ее.

Вашего императорского величества верноподданный

Конст. Победоносцев.

20 октября 1894.

5.

Радуюсь совершившемуся вчера бракосочетанию вашему, — и у всех на душе стало покойнее. Будьте счастливы, ваше величество, в новом доме вашем, и да благословит господь вас обоих миром и радостью.

Примите, ваше величество, сердечную мою благодарность за то, что к этому дню вспомнили вы меня подарком, который дорог для меня, — портретом усопшего родителя вашего: вы знаете, как я любил его. Вот в эту минуту вспоминаю живо и так грустно, как в день его свадьбы, 28 лет тому назад, встретил я его и обнял в Георгиевском зале.

Вашего величества вернопреданный

Константин Победоносцев.

15 ноября 1894.

6.

Вчера я представил вашему величеству доклад по делу о разборе претензий семейства герцогов Лейхтенбергских.

По этому делу, однако, возникают у меня недоумения о самом составе совещания.

Министр юстиции передал мне, и я слышал от вашего величества, что в состав этот предполагается назначить министра финансов.

Я до сих пор не могу понять, почему потребен здесь министр финансов.

Муравьев объясняет следующим соображением. Если бы признано было, что бриллианты неправильно переданы герцогом сыновьям Николая Максимилиановича и нельзя было бы требовать их обратно, то пришлось бы, может быть, положить прочим наследникам вознаграждение из казны.

Такое рассуждение я не могу понять и не могу представить себе возможности какой-либо ответственности государственного казначейства за те или другие претензии семейства Лейхтенбергских.

Действительно, — что-нибудь из двух:

Или нынешние просители требуют себе движимости, как составляющей майоратное имущество, неприкосновенное и подлежащее хранению в роде.

Или они желают воспользоваться в известной мере ценностью этого имущества.

Эти два требования несовместимы. Если желают ценности, стало быть, отказываются от мысли о майорате, и наоборот.

Итак, если бы признано было, что движимость, находящаяся во владении у Николая Максимилиановича, имеет еще майоратное свойство (что очень трудно доказать), то во всяком случае подлежали бы возвращению от герцогов самые вещи натурою, но никак не ценность их, и, стало быть, никакой речи о вознаграждении из казны за недостаток в майоратных вещах быть не может.

Казалось бы, что совсем нет нужды затруднять министра финансов участием в решении вопроса о правах на имущество и тем усложнять, может быть, самое решение.

Впрочем, обо всем этом на словах подробнее изложу вашему величеству.

Константин Победоносцев.

6 февраля 1895.

7.

Вот и еще продолжение любопытных статей Тихомирова. Они представляют верную картину того, что мы пережили в 1881 году. Пережили, но—увы!—не погребли окончательно. Едва кончилось царствование усопшего государя, как те же люди и прежние их сподвижники проснулись и готовились возобновить ту же агитацию. Тотчас же пущена была смута во всех концах России. Многие из депутатов сказывали мне, с каким страхом и волнением ехали они в январе в Петербург и какой камень свалился у них с груди, когда послышалась речь вашего величества.

Но дело не кончено этим. По поводу этой речи поднялся именно здесь глухой ропот в среде чиновничества и интеллигенции. К прискорбию, он слышится между высокопоставленными лицами, облеченными властью.

Вот почему теперь, более, чем когда-либо, необходима твердость воли верховной во всех исходящих от нее распоряжениях.

Константин Победоносцев.

7 февраля 1895.

8.

Ваше величество, изволите спрашивать, где правда по поводу прошения Пороховщикова, издателя прекращенной газеты „Русская Жизнь“?

Правда никак не на стороне Пороховщикова,—а наглая, бесстыдная ложь.

Этот человек давно известен своим нахальством и привычкой добывать деньги всякими средствами, и надобно только дивиться, как разрешили ему издание газеты.

В своем прошении он говорит, будто обогатил духовное ведомство своими знаниями, трудом и деньгами. Это—ложь. Он промышлял в Москве постройками, извлекая из того свою выгоду в ущерб предприятию. Он построил на земле синодальной типографии „Славянский базар“, который, действительно, приносит доход, но никак не по милости его, а именно с тех пор, как его исключили из компании, заведывавшей этим предприятием, которую он разорял и грабил.

С тех пор он занимается мелкою интригою и сделками, близкими к шантажу. В Москве местом интриг его в последнее время была дума, где он стремился быть головою и возбуждал в обществе и в печати всякие сплетни и клеветы на городское управление. Именно с этой целью он добивался разрешения издавать газету в Москве, что ему не разрешили, а разрешили, к несчастью, в Петербурге. Он принялся издавать ее на жидовские деньги и на чьи угодно, кто заплатит и кто наймет газету. Она наполнялась статьями наглыми, ругательными до невозможности и совершенно противоположительственными.

Пороховщиков человек без образования, но наглости непомерной, доходящей до того, что иной раз можно было спросить: в уме ли он?

И настоящая просьба свидетельствует о его наглости и хвастовстве, как он лгал на покойного государя, так, конечно, лжет и на вас, будто вы называли чудной книгой его сочинение, и смеет называть своим собратом покойного Аксакова, который при жизни, зная имя Пороховщикова, производил его с презрением.

Просьбу его благоволите, ваше величество, оставить без внимания, которого она не заслуживает нисколько. А о проделках его, если угодно, доложит вам и министр внутр. дел, и С. Ю. Витте.

Самое прошение его позволяю себе удержать до утра, поспешая теперь же доложить о личности просителя.

Константин Победоносцев.

10 февраля 1895.

9.

Молодой священник Толстой, выйдя из пажеского корпуса, заявил желание посвятить себя служению церкви, поступил в московскую духовную академию и потом посвящен. Хотя он небольшого ума при большой самонадеянности, можно было думать, что из него выйдет хотя заурядный священник.

Но он оказался негодяем. После поездки его за границу и в Чикаго появилась продолжавшаяся три года переписка его с бенедиктинским монахом. Открылось, что он все время лукавил, и в сане православного священника вел тайную пропаганду римского католичества, служил русскую обедню с тридентским символом веры и с поминанием папы, совращал других и даже, будучи русским священником, перевел одну лютеранку в католичество, которое считает настоящим православием. Из прилагаемой книжки видно, как он себя вел и что втайне задумывал.

Очевидно, что такому человеку невозможно оставаться православным священником. Бедный старик отец его в отчаянии. Мы предъявили ему обличающую его переписку и предложили снять с себя сан и идти на все четыре стороны. Но он упорно от того отказывался.

Тогда ему предъявлено было по распоряжению синода требование, чтоб он в положенный срок явился, по церковным правилам, на суд своего епископа. Он испугался, собрал в Москве свои капиталы, добыл себе без дозволения духовного начальства заграничный паспорт и уехал в Рим, оставив в Москве жену с детьми.

В Риме нынче все головы наполнены безумной надеждой, что Россия вскоре признает власть папы и примет унию. Эти надежды поддерживаются разными проходимцами из России, и сам Толстой сочиняет басни, будто бы все готово к соединению; с бесстыдством уверяет, будто на его стороне половина архиереев, за него духовник его, за него Янышев, за него половина академии и т. п.

Все эти расказы привез он с собой в Рим и передавал со слезами папе в продолжительной аудиенции, стоя на ко-

лениях. Духовенство приняло его с распростертыми объятиями, как страдальца за веру, римские дамы стали ухаживать за ним в салонах, и его приняла на житье к себе русская баронесса Будберг, перешедшая в римскую веру.

Слышно, что он решился, наконец, ехать в Россию. Приедет он или нет, во всяком случае должен быть лишен сана, а затем пускай едет себе в Рим.

В бумаге, представленной вашему величеству, он пишет ту же бесстыдную ложь, ссылаясь на разных лиц, которые будто бы разделяют его мысли и поощряют его. Он пытается оправдать себя совсем иезуитскою аргументациею: чем я изменил православию, когда настоящее православие соединено с папой. И так он играет словом „православие“.

Константин Победоносцев.

13 февраля 1895.

10.

Сегодня обрадовало нас известие о благополучном разрешении великой княгини Ксении Александровны.

Дай бог здоровье и долгих дней и матери и новорожденной.

Долгом почитаю представить вашему величеству, что я сказал сегодня за обедом у себя митрополиту Клименту*) и абиссинцам. Митрополит ответил мне несколько прекрасно сказанных слов, смысл коих был таков, что они приехали каяться, что народ не виноват, и что они надеются на любвеобильное сердце России и народа русского.

Константин Победоносцев.

Царское Село. 4 июля 1895

*) Из болгар присутствовал один Климент с архимандритом.

(Примеч. в подлинном).

Митрополиту Клименту.

Приветствуем вас, преосвященнейший владыка, и радуемся вашему между нами присутствию. Радуюсь потому, что видим в вас истинного представителя народа вашего в самом истинном и любезном для нас выражении души его—в вере православной, которой и вы, и мы, и все верные ей славяне живем и движемся и есмы. Ею только может быть крепко всякое славянское племя, и в ней одной может найти опору и от врагов, и от ложных друзей своих, еще более, чем враги, опасных.

Итак, когда по возвращении вашем на родину станут спрашивать вас, чего желает Болгарии единоверная Россия, скажите: желает народу твердости во вере православной, хранение добрых отцовских обычаев, и такого правительства, которое имело бы единую с народом душу в единстве веры православной.

А б и с с и н ц а м.

Приветствуем вас, дорогие гости, пришедшие к нам от страны дальнего востока. Рады мы, что видим вас ныне лицом к лицу и можем послать вам навстречу то же чувство мира и благоволения, которое давно влекло нас к вам, как и вас к нам привлекало. И притом чувствуем, что, придя к нам, в неведомую страну, вы увидите у нас нечто родное, как и мы нечто родное признали в вас.

Это — вера христианская и любовь к церкви, которую с востока уже вы приняли и успели сохранить в течение многих веков и посреди множества искушений. Много нового, невиданного видели вы в стране нашей, но, думаю, что всего более по душе вам вид нашей церковной красоты и народа, любовью объемлющего свою церковь. С вами пребудет наше сочувствие, с вами — сердечное желание наше, да поможет вам бог сохранить из рода в род святую веру и независимость земли вашей.

11.

Простудившись, я должен был сидеть дома и потому не решился ехать сегодня в Царское Село и не мог явиться к вашему величеству.

Между тем, в прошлую субботу пригласил меня к себе в. кн. Константин Константинович для переговоров об известном обществе ревнителей, который [?] предполагал он с разрешения вашего величества внести в комитет министров. Это не мало смутило меня. Я пробыл полтора часа у великого князя и старался объяснить, в какое опасное дело хотят завлечь его и какое будет ложное его положение посреди этой смешанной и беспорядочной толпы так называемых ревнителей.

Мои доводы, однако, немного поколебали великого князя, который, имея наилучшие намерения, мечтал достигнуть добрых целей негодным способом, который ему предложили.

Вслед за переговором со мною он пригласил еще к себе гр. Голенищева-Кутузова, потом Горемыкина и Витте. Оказалось, чего и следовало ожидать, что все эти лица подтвердили то же самое, что я излагал его высочеству.

К счастью, после всего этого великий князь убедился в необходимости оставить без действия предполагаемый проект общества. Сегодня он сам заезжал ко мне вечером объявить об этом. Теперь он решился составить новый проект совсем на иных основаниях: небольшой кружок известных его высочеству лиц под его председательством, со скромною целью оказывать материальную помощь нуждающимся школам.

Искренно радуюсь такому исходу дела, которое в задуманной прежде конструкции угрожало самыми нежелательными последствиями.

Константин Победоносцев.

Петербург. 24 октября 1895.

12.

Вчера вечером слышали выстрелы и обрадовались, — благослови боже начало семьи вашей и вашу и нашу ново-рожденную. Бог судил дочку, и слава богу, — даст бог все будет. Но на душе невольно забота о матери, если она ждала другого. Все равно, да будет ей радость, что родился человек в мир от нее, родился и встречен любовью отца.

Сохрани ее боже и дай боже радость вашим величествам и всей России. Слава богу!

Константин Победоносцев.

Петербург. 4 ноября 1895.

13.

Не угодно ли вашему величеству взглянуть на статью „Гражданина“.

Эта статья до невероятности глупая и наглая, но она произвела уже всюду самое тяжелое впечатление. Она может быть приятна разве одним революционерам всякого рода, кои могут теперь на основании ее утверждать, что самодержавие, как противоположение законности, есть беззаконие.

Действие этой статьи может быть очень вредное. К несчастью, во всей России и за границей еще не поколеблено утвердившееся мнение, будто „Гражданин“ служит непосредственным выразителем взглядов и личной политики самого государя.

Мещерский имел наглость заявлять об этом печатно в своей газете, и такое заявление прошло неопровергнутым. И до сих пор он пишет в том же тоне, выставляя себя как бы пророком заветов минувшего царствования: в сущности это обман и клевета на имя усопшего. Между тем, во имя этих мнимых заветов ведется интрига против нынешнего правительства.

К сожалению, и новая газета кн. Ухтомского первыми номерами своими приводит в недоумение тех, которые на-

деялись на ее благоразумие: вчера мне с горестью говорил об этом Голенищев-Кутузов. Во вчерашнем номере „Петербургских Ведомостей“ редакция с редким сочувствием отзывается об этой глупой и наглой статье Мещерского. По всем признакам, кн. Ухтомский принимает советы и инсинуации от Мещерского. Это очень печально.

Печально вдвойне потому, что в публике уже народилось мнение, что газета Ухтомского находится под особым покровительством вашего величества и служит как бы выражением вашей политики. Очень нехорошо, если это мнение получит силу: тогда еще горшее зло произведет иллюзия, получившая такой ход в минувшее царствование, и будет притом связана совокупно и с Мещерским, и с Ухтомским.

Сегодня получил я по этому предмету разумное письмо от неизвестного мне человека.

Теперь, если по поводу нелепой статьи Мещерского начнется полемика, либеральные газеты могут, в свою очередь, наговорить много вздору и продолжать волнение умов в читателях.

Итак, казалось бы, нужно в предупреждение зла выразить явственно, что взгляды Мещерского не имеют никакой солидарности со взглядами правительства. Это нужно было бы сделать в виде предостережения газете „Гражданин“, прилично мотивированного.

Константин Победоносцев.

6 января 1896.

Ваше высокопревосходительство.

Вы честно, во всеоружии знания и справедливости стоите на страже России, русской—ею ipso консервативной идеи; во имя этой идеи я и позволяю себе утруждать вас настоящим письмом.

Русскую консервативную идею дискредитируют хуже всяких либералов непрошенные, самозванные защитники, вроде кн. Мещерского и ему подобных, которые думают, что для отстаивания и проведения в жизнь этой идеи знания не нужно, а довольно только крику и брани, клевет и инсинуаций. Поэтому мне было отраднее слышать об новой газете князя Ухтомского, программа которого была скромна, дельна, немногословна,

без шумихи и партийных выходов. С внутренним удовлетворением читал я первые три номера этой газеты. Мне особенно понравилась передовая статья 1-го номера. Она написана была тяжелым церковно-русским слогом и, вероятно, задала не мало труда желавшим постигнуть ее людям, привыкшим к распутному, истеричному слогу нашей повседневной прессы. Статья эта была оригинальна, самобытна, она носила отпечаток трактуемого предмета и заставляла людей остановиться над ней и подумать.

Если будет побольше таких статей, мы, пожалуй, станем умнее.

Скверным диссонансом прозвучала, однако, статья К. Головина, направленная против С. Ю. Витте. Можно не одобрять финансовую политику Сергея Юльевича, но нельзя не сказать, что он умнее 200 своих противников вместе взятых, и, во всяком случае, нельзя делать инсинуаций, в которые автор сам не может верить: будто С. Ю. Витте хочет заменить интенсивную культуру экстенсивной!

Но все это еще ничего в сравнении с сегодняшним номером «С.-Петербургских Ведомостей», которые «полагают во главу угла» квинт-эссенцию гражданского беспринципного направления. Я говорю об одобрении редакцией «С.-Пб. Вед.» инсинуации кн. Мещерского, что «законность», проводимая в управление новым министром внутренних дел, есть посягательство на самодержавие.

Константин Петрович, люди, вроде кн. Мещерского, «соблазняют малых сих» таким «продергиванием» в важных политических вопросах. Они, эти люди, знают, что громадная разница: противопоставлять закон самодержавию, что есть преступление, и исполнять закон, санкционированный самодержцем, что есть исполнение верноподданнического долга. Они это знают, но смешивают намеренно эти понятия, а их невежественные последователи разобрать этого не в силах и смущают Россию своим походом на законность.

В России самодержец выше закона,—в этом его прерогатива и тяжелый крест, как это прекрасно высказал Лев Тихомиров в своей статье «Носитель идеала». Но ведь закон в России появляется не отдельно, не независимо от монарха, актом законодательной власти,—русский закон делается таковым только после санкции, данной ему самодержцем. Значит, русский закон есть царская воля, значит—поступать по закону то же, что творить царскую волю, это значит быть хорошим гражданином в русском значении этого слова.

Ergo, новый, входящий в обиход термин «законность» есть возвращение России на путь не только правды и справедливости, но и на путь исполнения царской воли.

Царская воля выражается в законе, ибо иначе царское слово не может быть явлено извне, ибо иначе царь приравнивается к оракулу, изречения которого толкуются жрецами каждым по-своему.

Т.-е. это будет только воля и ум жреца, и его одного (или губернатора).

Боже, как все это ясно для знающих людей, знакомых с русским государственным устройством и как невероятно преступно со стороны инсинуатора князя Мещерского—туманить головы невежественным (которых всегда больше) людей криком: «caveant consules»...

Глубоко преступно затемнять смысл нашей первенствующей государственной идеи: так могли бы делать только враги нашего самодержавия, а не его самозванные защитники.

Нет, нельзя сделать поводом соблазна русскую консервативную идею.

Это значит: сеять смуту, а за это надо казнить и, во всяком случае, нельзя оставить без внимания и разъяснения. Иначе соблазн для «малых сих».

Вот что я хотел сказать. Надеюсь, что ясно, хотя написано наскоро и несвязно. Пишу о том же кн. Ухтомскому.

Да не смутит вас моя фамилия: я уже четыре поколения, как русский дворянин и православный, хотя предки мои были шведы.

В. Гольмстрем.

5 января 1896.

Владимир Александрович Гольмстрем,

Вас. Остр. 9 л. д. 22 кв. 17.

14.

Нельзя не пожелать, что все это дело было возбуждено великим князем и возбуждено без всякого основания по какому-то недоразумению. Высочайшее повеление 7 декабря не имеет никакой связи с высоч. повелением 1881 года, которое относилось до вопросов по Государственному Совету, возбуждаемых самими министрами. В настоящем же случае вашему величеству известно, что доклад министра внутренних дел состоялся по инициативе вашей, вследствие записки, представленной графом Игнатьевым по поводу решения в деле Келлера.

Итак, не было никакого основательного повода собирать особое совещание о нарушении, будто бы, министром внутренних дел порядка, установленного в 1881 году.

Повидимому, само это совещание убедило, что этого нарушения не было. Однако, в результате его является доклад о подтверждении высочайшего повеления 1881 года,—является, конечно, лишь для того, чтобы показать, что со-

вещание, собиралось не даром. Между тем, этим самым объявлением нового высочайшего повеления дается делу такой вид, что произошло какое-то нарушение.

Казалось бы, что лучше избежать этого. Можно было бы, если требуется, дать ответ великому князю, написать ему, что по обстоятельствам настоящего случая не видится надобности вновь объявлять высочайшее повеление с объяснением и дополнением прежнего. Но так как воля в бозе почившего государя, повидимому, или не была объявлена в то время министрам, или остается неизвестною нынешним министрам, то всего прямее и проще — списки в высоч. повеления 1881 года в том виде, как оно состоялось, разослать от председателя Государственного Совета всем нынешним министрам к сведению и руководству.

Константин Победоносцев.

31 января 1896.

15.

Позволяю себе от всего сердца принести вашему величеству глубокую благодарность за милостивый ко мне рескрипт, крепко меня тронувший.

Бог знает, как я любил покойного родителя вашего, и потому отозвалось у меня в сердце слово рескрипта о том, что даруемая ныне награда дается мне и от имени покойного государя.

Константин Победоносцев.

15 мая 1896.

16.

По многочисленным телеграммам от раскольников, присылаемым на имя вашего величества, составляются соответственные ответы. Дело это требует великой осторожности, дабы избежать прискорбных недоразумений. Почти все телеграммы рассчитаны на прямой ответ от имени вашего

величества, при чем просители именуют себя священным и даже епископским саном, на что не имеют права, а если получили прямой ответ, то придали бы ему такое значение, что они признаны в своем сани верховной властью.

Иные прямо просят о разрешении им молитвенного дома; но на это есть в законе 1883 года особливые правила, по коим разрешение зависит в известных условиях или от губернской власти, или от министра внутренних дел. Таковым предполагается объявить, что они свои ходатайства обращать к кому следует по порядку.

Наконец, есть телеграммы, как, например, из Белой Криницы, с изъявлением верноподданнических чувств и с донесением о совершенных молебствиях по случаю коронации. В подобных случаях предполагаю через губернатора объявить удовольствие вашего величества по поводу выражаемых русских и верноподданнических чувств. Но думаю, что полезно и прибавить в таком роде: „Выражая свое удовольствие, его императорское величество не может не выразить и сожаление о том, что русские люди не могут доселе присоединиться в молитве к всему стаду русской православной церкви и пребывать в духовном единении и мире со всеми русскими людьми, под пастырством законной российской иерархии, сохраняя все свои святыне, от отцов преданные обряды“.

15 мая 1896.

Константин Победоносцев.

17.

Завтра, с разрешения вашего величества, предполагаю отправиться в путь, передав должность товарищу своему Саблеру. Устал чрезвычайно и направляюсь, если бог даст, через Вену, в северную Италию, на озеро.

Усталость одолевает всех в наше лихорадочное время. Бедный Горемыкин надеялся подкрепить сколько-нибудь свои расшатанные нервы купаньем в море, и почти в минуту отъезда последовала внезапная смерть Неклюдова, за

час перед тем спокойно рассуждавшего о делах. Это большая потеря и страшный удар для Горемыкина, который теперь и отлучиться не может, покуда не найдет человека для надежной замены Неклюдова, ибо другой его товарищ, Сабуров, уже и теперь едва ходит от слабости. Между тем, если теперь Горемыкин не успеет отдохнуть и оправиться, его нехватит на зиму. Так то мы оскудели людьми для занятия важных правительственных должностей. Сколько ни смотришь вокруг, выбрать некого. К сожалению, молодые, которые были бы способны к такой работе, как, напр., Верховский, постарались устроиться на покой и вышли из счета.

С волнением следим и будем следить за путешествием ваших величеств,—особливо с переезда вашего в Британские владения, где ныне очаг политических интриг и узел вопросов, угрожающих миру. Последние известия о недавно открытых заговорах усиливают еще наше волнение. Да хранит бог здоровье и мир ваш, но, ради бога, берегите себя и свои силы.

Вашего величества преданнейший

Константин Победоносцев.

Петербург. 8 сентября 1896.

18.

Ваше величество изволили разрешить мне напомнить перед докладом министра финансов о необходимости оказать из государственного казначейства пособие миссии, отправляющейся в Урмию с епископом Марк. Ионою.

Невозможно не притти на помощь вновь образующейся у айсоров православной общине, тем более, что со вступлением нашей миссии от них отступает миссия англиканская, устраивавшая им церкви и школы.

Нужно устроить для них хотя две скромные церкви и школы. Для этого будем просить одновременно до 15 тыс. рублей.

На содержание миссии из трех духовных лиц нужны средства в дикой стране. На это будем просить назначения 10 тыс. руб. ежегодно, хотя на первое время.

И, по бывшим примерам в подобных случаях русских царей, прилично будет назначить от имени вашего так называемую „милостинную дачу“—рублей тысячу.

Константин Победоносцев.

Петербург. 20 мая 1898.

19.

Сейчас, в 3 часа, только что окончилось в Казанском соборе небывалое и истинно умирительное торжество. С 9 часов утра собрались сюда дети всех церковно-приходских школ и наполнили собор рядами, каждая школа с своими учителями и учительницами. Служил митрополит, и всю архиерейскую обедню пели 2.000 детских голосов. Спёвки продолжались недели две, так что сегодня пели все, как один человек. На клиросе был особый хор из старших девочек с семинаристами, и они пели „милость мира“, а все прочие—всю остальную службу. После был молебен Кириллу и Мефодию, петый всюю церковью, и затем митрополит благословлял всех собравшихся детей. Происходило нечто необычно умирительное, так что многие плакали. Пение было чудное. Вот, авось, когда-нибудь после была бы возможность императрице увидеть подобное зрелище, которое может быть только в России. Все, что у нас есть хорошего, возвышающего душу, примыкает к церкви.

Константин Победоносцев.

Петербург. 11 мая 1899.

Позволяю себе представить вашему величеству только что вышедшее из печати издание мое: „Сборник сочинений Гилярова. Покойный Гиляров был человек большого ума и образования; в Москве известна его литературная деятель-

ность в одном кружке с Самариным, Хомяковым и Аксаковым. Все, что он писал, носит на себе печать ума глубокого. Я знал его близко; и потому озабочился издать его сочинения в пользу бедной вдовы его и на сооружение ему памятника.

20.

При сем имею честь представить записку, дополненную по указанию вашего величества. Не знаю, верно ли я понял мысль вашу, и сделанное дополнение соответствует ли желанию вашего величества.

Но смею доложить по поводу сего следующее.

Вы изволите признавать необходимым некоторый укор обществу.

Что такое у нас общество? Смешение лиц, принадлежащих к так называемой интеллигенции, очень пестрое, шатающееся во все стороны смешение чиновников с праздною толпою обывателей мужчин и женщин.

Это общество в России всегда было таково, каким держала и руководила его власть правительства. Когда власть стояла и действовала на твердых началах, тогда не шаталось и общество. Все знали твердо, без колебания, что будет дозволено правительством и чего власть ни в каком случае не потерпит. Хотя бы власть безмолствовала, все знали, чего от нее следует ожидать в потребном случае.

Ныне этой уверенности нет, и от того все шатается. Привыкли к тому, что власть все попускает и бездействует, опасаясь нарушить какое-то правило, написанное в законе, потревожить какую-то свободу. Говорят ли безумные речи, делают ли безумные дела, нарушают ли порядок,—власть устраняется от действия: пусть-де всякое действие, почитаемое незаконным, разбирается особо, где-то, в каком-либо суде или в каком-либо совещании.

И в этом несчастном студенческом деле власть упустила проявить себя с твердостью: мудрено ли, что все общество замешалось и зашаталось? Сначала пошли слухи, что

таких-то побила полиция, что оскорблен такой-то сын, брат, племянник. Зашумела гостиная, и все негодование обратилось на полицию,—забыли и думать о том, что самое страшное—подрывать дисциплину порядка. Это негодование пошло выше и выше, проникло и в сферы властные, где следовало бы держаться на высотах, отвечающих призванию и достоинству власти. Вашему величеству известно, что иные гостиные и кабинеты великих князей стали местом всяких толков, отражая в себе легкомысленное волнение общества.

Между тем, смута с каждым днем увеличивалась. Начались ежедневные сходки толпы студентов и разных поджигателей, возбуждая нелепую обструкцию, которая, начавшись с протеста против полиции и учебных начальств, перешла в протест против правительства! И в это время не унимались те же толки—разумное слово не смело появиться,—и в числе студентов благоразумное большинство, желавшее продолжать занятия, могло только укрываться по домам, не смея бороться с террором не только от студенческого меньшинства, но и от легкомысленного так называемого общественного мнения! И выразителем всей этой болтовни стали газеты, образовавшие новый своего рода террор. Печать наша доведена небрежением властей до небывалой распушенности—разрешено множество листовок лицам заведомо неблагонадежным, газеты попали в руки евреев; все это остается без страха, без руководства. Попробовало одно „Новое Время“ сказать разумное слово студентам, что их дело учиться и что они сами себя губят. И что же! Все остальные газеты, как свора собак, поднялись на „Новое Время“ не только ругательствами, но устраивали целое бойкотирование „Нового Времени“ за то, что оно смело дать урок обманутой молодежи. И во главе всей этой своры стали „Петербургские Ведомости“, газета, считающаяся привилегированною свыше газетой... Этот нахальный поход против правительства следовало тотчас же прекратить, и тут правительство было безгласно...

А в самом начале, казалось бы, просто было разрешение задачи. Вы жалуетесь на бестолковость и грубость полиции:

правда, но все это разберем после, а теперь слушайте и входите в порядок. Вы ропщете на равнодушие и неспособность учебного начальства, на недостатки организации, — правда, но все это разберем после, а теперь слушайте и входите в порядок..

Начались массовые высылки студентов из университетских городов, и вот поднялась за них легкомысленная толпа с протестом против правительства, и толпа собиралась провожать их с триумфом, с криками и песнями. Положим, что в массовых высылках могли попасться и невинные, но этих публичных протестов не должна была допускать власть, а она и тут не действовала, и в городах, особенно губернских, ежедневно раздавались крики разнужданной толпы, и дамы с цветами чествовали высылаемую молодежь, отвечавшую на приветствия криками...

Увы! Власть по малу привыкла орудовать лишь словами да составлением новых правил и учреждений в той мысли, что эти статьи должны сами действовать. Но всякие учреждения и правила не только сами по себе бессильны, но превращаются в ложь, когда бездействует или действует только речами власть, долженствующая приводить их в исполнение.

Константин Победоносцев.

Петербург. 22 мая 1899.

21.

Думаю, что интересно будет вашему величеству прочесть, что пишет мне г. Мартенс из Парижа.

„Обращаясь к Гаагской конференции, я не могу не сказать, что ее результаты далеко превзошли мои надежды. Я не скрывал моего скептического отношения к этому делу. Ближайший повод созыва, разумеется, не был уважен, и высокая цель всеобщего или частичного разоружения не была достигнута. Однако, в первый раз мысль о желательности известного ограничения вооружений была с высоты престола поставлена как предмет для серьезного обсуждения. В этом заключается несомненная и положительная заслуга.

С другой стороны, конференция навсегда заняла почетнейшее место в истории международных отношений. С тех пор, как существует эта история и существуют международные конгрессы, не было ни конгресса, ни конференции, которые по положительным благотворным результатам на благо народов могли бы выдержать сравнение с Гаагскою конференцией мира. Ни Венский конгресс 1815 года, ни Парижский 1856 года и еще менее Берлинский 1878 года не могут сравниться с Гаагскою конференцией. Положительные результаты ее следующие:

1. Брюссельская декларация 1874 года об обычаях и законах войны, предложенная Россией ровно 25 лет тому европейским державам и оставленная неодобренною благодаря проискам Англии и всех маленьких держав, была единогласно принята и одобрена в Гааге представителями 24 государств Европы, Америки и Азии. Я лично уверен, что, по своим благотворным последствиям в смысле смягчения ужасов войны, только Женевская конвенция о Красном Кресте может быть сравниваема с подписанным в Гааге актом.

2. Красный Крест признан обязательным также в морской войне. В продолжение 31 года державы не могли добиться соглашения в этом вопросе.

3. В Гааге положен прочный фундамент для международного, третейского суда посредством принятия постоянного международного трибунала и устава судопроизводства.

Теперь в Париже Мартенс занят председательствованием в англо-американском международном суде, заседающем почти ежедневно с 11 часов утра до 4 часов. На этом суде в продолжение 3 месяцев произнесено было (страшно сказать!) 55 английских речей, составляющих 12 больших томов, ибо каждая речь длилась с 11-ти до 4 часов. Через 2 недели будет произнесено решение. После того, возвращаясь в Россию через Дармштадт, Мартенс, конечно, был бы счастлив лично доложить вашему величеству о результатах.

Константин Победоносцев.

Царское Село. 14 сентября 1899.

22.

Не могу умолчать перед вашим величеством о смущении, которое ощущают многие русские люди при усиливающемся слухе о назначении к пребыванию в Петербурге папского нунция. Иностранные газеты повторяют известие об этом, как о решенном деле. Слух этот возник еще в прошлом году, но тогда граф Муравьев уверял меня, что нет ничего подобного. Теперь графа Муравьева нет здесь и нельзя спросить его; но я знаю, что при проезде своем через Вильну он отзывался об этой мере, как о мере желательной.

Думаю, что это был бы шаг очень важный и означал бы перемену вековой русской политики в отношении к Риму. Думаю, что не следовало бы так смело принимать решение в таком деле, которое требует очень внимательного и обстоятельного обсуждения.

Думаю, что принятие этой меры было бы важною политическою ошибкой и что так относятся к ней все русские люди, знающие свою историю и народ свой, — не только с церковной, но и с политической точки зрения.

Весьма ошибается министерство, если думает и надеется установить этим путем прямые и откровенные отношения с Римом по делам Литвы и Польши. Это значит не знать римского папства и истории его отношений к нашему католичеству и к польской народности. Политика римской курии остается веками одна и та же — политика лукавства и затаенной мысли; всякое соглашение с Римом, на бумаге писанное, представляет опасность, ибо всякое слово выраженное становится орудием римской политики и правом, которое потом Рим толкует по-своему. Напрасно было бы основывать расчеты на личности и на расположении нынешнего папы Льва XIII. Папа меняется, но каков бы он ни был, вековая политика римской курии остается та же, и каков бы ни был папа, он не властен изменить ее. И в настоящее время вся политика курии относительно Литвы и Польши находится в руках поляков и от них зависит.

Интерес церкви и церковной юрисдикции всегда служил и ныне служит для папства орудием для целей политических, для целей властительства. Посредством этого орудия папство становится силою, с которою должно считаться государство, имеющее значительное число подданных католиков,—должно считаться и в делах внутреннего управления, и в делах внешней политики. Россия не имеет друзей в западных государствах,—все высматривают наши болезни и хотят ими воспользоваться, и, где возможно, прижать нас. Несомненно, что и в этой политике иностранных держав папство на стороне ее и помогает ей, доколе и Россия не обратится в западную державу, подчинив свою церковь папству.

Отношение русского государства к римскому католицизму совсем особенное, потому что масса католиков у нас поляки, и потому еще, что на Литве и в юго-западном крае масса русского народа составляет предмет исторической, донныне длящейся тяжбы между Россией и Польшей. Все тайные усилия католической Польши обращены к тому, чтобы эта масса стала католическою, и, стало быть, польскою. Это вопрос жизни и смерти между ними и нами: быть или не быть России. И потому у поляка его религия неотделима от его страстного национального стремления, от его ненависти к России, и служит для него орудием политической интриги против русского государства. Напрасно стали бы мы надеяться, что папа захочет отделить интересы своей церкви от интересов польской национальности; да если б и захотел, его не послушали бы, и попрежнему каждый польский священник, каждый епископ, каждая женщина в руках своего ксендза, продолжали бы свое дело подпольной вражды к России с ее церковью и возбуждения во всех и каждом злобной ненависти ко всему русскому.

В таких обстоятельствах допускать в Россию папского нунция значило бы, смею думать, только играть в руку полякам. Каков бы ни был этот нунций, он будет у них в руках и под влиянием и их глазами смотреть будет. Собор р.-католических епископов составляет целую хитро-сплетен-

ную сеть интриги, руководствующей всею подпольною кампанией польского духовенства и общества против России. Теперь эта сеть сводится к Риму: нунций, если будет здесь, станет невольно здешним ее центром. Кто помешает ему в сношениях со всеми епископами, даже в разъездах по епархиям? Он будет представителем папы в России, и нашему правительству придется считаться с ним, как с посланником другой державы... Все отношения усложнятся и еще более обоживятся. Нет, боже избави Россию от папского нунция!

Повторю еще: не могу умолчать об этих опасениях, разделяемых множеством русских людей, перед вашим величеством.

Константин Победоносцев.

Царское Село. 21 сентября 1899.

23.

По поводу дела, о коем я имел честь докладывать в прошлый вторник, почитаю нелишним представить вашему величеству выписку из рижского письма А. И. Нелидова от 21 декабря.

„Для нас важен сложный вопрос, поставленный на очередь самим правительством, об изменении стиля...

По моему мнению, при разрешении его не следует терять из виду двух важных соображений:

1. Неудобства от разницы в летосчислении между Востоком и Западом чувствуются в России только весьма ограниченным числом лиц. Едва ли один процент всего населения империи ощутит разницу, когда вместо $1/13$ числа мы будем писать $1/14$. В обратном отношении находятся затруднения, которые причинило бы сокращение летосчисления на 12 дней, в какой бы форме и в какой бы срок оно ни состоялось.

2. Приняв грегорианский календарь, нам пришлось бы, кроме вопроса о пасхалии, принять решение и относительно

других праздников, от пасхалии независящих, продолжать празднование коих по старому было бы невозможно (рождество пришлось бы после нового года и т. п.). А для этого необходимо было бы соглашение с другими православными церквами, разногласие с коими представило бы гораздо большие неудобства, чем разлад с Европою, к которому мы уже привыкли. Побудить же к тому восточные церкви будет тем более трудно, что старого юлианского календаря там придерживаются не только православные и другие независящие от Рима церкви, но и подчиненные папе униаты, например, армяно-католики,—и они весьма дорожат этою особенностью. Кроме того, в среде греческого духовенства существует небезосновательное опасение, что если бы православная церковь в вопросе о календаре подчинилась летосчислению Григория XIII и тем признала, что она была неправа, сохраняя прежнюю свою систему, то латинские пропагандисты, ищущие доказать православным, что римские поправки в церковных делах не суть пустые нововведения, а исправления прежнего неведения, эти пропагандисты получили бы новое, ценное основание для совращения восточных христиан“.

Константин Победоносцев.

Петербург. 27 декабря 1899.

24.

Радостно было для нас известие о поездке ваших императорских величеств в Леснинский монастырь и о добром впечатлении, которое он вам оставил. Монастырь этот и вышедшие от него Вировский и Радочницкий делают поистине великое дело в Западном крае, привлекая к себе общее сочувствие населения и воспитывая его в русском церковном духе. Да и вообще женские монастыри в России в последнее время служат великую службу для церкви и для народа, напротив того, мужские монастыри по многим причинам скудеют и людьми, и духовною силой, особливо

мелкие исторические монастыри, коих множество. Зато многие вновь возникающие, заведенные пришельцами из старых рабочих обитателей (напр., Соловецкий, Валаамский) служат просветительными центрами и школами хозяйственными в пустых местностях, привлекая население и прокладывая пути в самых неприятных местах. И свои люди, и чужие дивятся, видя, какой порядок устроили, какое возбудили движение, какой внесли свет в пустынях в короткое время такие монастыри, как, напр., Трифоновский Печенгский на Мурмане, Троицкий в Уссурийском крае и мн. др. Здесь и то отрадно видеть, что может сделать простой русский человек своею духовной силой, в свободной духовной деятельности. Вот недавно в Берлине дивился я, что успел там устроить простой русский человек, ярославец, священник Мальцев, и какой оазис русского труда и русской благотворительности завел на сухих песках в окрестностях Берлина.

К слову о монастырях долгом почитаю доложить вашему величеству, что в Новом Афоне окончен постройкою величественный храм св. Пантелеймона, в закладке коего вы изволили принимать участие в бытность вашу на Кавказе. Освящение храма назначено на 26 сентября, о чем архимандрит Иерон просит довести до сведения вашего величества.

С отъездом вашего величества Петербург опустел, — все почти предрержащие власти в отсутствии. Погода настала ужасная, — необычайный в эту пору холод с северными ветрами и с проливными дождями; только зелень, сохранившаяся в свежести, напоминает, что было лето. Здесь, в Царском Селе, с грустью провожаем угасшую или угасающую жизнь. Похоронили добрых старцев — А. П. Озерова, графа Ф. Л. Гейдена. Возле угасает милый старец Эммануил Нарышкин, — страдает, и не раз уже казалось, что настает последний час его. Возле доживает в изнеможении М. Н. Островский, — на днях увозят его в Крым. Возле доживает в умственном и физическом расслаблении Н. А. Бартенева. Она еще наряжается и делает визиты, но уже пу-

тает слова и не в силах доканчивать фразу. Так угасают старые слуги вашего величества и родителя вашего. Да пошлет вам господь новых, опытных, разумных, верных и преданных.

Вашего величества вернопреданный.

Константин Победоносцев.

Царское Село. 31 августа 1900.

25.

Всемиловейший государь.

Я очень несчастлив, что мог в этот единственный раз в течение всей своей службы навлечь на себя гнев вашего императорского величества, и всеподданнейше прошу в том прощения, что не испросил согласия вашего величества на самую редакцию послания синода.

Но что это действие синода произошло без ведома вашего величества, в том смею обратиться к памяти вашего величества. Для того главным образом я и испрашивал разрешение представиться вашему величеству в прошлую пятницу, чтобы доложить о сем предположении синода и объяснить его. Я докладывал, что синод вынужден к сему смутю, происходящую в народе, и многочисленными просьбами о том, чтобы высшая церковная власть сказала свое слово; что послание составляется в кротком и примирительном духе, о чем прилагается забота. В этот день окончательная редакция еще не утвердилась вполне, но вот уже более недели, как она обрабатывалась при моем участии, и я не ошибся в том впечатлении, которое она могла произвести на ваше величество, ибо вы изволите писать, что оно написано „умно, умеренно и так, как подобает церкви относиться к заблудшему“.

Ныне каюсь в том, что, несмотря на эту уверенность в достоинстве редакции, я не представил ее на предвари-

тельный просмотр государя и прошу забыть эту вину мою, на исходе уже службы моей случившуюся.

Вашего императорского величества преданнейший

Константин Победоносцев.

25 февраля 1901.

26.

Глубоко тронут я сегодня письмом вашего величества,— благослови вас боже, что в нем отозвалось ваше сердце! Верьте мне, что во всю мою жизнь не имели для меня никакого значения ни почести звания, ни престиж власти и влияния. Я искал только правды и доверия в отношении ко мне моего государя,—и это единственное мне дорого и меня поддерживает.

Правда, следовало мне представить вашему величеству прежде обнародования текст послания, хотя я вполне был уверен в том, что в нем нет ничего предосудительного. Но некоторым мне извинением служит тревога настоящих дней, которая вот уже две недели поддерживает во мне нервное возбуждение, и посреди его приходилось ежедневно вырабатывать редакцию важного акта.

Верьте, государь, что можно иметь ко мне доверие не только в достоинствах, но и в ошибках, недосмотрах и заблуждениях, коим я, как человек, весьма подвержен и кои всегда готов признавать без упорства.

А вам да даст господь крепкую силу посреди всех тяжких испытаний и затруднений нынешнего времени.

Вашего величества вернопреданный

Константин Победоносцев.

26 февраля 1901.

27.

Ваше императорское величество.

Не сомневаюсь, что и до вас, как до прежних государей, могут иногда доходить косвенным путем, через людей, не знающих меня, из гостиных, разные обо мне толки, способные иногда поколебать доброе обо мне мнение.

Мне уже, по закону природы, недолго остается жить и действовать. Но я не желаю никак, чтоб доброе ваше обо мне мнение колебалось, и потому прошу ваше величество принять во внимание прилагаемую при сем правдивую мою повесть о себе самом и о судьбе моей.

Вашего величества преданнейший

Константин Победоносцев.

Петербург. 21 марта 1901.

Родился я в Москве, в семье профессора моск. университета. У отца моего было 11 человек детей, кои все устроены трудами отца. Воспитан в семье благочестивой, преданной царю и отечеству, трудолюбивой. Меня, последнего сына, отец свез в Петербург и успел определить в 1841 году в училище правоведения. Я кончил курс в 1846 году и поселился в родном доме в Москве, на службе в сенате.

По природе нисколько не честолюбивый, я ничего не искал, никуда не просился, довольный тем, что у меня было и своей работою, преданный умственным интересам, не искал никакой карьеры и всю свою жизнь не просился ни на какое место, но не отказывался, когда был в силах, ни от какой работы и ни от какого служебного поручения. В 50-х годах московский университет, оскудев профессорами юристами, обратился ко мне, и я не отказался, оставаясь на службе в сенате, читать там лекции, по 8 часов в неделю, в течение 5 лет.

Когда начались реформы по кончине императора Николая и в Петербурге закипела работа разных комиссий, меня перезывали туда, но я отказывался пуститься в неведомое море новой работы, которая пугала меня.

Но, наконец, нельзя было уклониться. В 1861 году граф Строганов стал вызывать меня для преподавания юридических наук цесаревичу Николаю Александровичу. Из чувства патриотизма я не мог отказаться и переехал на целый год в Петербург.

Это решило дальнейшую судьбу мою роковым образом.

В 1863 году меня пригласили сопутствовать цесаревичу в поездке по России.

Я стал известен и двору.

По окончании поездки я вернулся в Москву к своим занятиям и мечтал остаться тут.

Но богу угодно было иначе. Цесаревич скончался, оплаканный всею Россией. Новый цесаревич, слышав обо мне доброе от покойного брата, пожелал меня иметь при себе для преподавания. Я не мог уклониться и переехал в Петербург в 1866 году на жительство и на службу. Тут довелось мне последовательно вести занятия и с в. кн. Владимиром, и с цесаревной Марией Федоровной, и с в. кн. Сергием, и даже с в. кн. Николаем Константиновичем. Я стал известен в правящих кругах, обо мне стали говорить и придавать моей деятельности преувеличенное значение. Я попал, без всякой вины своей, в атмосферу лжи, клеветы, слухов и сплетен. О, как блажен человек, не знающий всего этого и живущий тихо, никем не знаемый, на своем деле!

Цесаревич сочувственно относился ко мне и показывал мне доверие. В Аничковом дворце я стал привычным лицом. Но в ту пору из министров и правящих лиц никто не имел общения с цесаревичем, и эта среда питалась всякими слухами и сплетнями об его характере и настроении. Меня они тоже не знали и питали себя подозрениями о каком-то моем влиянии на цесаревича, а государю тогдашние временщики—гр. Шувалов, Валуев и пр.—внушали, такие же подозрения. С другой стороны, в силу того же мнения обо мне, люди, осуждая и браня меня на стороне, старались быть со мною любезными.

Без всякого ходатайства с моей стороны и без всякого участия цесаревича я был назначен членом Госуд. Совета и тут получил возможность высказывать вслух всем свои мнения по государственным вопросам,—мнения, коих никогда ни от кого не скрывал. Так, мало-по-малу приобрел я репутацию упорного консерватора—в противодействии новым направлениям и веяниям государственных либералов.

К концу царствования эти влияния и направления приобрели господственное значение. Началось, в виду общего недовольства, безумное стремление к конституции, то-есть к гибели России. Это стало в умах какою-то заразой: русские люди, сохранившие еще разум и память прошедшего, ждали в страхе, что будет, ибо покойного государя склонили уже совсем к этому гибельному шагу.

Таково было настроение, что и катастрофа 1-го марта никого не образумила. Напротив, кучка людей, державших власть в руках, спешила тем более в первые же дни после катастрофы достичь своей цели. Молодой государь, захваченный врасплох страшным событием, казалось им, не мог воспротивиться,—никто из них не знал его, и все они надеялись захватить его в свои руки и управлять им.

Положение его было ужасное,—он не знал, как поступить и что делать, чтобы из него выйти. Я видел, до чего разгорались страсти, и прямо боялся за его безопасность,—нечего и говорить, как боялся за судьбы России.

И, правда, чтобы выйти из этого положения, я убедил его сделать решительный шаг—издать манифест 29 апреля 1881 года. Всем было более или менее известно мое в этом деле участие.

И вот с этого рокового для меня дня начинается и продолжается, разгораясь, злобное на меня чувство, питаюсь и в России, и всюду за границей всеобщим шатанием умов, сплетнею, господствующею ныне во всех кругах общества, невежеством русской интеллигенции и ненавистью иностранной интеллигенции ко всякой русской силе.

К несчастью, и у нас, и там существует закоренелое мнение, что в России при самодержавной власти есть непременно тот или другой—один человек всесильный, который всем распоряжается и от которого все зависит. И вот этим человеком все и всюду стали считать меня и донныне считают,—человека, всегда уклоняющегося от всякого исключительного присвоения себе какой-либо власти.

Естественно, что молодой государь на первых порах, чувствуя себя одиноким, растерянным, стал обращаться

ко мне,—к человеку, ближе ему известному и преданному. Он советовался со мною о людях, и мне довелось в немногих случаях указывать ему на людей: на барона Николаи—для народн. просвещ., на графа Дмитрия Толстого—для мин. вн. дел, и, к счастью, я не ошибся. Когда ко мне обращались, я отвечал; когда государь поручал мне работу, я ее исполнял. Но вот и все. Ни разу я не позволял себе ни выпрашивать для кого-либо милостей или назначений и тому под.

Но люди воображали обо мне иначе, и тут пришлось мне видеть много людской пошлости в нашем обществе. Ко мне обращались за милостями и назначениями; а когда я отвечал, что не вмешиваюсь в эти дела и ничего не могу, кроме того, что касается до порученного мне дела,—мне не верили и бранили меня. С другой стороны, возбуждалась ко мне ненависть иных людей из придворной и других сфер, которым иногда случалось мне помешать в осуществлении разных своекорыстных планов.

Я видел очень ясно свое положение. Несмотря на все доверие ко мне государя, я мог предвидеть, что и оно может поколебаться, и знал, какими внушениями оно колеблется у государей. Стоит только заподозреть человека в том, что он ищет преобладания над волею и решением государя. Зависть и интрига—дело обычное в придворных сферах. Люди, составлявшие обычное общество Аничкова дворца, не зная меня, не имея прямого со мною общения, слышали только разговоры и анекдоты обо мне в гостинных и, передавая их, успевали производить впечатление и на императрицу Марию Федоровну, и на государя отчасти. Я продолжал исполнять его поручения, но уже чувствовал в последние годы, что на меня что-то насажено. Не мешаясь ни в какие дела других ведомств, я вел жизнь уединенную; однако, при всем том всюду—и в России и за границей—я продолжал считаться всесильным человеком, от которого все исходит в России, и на мой счет ставились все и всякия распоряжения правительства, о коих я даже не имел понятия. Из разных углов России, из Европы, из Америки сыпались мне злобные, угрожающие письма то от нигилистов, анар-

хистов, либералов всех оттенков, то от жидов, приписывавших мне лично все ограничения, все распоряжения об их высылке и проч.

Настало новое царствование, и все противоправительственные, лже-либеральные элементы оживились новою надеждою. Оставаясь едва не старейшим из старых слуг трех царствований, я готов был на службу новому государю в чем мог. Но уже настало другое время — люди вокруг меня и в кругах правительственных все переменялись: люди нового поколения, чуждые прежних преданий, прежних порядков, минувших событий. Я сам ослабел. На первых порах нового царствования я считал своим долгом говорить иногда молодому государю о делах и людях, но этому надо было вскоре положить предел, и я ограничился только делами порученного мне звания, а люди вокруг меня и около престола стали все новые — люди нового поколения, многие знавшие и меня только по слухам обо мне и толкам.

И, несмотря на все это, не только не замолкли, но еще разгорелись и усилились нелепые обо мне слухи, будто я все-сильный человек в России. Они не затихли и в высших кругах общества, судящих о положении дела только по газетам да на основании болтовни в гостиных, а в разросшихся кружках анархистов, социалистов, радикалов — и за границей и в России — я стал, более чем когда-либо, человеком, стоящим на дороге против всякого прогресса и главным виновником всякого стеснения, всякого преследования, гасителем всякого света. Таково ощущение всей обезумевшей теперь молодежи и в столицах, и во всех углах России: толпа людей, не имеющих никакого понятия о ходе государственных дел, о пружинах администрации, о делах и о людях, выставляет меня виновником всех, — что у них слывет, — злоупотреблений, насилий, ретроградных мер и кричит, что во имя свободы надобно меня уничтожить. От этого предрассудка, от этого злобного ко мне представления я, неповинный ни в чем, что мне приписывают, не в силах отделаться и принужден по необходимости терпеть его. Можно судить, как оно разлилось повсюду, когда представителем его явился из небольшого

кружка самарского несчастный Лаговский, стрелявший в меня. В своем показании он прямо объясняет, что хотел истребить меня, как главного виновника всяких стеснений, мешающих прогрессу и свободе. Любопытно, что на первом месте в указании вин моих он ставит: „распространяет в народе суеверие и невежество посредством церковно-приходских школ“. Из этого уже видно, в каком невежестве и в какой дикости ума и сердца растет и развивается эта масса недоучек или пролетариев науки, воспитанная на статьях либеральных газет, на нелепых прокламациях, на подпольных памфлетах, на слухах и сплетнях, из уст в уста передающихся. И мне ставится в вину дело, которое я считаю в нынешнее время самым важным и нужным для России делом,—ибо в народе вся сила государства, и [убережь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от губительной заразы нелепых возмутительных учений—можно уберечь только посредством церкви и школы, связанной с церковью.

Вот—судьба моей жизни. И я верю, что руководит ею провидение, которое, помимо моей воли, нередко вопреки ей, ставило меня в положение видное на дело, от коего я не в праве был и не мог уклониться.

28.

Слышу, что П. С. Ванновский уволен уже от управления министерством народного просвещения. Кто может и должен заменить его,—вопрос великой важности в настоящую минуту, и новая ошибка, после двух бывших, крайне опасна.

В виду этих обстоятельств позволяю себе предложить свое слово вашему величеству.

После Делянова выбор пал на Боголепова: и он оказался жертвою. Он попал в положение, к которому приготовлен не был. По свойству своему человек кабинетный, не склонный к живому обращению с людьми, он вступил в среду центрального управления, совершенно ему незнакомую и на первых порах, к сожалению, захотел устранить тех людей, у коих в руках была до тех пор машина упра-

вления и взял себе из Москвы новых людей, тоже знакомых с ходом центрального управления.

Начались беспорядки. Бедный Боголепов должен был растеряться. Здесь, в среде управления, он не успел еще приобрести себе авторитет и, к сожалению, не встретил себе надлежащей опоры и в среде других министров. Его никто не знал, и он сам по характеру своему не искал с ними общения, а от него, как от министра, ожидали и требовали и авторитета, и распорядительности.

Это обнаружилось во время февральских беспорядков возле университета в 1899 году. Предупредить их он не мог, но в будущем по поводу их совещании многие несправедливо ставили их в вину ему, и это окончательно его обезкуражило. Тут принята была, вопреки ему, мера, по мнению моему, имевшая роковое значение,—мера, в существе своем поколебавшая в корне дисциплину учебного дела. Уличной свалке толпы с полицией, событию в сущности ординарному, придано значение государственного дела, и поручено Ванновскому производить исследование, в сущности направленное против действий полиции. Эта мера тотчас истолкована была в смысле либерального направления политики по делам университетским.

Положение Боголепова пошатнулось. Беспорядки усилились. Начались обструкции. Стали искать средств для предупреждения беспорядков, не обращая внимания на то, что университеты уже перестали быть собранием студентов под руководством профессоров, но стали местом скопления смешанной толпы, волнения коей мало-по-малу принимали революционный характер. К этим-то волнениям положено было применить меру отдачи виновных на военную службу,—решение неблагоприятное и несвоевременное в обстоятельствах времени. Не всякая мера удобна во всякое время. Что можно было сделать в прежние эпохи,* то не годится в другую пору—и в применении к движениям толпы (в коих и виновного не всегда возможно распознать) мера эта совсем не годилась, а применение в Киеве к целой массе было великою ошибкой и проведено было без должной

твердости, с неуверенностью, без должного единства в мнении и действиях разных органов администрации. Вместо затишья последовало усиление волнений, принявших характер эпидемической истерии. Несчастный Боголепов пал жертвою.

Министерство предложено было Ванновскому. Он счел своим долгом перед государем и отечеством не уклониться от этой жертвы. Но в самом начале можно было предвидеть, что он не может справиться с делом, которое принял на себя.

Дело это, более чем всякое другое, требует близкого знакомства с учебной частью, с ее прошедшим и настоящим и с людьми, которые ею орудуют. Ванновский ничего этого не знал, но, вступив в область совершенно неведомую, повторил ту же ошибку: вместо того, чтобы искать на месте людей, коих опытом мог бы воспользоваться, он устранил прежних деятелей и взял себе товарищем человека, еще менее, чем он сам, приготовленного к делу школы, искусного, может быть, в писании бумаг и непросвещенного. Притом, по прежней своей деятельности в военном министерстве, П. С. Ванновский известен был за человека, не любящего ни советов, ни возражений. Что возможно в военном деле, то уже нелегко в деле учебного устройства. Новый министр, не прибегая к советам с лицами, ближе стоявшими к делу просвещения и школ, приступил к реформам, разрушавшим все прежние учебные порядки, и к мерам, в сущности послужившим не к утверждению, а к новому колебанию потрясенной уже учебной дисциплины. Нечего распространяться о многих ошибках его политики, нельзя, по доброй совести, ставить все эти ошибки в предосуждение старцу, желавшему доброй цели. Приходится сожалеть, что на долю его досталось в такую пору столь трудное дело.

Теперь он уходит. Кто способен стать на место его, с надеждою лучшею! Нет столь сильных и крепких людей в наше время, обедневшее людьми характера, знания и опыта.

Осмелюсь, однако, высказать мысль свою. За уходом министра и Мещанинова, временное заведывание министерством падает на другого товарища—Зенгера.

Зенгер—человек просвещенный и по характеру своему симпатичный в обращении. Но, смею думать, что едва ли способен он самостоятельно управлять министерством в такую пору. Искать такого человека вне учебной сферы было бы едва ли благоразумно. А в этой сфере мысль останавливается разве на Шварце, недавно назначенном на должность попечителя варшавского учебного округа. Должен сказать, что я и не знаю его лично, но все отзывы об нем лиц, знающих его на опыте, согласно изображают его человеком не только просвещенным, но и опытным педагогом, заявившим себя и спокойствием, и твердостью, и тактичностью в обращении. Об нем в особенности может свидетельствовать мин. юст. Муравьев, знающий его близко по межевому институту, коим он управлял и откуда проводили его с сожалением.

Эту мысль мою долгом считаю, в тяжкое наше время не умалчать перед вашим величеством.

Константин Победоносцев.

8 апреля 1902.

ПИСЬМА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА К ВЕЛ. КН.
СЕРГЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ¹⁾.
1884—1902 г.г.

1.

Издалека дойдут эти строки до вашего высочества; но я чувствую потребность написать вам из того места, где все дышет, увы, грустной памятью незабвенной мною нашей императрицы, матери вашей! С 11 числа мы проживаем, по милости государя, в прелестной Ливадии. Не поверите, какое чувство наполнило мою душу, когда я встал утром и вышел в этот сад, точно очарованный, какой описывается в сказках. Сколько было здесь жизни и движения, и как теперь все пусто, как все безмолствует. Сад в порядке, дороги убраны, все цветет и благоухает, и посреди всего стоят пустые дворцы, около коих ходят, словно маятник, безмолвные часовые...

Пойдешь в аллею к задней части дворца, к кабинету императрицы,—как все напоминает ее, больную, грустную, какою я видел ее здесь в последний раз!

Сегодня, 14 сент., храмовой праздник в Ливадии. Церковь, запертая, оставленная так долго, отворилась,—для праздника в ней служили обедню. У меня вся душа растаяла, и нельзя было удержать слезы. Растроган был старый священник, а дьякона старого слезы душили, и он едва кончил евангелие, едва мог говорить ектению прерывающимся голосом.

¹⁾ После смерти адресата письма эти были возвращены их автору, которым переданы были 16 февраля 1906 года для хранения графу С. Д. Шереметьеву. В настоящее время письма хранятся в Особом отделе Архива Октябрьской Революции.

В углу стояли и плакали Сабина с М. П. Фредерикс (они живут на ферме)... Помните, как она любила эту церковь, как она стояла здесь и молилась,—молилась за вас, за любезных детей своих.

Я знаю, вы храните глубоко в сердце благоухающую память ее. Она и теперь, конечно, за вас молится. Вот бог вам послал жену милую, которая, думаю, была бы по сердцу ей; многие видят в ней, и я вижу тоже, как бы отражение изящного образа усопшей императрицы. Радуюсь за вас, что вы в Ильинском. Будьте счастливы, и да благословит вас бог.

Сердечно преданный

К. Победоносцев.

Ливадия. 14 сентября 1884.

2.

Я знаю, ваше высочество, как вы любите цесаревича и как сочувствуете мысли о необходимости ему видеть Россию прежде всего и в России показать себя. Поэтому спешу конфиденциально сообщить нижеследующее:

В Казани теперь открыта промышленная выставка для всего Приволжского края. Выставка эта очень интересна и обставлена со всею полнотою. Особенное старание к ней приложено именно потому, что цесаревич назначен ее покровителем, и все имели несомненную надежду на посещение его высочества. Крупнейшие производители привлечены к делу именно этою надеждой. Судите же, каково было общее там смущение и огорчение, когда узнали, что цесаревич не будет по случаю лагеря, маневров и т. под. Люди никак не могут понять этого.

Эта мысль давно меня тревожила. А я сам на-днях, послезавтра, собираюсь выехать в ту сторону—на Волгу и на Каму, до Перми и Екатеринбурга.

Сегодня я ездил в Александрию откланяться государю императору и объяснял все это его величеству. Я говорил, между прочим, что нет, по моему мнению, никакого затруд-

нения устроить всю эту поездку в 6—7 дней. Сегодня выехать—завтра вечером в Нижнем. Там можно осмотреть еще ярмарку и на следующий день выехать в Казань. А в Казани интересного много,—это один из важнейших наших центров и промышленных, и умственных. Неужели 6—7 дней нельзя вырезать из периода эволюций и церемоний? Государь был в духе. К моему удовольствию, он не возражал сразу затруднениями, а, напротив, как будто вошел в мою мысль и стал рассчитывать, когда бы это можно было устроить.

Я и начал разговор свой с того, что вот я буду на-днях в Казани и там наверное приступят ко мне с вопросами: есть надежда на посещение цесаревича? Что буду я отвечать?

Итак, вот теперь открывается надежда, дай бог, чтобы она осуществилась. Это было бы не только хорошо—было бы необходимо.

Вашего высочества преданнейший

Конст. Победоносцев.

Сергиево 9 июля 1890.

3.

Я в большой тревоге за здоровье государя. С самого рождества он чувствовал себя нехорошо, потом, переехав сюда, перемогался, выезжал, отказывался упорно лечиться. Наконец, дня три тому назад едва уговорили его лечь в постель и допустить Гирша.

Вчера я был в Аничковом и видел императрицу. Она встревожена и боится оставлять его, потому что он упорен и всякую минуту может допустить неосторожность. Докладов дня три уже нет.

Всю ночь я об этом думал. Сегодня, после обеда, заехал в Аничков в надежде кого-нибудь встретить и узнать что-нибудь. Экипажей много,—приезжают поздравлять, и бедная императрица должна принимать.

С лестницы сходил Красовский, бывший у императрицы. Он не видел государя, но видел докторов: государь решился призвать еще одного, но позвал хирурга Вельяминова.

Больному хуже—39 и 2. Ночь провел дурно. Ни за что не хочет звать еще доктора—и в этом огромное затруднение. Упорен, но, верно, думает о болезни, ибо ночью не раз смотрел термометр. Красовский говорит: плеврит и легкое слегка затронуто. Вчера Воронцов выписал Захарьина—будто бы для себя; думают сказать государю, что Захарьин случайно здесь находится, но боятся, что государь ни за что не примет его... Ожидали, что Захарьин придет сегодня утром.

Нельзя не быть в тревоге и надо боту молиться.

К. П.

Петербург. 16 января 1894.

4.

Весь вчерашний день и ночь провели мы в тревоге. Сегодняшний бюллетень вы знаете,—он облегчил значительно общую заботу. Сейчас был в Аничковом и видел Гирша и Вельяминова. Они радуются облегчению, но говорят, что воспаление не крупозное, следовательно, нельзя рассчитывать на ровный ход, и могут быть скачки непредвиденные. К счастью, больной охотно принял Захарьина и теперь во всем слушается докторов. Аппетита нет; но вчера выпил 2 стакана молока, хотя неохотно. Сегодня утром входил к нему раза три цесаревич, и больной разговаривал, расспрашивал об известиях, между прочим, о Бисмарке. Вот положение, насколько я знаю. По объяснению с Воронцовым и с мин. вн. дел, надобно избегать торжественности в молебствиях и всякой огласки в печати: пусть все молятся, но без парада, дабы не дать пищи толкам. Завтра хотели было служить молебен всем синодом в Исак[иевском] соборе, но я убедил не делать этого. Пусть служит настоятель, без благовеста и без парада, а архиереи могут служить каждый сам у себя. Газеты надо воздержать в публикациях о молебнах, и чтоб не смели печатать по поводу болезни ничего, кроме офиц[иальных] бюллетеней.

Вчера уже поднялись слухи страшные,—будто совсем плохо, и целое легкое поражено. Это неверно, я знаю от

докторов, что тронута лишь небольшая часть легкого. Во дворце ропшут на в. кн. Владимира,—он, не распознав хорошо докторские речи, бросился со слезами на глазах к цесаревичу, к в. кн. Ксении унывая, что все кончено и надежды нет, и произвел тем ненужную панику.

Еще забота,—как быть с делами. В кабинете лежат уже груды докладов, а процесс выздоровления будет, по словам докторов, очень медленный. Сегодня толковал в. кн. Михаил Ник. с некоторыми в. князьями и членами совета—как быть. По времени, надеюсь, и этот вопрос разрешится.

Захарьин не выезжает из дворца, но он уже сразу за капризничал. Положили было его очень хорошо на запасной половине, на середине лестницы. Тут ему показалось холодно. Он надел теплые сапоги, заставили все окна. Но он потребовал другого помещения, и теперь его поместил наверху в коридоре.

Простите, ваше высочество, что пишу так наскоро, но иначе не успеешь.

Станем молиться богу. Я написал вчера о. Иоанну в Кронштадт, чтобы молился. Будем надеяться на милость Божию...

К. П.

17 января 1894.

5.

Сегодняшний утренний бюллетень еще более успокоителен. Я заезжал и расспрашивал Вельяминова. Ночью сон затрудняется только кашлем от бронхита. Для облегчения кашля,—говорит доктор,—мы не решаемся давать наркотические средства, потому что они препятствуют отделению мокроты. Аппетита нет еще—только по утру кушает чашку кофе и вообще принимает только жидкое. Голос ровный. По отзыву императрицы, когда входят к нему, как бы оживляется и говорит, а когда остается один, чувствует усталость. Итак, по всем признакам, будем надеяться на милость Божию.

Между тем, чудак Захарьин, сидит наверху и никуда не трогается из дому. Боится простудиться! По лестнице ему трудно сходить и по машине не решается,—машина останавливается близ спальни государя, а Захарьин боится того, что при поднятии машины вместе с нею входит холодный воздух!

Теперь, повидимому, все во дворце успокоились. Но мы, издали смотрящие, не можем забыть трепетной молитвы о больном, куда совсем не пройдет болезнь и не вернется сила.

Сегодня в комитете министров заседание продолжалось всего $\frac{1}{2}$ часа; был и цесаревич.

Вот все, что на сей раз имею сообщить вашему высочеству. Да хранит вас бог благополучно.

К. Победоносцев.

Петербург. 18 января 1894.

6.

Сегодня нет ничего особенно примечательного сообщить вашему высочеству. Из утреннего бюллетеня вы видели, что дело леченья идет к лучшему. Я видел и Вельяминова, и Гирша. Ночью государь спал много покойнее, и кашель меньше его тревожил (прежде он положительно мучил его). Глаза бодрее и веселее. Аппетит улучшается; с бульоном спрашивает гренок, чего прежде не было. Совершенно послушен и принимает все лекарства, которые подносят ему. Цесаревич и в. кн. Ксения, ожидавшие докторов у дверей, отошли с радостными лицами.

Я прошел на самый верх и к Захарьину. Он нынче доволен помещением. Тепло очень, но он сидит в валенках и не трогается с места. Первый,—говорит,—мой выезд отсюда будет на Николаевский вокзал и в Москву. По лестнице 100 ступенек—я не могу ходить, а лифта боюсь—из него поднимается холодный воздух. Перед ним лежат „Московские Ведомости“—известия днем позже, но он к ним привык, и петербургских газет не признает вовсе!

Вот, ваше высочество, все, что я знаю. Если не будет, ничего замечательного, то уже завтра нечего вас беспокоить своими сообщениями.

Петербург. 19 января 1894.

К. П.

7.

Вот сегодняшние известия. Бюллетень вполне успокоительный. Спал нехорошо, но причину полагают ту, что вчера довольно много дремал во время дня. Аппетит по-немногу просыпается; очень слаб еще, но доктора не видят тут ничего дурного. Сегодня предполагает встать с постели на несколько времени и посидеть в соседней комнате. Императрица неусыпно наблюдает и действует решительно, а он слушается! Но увы! Когда она сама нездорова, она еще упрямее и отказывается лечиться. В конце года и у нее была, хотя легкая, инфлюэнца. Как хорошо, что во-время вызвали Захарьина,—на это решился Воронцов, никого не спрашивая, и хорошо сделал. А когда приехал Захарьин, все обрадовались. Императрица просто отворила дверь к государю и сказала: „Захарьин“.

Гирш намерен всячески настаивать, чтобы Захарьин остался здесь подольше, так как период выздоровления требует особой внимательности.

Между тем, лежат накопившиеся доклады; многим приходит на мысль: как хорошо было бы, еслиб на время болезни государь поручил просмотр и решение цесаревичу. Но об этом, конечно, никто не решается сказать больному. Тем не менее, в виду настоятельности некоторых дел, особенно по воен. мин. кажется, цесаревич смотрел некоторые доклады.

Вчера в синоде постановили взять из Москвы преосв. Александра и назначить в Калугу на место Анатолия, которого перевести в Новоспасский монастырь. А на место Александра митрополит выбрал себе преосв. Нестора, из Новоспасского. Утверждение этого доклада, конечно, замедлится за болезнью государя.

К. П.

Петербург. 20 января 1894.

8.

Я уже перестал утруждать ваше высочество своими рапортчиками, так как все пошло благополучно и самые бюллетени прекратились. Но вот еще несколько слов. Сегодня мы праздновали Ксению. В Аничковом все обрадованы, и после обедни в торжественной процессии к завтраку шествовал Захарьин. Завтра он уже уезжает обратно в Москву. Здесь уже начал ходить слух, будто государь уезжает в Крым, даже 1 февраля. Разумеется, это вздор. Захарьин говорит, что и речи об этом не было, и никакой нет надобности, а надобность—чтобы государь, где бы то ни был, соблюдал всякую предосторожность. Со вчерашнего дня государь стал возвращать доклады наши, и мои сегодня возвратил, а на завтрашнее утро вызывает к докладу и Гирса, и Ванновского.

К завтраку собрались все, — и дети все были, — не было только Михаила Алекс. — он не совсем здоров. Была и Елиз[авета] Маврик[иевна] и в. кн. Екатерина Михайловна — она даже рано приехала в церковь и стояла долго. Я сделал ей комплимент, что у нее туалет лучше всех, — она была вся в белом с поясом светлосерым, с элегантными складками. Императрица была в старом, малинового бархата, с соболем; невеста — в розовом, а в. кн. Мария Павловна в новом туалете — но — ужас! — с кринолином, по новейшей моде.

А вел. княгиня Екатерина Михайловна очень ослабела, по возвращении из-за границы сильно переменялась, исхудавшая, утомленная. Сердце у нее не в порядке, что заставляет опасаться за каждый день. С нею случается, что она вдруг засыпает, как бы замирает, посреди разговора; так, недели 2 тому назад напугала она императрицу, быв у нее — вдруг застыла, взгляд остановился, голова склонилась на сторону, — насилиу через несколько минут оправилась.

Вот какие новости нынешнего дня. Скоро уже сам Захарьин доложит вашему высочеству о всем, что нашел и что оставил.

К. Победоносцев.

Петербург. 24 января 1894.

9.

Пишу к вашему высочеству всякий раз, когда узнаю что-нибудь новое. Сейчас я видел императрицу. Она сказывала, что государь очень еще слаб. По утрам он слишком еще утомляет себя. Во вторник Ванновский сказывал, что пробыл у него двадцать минут, он ни разу не кашлянул, но голос был слабый. В четверг Дурново едва успел доложить самое важное. Сегодня Ванновский пробыл в кабинете около часу, а вслед за ним пошел Строганов и пробыл полчаса.

Я спрашивал императрицу: „А что аппетит?“ — „Mais malheureusement il a à présent le dérangement d'estomac et il ne peut pas manger“. — „Et le lait?“ — „Mais Захарьин a déconseillé le lait“.

Захарьиным императрица очень довольна и он ей понравился.

Далее, она рассказала мне, что в 4 часа он кончает всякие дела. — „А вечером что он делает? — Боже избави приниматься за груды бумаг“. „Non, il ne fait absolument rien après 4 heures. „Est-ce qu'il lit?“ „Non, non, il est trop faible pour cela“. — „Qu'est ce que vous faites alors?“ — „Moi, je lui fais quelque lecture, puis nous restons tous ensemble, nous jouons aux cartes, nous faisons la patience. Et on voit qu'il se couche volontiers, parce qu'il se sent faible. Я говорю: mais cependant, est ce qu'on remarque l'accroissement de ses forces? — Ah, mais cette maladie laisse toujours une faiblesse qui dure très longtemps. Vous savez, après ma maladie d'enfluenza, pendant deux mois j'étais faible comme une mouche“.

Поднимаясь, я встретил на лестнице стройную даму. Оказалось, что это была герцогиня Buckingham, вдова, последняя в роде, приехавшая из Лондона и представлявшаяся императрице. Из расспросов я узнал, что она остановилась у княгини Радзивилл, что она путешествует совсем одна, едет на 2 дня в Москву и никого там не знает. Она привезла императрице письмо от кр. Вельской.

Мне пришло на мысль, что следовало бы в Москве адресовать ее к дамам, которые могли бы показать ей Москву и вообще руководить ее,—напр., к Бахметевой, Стрекаловой, Костанде. Я сказал это императрице, но ей эта мысль не приходила. Тогда я сказал: „Probablement elle va se présenter à Moscou à madame la gr-de duchesse“, тогда императрица: „malheureusement j'ai oublié de le lui dire“.

Сегодня вернулся от государя доклад о назначении преосв. Александра.

Вашего высочества преданнейший

К. Победоносцев.

Петербург. 29 января 1894.

10.

Вот, бог дал нам радостную весть,—не знаю, как удалось вашему высочеству так скоро повернуть дела в благоприятную сторону. В добрый час! У нас точно спала с души тяжелая забота и открылись новые горизонты там, где, казалось, свет досками забран!

А теперь копятя вопросы—один за другим. Что жених? Любит ли и как любим? Проснулась ли мысль его? Проснулась ли забота? Поднялся ли тот интерес духовный, который двигает вперед человека и расчищает путь перед ним?

И что невеста? Вопрос о вере, конечно, решен в необходимом смысле? Великое дело—будущая императрица русская, и теперь особенно великое дело в виду натуры и характера и всего прошедшего у цесаревича. Когда она прибудет сюда? Не прибудет ли с вами прежде всего в Москву?

Если она умна, если душа у нее живая, конечно, в душе у ней теперь масса представлений, вопросов, ожиданий, гаданий о неведомой области, в которую она вступает. Первое появление ее здесь не может быть так обставлено, как появление бывшей цесаревны Дагмары, которую давно

ждал и чаял, и знал народ, потому что ей предшествовала поэтическая легенда, соединенная с памятью усопшего цесаревича,—и день ее въезда был точно поэма, пережитая и воспетая всем народом.

Но и этой новой цесаревне—гладкая и светлая дорога в Россию, и навстречу ей понесутся надежды живые и крепкие. Образ нынешнего государя, тогда цесаревича, был и тогда известен—и он был связан с тою же поэтической легендой умирающего брата и друга. Нынешний цесаревич в тени, и образ его бледен в представлении народном, совсем бледен. Тем живее выступит теперь образ его невесты, и пока не узнают его, на ней будут держаться надежды народные.

О, когда бы она оправдала их! О, когда бы она сумела, выйдя из немецкой среды, понять дух наш и полюбить народ наш и с ним нашу церковь, подобно тому, как вошла в наш дух милая, незабвенная мать ваша, покойная императрица!

Кто сумеет осторожно и ласково и духовно ввести ее в это понимание и в это чувство! Кто сумеет ее германскую культуру перелить в культуру русской верующей и любящей души и показать ей смысл всего прошедшего и всего настоящего в том смешении красоты с мелочью и пошлостью, которое представляет нам окружающая жизнь. Конечно, первые шаги ее будут под кормилом вашим и великой княгини.

Слышу, что она умна. Но ей потребуется много, много такта и осторожности, чтобы найтись и утвердить свое положение посреди известной вам обстановки двора. Тут предстоит и ей, и ему много затруднений, и, может быть, искушений.

Благослови боже доброе начало, дай бог увенчать миром и любовью и дружеством мысли и воли в новом союзе. Вот наше горячее желание и молитва наша...

Не надеюсь увидеть ваше высочество вскоре по возвращении вашем, но не могу удержаться, чтобы не написать вам эти строки из Сергиевой пустыни, где провожу эту

неделю. Жалею, что не попросил вас при отъезде вашем захватить для меня фотографию принцессы.

Очень может быть, что это письмо не дойдет до вас ранее пасхи. Тогда примите от меня вам и великой княгине радостное „христос воскрес“!

Вашего высочества преданнейший

Конст. Победоносцев.

Сергиева пустынь. 11 апреля 1894.

11.

Невеселые вести приходится на сей раз сообщать вашему высочеству. Сегодня был в Ливадии с тяжелыми впечатлениями.

Сначала пошел к Черевину, и он сообщил мне нерадостное. Лейден своим отзывом оживил надежду на лучшее и много оживил императрицу. Надобно, по его словам, год пробыть в теплом крае. Остановились на Корфу. Но Черевин слышал, что в Корфу бывают непогоды, и ему пришла на мысль Бискра в Алжире; этот выбор одобрял и Захарьин. Но этого не хотят, по словам Черевина, потому что неловко перед королем, который предоставил дворец свой. Беловеж, по словам Черевина, нездоровое, негодное место, все в болоте, и лишь фантазия Воронцова придумала строить там дворец. Государю хотелось поскорее оттуда выехать, равно и из Спалы, но тут на целую неделю задержала их болезнь императрицы—lumbago с нестерпимыми болями, так что она мучилась все время жестоко и не в силах была одеться. Наконец, решились и с больной уехать. (Имп-ца потом сказывала мне, что она употребила полдня для того, чтобы одеться в дорогу, с величайшими усилиями.) Государь рад был войти в вагон и был весел, спал лучше прежнего, но под конец натрудил себя—целый день без перерыва и до ночи играл в карты,—потом ночь не спал и ослабел. „Сегодня,—гов[орил] Черевин,—он спал хорошо. Но слаб он ужасно, ходит с трудом, ноги пухнут, сердце слабо

действует. Я сейчас пойду ловить его во время его прогулки (прогулка ничтожная—на площадке перед домом). Пойдемте. И мы пошли. Я еще надеялся увидеть государя, но Черевин, вернувшись, сказал, что он не в силах, а имп-ца примет меня после завтрака.

Пошли к завтраку в кавалерскую. В этой зале в последний раз я обедал в 1880 г., в тяжелый день, когда Юрьевская водворилась в Ливадии. Тут вся компания собралась. Говорил с Воронцовым; он очень озабочен. По словам его, лечение правильное только теперь начинается,—делают ванны. Но ванны,—гово[рит] Попов,—надо делать осторожно, ради сердца.

После завтрака пошел к императрице; она была одета, но еще жаловалась на боль. Видел государя истощенным перед отъездом его из Петербурга; теперь, говорит имп-ца, вы бы не узнали его. Он стал послушен в лечении. Когда приехал Лейден, нашел его истощенным и советовал кормить его по прежнему (его кормили молочным, но молоко опротивело ему страшно, хотя прежде он так любил его)—и действительно, он стал кушать по прежнему и чувствовать себя крепче. Имп-ца говорит, что его страшно утомил прием в Ялте и в Ливадии—это стоило ему больших усилий и он ослабел.—Что же он делает днем? Может ли читать?—Нет, говорит она.—А если ему читать?—И это его утомляет. Только дети ходят к нему, и это его развлекает. Голова тяжела, и он засыпает иногда. Имп-ца успокаивается на мысли о поездке в Корфу, но они хотят еще остаться здесь, пока будет погода. Но, к сожалению, именно теперь сентябрь выпал прехолодный—ветер, пасмурно, холодно, неудобно. Все мы зябнем и закупориваемся.

Вот положение, которое застал я. Можете судить о моих ощущениях. Они очень грустны,—особенно при этой обстановке. Никто ничего не знает и ничто не определено—точно нет воли всем руководящей, и вот что ужасно. Государь принадлежит всей России, и вся Россия теперь омрачена недоумением и неизвестностью. И кто же при государе? Попов—ассистент Захарьина! Надо знать, что это [за] асси-

стенты! Захарьин обращается с ними, как с лакеями, рассылая их вперед себя по домам готовить свое пришествие. Все это знают, все будут спрашивать: как же это? Спрашивать с осуждением и упреком... Состояние государя ни для кого не тайна, особливо здесь, в Ялте, где многие из свиты проводят вечера свои в театре и потом, за ужинами, не стесняясь говорят обо всем с кем попало... А Захарьин в Москве; приедет, говорят, когда потребуют. А кто вздумает потребовать его? Тут успокаиваются на Попове и на отзыве Лейдена. Я думаю, что теперь долг Захарьина был бы оставаться здесь, жить и умирать около государя или вблизи его. Ведь бог знает! что каждый день может случиться. Имя Захарьина вся Россия знает, и надо, чтобы все знали, что Захарьин при государе.

Другая тяжелая забота,—как быть по отъезде государя в Корфу? Где и кто будет правительство? Говорят, пусть бы цесаревич оставался в Петербурге и правил текущими делами при содействии совещания,—как делалось прежде. Цесаревич желает в Дармштадт. Но, говорят, пусть невеста приедет сюда, а ему нельзя отсутствовать. Однако, я вижу, что у имп-цы мысль такая, что невеста приедет к ним в Корфу,—стало быть, и цесаревича туда потянут...

Что с нами будет! Помилуй, господи. Теперь государь в таком состоянии, что никто не решится заговорить с ним об этом предмете, чтобы не волновать его и не расстраивать...

Вот, ваше высочество, мои невеселые вести. На-днях буду еще в Ливадии. Будем молиться, да помилует нас бог.

Сердечно преданный

К. Победоносцев.

Гурзуф. 23 сентября 1894.

Сегодня я был в Ливадии и вернулся все-таки не с таким тяжелым впечатлением, как в прошлую пятницу. Государь вчера после ночи, проведенной спокойно, чувствовал

себя бодрее, был у обедни, в соседней комнате стоял, потом ездил в Ай-Тодор, что продолжалось около 5 часов. Натрудил себя и оттого плохо спал. Однако походил сегодня, бодро вошел на лестницу; после завтрака поехал гулять в экипаже. Я не видал его, и вообще он, не принимает,— очевидно, ему тяжело показывать себя в истощении. Только императрица и дети при нем постоянно.

Вчера приехала А. А. Оболенская, но и она почти не видела даже императрицу. Я зашел [к кн. Оболенской; кажется, она одна с энергией в этом месте,—она так же возмущена тем, что нет здесь никого, кроме Попова, которого все разумеют не иначе, как лакеем Захарьина. Я узнал уже от нее, что им-ца распорядилась вызвать немедленно и Захарьина, и Лейдена. Ни одного хирурга нет, Гирш в отсутствии. Императрица вызывает Вельяминова. Все это сделано помимо Воронцова, который Вельяминова терпеть не может. Цесаревич подтвердил мне о вызове доктора, но Воронцов не знает.

Все в неведении. Я убеждаю Воронцова сильно, что надо печатать известия о государе, — бог знает, что люди думают, и какие идут толки. Уже известие, что он был у обедни и ездил в Ай-Тодор, успокоило бы многих. А Воронцов все не решается!

Но как быть с невестой, — вот вопрос. Императрица говорила прошлый раз, что она приедет к Корфу. Говорят иные: ее надо привезти поскорее в Россию, — пусть бы она приехала и поселилась покуда в Ц. Селе с в. кн. Елизаветой Федоровной, а цесаревич будет в Москве.

Видел я цесаревича. Говорил ему: вот теперь вам надо выступить, государя необходимо устранить от текущих дел управления, вам надо быть в Петербурге и заняться этими делами. Он говорит: я готов.

За завтраком в кавалерской дам не было. Кутузовы с Черевиным уехали завтракать в Ялту.

Говорил с Поповым. Ванну государю не делали с четверга. Дня два, как начали давать ему digitalis.

Вот, ваше высочество, впечатления нынешнего дня. Простите за несвязность.

Душевно преданный

К. Победоносцев.

Гурзуф. 26 сентября 1894.

А. А. Оболенская говорит очень резонно: меня страшит мысль о Корфу. Боже избави везти туда государя в нынешнем его положении, пока он еще не окреп. Я знаю Корфу. Там в ноябре и декабре бывает такая погода, что пароходы по неделе не могут пристать. Каково же будет России не знать, что делается с государем!

Отчего Захарьин уехал? Попов объясняет это так. Захарьин при здешней обстановке впадает в такое нервное состояние, которого выносить не может! Притом ему нужно закончить свои лекции!

13.

Завтра предполагаю съездить в Ливадию. Но сегодня приезжала сюда Сандра с Барятинским и с Валерианом Оболенским. От нее я узнал, что государю получше, анализ был более благоприятный. Третьяго дня он ездил в Учан-су, а вчера в Массандру. Сандра говорит, что императрица нехорошо себя чувствует и страшно утомлена. Она почти не спит, ибо не отходит от государя и ночью. Когда он не спит, и она не спит, когда он,—то и она засыпает. А днем спать не может.

Отъезд на Корфу, повидимому, решен. Бенкендорф уже отправился туда для приготовлений. Греч[еский] король пишет что ноябрь в Корфу восхитителен, а теперь там еще жара невыносимая.

К. Победоносцев.

Гурзуф. 29 сентября 1894.

14.

Спешу написать вашему высочеству несколько строк по случаю встретившейся okazji. Я знаю очень мало нового,

потому что никого не вижу,—вот уже 2 недели простудился и сижу дома с кашлем и лихорадкой. В последний раз выезжал в прошлый четверг в Аничков дворец, куда государь меня потребовал. Оказалось, что он возлагает на меня дело, довольно тягостное,—дело, о коем вы, конечно, слышали: разбор пререканий между Лейхтенбергскими о движимости, входившей в состав майоратного имения. К участию в этом разборе привлекаются еще Муравьев, гр. Воронцов и Витте. Дело неприятное, потому что придется, вероятно, входить в пререкания с гр. Воронцовым, который до сих пор распоряжался всем этим делом.

Молодую императрицу я все-таки не видел до сих пор, хотя государь всякий раз обещает меня представить. На сей раз я был вызван в 4 часа, когда они вернулись из сада и собирались идти наверх к чаю. Государь говорил, что после общего приема она теперь принимает дам в отдельности, по две—по три.

Очень жаль, что это уединение продолжается.

После речи государя продолжается волнение с болтовней всякого рода. Я не слышу ее, но мне рассказывают, что повсюду в молодежи и в интеллигенции идут толки с каким-то раздражением против молодого государя. Вчера заезжала ко мне Мария Ал. Мещерская (ур. Панина), приехавшая сюда на короткое время из деревни. Она в негодовании от всех речей, которые слышит по этому поводу в гостиных. Зато на простых людей и на деревни слово государя произвело благотворное впечатление. Многие депутаты, едуци сюда, ожидали бог знает чего, и, услышав, вздохнули свободно. Но как печально, что в верхних кругах происходит нелепое раздражение. Хоть бы спросили себя эти люди: чего же хотят они? Но все они как стадо, и многие повторяют только чужие слова и воспринимают чужое, напускное впечатление. Я уверен, к несчастью, что большинство членов Госуд. Совета относится критически к поступку государя и, увы, некоторые министры тоже! Бог знает, что было в головах у людей до этого дня, и какие выросли ожидания... Правда, что давали к тому и повод... Многие прямые русские люди

были положительно сбиты с толку наградами, объявленными 1 января. Вышло так, что новый государь с первого шага отличил тех самых, кого покойный считал опасными,—Гроту дали Андрея, Каханову—Владимира, а Каханова покойный считал одним из сообщников Лориса и¹⁾ Кахановскую комиссию, наконец, назначили в Гос. Совет Мордвинова, в назначении коего покойный ежегодно отказывал, считая его, и справедливо, Лорисовским человеком: Всех их представил теперь в. кн. Михаил Николаевич, который, к сожалению, не умеет различать людей и поддается внушениям. Не дай бог теперь, чтобы юный государь впадал опять в назначениях и в распоряжениях в противоречие со сказанными им словами. Все это внушает опасение за будущее. Верите ли, ваше высочество, что в числе людей, имеющих власть в руках,—едва ли я могу назвать хотя одного, кто бы стоял твердо в своем мнении, про кого можно было бы сказать с уверенностью, что он при всяких обстоятельствах скажет: да и нет на существенные вопросы...

Полковцев уже спрашивал государя и с разрешения его соберет на-днях к государю собрание Исторического общества в заседание, посвященное памяти усопшего государя.

Будут речи,—просили и меня сказать свое слово. Все эти дни я готовил кое-что и, вероятно, скажу, когда придет время. Все это, вероятно, будет напечатано.

Здравствуйте, ваше высочество, и да хранит вас бог.

Преданнейший

К. Победоносцев.

Петербург. 2 февраля 1895.

15.

Столько разных толков по поводу манифеста и указа,—толков, связанных с моим именем,—что я хочу рассказать вашему высочеству, как дело было.

Меня вызвали по телефону в Петергоф 28 июня. Я приехал уже в 10 часов вечера. Барон Фредерикс, вернувшись

¹⁾ Пропущено одно слово неразборчиво написанное в подлиннике.

от государя, объявил, что государь вызвал меня для составления манифеста и прибавил: „К. П. знает уже от меня, что надобно написать“.

Но я ничего не знал, ибо государь не говорил со мной на этот случай, и потому в 10 часов поехал к государю. Тут государь объявил мне, что надо написать по точной ст. основного закона, то-есть чтобы имени наследника и цесаревича не было.

Между тем оказалось, что, подумав обо мне, забыли о главном лице, до коего дело касается, — о министре юстиции. Муравьева не было, и я послал за Завадским, который прибыл уже в 12 ч. ночи.

Я написал манифест, как вы его читали, и не ранее 2 ч. ночи послали его к подписи государя.

Но, предвидя, что поднимутся толки (коих подобие слышал я тут же от Фредерикса), я, для ограждения себя, послал государю манифест в двух образцах: один — как вы читали, а другой с прибавлением: „коего повелеваем признавать и именовать наследником цесаревичем“.

Затем от синода надлежало разослать формулу возношения имени (так как в первое время в церквах поминали уже наследника-цесаревича). Осторожность требовала утверждения государя. И я представил опять государю два образца: один № 1 — „государя, великого князя Михаила Александровича“. Другой № 2 — „государя, наследника-цесаревича“.

В тот же день получил ответ такой: „Безусловно утверждаю № 1. Это — мое бесповоротное решение“.

Сомневаться нельзя было, и тотчас разослали эту формулу.

Это было 30 июня. Поднялись толки в городе и при дворе, как же это нет наследника? Судили по прежнему примеру 1894 г., когда гр. Воронцов неправильно устроил именную присягу Георгию Александровичу, что совсем не согласно с формой присяги, приложенную к основным законам.

Для объяснения дела я было заготовил статью для „Правительственного Вестника“, давая делу такое значение,

что в 1894 году государь был еще не в браке, а ныне он в браке, с надеждой на рождение сына, который и будет настоящим наследником (извольте смотреть 100, 101 ст. осн. зак. и форму присяги).

Но 5 июля вызвал меня государь на следующий день, и когда я явился, подал мне записку от императрицы Марии Феодоровны, присланную мне уже из вагона. Слышно было, что у императрицы была гр. Воронцова и передавалось недоумение о манифесте. Императрица писала, что необходимо назвать Михаила Александровича наследником, хотя и без цесаревича.

Тогда пришлось составить указ сенату и разослать новую формулу.

Теперь на меня сваливают вину всех начальных распоряжений. Извольте рассудить сами, как дело было.

Вашего высочества преданнейший

Конст. Победоносцев.

Царское Село. 14 июля 1899.

16.

Хоть невесело мне писать вашему высочеству, а вам читать, однако, думаю, не лишнее известить вас о моем свидании с в. кн. Павлом Александровичем.

Вчера он прислал записку и просил приехать к нему сегодня, так как в понедельник он уезжает за границу.

23 ноября я получил от государя записку: если возникнет разводное дело Пистолькорсов, не давать ему хода. А на сих днях вступило в консисторию исковое прошение Ольги Пистолькорс, о чем я известил тогда же государя.

Теперь, перед объяснением с вел. князем, мне надо было знать, объявил ли ему сам государь о своем распоряжении. На мой вопрос государь ответил, что недели 2 тому, имев тяжелое объяснение с в. кн., он высказал ему, что разрешение на эту женитьбу никогда не даст ему. „Его, бедного, сердечно жаль, но выхода из его положения нет“. Далее пи-

шет: „Еще вчера, при свидании с ним, я указал ему, что в его руках возможность разрешить бракоразводное дело, если он даст мне слово не искать ее руки. Он мне живо возразил, что не даст такого слова. Значит, на этом все кончается и дело остается без изменения“.

Сегодня в. кн. сразу стал мне объяснять свое мучительное, безвыходное положение и, очевидно, искал моего сочувствия. Я ему высказал, что в этом сочувствии он не может сомневаться, но выхода нет. Теперь положение его именно здесь тяжелое, и самое лучшее ему удалиться в другую среду—за границу. „Это я и делаю“.—„И живите там, как можно дольше,—верно не в одиночестве?“—„Да,—говорит,—она никогда меня не оставляет“.—„Ведь вот семь лет вы так жили—поживите и еще; но вам надо успокоиться“.

При дальнейшем разговоре я высказал ему, что сам он до сих пор действовал очень неосторожно.—„Эти дела ведутся тихо и скромно, а ведь ваша связь была выявля перед всеми¹⁾, а в последнее время происходила совсем открыто. Дело велось крайне неблагоприятно. Ведь знаете ли вы, что нынче осенью Пистолькорс являлся к друзьям своим с сияющим лицом, что, к радости его, жена его выходит за в. князя и будет развод. Об этом все говорили—и извозчики, и лакеи в Ц. Селе. („Не может быть!“, сказал в. князь). А затем,—я говорю,—вернулась из-за границы Ольга Пистолькорс, и все стали замечать, что она делает визиты к дамам, у коих прежде почти не бывала, и имеет интимные беседы с в. кн. Марией Павловной. Безумно было так готовить дело. А затем, ведь все говорили, что Володя ваш сын? („Это правда“, говорит в. кн.). Так зачем они так его разряжали и выставляли и вплетали ему ленты вашего цвета?“.

Тут в. кн. стал горько плакаться, что все родные от него отвернулись, и даже брат показал ему только суровость, сказав, что если этот брак совершится,—он знать меня не хочет.—„Не удивляйтесь и этому,—сказал я. Вы знаете, что брат первый друг ваш и вас любит. Но ведь и он нервный,

¹⁾ В. кн. согласился, что это была ошибка. (Примеч. в подлинном).

с великими заботами, и известие упало ему, как снег на голову,—и вы нервный и расстроенный. А затем подумайте: с самого начала связи говорили вы с этим братом что-нибудь об этой связи, которая на глазах у всех происходила? Нет, вы не допускали об этом ни малейшего слова. („Это правда.“) Так как же: самая интимная ваша область была заперта между вами,—и так во всем остальном отношения стали неестественны“...

„Хотя бы кто подал мне луч надежды!“, говорит в. князь.

На это: „Как вы хотите, чтобы теперь и в этих обстоятельствах дали вам луч надежды, разве это возможно? Оставьте эту надежду при себе (надо же было что-нибудь впереди показать ему); дайте времени сделать свое дело,—дайте затихнуть тем басням, которые всюду о вас рассказываются. Подумайте тоже,—хорошо ли, когда б вам сразу эту надежду дали? Ваше высочество, а дети ваши! Каково им узнать теперь,—конечно, никто им не скажет, но дети ведь очень чутки, особливо Мария Павловна—все примечает и думает, и чувствует что-то недоброе,—а ведь как они вас любят.

И вы говорите—никто! Никто не возьмется быть ходатаем вашего желания, но все сердечно жалеют и скорбят—вот, наверное, императрица Мария Феодоровна сердцем соболезнует вам“.

Он: „Да, это правда, она сердечно меня встретила, но и я не мог упросить ее, чтобы подействовала на государя; обещала, но потом все—то некогда, то не могла наедине его видеть... Государь очень был добр и плакал вместе со мной, но...“

„Нет, ваше высочество, уезжайте“.

— „Да, поеду, но еду в отпуск и должен в апреле вернуться на службу...“

Тут я подумал, что нехорошо будет—в апреле опять те же волнения и надежды, и до апреля она как будет приставать к нему и выставлать себя (как всегда они делают) опозоренною! Лучше бы остаться дольше, и я стал говорить, что лучше бы ему теперь совсем уволиться от службы. Он

говорит: „Но как бы не приписали это озлоблению“.—„Не думаю никак; вы расстроены и физически, и душевно; для того, чтобы успокоиться, надо вам до времени отрезать себя отсюда“.

Тут он стал просить меня, чтоб я когда-нибудь словом своим, при случае, пособил делу. Я, конечно, не мог сказать ему нет, но, разумеется, не только воли, но и случая к тому иметь не буду.

Так я расстался с вел. князем, от души пожелав ему тихого житья за границей и умирения его волнений. Жаль его очень—затянула его эта женщина, затянула негодная семья ее!

Искренно преданный

К. Победоносцев.

Петербург. 16 февраля 1902.

17.

Почитаю не лишним довести до сведения вашего высочества о нижеследующем.

Государь император лично изволил объявить мне, что нет нужды далее препятствовать разводу Пистолькорсов, так как великий князь дал обещание не жениться.

Пистолькорс с двумя дочерьми и сыном находится здесь, остальная же семья за границей.

Великий князь Павел Александрович в день именин своих весь день проводил здесь с детьми, и каждый праздник приезжает сюда и остается с ними.

Вашего высочества преданнейший

Конст. Победоносцев.

Царское Село. 7 июля 1902.

18.

Сегодня я ответил кратко на телеграмму вашего высочества. Все это совершалось в бытность вашу здесь, и я думал, что весь ход дела был вам известен, так как обо всем этом говорилось в семейном кругу.

Еще весной государь письмом ко мне наложил запрет на дело о разводе. Оно и лежало. В. кн. Павел Александрович с весны ни слова не говорил мне об этом деле.

Потом, в конце июня, когда я был у государя, государь сказал мне: „Теперь можно пускать дело о разводе: в. кн. Павел дал мне обещание не жениться“.

Делу дали ход.

Потом, в июле, 13 числа, я завтракал у государя. За завтраком императрица заговорила о деле. Я говорю: „В. князь обещал не жениться“. Но императрица замечает: „Однако, ведь он прямо не обещал, а через третье лицо“. На это замечание государь ни словом не отозвался. Я подумал: что же это значит? И велел сказать в консистории: не спешите разводом.

Потом я был как-то у имп. Марии Федоровны. Она знала, что дело о разводе пущено, но стала с сожалением говорить о в. князе и прибавила: „нельзя ли как протянуть дело?“

Затем, 22 июля, перед выходом во дворец, отзывает меня в сторону в. кн. Владимир Александрович и говорит „Послушайте, надо поскорее кончить этот развод, это не-сносное дело“ (как будто я тяну его!). Я говорю в. князю: однако, вот что сказала императрица,—что обещание дано через третье лицо? Он: „Вздор! Спросите у государя“.—„Я говорю: неужели вам не жаль Павла Ал.?“—Он: „Что делать, конечно, она надоест ему, и т. п.“.

Между тем, Ольга Пистолькорс бегает в консисторию и хлопочет ускорить дело. Уже через день после 22 июня она была там и объявляла, что в. кн. Владимир говорил с обер-прокурором и что надо непременно, чтобы развод поспел к 12 августа.

12 августа я гулял в парке. Тут меня встретила мать, вдова Карпович, и со многими слезами подала мне письмо от дочери. Пишет и умоляет, чтобы дело решилось 13, на другой день. „Мне,—говорит,—известно, что завтра заседание синода и дело будет туда представлено. Мне нужно ехать за границу—муж мой в Риме [?] и я не могу получить

разрешения. Помогите, спасите, и проч.—На это я отвечал матери: „Нельзя сделать чего желает ваша дочь: не бывает этого, чтоб дело такое решалось в ту минуту, как получено. Скажите вашей дочери, что дело решено будет в течение августа“.

На другой день в синоде, едва кончилось заседание явилось дело. В нем, как в других подобных, показание под присягой двух офицеров конной гвардии, что видели Пистолькорса лежащего в постели с какой-то женщиной. Дело осталось лежать.

Думаю себе: в этой путанице без вины виноват будешь, и потому еще 12 числа написал государю подробную реляцию обо всем, что выше изложено, и послал ему самое письмо Ольги Пистолькорс. Через 3 дня государь возвращает мне это письмо с надписью: „вполне одобряю ваш ответ г-же Карпович.“

В Успеньев день, накануне свадьбы, получаю от в. кн. Владимира такую записку:

„Посылаю вам только что полученное мною письмо от О. В. Пистолькорс. Прошу вас слезно — прекратите эту недостойную чепуху. Старого не вернешь, что там ни придумывай, а с настоящим надо же по-пристойнее и по-опрятнее разделаться“.

Письмо Ольги П. наполнено нежностями к лицу в. князя и горькими жалобами на то, что тянут дело (!), а ей надо ехать за границу, и хорошо, что любезный Клейгельс устроил ей паспорт. В конце нежно прощается, не зная, когда и где увидится!

Я написал в ответ в. князю, что сделано и делается: и прибавил, что, видно, quasi-августейшая Ольга обижается, что не все происходит по щучьему ее велению.

Свадьба кончилась в 10 часов вечера, и в ту же ночь и она и он уехали.

Все это я рассказывал и Зинаиде Николаевне, и думал, что все это известно вашему высочеству.

Развод состоялся уже после этого отъезда. Вместе с тем вернулся и Пистолькорс. Вся семья оставалась тут до октя-

бря или конца сентября. Володю, которому 5 лет, водят особо, с особой гувернанткой. С ним гуляет и мнимый отец Пистолькорс. Но в церкви по праздникам зрелище было довольно нахальное. В одной комнате направо, стоит в. кн. Дмитрий Павлович, а в другой, налево, как раз против него ставят Володю. Я слышал, что теперь уже Володя отправлен за границу к матери.

Вот подробности этой печальной повести, которая, как вижу, вашему высочеству неизвестна.

Сердечно преданный

К. Победоносцев.

Царское Село. 3 октября 1902.

Сейчас был у меня архим. Серафим, только что вернувшийся из Ливадии... Но об этом писать сейчас неудобно.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абаза, Александр Агеевич (1821—1895) с 27 окт. 1880 по 6 мая 1881 министр финансов, 1881—1892 председатель департамента экономики Государственного Совета. Стр. 98, 118, 119.

Абрикосов, купец. Стр. 253.

Агафангел, ректор иркут. духовной семинарии, епископ киренский. Стр. 296.

Адлерберг, Александр Владимирович (1818—1888), министр двора и уделов в 1870—1882. Стр. 7.

Айвазовский, Иван Константинович (1817—1900), известный художник-маринист. Стр. 163.

Аксаков. Стр. 306, 319.

Александра Петровна (1838—1900), вел. княгиня, дочь принца П. Г. Ольденбургского, жена вел. князя Ник. Ник. старшего. Ушедши в монастырь, носила имя Анастасии. Стр. 57, 183, 188, 260.

Александр Невский. Стр. 240.

Александр I. Стр. 53.

Александр II. Стр. 101.

Александр, священник. Стр. 345, 348.

Александр, епископ горийский, викарий экзархата Грузии. Стр. 196.

Александр, епископ дмитровский. Стр. 270.

Александр Николаевич, в. кн. Стр. 233.

Алексей Александрович (1850—1908), великий князь, сын Александра II, генерал-адмирал, 1881—1905 главный начальник флота и морского ведомства. Стр. 20, 22, 56.

Алексей, епископ виленский. Стр. 78, 162.

Амвросий (Ключаров) (1821—1901), епископ харьковский. Стр. 36, 221.

Анастасий, епископ калужский. Стр. 211.

Анатолий, епископ калужский. Стр. 345.

Анненков. Стр. 181.

Антокольский, Марк Матвеевич (1842—1902), академик, скульптор. Стр. 72.

Антоний (Александр Васильевич Вадковский), архиепископ финляндский; с 1892 митрополит петербургский. Стр. 269.

Антонин (Андрей Иванович Капустин), (1817—1894), архимандрит, 1865—1894 настоятель иерусалимской миссии. Стр. 189.

Анучин, Дмитрий Гаврилович, ген.-майор, ген.-губернатор В. Сибири. Стр. 298.

Арсений, епископ ревельский. Стр. 282.

Арсеньев, Дмитрий Сергеевич, ген.-ад., адмирал; 1864—1885 воспитатель и попечитель вел. кн. Сергея и Павла Алчей; начальник Николаевской морской академии и морского кадетского корпуса. Стр. 273, 274, 275.

Ащинов, Николай Иванович, казак, основатель Московской станицы на берегу залива Тежуре в Африке (с.-восток). Стр. 186, 187, 188.

Бан, Митрофан, черногорский митрополит. Стр. 71, 72, 180.

Баранов, Николай Михайлович (1837—1901), генерал-лейтенант и администратор; командир парохода «Веста» в русско-турецкую войну 1877—78 г., 1880 и. об. ковенского губернатора; 1881 петербургский градоначальник; затем архангельский и нижегородский губернатор. Стр. 16.

Баранов, Эдуард Трофимович (1811—1884), граф, ген.-ад., председатель департамента государственной экономии.

Барсов. Стр. 279.

Бартенева, Н. А. Стр. 327.

Барятинский, Александр Иванович (1815—1879), князь, наместник Кавказа, главнокомандующий Кавказской армией, генерал-фельдмаршал. Стр. 177, 354.

Бахметева. Стр. 348.

Бенкендорф. Стр. 354.

Бисмарк, германский канцлер. Стр. 342.

Блудова, Антонина Дмитриевна (1812—1891), графиня, камер-фрейлина, благотворительница. Стр. 175, 176.

Блудов, Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф, председатель Государственного Совета и комитета министров 1861—1862. Стр. 127.

Бобринские, графы, помещики и сахарозаводчики. Стр. 198.

Бобринский, Владимир Дмитриевич, граф, в 1869—1871 упр. министр путей сообщения. Стр. 201.

Богаридзе, князь. Стр. 179.

Богданов, смотритель начального училища в Батуме. Стр. 195.

Бондырев, Федор Васильевич, городокский уездный предводитель дворянства. Стр. 155.

Боголепов. Стр. 335, 336, 337.

Боголюбов, Алексей Петрович (1824—1896), художник-маринист. Стр. 246.

Борис, архимандрит. Стр. 269.

Борис, епископ (1855—1901), ректор петербургской духовной академии.

Брызгалов, Алексей Александрович, инспектор студентов Московского университета. Стр. 172.

Будберг, баронесса. Стр. 308.

Бунге, Николай Христианович (1823—1895), проф. экономист и ординарный академик, 1881—1886 министр финансов; 1887—1895 председатель комитета министров. Стр. 91, 96, 97, 98.

Buckingham, графиня. Стр. 347.

Валь фон, Виктор Вильгельмович (1840 — 1904), волынский губернатор; впоследствии тов. мин. вн. дел и член Госуд. Совета. Стр. 154, 199.

Валуев. Стр. 331.

Ванновский, Петр Семенович (1822—1904), ген.-ад., ген.-инф.; военный министр с 1881 по 1 января 1898; министр народного просвещения 1901—1902; член Государственного Совета. Стр. 335, 336, 337, 346, 347.

Варсонофий, епископ казанский. Стр. 112, 114.

Васильев, Михаил Николаевич (1826 — 1900), профессор живописи или Васильев, Павел Семенович (р. 1834), академик мозаики. Стр. 246.

Васильковский, Антон Степанович, ген.-лейт., завед. императорским дворцом. Стр. 228.

Васнецов, Виктор Михайлович (р. 1848), художник. Стр. 185, 186.

Вахтин, М. В., капитан-лейтенант, инспектор Добровольного флота. Стр. 19, 244.

Вельяминов, хирург. Стр. 341.

Вениамин (Благодаров), епископ иркутский. Стр. 83, 296, 297.

Вениамин, епископ оренбургский. Стр. 79.

Верховский. Стр. 317.

Вельская. Стр. 347.

Вильмс. Стр. 70.

Виссарион, викарий экзарха Гурия. Стр. 196.

Виталий, епископ могилевский. Стр. 28.

Витгенштейн; кн. Стр. 162.

Витте, С. Ю., граф. Стр. 306, 310, 313, 355.

Владимир Александрович (1847—1909), велик. князь, третий сын Александра II, президент Академии художеств; 1881—1905 командующий войсками петербургского военного округа. Стр. 111, 246, 261, 331, 343, 362, 363.

Владимир (Петров), в 1883 епископ томский, 1886—1889 епископ ставропольский. Стр. 108, 109, 110.

Влангли, Александр Георгиевич (1823—1908), товарищ министра иностранных дел 1882—1891; посол в Риме 1891—1897; 1897—1908. член Государственного Совета. Стр. 187.

Владимир, епископ старорусский, викарий новгородский, затем епископ самарский. Стр. 302.

Волков, И. Н., купец в Н.-Новгороде. Стр. 81.

Володя, сын Ольги Пистолькорс и в. кн. Павла Александр. Стр. 359, 364.

Воронцов Дашков, Илларион Иванович (1837—1917), граф, 1881 начальник охраны Александра III и главноуправляющий госуд. коннозаводством, с августа 1881 по 1897—министр императ. двора и уделов; с 1905 наместник Кавказа. Друг Александра III. Стр. 7, 8, 168, 169, 173, 216, 260, 261, 342, 345, 350, 351, 353, 355, 357.

- Воронцова, графиня. Стр. 358.
- Врангель, Вильгельм Васильевич, барон, эстляндской губ. предводитель дворянства. Стр. 52.
- Вышнеградский, Иван Алексеевич (1830—1895), ученый и государственный деятель. 1884 член совета мин. народн. просвещ.; 1886—чл. Госуд. Совета. 1887 упр. мин. финансов; 1888—1892 министр финансов. Стр. 169, 173.
- Гагарина, княгиня, помещица. Стр. 160, 266.
- Гагарин, Павел Павлович (1789—1872), князь, председатель комитета министров; председатель Госуд. Совета (1864—1 янв. 1865); председатель верховного уголовного суда по делу Каракозова. Стр. 127.
- Гардинг, англичанин. Стр. 293.
- Гейден, граф, староста Казанского собора в Петербурге. Стр. 245, 246, 327.
- Геннадий, епископ сухумский. Стр. 177, 193.
- Георгий Александрович, в. кн. Стр. 357.
- Герман, архимандрит. Стр. 222, 223.
- Гессе, Роберт, пастор. Стр. 86.
- Гиляров, проф. дух. академии. Стр. 318.
- Гинце, ген.-м., начальник острова Сахалина. Стр. 95.
- Гирс, Николай Карлович (1820 — 1895), русский дипломат, министр иностранных дел. Стр. 71, 93, 151, 346.
- Гирш, врач. Стр. 341, 342, 344, 345, 353.
- Гогенлоз, Хлодвиг, кн. (Hohenlohe, Fürst von) (1819—1901) с 1885 по 1894 — наместник Эльзаса-Лотарингии; герман. имп. канцлер 1894—1900. Стр. 162.
- Голенищев-Нутузов, гр. Стр. 310, 312.
- Голицин, Николай Дмитриевич, князь, камер-юнкер, архангельский губернатор. Стр. 136, 137.
- Головин, Н. Стр. 313.
- Гольмстрем, В. А. Стр. 314.
- Горемыкин. Стр. 310, 316, 317.
- Горчаков, Александр Михайлович (1798—1883), светлейший князь, министр иностранных дел 1856—1882; вице-канцлер с 1862; государственный канцлер 1867—1883. Стр. 137.
- Греви (Grévy), Франсуа, Поль-Жюль (1813—1891), президент французской республики с 1879 по 1885 г.г. Стр. 150.
- Григорий, епископ в Кутансе. Стр. 196.
- Григорий XIII, римский папа. Стр. 326.
- Грот. Стр. 356.
- Груич, Савва Дмитриевич (р. 1840), сербский государ. деятель и дипломат. Стр. 179, 181.
- Гурий, епископ камчатский, курильский и благовещенский. Стр. 294, 295.
- Гурий, архимандрит. Стр. 82.

- Губонин, Петр Ионович**, владелец имения «Гурзуф» в Крыму. Стр. 245, 266.
- Давид**, грузинский царь из династии Багратидов. Стр. 192.
- Дадияни**, князья. Стр. 196.
- Данилович, Григорий Григорьевич** (1825—1906), ген.-ад., ген.-инф., воспитатель Николая II и его брата Георгия. Стр. 85.
- Делянов, Иван Давидович** (1818—1897), министр народного просвещения 1882—1897. Стр. 39, 42, 142, 170, 201, 335.
- Демидов, граф, д. с. с.**, нижегородский губ. предводитель дворянства. Стр. 182.
- Демидов, князь Сан-Донато**. Стр. 48.
- Дионисий, Уфимский**. Стр. 79, 259.
- Дмитрий Павлович**, в. кн. Стр. 364.
- Добрянский, Адольф**, лидер угро-русского национального движения. Стр. 9, 10, 11.
- Догмара**. Стр. 348.
- Долгоруков, Василий Михайлович**, князь, камергер, витебский губернатор. Стр. 46, 47, 154.
- Долгоруков, Владимир Андреевич** (1810—1891), князь, ген.-ад., ген.-кав., московский генерал-губернатор 1865—1891. Стр. 55, 77, 78, 170.
- Дондуков-Корсаков, Александр Михайлович** (1820—1893), князь, ген.-ад., 1878 русский комиссар в Болгарии; 1879 одесский ген.-губернатор; 1880 харьковский генерал-губернатор; 1882—1890 главноначальствующий гражд. частью на Кавказе и командующий войсками кавказского военного округа. Стр. 42, 64, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 146, 234.
- Достоевский, Федор Михайлович** (1821—1881), писатель. Стр. 132.
- Дрентельн, Александр Романович** (1820—1888), ген.-ад., ген.-инф., киевский генерал-губернатор и командующий войсками киевского военного округа. Стр. 178, 179, 180, 182, 191, 197, 198, 199, 201.
- Дурново, ген.-лейт.**, возможно **Дурново, Дмитрий Николаевич**, ген.-лейт., ум. 1888. Стр. 48.
- Дурново, Иван Николаевич** (1830—1903), 1882 товарищ министра внутренних дел; 1886 главноуправляющий по учреждениям императрицы Марии; 1889 министр внутренних дел; 1895 председатель комитета министров. Стр. 254, 266, 347.
- Дурново, Петр Николаевич**, директор департамента полиции; министр внутренних дел 1905—1906. Стр. 147.
- Духонин, Михаил Лаврович**, генерал-майор, Выборгский комендант. Стр. 120.
- Екатерина Михайловна** (1827—1894), великая княгиня, дочь вел. кн. Михаила Павловича и Елены Павловны, жена герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого. Стр. 72, 235, 236, 346.
- Елена Павловна**, вел. кн. Стр. 235.
- Елизавета Маврикиевна**, в. кн. Стр. 346.
- Елизавета Федоровна**, в. кн. Стр. 353.

- Ермолов, Алексей Петрович** (1772—1861), ген.-инф., главноуправляющий Грузией и командир отдельного кавказского корпуса. Стр. 112.
- Ершов, Василий**, священник гор. Белого, Смоленской губ. Стр. 107.
- Жадовская**. Стр. 34, 35.
- Жуковский, Василий Андреевич** (1783—1852), известный поэт, воспитатель Александра II. Стр. 4, 5.
- Завадский, тов. мин. юстиции**. Стр. 357.
- Зак, банкир**. Стр. 123.
- Зарудная**. Стр. 147.
- Зарудный, Сергей Иванович** (1821—1887), сенатор. Стр. 147, 148.
- Зарудные**. Стр. 147.
- Захария, монах**. Стр. 194.
- Захарьин, Григорий Антонович** (1829—1897), директор факультетской терапевтической клиники Московского университета. Стр. 278, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 350, 351, 352, 353, 354.
- Зенгер**. Стр. 337, 338.
- Зефиropуло, Илар Иванович**, отставной подпоручик, ялтинский исправник. Стр. 35.
- Зибер**. Стр. 67.
- Зинаида Николаевна (Юсупова)**, жена ад'ютанта в. кн. Сергея Александровича. Стр. 363.
- Зиссерман, Карл Львович**, ставропольский губернатор. Стр. 117.
- Золя (Zola), Эмиль** (1840—1902), французский писатель-романист. Стр. 130.
- Иаков, герцог**. Стр. 67.,
- Иван Грозный**. Стр. 212, 213, 240.
- Ивановский, Николай Иванович**, проф. Казанской духовной академии. Стр. 80.
- Игнатьев, Алексей Павлович** (1842—1906), граф, ген.-кав.; в 1885—1889 генерал-губернатор Восточной Сибири и командующий войсками сибирского военного округа; 1889 киевский генерал-губернатор; с 1896 чл. Государственного Совета. Стр. 82, 100, 199, 297, 298, 314.
- Игнатьев, Николай Павлович** (1830—1908), граф; дипломат, с 1881—1882 министр внутренних дел, председатель Петербургского слав. благотворительного комитета. Стр. 12, 191, 259.
- Иерон, архимандрит** одной из церквей на новом Афоне. Стр. 327.
- Иероним (Соломенцов)** (1803—1885), игумен Ново-Афонского монастыря. Стр. 194.
- Илларион, епископ**. Стр. 231.
- Ильминский, Николай Иванович** (1821—1891), ориенталист, директор казанской учительской семинарии. Стр. 81, 259.
- Илюша, воспитанник** в. кн. Александры Петровны. Стр. 183.
- Иннокентий** (1797—1879), епископ камчатский и алеутский с 1840 по 1868: с 1868 митрополит московский. Стр. 271.
- Иннокентий, монах** Ново-Афонского монастыря. Стр. 194.
- Иоанн Кронштадтский**. Стр. 343.

- Иоанникий (Руднев)** (1826—1900), митрополит московский. Стр. 249, 265.
- Иосиф**, епископ владикавказский. Стр. 193.
- Исидор (Никольский)** (1799—1892), митрополит петербургский 1860—1892. Стр. 249, 258, 263, 264.
- Иустин**, епископ тобольский и сибирский. Стр. 300, 301.
- Жавелин**, смоленский губернатор. Стр. 152.
- Мантанузен**, князь, граф Сперанский, Михаил Родионович (1848—1894), директор департамента духовных дел иностранных исповеданий. Стр. 267.
- Карпович**, мать Ольги Пистолькорс. Стр. 362, 363.
- Катакази, Константин Гаврилович** (1830—1890), рус. посланник в Северо-Американских Соединенных Штатах 1869—1872; потом состоял в ведомстве министерства иностранных дел. Стр. 161, 162.
- Натанский, Александр Львович** (р. 1831), проф. петербургской духовной академии. Стр. 269.
- Натков, Михаил Никифорович** (1818—1887), публицист и редактор «Московских Ведомостей». Стр. 77, 141, 142, 143, 150, 151, 151, 161.
- Наханов, М. С.** Стр. 23, 356.
- Незма**, учитель. Стр. 190.
- Неллер**. Стр. 314.
- Нениг**, благотворитель. Стр. 90, 130.
- Кентерберийский епископ Эдуард** (Canterbury Eduard). Стр. 180.
- Нетхудов, Михаил**, чиновник московского почтамта. Стр. 173.
- Кипиани, Дмитрий**, кутаисский предводитель дворянства. Стр. 113, 114.
- Клейгельс**, чинов. мин. ин. дел. Стр. 363.
- Климент** (1841—1901), тырновский митрополит, писатель и политический деятель. Стр. 72, 308, 309.
- Кованько**, управляющий Курско-Харьковско-Азовской жел. дор. Стр. 216.
- Кожевников, Василий Федорович** (р. 1855), русский консул в Иерусалиме. Стр. 187.
- Козлов, Павел Алексеевич** (1841—1891), поэт, переводчик Байрона, камергер. Стр. 33, 34.
- Козлянинова, Екатерина Николаевна**, фрейлина в. кн. Елизаветы Федоровны. Стр. 160, 274.
- Козлятиновы сестры**, сектантки. Стр. 160.
- Кони, Анатолий Федорович** (р. 1844), почетный академик, судебный деятель, сенатор, член Государственного Совета, 1885—1891 обер-прокурор сената. Стр. 217.
- Константин Константинович** (1858—1915), великий князь, поэт, командир л.-гвардии Преображенского полка; главный начальник военно-учебных заведений; ген.-инспектор военно-учебных заведений; с 1889 президент Академии Наук. Стр. 282, 310.
- Константин Николаевич** (1827—1892), вел. кн., генерал-адмирал, главный начальник флота и морского ведомства 1855—1881, председатель

Государственного Совета 1865—1881. В 1881 уволен от всех должностей. Стр. 55, 56, 300.

Корф, Модест. Стр. 53.

Корф, барон, ген.-губернатор В. Сибири. Стр. 82, 159, 295, 296, 297, 298, 299.

Костанде. Стр. 348.

Коцебу, Павел Евстафьевич (1801—1884), граф, ген.-кав. член Государственного Совета, 1874—1880 варшавский генерал-губернатор и командующий войсками варшавского военного округа. Стр. 54.

Крамской, Иван Николаевич (1837—1887), известный русский художник. Стр. 73, 74.

Красовский. Стр. 341, 342.

Кронсберг. Стр. 216.

Крючков, пензенский единоверческий священник. Стр. 102, 103, 104, 287, 288, 301.

Крыжановский, Ефим Михайлович, член учебного комитета при синоде. Стр. 52, 191, 198.

Ксения Александровна, в. кн. Стр. 308, 343, 344, 346.

Кузнецов, владелец имения «Форос» в Крыму. Стр. 234, 247.

Нунцевич, Иосафат (1580—1623), один из главных сторонников унии, епископ полоцкий. Стр. 156.

Кутузовы. Стр. 353.

Лабзин, купец. Стр. 183.

Лаговский, стрелял в Победоносцева. Стр. 335.

Ланг, иркутский генерал-губернатор. Стр. 298.

Лебедев, Александр Александрович (1833—1898), священник русской церкви в Праге; с 1888 настоятель Казанского собора в Петербурге. Стр. 269.

Лебедев, Павел Васильевич, протоиерей. Стр. 274.

Лебедев, приват-доцент духовной академии, возможно 1) Лебедев, Петр Ал-дрович (1836—1900), магистр петербургской духовной академии. 2) Лебедев, Алексей Сергеевич (1852—1912), магистр петербургской духовной академии. 3) Лебедев, Алексей Петрович (1845—1908), историк церкви, проф. московской духовной академии.

Лев XIII, римский папа. Стр. 323.

Лейден, проф. хирургии. Стр. 350, 351, 352, 353.

Лейхтенбергский. Стр. 304, 355.

Леонтий, архиепископ холмско-варшавский. Стр. 249, 254.

Леонтий, московский митрополит. Стр. 265, 269, 272, 277, 278, 279, 280.

Лермонтов, М. Ю., писатель. Стр. 212, 213.

Лесовский. Стр. 19.

Лорис-Меликов, Михаил Тариелович (1825—1888), граф, ген.-ад., ген.-кав., член Государственного Совета; в 1880 был председателем Верховной распорядительной комиссии и 1880—1881 министром внутренних дел. Стр. 12, 356.

- Лукошков, Василий Викторович, пермский губернатор. Стр. 230.
- Львова, княжна. Стр. 209, 210, 211.
- Любимов, Николай Алексеевич (1830—1896), проф. физики Московского университета, член совета, министр народного просвещения, единомышленник Каткова, редактор «Русского Вестника», автор тенденциозной книги «Против течения». Стр. 168, 172.
- Майореско. Стр. 185.
- Макарий Глухарев (1792—1847), миссионер, основатель Алтайской духовной миссии. Стр. 108, 109, 300.
- Макарий, епископ киренский, затем селенгинский. Стр. 296.
- Макарий, викарий воронежский, затем епископ оренбургский и уральский. Стр. 301.
- Макарий (Невский), миссионер и духовный писатель; начальник Алтайской миссии; 1891 епископ томский. Стр. 108, 109, 300.
- Мальцев, священник русской церкви в Берлине. Стр. 327.
- Малышевский, Иван Игнатьевич (1828—1897), проф. русской церковной истории киевской духовной академии. Стр. 180.
- Мамацев, священник. Стр. 196.
- Манассеин, Николай Авксентьевич (1834—1895), государственный деятель. С ноября 1885 по 1 янв. 1894 министр юстиции. Стр. 87, 91, 92, 104, 105, 110, 111, 115, 128, 140, 146, 147, 204, 209.
- Мария (Орлова-Давыдова), настоятельница Костромского монастыря. Стр. 86, 87.
- Мария Александровна (р. 1853), дочь Александра II, жена принца Альфреда Великобританского, герцога Эдинбургского. Стр. 54.
- Мария, монахиня общины в местечке Чевве Остзейского края. Стр. 259.
- Мария Павловна, в. кн. Стр. 346, 359, 360.
- Мария Федоровна, императрица, жена Александра III. Стр. 358, 360, 362.
- Марк Иона, епископ в Урмии. Стр. 317.
- Марков, Лев Львович, директор 1-й тифлисской гимназии. Стр. 116.
- Маркович, ген.-лейт., помощник начальника гл. штаба. Стр. 200.
- Мартенс, проф. международного права. Стр. 321, 322.
- Мартин. Стр. 48.
- Мартиниан, епископ симферопольский. Стр. 82.
- Маслеников, режницкий купец. Стр. 156.
- Машаков, Михаил Александрович, проф. казанской духовной академии. Стр. 80.
- Мелетий, архимандрит Соловецкого монастыря. Стр. 121.
- Мелетон, иеромонах. Стр. 156.
- Мельхиседек (Михаил Стефанеску) (1823—1892), епископ. Стр. 179, 185.
- Мещанинов. Стр. 337.
- Мещерская, Мария Алекс. (урожденная Панина). Стр. 355.
- Мещерский, Владимир Петрович (р. 1845), князь, реакционный публицист, ред.-издатель газеты «Гражданин». Стр. 32, 191, 311, 312, 313, 314.

- Мещерский, помещик Могилевской губ., Климовецкого уезда. Стр. 130.
- Мещерский, Н. П., кн. Стр. 288.
- Милица Николаевна (р. 1866), в. кн., дочь Николая Черногорского, жена в. кн. Петра Николаевича. Стр. 282.
- Мингрельский, Николай Давыдович, светл. князь, флигель-ад., полковник Кавалергардского полка. Стр. 126.
- Миркович, Михаил Федорович (1836—1891), ген.-лейт., пом. нач. главного штаба.
- Миронович. Стр. 88.
- Мирский, князь (Святополк-Мирский). Стр. 145, 146.
- Михаил, архимандрит, настоятель русской церкви в Афинах. Стр. 292.
- Михаил Александрович, в. кн., сын Александра III. Стр. 346, 357, 358.
- Михаил Николаевич (1832—1909), в. кн., четвертый сын Николая I. Генерал-фельдмаршал, ген-фельцейхм., председатель Государственного Совета 1881—1905. Стр. 42, 176, 203, 343, 356.
- Михаил, сербский митрополит. Стр. 92, 93, 180.
- Мордвинов. Стр. 356.
- Моренгейм, Артур Павлович (1824—1906), барон, русский посол в Лондоне 1882—1884; в Париже 1884—1897; 1897—1906 член Государственного Совета. Стр. 161.
- Морни, герцог. Стр. 48.
- Муравьев, Михаил Николаевич (1796—1866), граф, генерал-губернатор Западных губ.; известен жестокостями при подавлении польского восстания в 1863 г. Стр. 67.
- Муравьев, мин. юстиции. Стр. 304, 323, 338, 355, 357.
- Набоков, Дмитрий Николаевич (1826—1904), министр юстиции 1878—1885. Стр. 74, 75, 76, 87, 88, 92.
- Надлер, Василий Нарлович (1841—1894), ординарный проф. всеобщей истории Харьковского у-та. Стр. 53.
- Наумович, Иван Григорьевич (1826—1891), протоиерей, депутат австрийской нижней палаты, старо-русский общественный деятель, писатель. Стр. 9, 11.
- Нарышкин, 3м. Стр. 327.
- Наташа, воспитанница в. кн. Александры Петровны. Стр. 183.
- Нелидов, А. И. Стр. 325.
- Неофит, архимандрит, настоятель греческой церкви в Петербурге. Стр. 180.
- Неклюдов. Стр. 316, 317.
- Нестор, священник. Стр. 345.
- Никандр, епископ тульский. Стр. 265.
- Никандр, херсонский епископ. Стр. 54.
- Никитин, московский архитектор. Стр. 222.
- Никифорики, Николай Егорович, полковник, начальник управления Черноморского округа. Стр. 117.

- Николаевский, Александр**, протоиерей посольской церкви в Вене. Стр. 291.
- Николаи, Александр Павлович** (1821—1899), министр народного просвещения 1881—1882; председатель [деп. законов Госуд. Совета 1884—1894. Стр. 166, 204, 333.
- Николай Александрович**, в. кн., ст. сын Александра II. Стр. 330, 331, 349.
- Николай Константинович**, в. кн. Стр. 331.
- Николай Максимилианович**, герцог Лейхтенбергский. Стр. 304.
- Николай Николаевич**, вел. кн., командир 2 гвардейского кавалер. дивизиона. Стр. 260, 261, 298.
- Николай**, юродивый. Стр. 240.
- Николай I.** Стр. 4, 101, 232, 330.
- Николай II.** Стр. 291, 340, 341, 349, 353, 355, 358, 359, 360, 361, 262.
- Николай**, черногорский князь. Стр. 72.
- Николай**, епископ, основатель русской церкви в Токио. Стр. 292.
- Николай**, рус. священник в Америке. Стр. 272.
- Никон**, иеромонах Троице-Сергиевской лавры. Стр. 89.
- Оболенская, А. А.** (Сандра), кн. Стр. 353, 354.
- Оболенский, Валериан.** Стр. 354.
- Оболенский, Георгий Васильевич**, князь, ген.-м., смоленский губернский предводитель дворянства. Стр. 57, 153.
- Обручев, Николай Николаевич** (1830—1904), ген.-адм., ген.-лейт. начальник главного штаба. Стр. 146.
- Огинский, Марк**, основатель Марковского монастыря. Стр. 156.
- Озеров, А. П.** Стр. 327.
- Оленин.** Стр. 209, 211.
- Орбелиани**, князь, помещик. Стр. 117.
- Оржевский, Петр Васильевич**, ген.-лейт., сенатор, 1882—1887 тов. министра внутренних дел и команд. корпусом жандармов. Стр. 199.
- Островский, Дмитрий Николаевич**, русский консул в Норвегии. Стр. 121.
- Островский, Михаил Николаевич** (1827—1901), брат драматурга, 1881—1893 министр государственных имуществ, 1893 — 1899, председатель деп. законов Государственного Совета. Стр. 76, 77, 97, 98, 104, 106, 118, 170, 203, 204, 207, 266, 327.
- Павел Александрович** (1860—1918), великий князь, младший сын Александра II. Стр. 54, 356, 359, 260, 361, 362.
- Павел I.** Стр. 110.
- Павел**, архиепископ казанский. Стр. 265.
- Павел Прусский**, миссионер. Стр. 157.
- Павел**, экзарх Грузии. Стр. 176.
- Павловский, Леонид**, протоиерей. Стр. 272, 274, 275.
- Пазухин, Алексей Дмитриевич** (1845—1881), с 1878 по 1885 алатырский уездный предводитель дворянства (им разработано положение о земских начальниках). Стр. 104, 106.
- Паисий**, монах с Афона. Стр. 187.
- Палевин**, иезуит. Стр. 67.

- Пален, Константин Иванович** (1833—1912), граф, статс-секретарь, член Государственного Совета, в 1867—1878 министр юстиции. Стр. 127, 128, 166.
- Палладий** (1827—1898), архиепископ казанский; экзарх Грузии; митрополит петербургский. Стр. 110, 195, 265.
- Пальмов, Иван Саввич** (р. 1856), славист, кандидат духовной академии; впоследствии проф. петербургской духовной академии. Стр. 65.
- Пашков, сектант**. Стр. 53, 54, 158, 159, 160, 163.
- Перовская, Вера**. Стр. 273.
- Перовская, Ольга Борисовна** (1853—1898), графиня, фрейлина. Стр. 211.
- Петр I**. Стр. 232.
- Пилипенко**. Стр. 228.
- Писарев, Леонид Иванович**, отставной ротмистр, динабургский уездный предводитель дворянства. Стр. 155.
- Пистолькорс, Ольга**. Стр. 358, 359, 361, 362, 363.
- Пистолькорс**. Стр. 358, 359, 361, 363, 364.
- Платон** (1803—1891), митрополит киевский и галицкий. Стр. 57, 58, 180, 181.
- Платон** (1737—1812), митрополит московский. Стр. 249.
- Плеве, Вячеслав Константинович** (1846—1904), директор департамента полиции с 1881 по 1884; товарищ министра внутренних дел 1884—1894; министр внутренних дел 1902—1904. Стр. 267.
- Плятер**. Стр. 67.
- Победоносцев, Константин Петрович** (1827—1907), обер-прокурор синода 1880—1905. Стр. 114.
- Поликарп, епископ екатеринбургский**. Стр. 250.
- Половцев, Александр Александрович** (1832—1909), государственный секретарь. Стр. 110, 356.
- Поляков, Самуил Соломонович** (1837—1888), железнодорожный строитель, меценат. Стр. 123, 126.
- Попов, Андрей Андреевич** (1824—1898), г.-ад., адмирал, член адмиралтейск. совета. Стр. 55.
- Попов, ассистент проф. Захарьина**. Стр. 351, 352, 353.
- Пороховицков, издатель газеты „Русская Жизнь“**. Стр. 305, 306.
- Посьет, Константин Николаевич** (1819—1899), ген.-ад., адмирал, министр путей сообщения 1874—1888. Стр. 16, 146, 215.
- Потоцкие, графы, помещики**. Стр. 198.
- Прахов, Адриан Викторович** (1846), археолог, историк искусства. Стр. 186.
- Прокофьев, Василий Алексеевич**, сотрудник газеты «Новое Время». Стр. 149.
- Протич, Милослав** (1831—1892), б. сербский посланник в Петербурге и сербский военный министр. Стр. 179, 181.
- Раден, Эдита Федоровна** (1823—9 окт. 1885), баронесса, фрейлина в. кн. Елены Павловны и императриц Марии Федоровны и Марии Александровны. Стр. 58, 59, 84, 85, 86, 229.

Разновано. Стр. 179.

Рачинский, Сергей Александрович (1836—1891), 1861—1867 проф. ботаники Московского университета; деятель по народному образованию. Стр. 5, 6, 38,,39, 41, 225.

Рейнкенс, Жозеф Губерт (Reinkens Joseph Hubert) (1821—1896), старо-католический теолог и епископ.

Рейтерн, Михаил Христофорович (1820—1890), граф, статс-секретарь, 1862—1878 министр финансов, 1881—1886 председатель комитета министров. Стр. 44, 118, 126, 127.

Ристич, Иован (1831—1901), сербский государственный деятель. Стр. 72.

Рихтер, О. Б. Стр. 78, 160, 166, 187.

Родзевич, кн. Стр. 347.

Родневич, дьякон замковой церкви в Варшаве. Стр. 262.

Рождественский, Иван Васильевич, протоиерей Зимнего дворца, член синода. Стр. 272, 273, 274, 275.

Романовский, Сергей Осипович, секретарь IV отделения канцелярии синода.

Ротшильд, банкир. Стр. 146.

Рубинштейн, Антон Григорьевич (1829—1894), известный композитор и пианист, директор Петербургской консерватории. Стр. 235, 236.

Руднев, Иван Григорьевич, вице-адмирал, старший флагман Черноморского флота. Стр. 56.

Сабинин, Михаил Павлович, историк грузинской церкви. Стр. 175, 176, 177.

Сабинина. Стр. 340.

Саблер, Владимир Карлович, камергер, директор канцелярии синода. Стр. 72, 134, 157, 181, 187, 250, 251, 260, 267, 269, 278, 279, 181, 282, 316.

Сабуров, Петр Александрович (р. 1835), посланник в Афинах 1870—1879; посол в Берлине 1879—1884. Стр. 151, 152.

Самарин, Юрий Федорович (1819—1876), славянофил, писатель и общественный деятель. Стр. 86, 229, 319.

Сандра, см. Оболенская, А. А.

Сведомский, Павел Александрович (р. 1849), художник. Стр. 186.

Семирадский, Генрих Ипполитович (1843—1902), художник. Стр. 186.

Серафим, архимандрит. Стр. 364.

Серафим, епископ самарский. Стр. 110, 302.

Сергей Александрович (1857—1905), вел. князь, четвертый сын Александра II, командир Преображенского полка, 1891—1905 московский генерал-губернатор и командующий войсками московского военного округа. Стр. 54, 188, 273, 274, 275, 277, 278, 331, 339.

Сергий, епископ херсонский. Стр. 272, 278, 279.

Серов, Александр Николаевич (1820—1871), композитор и музыкальный критик. Стр. 131.

Силуан, раскольничий епископ. Стр. 288.

Сипягин. Стр. 258.

- Смекалов, Алексей Михайлович**, генерал-лейтенант, начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска. Стр. 200.
- Смирнов, Николай Павлович** (1824—1905), тов. обер-прокурора синода. Стр. 96, 87, 98, 99.
- Смирнов, Петр**, протоиерей, настоятель Исаакиевского собора в Петербурге. Стр. 269.
- Соловьев, Владимир Сергеевич** (1853—1900), известный философ-мистик. Стр. 253.
- Сольский, Дмитрий Мартынович** (1833—1910), государственный контролер 1878—1889; 1889—член Госуд. Совета и председатель департамента законов; 1893 председатель деп. госуд. экономии; 1905—1906 председатель Госуд. Совета. Стр. 98, 118.
- Сосновский**. Стр. 147.
- Сосновский, Василий Осипович**, харьковский вице-губернатор, смоленский губернатор. Стр. 152, 153.
- Спасович, Владимир Данилович** (1829—1906), проф. Петербургского университета по кафедре уголовного права, присяжн. поверенный, писатель. Стр. 216.
- Степанов, Михаил Петрович**, ген.-м., состоял при московск. ген.-губ. в. кн. Сергее Александровиче. Стр. 280.
- Стефанович, серб**, гвард. офицер рус. службы. Стр. 92, 93.
- Стефан Баторий**. Стр. 240.
- Стрекалова**. Стр. 348.
- Строганов**. Стр. 330, 347.
- Субботин, Николай Иванович**, проф. московск. духовной академии. Стр. 80.
- Суворов, Александр Аркадьевич**, граф Рымникский, кн. Итальянский (1804—1882), ген.-ад., ген.-инф., 1848—1861 лифляндский, эстляндский и курляндский генерал.-губ.; 1861—1866 петербургский генерал-губернатор; 1866 ген.-инсп. пехоты. Стр. 68, 280.
- Суслов, Владимир Васильевич** (1859), архитектор, археолог, академик. Стр. 241.
- Тараканова, княжна** (ум. 1775), самозванка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны от брака с А. Г. Разумовским. Стр. 100.
- Таубе, барон**. Стр. 216.
- Тизик, эстонец**, православный священник. Стр. 94.
- Тимофеев, Василий**, священник, учредитель крещено-татарской школы в Казани. Стр. 79.
- Тихомиров, Лев**, бывший народоволец. Редактор «Московских Ведомостей». Стр. 305, 313.
- Тихон**, епископ енисейский и красноярский. Стр. 299.
- Толстая, Софья Андреевна**, графиня, жена Л. Н. Толстого. Стр. 251.
- Толстая, И. А.**, графиня. Стр. 268.
- Толстой, Алексей Константинович** (1817—1875), граф, известный поэт и драматург. Стр. 213.

- Толстой, Дмитрий Андреевич (1823—1889), граф, 1863—1880 обер-прокурор синода, 1866—1880 министр народного просвещения, 1882—1889 министр внутренних дел. Стр. 7, 69, 74, 97, 104, 105, 106, 143, 150, 153, 160, 161, 163, 164, 166, 169, 170, 199, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 218, 239, 300, 333.
- Толстой, Лев Николаевич (1828—1910), писатель. Стр. 53, 130, 131, 132, 133, 134, 251, 252, 253, 254.
- Толстой, священник. Стр. 307.
- Томищ, Петр Иванович, ген.-майор, военный губернатор Карской области. Стр. 117.
- Троицкий, Иван Егорович, проф. новой духовной истории петербургской духовной академии. Стр. 64, 269.
- Треповы, помещики. Стр. 198.
- * Тютчева, Анна Федоровна (1823—1886), дочь поэта, фрейлина имп. Марии Александровны, жена И. С. Аксакова. Стр. 176.
- * Тютчева, Екатерина Федоровна (1835—1882), дочь поэта, фрейлина имп. Марии Александровны. Стр. 276.
- Тютчев, Федор Иванович (1803—1873), известный поэт; дипломат; 1857—1873 председатель петербургского комитета иностр. цензуры. Стр. 87.
- Тышкевич, граф. Стр. 26.
- Уайт, Андро Диксон (White Andrew Dickson) (р. 1832), американский историк и дипломат, 1892—1894 посланник Сев.-Ам. Шт. в Петербурге. Стр. 270.
- Уваров, Алексей Сергеевич (1828—1884), археолог, основатель и председатель Московского археологического общества. Стр. 37.
- Уоллес Мекензи, англичанин, автор кн. „Russia“. Стр. 293.
- Урусов, кн. Стр. 65.
- Ухтомский, кн., ориенталист. Стр. 297, 311, 312, 314.
- Феоност, архиепископ владимирский. Стр. 82, 255.
- Феоктистов, Евгений Михайлович (1828—1898), начальник главного управления по делам печати. Стр. 143, 150.
- Феррари-де, Мария Сергеевна, герцогиня, урожденная Анненкова. Стр. 100, 101.
- * Филиппов, Тертый Иванович (1825—1899), товарищ госуд. контролера 1878—1889, государственный контролер 1889—1899. Стр. 190.
- Фишер. Стр. 48.
- Фрауэндорф, генерал-губернатор В. Сибири. Стр. 298.
- Фредерикс, М. П., барон. Стр. 340, 356, 357.
- Фридрих Иоганн (Fridrich Johannes) (1836) старокатолический теолог, проф. Мюнхенского университета.
- Жилков, князь, толстовец, гвард. офицер. Стр. 252, 253.
- Хитрово, В. И., пом. председателя правления Палестинского общества. Стр. 188.
- Хмельницкий, Богдан (1593—1657), запорожский гетман. Стр. 178, 179.
- * Хомяков, А. С., славянофил. Стр. 319.

- Хомяков, Николай Алексеевич**, смоленский губернский предводитель дворянства. Стр. 153.
- Хорватович**, сербский обществ. деятель. Стр. 92, 93.
- Хрущев, Иван Петрович**, чиновник особых поручений при министре народного просвещения, камергер. Стр. 120.
- Цион, Илья Феддеевич**, профессор физиологии медико-хирургической академии 1872—1875, потом агент русского министерства финансов в Париже. Стр. 150, 161, 162.
- Чагин, И. М.**, академик, строитель церкви у Байдарских ворот в Крыму. Стр. 247.
- Чанилаш, Антон**. Стр. 159.
- Чевалков**, алтаец. Стр. 109.
- Чевкин, Константин Владимирович** (1802—1875), ген.-адм., ген.-инф., сенатор, председатель департамента экономии Госуд. Совета. Стр. 118.
- Черевин, Петр Александрович**, ген.-адм., ген.-лейт. 1880—1883 тов. мин. внутренних дел. Стр. 216, 350, 351, 353.
- Чертков, Михаил Иванович** (1829—1905), ген. от кав., ген.-ад., член. Госуд. Совета; киевский генерал-губернатор и командующий войсками киевского военного округа; варшавский ген.-губернатор и командующий войсками варшавского военного округа. Стр. 146.
- Чистович, Илларион Алексеевич** (1828—1893), вице-директор канцелярии обер.-прокурора синода. Стр. 116.
- Чихачев, Николай Матвеевич**, вице-адмирал, 1888—1896 упр. морским министерством. Стр. 17, 56.
- Чудецкий, Павел Иванович** (1844—1886), протоиерей, ректор Тифлисской духовной семинарии. Стр. 114.
- Шамиль** (1798—1871), кавказский имам. Стр. 112.
- Шаховская, Е. Д.**, княгиня, кн. С. В. Шаховского, председательница отд. православного балтийского братства. Стр. 259.
- Шаховский, Сергей Владимирович** (ум. 1894), князь, эстляндский губернатор. Стр. 257, 258, 259.
- Шварц**, попечитель варшавского учебного округа. Стр. 338.
- Chevalier du Lys**. Стр. 101.
- Швецов**, старообрядческий начетчик. Стр. 103.
- Шевцов, Николай Михайлович** (1832—1892), военный инженер, благотворитель. Стр. 223.
- Шевырев** (псевд. Кузьминский, Иван Павлович). Стр. 140, 147.
- Шейх-Уль-Ислам**, муфтий.
- Шереметьев, С. А.**, граф. Стр. 339.
- Шершевский, Михаил Маркович** (1847—1910), доктор-медицины, лейб-медик. Стр. 260.
- Шестаков, Иван Алексеевич** (1820—1888), ген.-адм., вице-адмирал, управл. морским министерством 1882—1888. Стр. 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 25.
- Шипов**, атаман уральского казач. войска. Стр. 301.

- Шопен, Фридрих, Франц** (Chopin) (1809—1849), известный композитор и пианист. Стр. 236.
- Штиглиц, банкир.** Стр. 123.
- Штрамайер, католич. епископ.** Стр. 70.
- Шувалов, гр.** Стр. 65, 331.
- Шульц, ревельский супер-интендант.** Стр. 52.
- Щеколдин, священник.** Стр. 121.
- Эдуард, см. кентерберийский епископ.**
- Энгельгард, Александр Андреевич**, член петербургской сухопутной таможни, тесть К. П. Победоносцева. Стр. 28, 31, 37.
- Юзефович.** Стр. 83. .
- Юрковский, Евгений Корнилович**, ген.-м., начальник Терской области. Стр. 117.
- Юрьевская, Екатерина Михайловна**, урожденная княжна Долгорукова, вторая жена Александра II. Стр. 351.
- Юстиниан** (483—565), византийский император. Стр. 192.
- Яковлев, учредитель чувашской школы в Симбирской губ.** Стр. 79.
- Яновский, Кирилл Петрович** (1828—1902), попечитель кавказского учебного округа 1878—1899. Стр. 116, 211.
- Янушкевич, священник.** Стр. 26.
- Янышев, Иоанн Леонтьевич** (1826—1910), протопресвитер, царский духовник. Стр. 269, 307.
-

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЕМ

ПИСЬМА К АЛЕКСАНДРУ III

1883 г.

- | | |
|-----------------|------------------|
| 1. 14 января. | 36. 15 февраля. |
| 2. 1 февраля. | 37. 3 апреля. |
| 3. 9 февраля. | 38. 4 апреля. |
| 4. 21 февраля. | 39. 15 апреля. |
| 5. 11 марта. | 40. 15 мая. |
| 6. 16 марта. | 41. 4 июня. |
| 7. 17 марта. | 42. 17 июня. |
| 8. 19 марта. | 43. 19 июня. |
| 9. 19 марта. | 43а. 6 августа. |
| 10. 28 марта. | 44. 26 сентября. |
| 11. 28 марта. | 45. 9 октября. |
| 12. 19 апреля. | 46. 3 ноября. |
| 13. 29 апреля. | 47. 6 ноября. |
| 14. 10 мая. | 48. 6 ноября. |
| 15. 10 мая. | 49. 16 ноября. |
| 16. 15 мая. | 50. 12 декабря. |
| 17. 23 мая. | |
| 18. 25 мая. | |
| 19. 27 мая. | |
| 20. 27 мая. | |
| 21. 30 июля. | |
| 22. 22 августа. | |
| 23. 4 октября. | |
| 24. 31 декабря. | |

1884 г.

- | | |
|------------------|-----------------|
| 25. 26 февраля. | 51. 2 января. |
| 26. 27 февраля. | 52. 23 января. |
| 27. 3 марта. | 53. 26 января. |
| 28. 24 июня. | 54. 16 марта. |
| 29. 26 июня. | 55. 1 апреля. |
| 30. 13 сентября. | 56. 18 апреля. |
| 31. 30 октября. | 57. 18 апреля. |
| 32. 27 ноября. | 58. 25 апреля. |
| 33. 22 декабря. | 59. 6 июня. |
| | 60. 8 июня. |
| | 61. 20 июня. |
| | 62. 17 июля. |
| | 63. 2 ноября. |
| | 64. 27 ноября. |
| | 65. 27 ноября. |
| | 66. 3 декабря. |
| | 67. 11 декабря. |
| | 68. 16 декабря. |

1885 г.

34. 30 января.
35. 7 февраля.

1887 г.

69. 19 января.
70. 21 января.
71. 18 февраля.

72. 21 февраля.

73. 22 февраля.
74. 28 февраля.
75. 4 марта.
76. 6 марта.
77. 11 марта.
78. 25 марта.
79. 25 марта.
80. 28 апреля.
81. 12 мая.
82. 18 мая.
83. 19 мая (с прилож.
письма Сабурова).
84. 23 июня.
85. 30 июля.
86. 31 июля.
87. 25 сентября.
88. 13 октября.
89. 21 декабря.

1888 г.

90. 6 января.
91. 11 февраля.
92. 25 февраля.
93. 19 апреля.
94. 15—16 июля.
95. 16 июля.
96. 4 августа.
97. 31 августа.
98. 31 августа.
99. 23 сентября.
100. без даты.
101. 20 октября.
102. 29 декабря.
103. без даты.

1889 г.

104. 5 января.
105. 11 января.
106. 15 апреля.